

Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social Educational Ideas

ТОМ 8 № 1 Часть 2

2016

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г. присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ
НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-37035
от 4.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор

В.А. Штурба
д. и. н., профессор

Ответственный научный редактор

Е.В. Штурба
д. и. н., профессор

Научный редактор

Т.А. Халилов

Заведующий редакцией

Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии

А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов

Т.А. Халилов

Корректор

А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: 8 861 237-62-19

E-mail: akademus07@rambler.ru

Учредители:

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт

Historical and Social Educational Ideas

TOM 8 № 1 Part 2

2016

Web version address: <http://www.hist-edu.ru>
<http://www.akademus07.ru>

The Academic Journal «Historical and Social-educational idea's» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Federation' Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.

The journal «*Historical and Social-Educational Ideas*» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI (*Digital Object Identifier*) are assigned to the articles of the journal *Historical and Social-Educational Ideas*, starting from its issue N 6, 2014.

Editorial Board member of the ASSOCIATION OF SCIENCE
EDITORS AND PUBLISHERS (ASEP)

Certificate of Incorporation:

ПИ No ФС77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Hard Copies)

ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:

V.A. Shturba,
Doctor in History, Professor.

Executive Scientific Editor

E.V. Shturba,
Doctor in History, Professor.

Research Supervisor:

T. Khalilov

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web layout Designer:

A. Litvinov

***Editor for the
English Wording:***

T. Khalilov

Proofreader:

A.F.Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Federation Academic Citation Index operated by the Russian Research E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the Publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS:

32 Zavodskaya Str., Apt.301, Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Journal «Historical and Social educational idea's»
Editorial Office
Phone/fax: 8 861 237-62-19
E-mail: akademus07@rambler.ru

Incorporators:

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies

Р е д а к ц и о н н ы й С о в е т

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член академии социальных наук России, заведующий кафедрой социологии, политологии и права (ИППК ЮФУ) Ростов на Дону. Россия

Абрамов Валерий Петрович, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Российской академии естественных наук, член правления президиума РОПРЯЛ, декан филологического факультета заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета (КубГУ) Краснодар.Россия

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Ректор, Московский Институт Современного Академического Образования (МИСАО) Москва. Россия

Бирюков Павел Николаевич, доктор юридических наук профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Воронежского государственного университета Воронеж. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философских наук, доктор математики - биологических наук, профессор кафедры «Компьютерные науки и Математика». Ариэльский Университет Тель - Авив. Израиль.

Вашенко Александр Николаевич, доктор экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления Волгоградского института бизнеса, главной редактор журнала «Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса» Волгоград. Россия

Гардабхадзе Ирина Анатольевна, доцент, профессор кафедры дизайна одежды Киевского Национального Университета Культуры и Искусств (КНУКИМ) Киев. Украина

Гомулка Кристина, профессор, доктор наук, факультет Менеджмента и экономики Гданьского политехнического университета, Гданьск, Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий Кубанского государственного университета (КубГУ) Краснодар. Россия

Догнал Йосеф, кандидат философских наук, доцент Кафедра русистики Философского факультета Университета им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава (Словацкая Республика), Институт славистики Философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чешская Республика) Брно. Чешская Республика

E d i t o r i a l C o u n c i l

Editorial Board Chairman

Volkov Yuriy G., Honored Scientist of Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Head of Department of Sociology, Political Sciences and Law Rostov-on-Don. Russia

Abramov Valeriy P., Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philological Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Member of the Board of Presidium of Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, Dean of Philological Faculty, Head of Department of Russian as foreign Language, Kuban State University Krasnodar. Russia

Astanina Larisa V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of Moscow Institute of Modern Academic Education Moscow. Russia

Biryukov Pavel N., Doctor of Law, Professor, Head of Department of International and European Law, Voronezh state University Voronezh. Russia

Bugay Nikolay F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, full state counselor of the Russian Federation - Class III Moscow. Russia

Bunimovich-Mendrazitsky Svetlana Yu., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Mathematical and Biological Sciences, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University, Ariel University, Tel-Aviv. Israel

Vashchenko Aleksandr N., Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Economic Sciences and Management, Volgograd Institute of Business, Editor-in-Chief of Scientific Journal «Business. Education. Right. Bulletin of Volgograd Institute of Business» Volgograd. Russia

Gardabkhadze Iryna A., Associate Professor, Professor, Fashion Design Department, Kiev National University of Culture and Arts Kiev. Ukraine

Krystyna Gomolka, Professor, Doctor of Science, Department of Economic Sciences and Management, Gdansk Polytechnic University Gdansk, Poland

Grushevsky Sergey P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean of Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University Krasnodar. Russia

Dohnal Josef, Candidate of Philosophical Sciences, associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University in Trnava (Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University, Brno (Czech Republic) Brno. Slovak Republic

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России Москва. Россия

Пусько Виталий Станиславович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана Москва. Россия

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член Академии социальных наук, член-корреспондент Международной Академии высшей школы, заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета (КубГУ) Краснодар. Россия

Spulber Diana, кандидат Методология исследований в психологии, научный советник, кафедра ЮНЕСКО Университета Генуи, преподаватель Link Campus University Рима и Университет Генуи, Генуя, Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, профессор Восточного университета им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ (МФГС) от Кыргызской Республики. Бишкек. Кыргызстан

Alessandro Figus- профессор международных отношений и европейского права, является председателем отделения Эразмус Link Campus University. С 2005 года - приглашенный профессор в Университете Париж 1 Пантеон-Сорбонна. Внештатный журналист. Автор 16 монографий и более 100 научных статей. Генуя, Италия

Цыганков Андрей Павлович, доктор философии, профессор, профессор международных отношений и политических наук университета Сан-Франциско (США) Сан-Франциско (США)

Чепель Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного педагогического университета, действительный член Академии прогнозирования (Российское отделение Международной академии исследования будущего) Новосибирск. Россия

Ярычев Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории социальной работы, "Чеченский государственный университет". г. Грозный, Чеченская Республика, Россия

Nevskiy Sergei A., Doctor of Law, Professor, National Research Institute of Russian Ministry of Interior Affairs, Chief Researcher Moscow. Russia

Pusko Vitaly S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Political Sciences, Bauman Moscow State Technical University Moscow. Russia

Ratushnyak Valery N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist Worker of Kuban, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of Academy of Social Sciences, Corresponding Member of International Academy of Higher School, Head of Department of Pre-Revolutionary Russian History, Kuban State University Krasnodar. Russia

Spulber Diana PhD in Methodology of Research in Psychology, Scientific Advisor at Unesco Chair University of Genoa, lecturer at Link Campus University Rome and University of Genoa, Genoa, Italy

Toktosunova Adash I., Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant of Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic Bishkek. Kyrgyzstan

Alessandro Figus-Professor of International Relations and European union law, he is Chairman of the Link Campus University Erasmus Department; Since 2005 is Visiting Professor at Paris I Sorbonne-Pantheon University; journalist freelance. He is author of 16 monographs and he is author of more than 100 scientific articles. Genova, Italy

Tsygankov Andrei P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Departments of Political Science and International Relations. San Francisco State University (ISA) San Francisco (USA)

Chepel Tatyana L., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Member of Academy of Forecasting (Russian branch of International Academy of Futurology Research) Novosibirsk. Russia

Yarychev Nasrudi Uvaysovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head. Department of Theory and History of Social Work, "Chechen State University." Grozny, Chechen Republic, Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович - доктор исторических наук, профессор, почетный профессор Кубанского государственного университета, Член-корреспондент Российской академии естественных наук, Член Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы Краснодар. Россия

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета (КубГУ) Краснодар. Россия

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан факультета педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанского государственного университета (КубГУ) Краснодар.Россия

Зотов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрог. Россия

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор. заведующий кафедрой истории России, Кубанского государственного университета (КубГУ). Краснодар. Россия

Микерова Галина Жоршовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедры педагогики и методики начального образования Кубанского государственного университета, Заслуженный учитель РФ, член-корреспондент Российской Академии Естествознания Краснодар. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России Краснодар. Россия

Турицын Игорь Викторович, доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского педагогического университета им. В.И. Ленина, президент НИИ истории, экономики и права. Главный редактор научного журнала «Современная научная мысль» Москва, Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, (КубГУ) Краснодар, Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры педагогики и психологии Кубанского государственного университета Краснодар. Россия

Editorial Board

Editor-in-chief

Sturba Viktor A. - Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Professor, Kuban State University, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Association of Science Editors and Publishers Member, Excellence in Public Education of RSFSR, Excellence in Graduate School Education Krasnodar. Russia

Bederkhanova Vera P., Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, Head of Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University Krasnodar. Russia

Grebennikova Veronika M., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Dean, Kuban State University Krasnodar. Russia

Zotov Sergei N., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Literature, Chekhov Taganrog Institute (Rostov State University of Economics branch) Taganrog. Russia

Kasyanov Valeriy V. Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History, Kuban State University Krasnodar. Russia

Mikeroval Galina Zh., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Primary School, Kuban State University, Honored Teacher of the Russian Federation, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences Krasnodar. Russia

Popov Mikhail Yu., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs Krasnodar. Russia

Turitsyn, Igor V., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Economic Sciences, Professor, Department of Russian History, Moscow Pedagogical University, President of History, Economics and Law Research Institute (HELRI). Chief editor of Scientific Journal «Contemporary Scientific Idea» Moscow, Russia

Faktorovich Alexander L., Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University Krasnodar, Russia

Sturba Evgeny V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University Krasnodar, Russia

СОДЕРЖАНИЕ	CONTENTS
Международная конференция	International conference
ВАРТАНЬЯН Э.Г. г. Краснодар, Россия КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ПОЗИЦИЙ АНГЛИИ И ГЕРМАНИИ	VARTANYAN E.G. Krasnodar, Russia KURDISH PROBLEM IN THE PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR AND IN THE EARLY POST- WAR YEARS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN NATIONAL SECURITY AND POSITIONS OF ENGLAND AND GERMANY
13	
КОНДРАТЕНКО З.К. г. Йошкар-Ола, Россия УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА И УЧАСТИЕ В НЁМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	KONDRATENKO Z.K. Yoshkar-Ola City, Russia CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING TERRORIST COMMUNITY AND PARTICIPATION IN IT AS A DIRECTION NATIONAL SECURITY
21	
УЗЛОВ Ю.А. г. Краснодар, Россия ГЕОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО МИРА	UZLOV Yu.A. Krasnodar, Russia GEOCULTURAL TRANSFORMATION OF SLAVIC WORLD
28	
Исторические науки	Historical Sciences
АЛЕКСЕЕНКО О.И. г. Краснодар, Россия ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОУБОРОЧНЫХ КОМБАЙНОВ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1966-1975 гг.	ALEKSEENKO O.I. Krasnodar, Russia ACTIVITY OF AUTHORITIES ON DEVELOPMENT OF MANUFACTURE OF COMBINE HARVESTERS IN ROSTOV AREA IN 1966-1975
37	
АНТОШКИН А.В. г. Стерлитамак, Россия ТОРГОВЛЯ БАШКИРИИ В ПЕРВОМ ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА	ANTOSHKIN A.V. Sterlitamak, Russia TRADE IN BASHKIRIA IN THE FIRST FIVE-YEAR PLAN FOR THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY
45	
БУГАЙ Н. Ф., г. Москва, Россия КИТАЙЦЫ В СССР И РОССИИ: ПОЛИТИКА ДВУХ СТАНДАРТОВ (1920–1940-Е ГОДЫ)	BUGAY N. F., Moscow, Russia CHINESE IN SOVIET UNION AND RUSSIA: THE POLICY OF TWO STANDARDS (1920–1940)
52	
ДИТКОВСКАЯ С.А. г. Луганск НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ РАБОТЫ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ (1959-1991 гг.)	DITKOVSKA S.A. Lugansk DIRECTIONS AND FORMS OF WORK OF THE UKRAINIAN SOCIETY OF FRIENDSHIP WITH FOREIGN STUDENTS (1959-1991)
67	
ИДРИСОВ Ю.М. г. Махачкала, Россия СОСЛОВИЕ КАРАЧИ-БЕКОВ НА СЕВЕРО- ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ	IDRISOV Yu.M. Makhachkala, Russia KARACHI-BEK SOCIAL ESTATE IN NORTH- EASTERN CAUCASUS: ORIGIN AND FUNCTIONS
75	
ПАНАРИН А.А. г. Армавир, Россия ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРСИРОВАНИЯ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1920-х гг.	PANARIN A.A. Armavir, Russia THE PROCESS AND THE RESULTS OF FORCING THE COLLECTIVE-FARM CONSTRUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE LATE 1920S.
79	
ПАНАРИНА Е.В. г. Армавир, Россия ХАРАКТЕР И ФОРМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	PANARINA E.V. Armavir, Russia CHARACTER AND FORMS OF INDUSTRIAL GOODS DISTRIBUTION ON DON AND THE NORTH CAUCASUS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR DAYS
83	
ПЕТРОВИЧ В.Г. г. Саратов, Россия СТАРИК И БУЛЬДОЗЕР, ИЛИ ДВА ВЕЛИКИХ НИСПРОВЕРГАТЕЛЯ РОССИИ XX ВЕКА В ЖИЗНИ И В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	PETROVICH V.G. Saratov, Russia OLD MAN AND BULLDOZER, OR TWO GREAT SUBVERTER OF THE XX CENTURY IN RUSSIA IN LIFE AND IN ACADEMIC LITERATURE
86	

РАТУШНЯК И.О. г. Краснодар, Россия ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЛКАНАХ: ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ И РОССИИ (КОНЕЦ XX в. – НАЧАЛО XXI в.)	93	RATUSHNYAK I.O. Krasnodar, Russia SECURITY PROBLEM IN THE BALKANS: VIEW FROM ITALY AND RUSSIA (LATE XX – EARLY XXI)
САЛФЕТНИКОВ Д.А. г. Краснодар, Россия ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ 1930-х гг.	102	SALFETNIKOV D.A. Krasnodar, Russia PROBLEMS AND OBJECTIVES OF MANUFACTURING PROCESS MANAGEMENT IN INDUSTRIAL SECTOR OF KUBAN AND STAVROPOL TERRITORIES AND THEIR REALIZATION IN THE END OF 1930 s.
САМОХИН А.А., КАНАШИНА Е.А. г. Краснодар, Россия НЕОНАЦИЗМ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ	108	SAMOKHIN A.A., KANASHINA E.A. Krasnodar, Russia NEO-NAZISM IN GERMANY: HISTORY OF RENEWAL
СВЕРЖЕВСКАЯ М.И. г. Новосибирск, Россия СОВЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ АН СССР: ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ВОСТОКЕ СТРАНЫ В 1931-1940 ГОДАХ	113	SVERZHEVSKAYA M.I. Novosibirsk, Russia COUNCIL FOR STUDY OF PRODUCTIVE FORCES OF ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR: EXPEDITIONARY ACTIVITIES FOR STUDY OF EASTERN TERRITORIES IN 1931-1940
СИМОНЯН А.Р. г. Краснодар, Россия ВЛИЯНИЕ АРМИИ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЦИИ (1920-Е – НАЧАЛО XXI в.)	117	SIMONYAN A.R., Krasnodar, Russia INFLUENCE OF THE ARMY ON POLITICAL PROCESSES IN TURKEY (1920 - BEGINNING OF XXI CENTURY)
ХОТКО С.Х. г. Майкоп, Россия ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ: НА ПРИМЕРЕ ПОРТОЛАНА ПЬЕТРО ВЕСКОНТЕ 1318 ГОДА	121	KHOTKO S.Kh. Maikop, Russia ETHNONYMIC AND TOPONIMIC NAMES OF THE NORTH-WEST CAUCASUS IN HISTORICAL SOURCES: ON EXAMPLE OF PORTOLAN (NAUTICAL MAP) OF PIETRO VESKONTE, 1318
Философские, психологические и социологически-политологические науки		Philosophical, Psychological, Sociological and Political Sciences
ГРИШИН С.Н. г. Липецк, Россия МУЖЕСТВО – ДЕЛО ДУХОВНОЕ (ГЕРМЕНЕВТИКА ХРИСТИАНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ)	131	GRISHIN S.N. Lipetsk, Russia COURAGE – A SPIRITUAL MATTER (CHRISTIAN VIRTUE HERMENEUTICS)
ГУКАСОВА М.М. г. Краснодар, Россия ПЕРСОНА КАК МЕДИЙНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА	135	GUKASOVA M.M. Krasnodar, Russia PERSON AS A MEDIA PHENOMENON OF SOCIO- CULTURAL PROCESSES
ДУХИНА Т.Н. г. Ставрополь, Россия ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	140	DUKHINA T.N. Stavropol, Russia SELECTING LEADERSHIP STYLES PROBLEM IN MANAGEMENT CULTURE: THEORETICAL ANALYSIS
КАСЬЯНОВ В.В., ШАПОВАЛОВ С.Н. г. Краснодар, Россия ИНТЕГРАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ И БЕЖЕНЦЕВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ	145	KASYANOV V.V., SHAPOVALOV S.N. Krasnodar, Russia INTEGRATION OF MIGRANTS AND REFUGEES IN HOST SOCIETY: EUROPEAN AND RUSSIAN APPROACHES TO THE PROBLEM
ПОКАТОВ Д.В. г. Саратов, Россия СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В САРАТОВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	149	POKATOV D.V. Saratov, Russia SOCIOLOGICAL SCIENCE AND EDUCATION IN SARATOV: HISTORY AND CONTEMPORANEITY
СИГИДА Д.А., ДАНИЛЕНКО Т.В. г. Краснодар, Россия ХАРАКТЕРИСТИКА ИСКУССТВА В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ	158	SIGIDA D.A., DANILENKO T.V. Krasnodar, Russia CHARACTERISTICS OF ART IN CULTURAL- PHILOSOPHICAL DISCOURSE
ТХОРИКОВ Б.А. г. Белгород, Россия ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ	164	TKHORIKOV B.A. Belgorod, Russia GOAL SETTING PROBLEMS IN THE SOCIAL SYSTEM GOVERNANCE

ШТАНЬКО А.А. г. Белгород, Россия ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	167	SHTANKO A.A. Belgorod, Russia LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN CENTRAL BANK DETERMINING PROBLEM
Образование и педагогические науки		Education and Pedagogical Sciences
БАШКАТОВ И.А., МЕЩЕРЯКОВ В.Д. г. Липецк, Россия СИНТЕЗ ПЛАСТИЧЕСКИХ ИСКУССТВ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	175	BASHKATOV I.A., MESHCHERYAKOV V.D. Lipetsk, Russia SYNTHESIS OF PLASTIC ARTS IN THE MODERN ART-PEDAGOGICAL PROCESS
ВОСКОБОЙНИКОВ А.Н., ЛЕЙБОВСКИЙ А.Ю., ПИЛИШИН Н.А. г. Краснодар, Россия ПОКАЗАТЕЛИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ, ФИЗИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (КУБГУ), ЗАНИМАЮЩИХСЯ В ПЛАВАТЕЛЬНОМ БАССЕЙНЕ, И ИХ СООТВЕТСТВИЕ НОРМАТИВНЫМ ТРЕБОВАНИЯМ	179	VOSKOBOINIKOV A.N., LEYBOVSKY A.Y., PYLYSHYN N.A. Krasnodar, Russia INDICATORS OF PHYSICAL DEVELOPMENT, PHYSICAL AND FUNCTIONAL READINESS OF KUBAN STATE UNIVERSITY STUDENTS, TRAINING IN THE SWIMMING POOL, AND THEIR REGULATORY SPECIFICATIONS
ГРЕБЕННИКОВ О.В., РОМАНОВ Д.А. г. Краснодар, Россия ПОРТФОЛИО В СТРУКТУРЕ МОНИТОРИНГА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТА	186	GREBENNIKOV Oleg V., ROMANOV D.A. Krasnodar, Russia PORTFOLIO INVOLVED INTO STUDENTS PERSONALLY-PROFESSIONAL DEVELOPMENT MONITORING
ДВОРКОВАЯ М.В., КУРЕНКОВА Е.А. г. Москва, Россия ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА КАК СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ	191	DVORKOVAYA M.V., KURENKOVA E.A. Moscow, Russia EDUCATIONAL GAME AS THE MODERN DIRECTION OF DEVELOPMENT OF ACTIVE LEARNING
КУЖЕКОВ А.Ю. г. Владимир, Россия ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ	196	KUZHEKOV A.Yu. Vladimir, Russia THEORETICAL-METHODOLOGICAL SUBSTANTIATION OF THE PROCESS OF FORMATION OF CIVIL POSITION OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE
НЕМЫКА А.А., г. Краснодар, Россия; СХАЛЯХОВА С.Ш., ХАЧЕМИЗОВА М.А. г. Майкоп, Россия МЕТАФОРА КАК ОБЩИЙ ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТОВ	201	NEMYKA A.A., Krasnodar, Russia; SKHALYAKHOVA S.Sh., KHACHEMIZOVA M.A. Maykop, Russia METAPHOR AS A COMMON ELEMENT OF SCIENTIFIC AND FICTIONAL TEXTS
ОЧИРОВ Г.Д. г. Улан-Удэ, Россия ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	205	OCHIROV G.D. Ulan-Ude, Russia FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE FUTURE TEACHERS OF INITIAL CLASSES BY STUDENT TEACHING MEANS
ПАНОВА О.С., КУЗЬМИН В.В. г. Волгоград, Россия ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛОЧНО-МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ В ГОДИЧНОМ МАКРОЦИКЛЕ ПОДГОТОВКИ	209	PANOVA O.S., KUZMIN V.V. Volgograd, Russia BLOCK-MODULAR TECHNOLOGY EFFECTIVENESS OF CONSTRUCTION OF TRAINING PROCESS OF MIDDLE DISTANCE RUNNERS IN THE ANNUAL TRAINING MACRO CYCLE
ПРЯХИН А.С., ПРИЛЕПИН Е.П. г. Волгоград, Россия ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ	213	PRYAKHIN A.S., PRILEPIN E.P. Volgograd, Russia COMPETENCY APPROACH USING IN THE ORGANIZATION OF EMPLOYMENT ON PHYSICAL PREPARATION OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

СИДОРОВ О.В., ГОФЕРБЕРГ А.В. г. Ишим, Россия О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ	217	SIDOROV O.V., GOFERBERG A.V. Ishim, Russia ON IMPROVING THE QUALITY OF VOCATIONAL AND TECHNOLOGICAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS OF TECHNOLOGY
ТИМИЖЕВ Х.Т. г. Нальчик, Россия ЧЕРКЕССКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРЕЦКОГО ПРОЗАИКА О. СЕЙФЕДИНА	223	TIMIZHEV Kh.T. Nalchik, Russia CHERKESSK MOTIVES IN THE WORKS OF TURKISH PROSE WRITER O. SEYFEDDIN
УКОЛОВА Т.В. г. Сочи, Россия ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГУМАНИТАРНЫМ ПРЕДМЕТАМ	228	UKOLOVA T.V. Sochi, Russia ASSESSMENT OF STUDENT READINESS FOR CULTUROLOGICAL INTERPRETATION WHILE TEACHING HUMANITIES AT SECONDARY SCHOOL
ЭМИРОВА М.Н., АБДУСАЛАМОВА Р.А., ГАМИДОВА Н.Х. г. Махачкала, Россия НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДАССР В 1946-1955 гг.	233	EMIROVA M.N., ABDUSALAMOVA R.A., GAMIDOVA N.Kh. Makhachkala, Russia SOME ASPECTS OF ACADEMIC SCIENCE DEVELOPMENT IN DASSR IN 1946-1955
Рецензии		Reviews
БАРАНОВ А. В., г. Краснодар, Россия АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ О.В. РАТУШНЯКА «КАЗАЧЕСТВО В ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1945 гг.)» КРАСНОДАР: КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2013. 246 с.).	237	BARANOV A. V., Krasnodar, Russia ACTUAL STUDY OF COSSACKS IN EXILE (REVIEW OF THE MONOGRAPH BY O.V. RATUSHNYAK "COSSACKS IN EXILE (1920 – 1945). KRASNODAR: KUBAN STATE UNIVERSITY, 2013. 246 P.).
ШТУРБА В. А., г. Краснодар, Россия РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЦЗИНЬ ЛИ «КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ: ВОСТОК И ЗАПАД»	241	SHTURBA Victor A., Krasnodar, Russia WHETHER REVIEW OF THE BOOK JIN "CULTURAL BASES OF TRAINING: EAST AND WEST"
Хроника, события, факты		Chronicle, events, facts
МАКАРЕНКО В. П., СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ВЛАСТИ И БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА г. Ростов-на-Дону, Россия	243	V.P. MAKARENKO, PRESENTATION AND DISCUSSION OF FUNDAMENTAL RESEARCH OF RUSSIAN POWER AND BUREAUCRATIC STATE Rostov-on-Don, Russia
Информация	256	Information

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в работе Международной заочной научно - практической конференции.

Тема конференции – «Национальная безопасность России: история, современность и перспективы».

Конференция проводится в течение 2016 года.

Форма подачи материала свободная.

К участию в конференции приглашаются соискатели, аспиранты, преподаватели вузов, научная общественность.

Редакция журнала обязуется бесплатно публиковать материалы конференции на страницах своего журнала и разослать его авторам.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

*С уважением, главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,
доктор исторических наук, профессор В.А. Штурба*

Dear Colleagues!

The editorial board of Science Journal "Historical and Social-Educational Ideas" invites everyone to participate in the International Distant Conference of the Academic People and Professionals.

The theme of the Conference - "RUSSIAN NATIONAL SECURITY: History, Modernity and Perspectives".

The Conference is held during 2016.

The shape of the material is free.

To participate in the Conference are invited candidates, graduate students, university professors, scientific community.

The editorial board is committed to free publish conference materials in the pages of its science journal and to send it to the authors.

The editorial staff will be grateful if you would circulate this information among the scientific community.

*Sincerely,
Chief editor of the Science Journal
"Historical and Social-Educational Ideas",
Doctor of Historical Sciences, Professor V.A. Shturba*

**Международная заочная
научно-практическая конференция:**

**«НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

**International Distant Conference of the Academic People
and Professionals**

**"RUSSIAN NATIONAL SECURITY:
History, Modernity and Perspectives"**

ВАРТАНЬЯН Эгнара Гайковна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

VARTANYAN Egnara G.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

**КУРДСКАЯ ПРОБЛЕМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
И ПОЗИЦИЙ АНГЛИИ И ГЕРМАНИИ**

**KURDISH PROBLEM IN THE PERIOD OF THE
FIRST WORLD WAR AND IN THE EARLY POST-
WAR YEARS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN
NATIONAL SECURITY AND POSITIONS OF
ENGLAND AND GERMANY**

Статья посвящена освободительным устремлениям курдского народа, усилившимся в период Первой мировой войны. Курдский народ был разделен между двумя государствами – Ираном и Османской Турцией (в Османской империи он проживал на территории Турции, Ирака и Сирии). Подчеркивается, что надежды курдского народа Османской империи после ее распада создать независимое государство были вполне реальными. Однако великие державы решили разыграть «курдскую карту» для укрепления своих позиций в регионе Ближнего Востока. В статье анализируется позиция России в курдском вопросе и надежда курдов на помощь с ее стороны. Рассматривается стремление Англии использовать национальные и религиозные меньшинства, проживающие в восточных провинциях Турции, для укрепления своих позиций в стране. Демонстрируется взаимодействие младотурецких властей и Германии. Показаны цели Германии и Турции, которые в предвоенные и военные годы активизировали антирусскую пропаганду среди курдов и провоцировали их на пограничные с Россией конфликты. Делается вывод о том, что 1918–1919 гг. были самыми подходящими для создания курдского национального государства, если бы лидеры курдов проявили настойчивость и смогли бы склонить Англию и Францию к этому решению. Однако реализацию положений Севрского договора взяло на себя Османское государство, которое в действительности больше не существовало, а анкарское правительство отказалось от раздела турецких земель. В этих условиях Англия, Франция и в меньшей мере другие страны, подписавшие Севрский договор, изменили свою позицию по отношению к курдам и своим обещаниям. Надежды курдов на создание независимого государства рухнули.

The article is devoted to the liberation aspirations of the Kurdish people, which strengthened during the First World War. The Kurdish nation has been divided between two countries - Iran and Ottoman Turkey (in the Ottoman Empire, it lived in the territory of Turkey, Iraq and Syria). It is emphasized, that the hopes of the Kurdish people of the Ottoman Empire after its collapse to create an independent state were quite real. However, the Great Powers decided to play the "Kurdish card" to strengthen their positions in the Middle East. The article analyzes the Russian position in the Kurdish issue and Kurds hope for help from Russia. It is dealt with the desire of England to make use of national and religious minorities, which were living in the eastern provinces of Turkey, to increase its position in the country. It is given the cooperation of the Young Turk government and Germany. It is shown the purposes of Germany and Turkey, which were in the pre-war and war years activated the anti-Russian propaganda among the Kurds and provoked them into the border conflicts with Russia. Conclusion is drawn, that in 1918-1919 were the most suitable for the creation of the Kurdish nation-state, if the Kurdish leaders persevered and were able to persuade Britain and France to this decision. However, the implementation of the provisions of the Treaty of Sevres has assumed the Ottoman state, which does not really exist anymore, and the Ankara government abandoned section of the Turkish lands. In these circumstances, England, France and less extent other countries that have signed the Treaty of Sevres, changed their stance towards the Kurds and their promises. The hopes to establish an independent Kurdish state collapsed.

Ключевые слова: курды, независимость, национальная безопасность, Россия, Англия, Германия, Турция, Иран, Первая мировая война, Севрский договор, Лозаннская конференция

Keywords: Kurds, independence, national security, Russia, England, Germany, Turkey, Iran, World War I, the Treaty of Sevres, the Lausanne Conference

Курдская проблема является одной из острых и актуальных проблем современности, а события на Ближнем Востоке в настоящее время свидетельствуют о новом обострении этой проблемы в контексте сирийско-турецких и российско-турецких отношений. Курдский народ, проживающий в четырех странах Большого Ближнего Востока (Турция, Ирак, Иран, Сирия) уже более полутора веков борется за независимость. В контексте современных политических реалий курдская проблема может представлять угрозу безопасности не только государств Малой Азии и Среднего Востока, но и России, если региональные или внерегиональные государства вновь попытаются разыграть «курдскую карту», как это было в период и после Первой мировой войны.

Первая мировая война стала периодом, определившим дальнейшую судьбу Курдистана. Если раньше Курдистан был ареной столкновений между османским и иранским правительствами, то в период Первой мировой войны здесь активизировались Англия, Россия, Германия и каждая сторона стремилась использовать курдский вопрос в своих интересах.

Российско-курдские отношения в период частичной оккупации Иранского Курдистана турецкими войсками были осложнены стремлением турецких властей посорить курдов с Россией. Ввод контингента российских войск в Северо-Западный Иран в конце 1911–1912 гг. не обошелся без столкновений с курдами, которых всячески подстрекали турки, снабжая оружием и

боеприпасами [1]. Курдский вопрос в этот период играл роль разменной монеты в русско-турецком соперничестве в Иранском Курдистане. России, имеющей сферу влияния в Иране, нужно было сохранить его стабильность и целостность, с этой целью были предприняты меры: 1) по восстановлению над курдами власти шахского правительства (под русским контролем); 2) ликвидации межплеменных распрей – постоянного источника волнений, ослабляющих власть центрального правительства; 3) недопущению объединения курдов [2].

До конца 1912 г. Россия действовала в Иранском Курдистане осторожно, с оглядкой на турок, не желая вызвать осложнения в русско-турецких отношениях. Однако Россия не отказывалась от «исконной роли защитницы христиан на мусульманском Востоке, дабы не допустить их уничтожения курдами» [3]. Россия старалась соблюдать крайнюю осторожность в вопросе покровительства курдам, что осложняло возможности налаживания отношений с курдскими вождями [4].

Турки в предвоенные и военные годы активизировали антироссийскую пропаганду среди курдов и провоцировали их на пограничные с Россией конфликты. Это было связано с тем, что, во-первых, турецкое правительство видело в Закавказье своего рода внешнюю базу освободительного движения в Западной Армении и стремилось всемерно противодействовать этому; во-вторых, Турция хотела создать постоянную угрозу русским стратегическим коммуникациям на Кавказе; в-третьих, младотурецкое правительство мечтало использовать живших в передельях закавказских губерний несколько сотен тысяч курдов для подрыва их внутренней безопасности и осуществления идеи, вынашиваемой еще султаном Абдул Хамидом II, объединения под властью империи всех курдов (неприемлемой не только для Ирана, но и для России). Турецкие власти давали курдам разного рода обещания, вплоть до создания единого автономного Курдистана под покровительством Османской империи, но для этого надо «освободить» Иранский Курдистан от власти шаха [5]. В таком случае неизбежно было столкновение турок с русскими войсками в Иране и вытеснение с территории иранского и турецкого Курдистана проживающего там христианского населения. Целью турок было вбить клин в отношения между курдами и христианами. Однако при поражении курдов в столкновениях с русскими войсками турки не оказывали им обещанной помощи, это привело к потере доверия к туркам со стороны курдов, особенно приграничных с Россией районов, и последние стали искать поддержку у России, даже выразили готовность воевать против турок [6].

После начала Первой мировой войны (до вступления в нее Турции в августе-октябре 1914 г.) руководители курдского движения добивались от России военной и политической помощи. В некоторых районах Восточной Анатолии возникли комитеты пропаганды национальных идей среди курдов и подготовки всеобщего восстания [7].

Активизировались союзники турок в стремлении привлечь курдов на свою сторону. Германия противостояла намерениям стран Запада упрочить свое влияние в империи и подчинить ее территории, в том числе курдские районы. Хотя германо-турецкий союзный договор от 2 августа 1914 г. и держался в секрете, о сотрудничестве между двумя государствами и сильном влиянии Германии на Османскую империю было известно. Но Россия не теряла надежды оторвать Турцию от германо-австрийского блока или в крайнем случае оттянуть ее вступление в войну. Турецкие правящие круги же лихорадочно готовились к нападению на Россию, возлагая при этом большие надежды на курдские племена. В Эрзурумском вилайете курдским племенам и отрядам хамидие (полурегулярная кавалерия из вождей курдских племен, созданная в конце XIX в. османским султаном Абдул Хамидом II) было предписано охранять русскую границу. Правда, в 3-ью турецкую армию к началу войны входили 4,5 курдских дивизий (160 сотен), однако боеспособность курдских сотен стояла на крайне низком уровне. Курдские полки были почти совершенно лишены артиллерии и пулеметов [8].

Весной 1914 г. в районе Битлиса произошло восстание курдов во главе с моллой Селимом, влиятельным и почитаемым местным вождем. Восставшие требовали увольнения турецких чиновников из администрации вилайета. Уже к середине марта 1914 г. город Битлис был осажден. Восстание охватывало все больше и больше районов. Многие курдские племена присоединились к восстанию, численность восставших достигла более 8 тыс. человек. Восстание было настолько мощным, что даже курдские солдаты османской армии в районах восстания присоединялись к нему. Лидеры восстания в Битлисе хотели распространить его постепенно и на другие районы Курдистана, даже просили помощи у армян и ассирийцев, живущих в этих районах, что вызывало возмущение властей Стамбула, которые старались провоцировать столкновения между национальными меньшинствами [9]. Восстание было жестоко подавлено. Расправа над восставшими, особенно казнь влиятельных религиозных деятелей, вызвала огромное возмущение в Курдистане.

События в Битлисе нашли отражение в Иракском Курдистане, где в марте 1914 г. началось восстание под руководством шейха Абдул Салама Барзани. Турецкое правительство было весьма обеспокоено размахом восстания и направило против них значительные силы. Уже к началу июня 1914 г. выступление в основном было подавлено. Абдул Саламу Барзани удалось бежать сначала в Урмию, а затем в Россию. Несмотря на поражение, восстание 1914 г. оказало большое влияние на дальнейшее развитие освободительного движения курдов [10].

Германские агенты успешно проводили антирусскую пропаганду и смогли привлечь многие курдские племена в районе Керманшаха на свою сторону. Именно эти племена помешали русским войскам присоединиться к английским в этом районе в 1916 г. Курдские племена санджаби стали орудием в руках Германии, а племена района Маривана отрезали возможное продвижение вглубь территории восточной Анатолии русским войскам численностью в 1 500 чел. [11].

Англия старалась использовать национальные и религиозные меньшинства, проживающие в восточных вилайетах Турции, для укрепления своих позиций в стране. С этой целью она еще в предвоенные годы затратила много усилий для привлечения на свою сторону ассирийцев, помогла создать христианскую миссионерскую школу в восточной части страны (село Куджанс, район Хакяри) под контролем английского консула в Ване [12].

После победы социалистической революции в России в 1917 г. был ликвидирован Кавказский фронт Первой мировой войны и десятки тысяч русских солдат покинули боевые позиции. У правителей Османской империи появилась возможность проявить мирную инициативу, но они предпочли новую военную авантюру – вторжение в Закавказье. Этот безрассудный план лидеры младотурок попытались осуществить в тот момент, когда Османская империя, потеряв в боях 600 тыс. человек, лишилась огромной части своих владений – Хиджаза, Южной Палестины, большей части Ирака. Правительство младотурок беззастенчиво нарушило Брест-Литовский договор интервенцией в Закавказье. В конце апреля 1918 г. турки захватили Карс и Батум. Агентура лидера младотурок Энвера-паши активно действовала среди горцев Александрополя (ныне Гюмри). 15 сентября 1918 г. турецкие войска захватили Баку и устроили там кровавую резню [13].

Вывод российских войск коренным образом изменил ситуацию в Северо-Западном Иране. В такой обстановке было удобно «ловить рыбу в мутной воде», что и пытались осуществить и турки, и англичане, и вконец дискредитировавшие себя местные власти. Последние делали это с наименьшим успехом, но в одном преуспели: им удалось (не без участия англичан) натравить курдов на ассирийцев, ставших в приурмийском районе реальной военной силой.

Под влиянием событий 1917 г. в России, народные массы Курдистана активизировали национально-освободительную борьбу [14]. На это обратили внимание и британские власти в Ираке. Арнольд Вильсон, британский верховный комиссар в Ираке писал: «...Я думаю, с точки зрения хода политических событий в Багдаде, недавней победы коммунизма, отсрочки мирного процесса с турками, мы не можем закрывать глаза на внешние факторы. Несомненно, что оттягивание мирного договора с турками будет мешать работе администрации и повлияет на умонастроения многих важных личностей Северного Курдистана» [15]. Опасения британской администрации Ирака были не беспочвенны, курдская интеллигенция следила за событиями в Советской России и публиковала в своих газетах статьи, посвященные международному положению, в частности России.

Выход России из Первой мировой войны коренным образом изменил ситуацию в Иранском Курдистане. Освободившись от соперничества России, Османская империя и Англия стали вмешиваться в дела Иранского Курдистана [16]. Несмотря на все попытки со стороны Англии, содействовать заключению союза между ассирийцами и курдами не удалось. 16 марта 1918 г. вождь курдов-шеккаков Исмаил-ага Симко убил вождя хакярийских ассирийцев патриарха Бенъямина Мар-Шимуна [17]. Против Симко были немедленно посланы ассирийские отряды, но ему удалось прорваться и бежать в Хой. В доме Симко был найден его личный архив, в котором было обнаружено письмо губернатора Табриза Мухти-Шемса, предлагавшего убить Мар-Шимуна. В письме говорилось, что, сделав это, Симко заслужит благодарность иранского правительства [18]. Симко совершил непоправимую ошибку, вызвав вражду ассирийцев к курдам.

После Брест-Литовского перемирия создалась обстановка, благоприятная для дальнейшего развития турецкого экспансионизма на востоке Малой Азии и в Закавказье. Русская армия как боевая сила окончательно перестала существовать. Османское государство согласно статье IV мирного договора получило право беспрепятственно вернуться к границам 1914 г. Более того, Брест-Литовский договор (и приложенный к нему русско-турецкий дополнительный дого-

вор) предусматривал фактически решающее участие Турции в судьбе округов Карс, Ардаган и Батум, отторгнутых от Турции в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Иначе говоря, в Брест-Литовском договоре уже содержались основы ревизии установлений Берлинского трактата 1878 г. и государственно-политических условий существования курдов Северного Курдистана и Западной Армении [19].

К закавказскому походу турецкой армии османским властям удалось привлечь курдские иррегулярные отряды, которые вместе с турецкими частями чинили расправы над мирным армянским населением (особенно над армянами-беженцами из Турции). Под турецкой оккупацией к этому времени оказалось подавляющее большинство закавказских курдов.

Первая мировая война усугубила положение курдов, равно как и других народов, оказавшихся вовлеченными в это кровопролитие. Война не определила четких позиций курдов в отношении России, да и Россия оказалась приверженной своей традиционной политике в курдском вопросе, не рискнув делать ставку на мусульманские элементы враждующей стороны. Курдское движение в годы войны несколько активизировалось, однако надежда курдов на самоопределение не реализовалась ввиду, во-первых, их разобщенности, во-вторых, вовлеченности в события мировой войны.

Положение в турецком Курдистане по окончании Первой мировой войны и политика правящих кругов в Стамбуле почти не изменились. В 1918 г. верховное османское командование под предлогом мероприятий, диктуемых военным временем, выселило гражданское курдское население из вилайетов Диарбакыр, Муш и Ван. Это мероприятие проводилось зимой, и большинство населения, высленного из своих домов, погибло от холода и голода [20].

Военная авантюра турок в Закавказье облегчила действия англичан в Месопотамии. Английские войска без больших затруднений и сопротивления со стороны турецких войск продолжали военные операции. Мудросское перемирие, заключенное после окончания Первой мировой войны (1918 г.), обязывало Османское правительство без всяких предварительных условий сложить оружие и сдаться на милость победителей. Турецкая армия подлежала немедленной демобилизации, а флот передан союзникам. Османская империя приняла на себя обязательство уступить все занятые турками территории в Закавказье войскам Антанты. Пролиты были открыты для союзников, а форты Дарданелл и Босфора были заняты войсками победителей. Это означало крах Османской империи. В ночь на 3 ноября 1918 г. члены младотурецкого триумvirата и другие лидеры младотурок бежали на германском военном корабле в Одессу, а оттуда – в Германию. Младотурецкая партия «Единение и прогресс» (иттихадисты) объявила о самороспуске [21]. Турция стояла на пороге нового этапа своей истории. В ноябре 1918 г. столица Османской империи без боя сдалась на милость победителей. Султан и Порты стали марионетками в руках оккупантов. В конце 1918 – начале 1919 г. английские и французские войска оккупировали Юго-Восточную Анатолию, а греки, высадившись в Измире, начали движение в Анатолию с запада [22].

Как и другие угнетенные национальные меньшинства Османской империи, курды стремились воспользоваться ее распадом в целях национального самоопределения. Для курдов период между октябрём 1918 г. и июнем 1919 г. был самым подходящим для образования национального государства, ибо в это время возникло политическое пространство на территории бывшей Османской империи. Французские, английские, итальянские и греческие войска захватили более трех четвертей территории Турции. Престиж султана дальше османской столицы не распространялся. Правительство Советской России отказалось от всех своих колоний и полуколоний. Период для освобождения Курдистана был подходящим, если бы лидеры курдов проявили настойчивость и смогли бы склонить Англию и Францию к этому решению [23].

Парижская мирная конференция 1918 г. для курдского народа имела большое значение, так как давала ему надежды на независимость. Своим представителем на мирной конференции в г. Севр «Общество возрождения Курдистана» назначило крупного политического деятеля Шарифа-пашу [24]. Курдский историк Рафик Хильми, личный секретарь Шарифа-паши, пишет о том, что был организован сбор подписей среди курдских племен для того, чтобы Шериф-паша отправился в Севр и имел право представлять свой народ на переговорах [25]. Шариф-паша на конференции изложил национальные требования курдов в меморандуме из 14 пунктов («Memorandum sur les revendications du kurde») и приложенной к нему картой Курдистана. Этот исторический документ был опубликован 22 марта 1919 г. в Париже и свидетельствовал о стремлении курдского народа к самоопределению, о международном признании курдского вопроса, необходимости гарантий прав национальных меньшинств в Турции, защите их жизни, имущества, свободе, равенстве перед законом без различия происхождения, национальности, языка, расы и религии [26].

Советская Россия не участвовала в подписании Севрского договора, не в интересах России решился на конференции вопрос о проливах и свободе плавания в Черном море (ст. 37) [27].

Мирный договор между Османской империей, с одной стороны, и Великобританией, Францией, Дашнакской Арменией, Грецией, Польшей, Португалией, Румынией, Сербо-Харватией, Хиджазом и Чехословакией, с другой стороны, был подписан 10 августа 1920 г. в пригороде Парижа Севре (Sevres). Само слово «Севр» по сей день у курдов священо, ассоциируется со свободой, даже именем Севр многие курды называли своих детей. Севрский договор предусматривал права этнических меньшинств бывшей Османской империи на самоопределение, в частности создание в пределах Турецкого Курдистана автономии с правом превращения его в будущем в независимый Курдистан. Итак, лидеры стран Антанты, в связи с ростом национально-освободительного движения на Ближнем Востоке, нетурецким областям Османской империи давали гарантии существования и нерушимых условий автономного развития.

Реализацию положений Севрского договора должно было взять на себя Османское государство, которое в действительности больше не существовало. Первым из постановлений Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) и назначенного им правительства было официальное заявление об аннулировании всех договоров и соглашений стамбульского правительства. 18 июня 1920 г. ВНСТ заявило, что не согласится на раздел турецких земель [28]. Таким образом, Севрский договор, прежде чем родиться, был отвергнут новым правительством Турции, поскольку мирные предложения, врученные в Париже турецкому представителю, означали раздел не только империи, но и собственно Турции. Словом, Севр как последний этап в серии мирных договоров в рамках Версальской системы оказался полностью несостоятельным по всем пунктам, в том числе и в попытке не то что решить, но хотя бы поставить в приемлемом для Антанты виде курдский национальный вопрос. Великие державы не поступились своими интересами. Сами курды были слабы и разрозненны, чтобы повлиять на ход событий, курдский национализм как идеология и политика находился в формирующемся состоянии и не мог сказать своего веского слова. Это не означает, что курдский вопрос после Севра был обречен на неминуемое забвение, его роль в качестве главной этнополитической проблемы региона сохранялась.

Итак, Англия, Франция и в меньшей мере другие страны, подписавшие Севрский договор, очень скоро изменили свою позицию по отношению к курдам и своим обещаниям. Спустя четыре месяца после подписания Севрского договора, 23 декабря 1920 г., в Париже было подписано англо-французское соглашение, согласно которому границы контроля обеих сторон в Ираке и Сирии разделились. С этого дня возникли Сирийский Курдистан, ибо часть территории Курдистана отошла к Сирии и Южный (Иракский) Курдистан (союзники использовали параграфы Севрского договора и Мосульский вопрос в своих целях). Несколько лет спустя верховный комиссар Великобритании в Ираке Доббс заявил корреспонденту «Манчестер Гардиен» на вопрос о будущем курдов Ирака, столь беспокоящем Турцию: «Нет и не может быть речи о курдской независимости. Турция может быть вполне уверена, что, хотя Лиге Наций рекомендовали считаться с лингвистическими и иными особенностями курдов Ирака, вопрос о курдской независимости никогда не возникнет». Доббс признал, что Севрский договор действительно дает туркам основание видеть в создании независимого Курдистана одну из целей британской политики на Среднем Востоке, но он добавил, что «англичане совершенно изменили теперь свою точку зрения» [29]. Итак, Севрский договор означал колониальный раздел Курдистана. Не оставалось никаких гарантий обеспечения прав курдского народа.

Пересмотр Севрского договора произошел не сразу. Подготовка к нему началась на Каирской конференции 12–30 марта 1921 г., на которой было призвано обеспечить сохранение господствующих позиций Великобритании во всей Западной Азии. Курдская проблема на конференции была сужена до географических пределов Ирака, установление над южнокурдской территорией жесткого британского контроля и присоединение его к подмандатному Англии арабскому государству Ирак. Таким образом, был сделан первый шаг к отказу предоставить курдам зафиксированное в Севрском договоре право на самоопределение, то есть на образование суверенного национального государства (в апреле 1920 г. в Сан-Ремо было решено юго-западную часть Курдистана включить в состав Сирии, обещанной Франции по мандату Лиги Наций, а Англии был обещан Мосул) [30].

Таким образом, после укрепления власти кемалистов в Турции благодаря сотрудничеству и помощи Советской России и победы турецких войск в национально-освободительной борьбе 1918–1923 гг. Англия изменила свою политику по отношению к анкарскому правительству. Настало время подписывать новый договор с учетом новых условий и требований Турции.

Начались переговоры, получившие свое завершение на Лозаннской мирной конференции, на этот раз без участия курдов и вопреки их желаниям и стремлениям к свободе и независимости.

Среди проблем, которые предстояло пересмотреть в процессе ревизии Севра, курдская была одной из центральных и самых сложных. Курдский вопрос находился в неопределенном, подвешенном состоянии. Это вообще был новый для Западной Европы вопрос, специфику которого заинтересованные в нем стороны вряд ли представляли в полном объеме. Курды понимали, что их судьба определяется на международной арене без их участия. 24 января 1923 г. был подписан Лозаннский договор, ознаменовавший отмену Севрского договора.

Таким образом, после окончания Первой мировой войны надежды курдского народа на самоопределение рухнули. Германия проиграла Первую мировую войну, новое советское правительство в 1921 г. подписало договор с правительством Мустафы Кемаля, а Англия изменила свою позицию по курдскому вопросу. Курдский народ оказался разделенным. Северо-Западный Курдистан, после распада Османской империи потеряв надежду на достижение независимости, продолжил освободительную борьбу. Но тот факт, что в 1974 г. Иракский Курдистан получил статус автономии [31], значительно расширенный после свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г., вселяет надежду проживающим в других странах курдам на возможность национального самоопределения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Vilsson A. Mesopotamia 1917–1920. London, 1925. – P. 32.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Политархив», 1912. Д. 1044. Л. 86, 271; Ф. «Персидский стол», 1912 г. Д. 1208. Л. 255; Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е гг. XIX в. – 1917). – М., 1964. – С. 178.
3. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 268; АВПРИ. Ф. «Персидский стол Б», 1910–1912 гг. Д. 560. Л. 138.
4. Кемал М. Ахмад. Курдистан в годы Первой мировой войны. – Багдад, 1989. – С. 211–212.
5. АВПРИ. Ф. «Посольство в Константинополе», 1911–1913 гг. Д. 3556. Л. 60–66.
6. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 119.
7. Курдское движение в новое и новейшее время. – М., 1987. – С. 68.
8. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 295, 309.
9. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 291; Safrastian A. Kurds and Kurdistan. L., 1948. – P. 70–71.
10. Курдское движение в новое и новейшее время. – М., 1987. – С. 68–69.
11. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. – М., 1946. – С. 23–31, 37, 45; Кемал М. Ахмад. Курдистан в годы Первой мировой войны. – Багдад, 1989. – С. 166.
12. Седьк ал-Дамлуджи. Курдский эмират Бахдинан или эмират Амадии. – Мосул, 1952. – С. 120; Кемал М. Ахмад. Указ. соч. – С. 39.
13. Вартаньян Э.Г., Мустафа А.А. Курдская проблема и позиция России (СССР) в XIX – первой трети XX в. – Краснодар, 2007. – С. 122.
14. Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. – М., 1991. – С. 10.
15. Vilsson A. Ibid. – P. 145.
16. Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юхана И.И. Ассирийский вопрос во время и после Первой мировой войны. – М., 1968. – С. 75–76; Шарафканди С. Краткая история национальных движений курдов. – Стокгольм, 1995; Лазарев М.С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923). – М., 1989. – С. 13.
17. Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 13.
18. Матвеев К.П. (Бар-Маттай), Мар-Юхана И.И. Указ. соч. – С. 69.
19. Вартаньян Э.Г., Мустафа А.А. Указ. соч. – С. 123.
20. Камран Али Бадрхан. Курдистан // Дружба. – М., 2003. – № 41–45.
21. Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. – М., 1983. – С. 164.
22. Петросян Ю.А. Османская империя. Книга о могущественной восточной империи, угрожавшей Европе и сокрушенной Россией. – М., 2003. – С. 397.
23. Шарафканди С. Указ. соч. – С. 64.
24. Камран Али Бадрхан. Указ. соч. – № 41–45; Лазарев М.С. Указ. соч. – С. 137.
25. Хильми Р. Воспоминания. Иракский Курдистан и восстания шейха Махмуда. – Багдад, 1988. – Т. 1, 2. – С. 65–66; Камран Али Бадрхан. Указ. соч. – № 41–45.
26. Курдское движение в новое и новейшее время. – М., 1987. – С. 89; Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. – М., 1927. – С. 41–44.
27. Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. – М., 2003. – С. 51.
28. Поцхверия Б.М. Турция между двумя мировыми войнами. Очерки внешней политики. – М., 1992. – С. 30; Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. – М., 1983. – С. 168.
29. Заря Востока. – 1926. – № 1146. – 9 апреля.
30. Вартаньян Э.Г., Мустафа А.А. Указ. соч. – С. 130.

31. *Вартаньян Э.Г.* Курдская проблема в Ираке: прошлое и настоящее // Безопасность в Европе и Азии: уроки истории и современные проблемы. – Краснодар, 2006. – С. 152-168.

REFERENCES

1. Vilsson A. *Messopotamia 1917-1920*. London, 1925. P.32.
2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). F. "Politarkhiv" 1912. J. 1044 L. 86, 271;; FM "Persian Buffet" 1912 D 1208 . L. 255. [Arkhir vneshey politiki Rossiyskoy imperii (AVPRI). F. «Politarkhiv», 1912. D. 1044; F. «Persidskiy stol», 1912 g. D. 1208.]; Lazarev M.S. *Kurdistan and the Kurdish problem (90-ies of the nineteenth century -.. 1917)*. [Lazarev M.S. *Kurdistan i kurdsкая problema (90-e gg. XIX v. – 1917)*]. Moscow, 1964. P.178
3. Lazarev, M. S. Decree. soch.. P. 268; AVPRI. F. "the Persian table B", 1910-1912 D. 560. L. P. 138.
4. Kemal M. Ahmad. *Kurdistan during the First World War*. [Kemal M. Akhmad. *Kurdistan v gody Pervoy mirovoy voyny*]. Bagdad, 1989. pp.211-212.
5. AVPRI. F. "Embassy to Constantinople", 1911-1913. D, 3556. L. pp 60-66.
6. Lazarev, M. S. Decree. Soch.. P. 119
7. *Kurdish movement in modern and contemporary times*. [Kurdscoe dvizhenie v novoe i noveyshee vremya]. Moscow, 1987. . p. 68.
8. Lazarev, M. S. Decree. soch.. p. 295, 309.
9. Lazarev, M. S. Decree. soch.. p. 291; Safrastian A. *Rurds and Kurdistan*. L., 1948. P. 70–71.
10. *Kurdish movement in modern and contemporary times*. [Kurdscoe dvizhenie v novoe i noveyshee vremya]. Moscow, 1987. . pp. 68-69
11. Korsun N.G. *The First World War on the Caucasian front*. [Korsun N.G. *Pervaya mirovaya vojna na Kavkazskom fronte*]. M., 1946. P. 23-31, 37, 45; Kemal M. Ahmad. *Kurdistan during the First World War*. [Kemal M. Akhmad. *Kurdistan v gody Pervoy mirovoy voyny*]. Bagdad, 1989. p. 166.
12. 12 Sadiq al-Damludzhi. *Kurdish emirate emirate Bahdinan or Amadeus*. [Sedyk al-Damludzhi. *Kurdskiy emirat Bakhdinan ili emirat Amadii*]. Mosul, 1952. P. 120; Kemal M. Ahmed. Decree. soch.. P. 39.
13. Vartanyan E.G., Mustafa A. *The Kurdish problem and the position of Russia (USSR) in the nineteenth century - the first third of the twentieth century*. [Vartan'yan E.G., Mustafa A. A. *Kurdsкая problema i pozitsiya Rossii (SSSR) v XIX – pervoy trety XX v*]. Krasnodar, 2007. P.122.
14. Mgoi Sh.Kh. *The Kurdish national question in Iraq in recent times*. [Mgoi Sh.Kh. *Kurdskiy natsional'nyy vopros v Irake v noveyshey vremya*]. Moscow, 1991.p.10
15. Vilsson A.*Messopotamia 1917-1920*. London, 1925. P. 145.
16. Matveev K.P. (Bar Matthau), Mar Johan I.I. *Assyria question during and after the First World War* [Matveev K.P. (Bar-Mattay), Mar-Yukhana I.I. *Assiriyskiy vopros vo vremya i posle Pervoy mirovoy voyny*]. Moscow, 1968. P.75-76; Sharaf Kandy. C. A Brief History of the Kurdish national movement. Stockholm, 1995; M. S. Lazarev *Imperialism and the Kurdish question (1917-1923)*. [Sharafkandi. S. *Kratkaya istoriya natsional'nykh dvizheniy kurdiv*. Stokgol'm, 1995; Lazarev M.S. *Imperializm i kurdskiy vopros (1917-1923)*]. Moscow, 1989. P. 13
17. Lazarev, M. S. Decree. soch.. p.13
18. Matveev K.P. (Bar Matthau), Mar Johan I.I. the Specified composition. P.69
19. Vartanyan E.G., Mustafa A.A. Decree. soch.. p. 123
20. Kamran Ali Badrhan. *Kurdistan Friendship*. [Kamran Ali Badrkhan. *Kurdistan. Druzhba*]. M., 2003. PP 41-45.
21. Gasratyan, MA, Oreshkova, SF, Petrosian YA, *Essays on the history of Turkey*. [Gasratyan, M.A., Oreshkova, S.F., Pertosyan, Yu.A, *Ocherki istorii Turtsii*]. M., 1983. p.164
22. Petrosian Y.A. *Ottoman Empire. The book is about the powerful Eastern Empire, threatening Europe and by Russia crushed*. [Petrosyan, Yu.A. *Osmanskaya imperiya. Kniga o mogushchestvennoy vostochnoy imperii, ugrozhavshey Evrope i sokrushennoy Rossii*]. Moscow, 2003. p.397
23. Sharaf Kandy. C. A Brief History of the Kurdish national movement. Stockholm, 1995; M. P. 64
24. Kamran Ali Badrhan. *Kurdistan Friendship*. [Kamran Ali Badrkhan. *Kurdistan. Druzhba*]. M., 2003. pp 41-45; Lazarev. M.S. *Imperialism and the Kurdish question (1917-1923)* [Lazarev. M.S. *Imperializm i kurdskiy vopros (1917-1923)*]. M., 1989. P. 137
25. Hilmi G. *Memories. Iraqi Kurdistan and the revolt of Sheikh Mahmoud*. Baghdad, 1988. T. 1.2. [Khil'mi R. *Vospominaniya. Irakskiy Kurdistan i vosstaniya sheykha Makhmuda*]. Bagdad, 1988. T. 1,2.pp65-66; Kamran Ali Badrhan. *Kurdistan Friendship*. [Kamran Ali Badrkhan. *Kurdistan. Druzhba*]. M., 2003. pp 41-45
26. *Kurdish movement in modern and contemporary times*. [Kurdscoe dvizhenie v novoe i noveyshee vremya]. Moscow, 1987. P. 89; *The Treaty of Sevres and acts signed in Lausanne*. [Sevrskiy mirnyy dogovor i akty, podpisannye v Lozanne]. M., 1927. Pp. 41-44
27. *Russian-Turkish relations: history, current state and prospects*. [Rossiysko-turetskie otnosheniya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy]. Moscow, 2003. P.51
28. Potshveriya B.M. *Turkey between the two world wars. Essays on foreign policy*. [Potshveriya B.M. *Turtsiya mezhdum dvumya mirovymi voynami. Ocherki vneshey politiki*]. Moscow, 1992. P. 30; Gasratyan, MA, Oreshkova, SF, Petrosian YA, *Essays on the history of Turkey*. [Gasratyan, M.A., Oreshkova, S.F., Pertosyan, Yu.A, *Ocherki istorii Turtsii*]. M., 1983. P.168
29. *Daybreak of East*. [Zarya Vostoka]. 1926. № 1146. April 9th.
30. Vartanyan E.G., Mustafa A.A. Decree. soch.. p.130

31. Vartanyan E.G. The Kurdish problem in Iraq: Past and Present. Security in Europe and Asia: the lessons of history and modern problems. [Vartan'yan E.G. Kurdsкая problema v Irake: proshloe i nastoyashchee. Bezopasnost' v Evrope i Azii: uroki istorii i sovremennye problemy]. Krasnodar, 2006. P. 152–168

Информация об авторе

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
vartaneg@yandex.ru

Получена: 02.02.2016

Для цитирования статьи: Вартаньян Э.Г. Курдская проблема в период первой мировой войны и в первые послевоенные годы в контексте национальной безопасности России и позиций Англии и Германии. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 13-20.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-13-20

Information about the author

Vartanyan Egnara G., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
vartaneg@yandex.ru

Received: 02.02.2016

For article citation: Vartanyan E.G. Kurdish problem in the period of the First World War and in the early post-war years in the context of Russian national security and positions of England and Germany. [Kurdsкая problema v period pervoy mirovoy voyny i v pervye poslevoennye gody v kontekste natsional'noy bezopasnosti Rossii i pozitsiy Anglii i Germanii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 13-20.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-13-20

УДК 343.341.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-21-27

КОНДРАТЕНКО Зарина Камилевна,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, Россия
mati07@rambler.ru

KONDRATENKO Zarina K.,
Mari State University,
Yoshkar-Ola City, Russia
mati07@rambler.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
ОРГАНИЗАЦИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО
СООБЩЕСТВА И УЧАСТИЕ В НЁМ КАК
НАПРАВЛЕНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

**CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZING
TERRORIST COMMUNITY AND
PARTICIPATION IN IT AS A DIRECTION
NATIONAL SECURITY**

Целью представленной работы является формирование комплексного научного представления об уголовной ответственности за организацию террористического сообщества и участия в нем как направления обеспечения национальной безопасности. Для достижения указанной цели автором был поставлен ряд научных задач, в частности исследование отдельных положений Стратегии национальной безопасности РФ, основных угроз государственной и общественной безопасности РФ, главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности, направлений обеспечения государственной и общественной безопасности. В ходе исследования автором используются обще- и частнонаучные, в том числе формально-логические методы (гипотеза, анализ, синтез, дедукция, индукция). Из специальных применялись исторический, юридико-технический, междотраслевой, сравнительно-правовой, системный и другие методы научного познания. Автором подробно рассматриваются проблемы квалификации преступлений, связанных с организацией террористического сообщества и участия в нем. В статье анализируется современная судебная практика по применению статей 205.4 и 205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором исследуются условия квалификации преступных групп как террористического сообщества или террористической организации. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности. Так, автор предлагает дополнить диспозицию статьи 205.4 УК РФ указанием на то, что террористическим сообществом может быть признана устойчивая группа лиц, объединившихся не только на территории Российской Федерации, но и на территории иных государств, а также международная организация, соответствующие иным признакам, указанным в ст. 205.4 УК РФ. Автор считает необходимым разъяснить вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ в Постановлении Пленума ВС РФ.

The aim of the present work is to develop a comprehensive scientific understanding of the criminal responsibility for a terrorist organization and community participation in it as the directions of national security. To achieve this goal the author was raised a number of scientific tasks, in particular the study of certain provisions of the National Security Strategy, the main threats to the state and public security of the Russian Federation, the main directions of ensuring state and public security, public areas and ensuring public safety. In the study, the author used scientific methods (hypothesis, analysis, synthesis, deduction, and induction), special used historical, legal and technical, interdisciplinary, comparative legal, system and other methods of scientific knowledge. The author researches of the problems of qualification of crimes related to the terrorist organization and community participation in it are discussed in detail. The article analyzes the modern jurisprudence on the application of Article 205.4 and 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author examines the conditions of qualification criminal groups as a terrorist or terrorist organization community. The author comes to the conclusion about the need to improve the legal regulation of criminal responsibility for the commission of terrorist-related crimes. So, the author proposes to supplement the dispositions of article 205.4 of the Criminal Code of the Russian Federation indicating that the terrorist community a stable group of persons can be considered, united not only in Russia, but also in other states as well as international organizations, concerned other grounds specified in Art. 205.4 of the Criminal Code. The author considers it necessary to clarify the question of qualification of crimes under Art. 205.4 and 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation in the Resolution of the Plenum of the Russian Federation Armed Forces.

Ключевые слова: национальная безопасность, террористическое сообщество, террористическая организация, терроризм, экстремистское сообщество, экстремистская организация

Keywords: national security, terrorist organizations, terrorist organization, terrorism, extremist community, extremist organization

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683, определяет национальные интересы и стратегические национальные приоритеты РФ, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности РФ и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

Стратегия национальной безопасности обращает внимание на тот факт, что наряду с сохраняющимися очагами напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Территории вооруженных конфликтов становятся базой для распространения терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. Появление террористической организации, объявившей себя «Исламским государством», и укрепление ее влияния стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в области борьбы с терроризмом.

К основным угрозам государственной и общественной безопасности России согласно исследуемому документу относятся деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти и др.

Главными направлениями обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере), коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями.

В настоящее время в целях обеспечения государственной и общественной безопасности совершенствуются структура и деятельность федеральных органов исполнительной власти, развивается система выявления, предупреждения и пресечения разведывательной и иной деструктивной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам, актов терроризма, проявлений религиозного радикализма, национализма, сепаратизма, иных форм экстремизма, организованной преступности и других преступных посягательств; создаются механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, а также противодействия участию российских граждан в деятельности преступных и террористических группировок за рубежом; принимаются меры для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур и др.

Исследование основных положений Стратегии национальной безопасности показывает, что в РФ одной из проблем обеспечения национальной безопасности является проблема борьбы с терроризмом на международном уровне. В связи с этим в настоящее время стоит задача совершенствования правового регулирования уголовной ответственности за совершение преступлений террористической направленности.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед российским уголовным правом, является проблема квалификации преступлений террористической направленности. Вопросам квалификации преступлений было посвящено достаточно много работ [1, 2, 3, 4, 5]. Однако в правоприменительной практике и в теории уголовного права возникает ряд вопросов, связанных с квалификацией преступлений, связанных с организацией террористического сообщества и участия в нем.

Например, лицо принимало участие в деятельности устойчивой группы лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. По какой статье необходимо квалифицировать данное деяние? По ст. 205.4 или по ст. 205.5 УК РФ? Необходимо отметить, что подобного рода проблемы уже возникали в судебной практике применительно к ст. ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.

Предлагается более подробно рассмотреть правовые позиции Пленума ВС РФ в отношении экстремистского сообщества и экстремистской организации с целью применения по аналогии в отношении разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 204.5 и 204.6 УК РФ.

Так, под экстремистским сообществом (ст. 282.1 УК РФ) следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. При этом экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей). Для признания организованной группы экстремистским сообществом не требуется предварительного судебного решения о запрете либо ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации в связи с осуществлением экстремистской деятельности [6]. В то же время под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ч. 1 ст. 282.2 УК РФ), следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Под участием в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, направленных на осуществление целей экстремистской организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т.п.).

Таким образом, применительно к составам преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.4 и 205.5, можно сказать следующее. Деяние необходимо квалифицировать по ст. 205.5 УК РФ при наличии следующих условий: 1. Было создано юридическое лицо (организация), которое в установленном законом порядке было признано террористической организацией. 2. Лицо, участвующее в деятельности такой организации, осознавало, что оно участвует в деятельности официально признанной террористической организации.

При отсутствии этих условий квалификация по ст. 205.5 УК РФ осуществлена быть не может.

Квалификация по ст. 205.4 УК РФ осуществляется при наличии следующих условий:

1) наличие устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма;

2) наличие умысла лица на участие лица в устойчивой группе лиц, заранее объединившихся для совершения в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

По мнению А.Г. Хлебушкина, проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, является достаточно сложной проблемой. Он выделяет две ситуации, которые влияют на разграничение двух составов преступлений.

«Ситуация 1. После признания организации террористической ее участники какое-то время совершают действия, образующие участие в деятельности такой организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, вербовка новых участников и т.п.), и лишь после этого начинают совершать преступления террористической направленности.

Ситуация 2. После признания организации террористической ее участники сразу начали готовить или совершать преступления террористической направленности, предусмотренные ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иные преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, не осуществляя, соответственно, каких-либо иных действий, которые можно было бы расценить как участие в террористической организации.

В первой ситуации имеет место реальная совокупность, так как сначала осуществляются деяния, связанные с участием в деятельности террористической организации, а затем действия, образующие участие в террористическом сообществе, выражающееся в совершении преступлений террористической направленности. Фактически в данном случае нужно признать, что после того, как члены террористической организации стали совершать преступления террористической направленности, она перестала быть таковой и трансформировалась в террористическое сообщество.

Во второй же из приведенных ситуаций в силу того, что после признания организации террористической ее участники сразу начинают совершать преступления террористической направленности, она, соответственно, преобразуется в террористическое сообщество. Поэтому содеянное должно квалифицироваться только по ст. 205.4 УК РФ» [7].

Возникает вопрос, как быть, если не все участники организации, признанной в установленном порядке террористической, стали совершать и готовы совершать преступления террористической направленности?

На наш взгляд, для правильного разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, следует исходить из следующих положений.

1. Если лицо участвует в деятельности организации, признанной террористической, или руководит ею, то такое действие должно быть квалифицировано по ст. 205.5 УК РФ.

2. Если же лицо участвует в деятельности устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1,

205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, либо руководит ею, то тогда квалификация должна осуществляться по ст. 205.4 УК РФ.

3. Если лицо участвует в деятельности организации, признанной террористической, или руководит ею, а также участвует в деятельности устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, либо руководит ею, то квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений по ст. ст. 205.4 и 205.5 УК РФ [8].

Рассмотрим некоторые примеры из судебной практики.

Так, на основании решения Московского городского суда от 28 июня 2013 г. организация «Синдикат» Автономная боевая террористическая организация (АБТО)» была признана террористической, а ее деятельность запрещена. В обосновании данного решения суд указал, что в начале марта 2009 г. А. была создана организованная преступная группа с целью совершения террористических актов – взрывов и поджогов, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решений органами власти РФ об изменении внутренней национальной политики в интересах, по его мнению, истинных представителей русского народа, в том числе по ужесточению миграционной политики. Факт создания АБТО «Синдикат» для подготовки и осуществления террористических актов в указанных преступных целях, а также совершения членами данной организации серии террористических актов и их пропаганды в сети Интернет подтверждается вступившим в законную силу обвинительным приговором Московского городского суда от 12 апреля 2012 г. [9]

Проблема квалификации преступной организации в качестве террористической иллюстрируется следующим примером из судебной практики. В Определении ВС РФ от 12 августа 2015 г. N 5-АПГ15-31 отмечается, что Всероссийское общественное движение «Народное ополчение имени К. Минина и Д. Пожарского» (далее – НОМП) создано 21 февраля 2009 г., начальником штаба избран Квачков В.В., который являясь фактическим руководителем движения, приступил к реализации умысла на организацию: вооруженного мятежа с целью свержения конституционного строя РФ. Факт создания НОМП для организации вооруженного мятежа с целью свержения конституционного строя РФ установлен приговором Московского городского суда от 08 февраля 2013 г. в отношении Квачкова В.В. и К.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Квачков В.В. как руководитель НОМП действовал от имени и в целях организации, для достижения которых были разработаны планы и их поэтапное выполнение, что и реализовывалось посредством деятельности различных лиц в различных городах России. Проанализированные действия имели характер преступных и были квалифицированы по статьям 205.1, 280, 282 УК РФ, которые указаны в ч. 1 ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму», положения которой предусматривают запрет создания и деятельности организаций, цели или действия которых направлены на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277-280, 282.1-282.3 и 360 УК РФ. При этом суд пришел к выводу, что создание и деятельность НОМП были направлены в том числе на совершение указанных выше преступлений, что в силу положений указанных выше федеральных норм само по себе влечет запрет ее деятельности в РФ в рамках законодательства о противодействии терроризму [10].

Системное толкование норм права в совокупности с обстоятельствами гражданского дела позволило суду первой инстанции сделать обоснованный вывод о том, что деятельность НОМП носит террористический характер, направлена на создание и организацию преступного сообщества, организованной группы для реализации террористического акта, мятежа по захвату власти с физическим устранением сотрудников правоохранительных органов.

В другом деле Буйнакский районный суд Республики Дагестан вынес приговор от 09 июля 2015 г. по делу № 1-63/2015, в котором указал, что Сулейманов Т.М с февраля 2011 г. по сентябрь 2011 г. входил в созданное Абдуллаевым Г.А. преступное сообщество (преступную организацию) и принимал участие в ее деятельности, направленное на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. И признал Сулейманова Т.М виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 210, ч. 3 ст. 222 и ч. 3 ст. 222.1 УК РФ.

Абдуллаев Г.А., также пропагандируя среди участников НВФ идеи и цели о необходимости насильственного установления на территории РД шариатского правления, в период с нача-

ла 2011 г. из числа участников НВФ создал преступное сообщество (преступную организацию) для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, а также совершения действий, способных принудить органы власти РФ к принятию решения о предоставлении полной независимости субъектам Северо-Кавказского региона РФ и создания на их территории самостоятельного исламского государства, функционирующего на принципах шариата.

Судом было установлено, что основным способом достижения поставленной цели, по убеждению участников преступного сообщества (преступной организации), являлся «джихад», то есть вооруженная борьба против «неверных», к которым участники НВФ относили как представителей органов государственной власти и управления, так и граждан других вероисповеданий. Методами ведения «джихада» участниками НВФ были определены вооруженные нападения на сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, представителей органов государственной власти и управления, совершение террористических актов и диверсий.

Анализ указанных уголовных дел позволяет отметить, что существующая статья 205.4 УК РФ не применяется судами, вследствие отсутствия разъяснений высших судебных инстанций о смысле данной статьи и возможном применении ее при рассмотрении конкретных уголовных дел.

Другая проблема связана с разграничением оснований уголовной ответственности за организацию и участие в деятельности террористической организации (сообществе) и экстремистской организации. На основании Федерального закона от 2 ноября 2013 г. N 302-ФЗ в ч. 1 ст. 282.2 УК РФ внесены изменения, согласно которым данная норма устанавливает ответственность только за организацию и участие в деятельности экстремистской организации за исключением организаций, которые признаны террористическими. Однако подобными поправками законодатель не устранил существующие неточности и противоречия в основаниях признания организации террористической.

Партия исламского освобождения («Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами») – организация, которая имеет целью устранение неисламских правительств и установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания Всемирного исламского халифата первоначально в регионах с преимущественно мусульманским населением, включая Россию и страны СНГ. Основные формы деятельности – воинствующая исламистская пропаганда, сочетаемая с нетерпимостью к другим религиям; активная вербовка сторонников, целенаправленная работа по внесению раскола в общество (прежде всего пропагандистская с мощным финансовым подкреплением). Х., вступив в партию «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» в период с 2000 по 2003 гг., 20 ноября 2003 г. узнал от сотрудников правоохранительных органов, что данная партия признана террористической и ее деятельность запрещена на территории РФ, однако впоследствии участвовал в ее деятельности. Участие выразилось в том, что Х. неоднократно передавал депутатам местного законодательного органа и корреспонденту местной телекомпании обращение партии «Хизб-ут-Тахрир» к общественности, содержащее программные положения данной партии, а также он дал интервью корреспонденту местной телекомпании, в котором рассказал о деятельности, программе, целях партии «Хизб-ут-Тахрир» [11].

Так, Решением ВС РФ международные организации «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра (Фронт победы) были признаны террористическими и запрещена их деятельность на территории РФ [12]. Целью «Исламского государства» является создание на территории Сирии, Ирака и Ливана исламского суннитского государства, живущего по законам шариата, а также ведение так называемой священной войны (джихада) с «неверными» (кафирами) во всем мире.

Приговором Бабаюртовского районного суда Республики Дагестан от 19 сентября 2014 г. гражданин России Г. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ. С ноября 2013 г. по январь 2014 г. на территории Сирии он участвовал в незаконном вооруженном формировании «джамаат Шугьада». Следственным отделом УФСБ России по Республике Татарстан расследуется уголовное дело N <...>, возбужденное 9 июня 2014 г. по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ (участие с декабря 2013 г. по февраль 2014 г. гражданина РФ в действующем на территории Сирии вооруженном формировании «Джебхат ан-Нусра»).

Вопросы процессуального различия признания организации террористической и признания организации террористическим сообществом показывают следующие примеры из судебной практики. Решением ВС РФ от 17 ноября 2014 г. по делу N АКПИ14-1292С были признаны экстремистскими украинские организации «Правый сектор», «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА – УНСО), «Украинская повстанческая армия» (УПА), «Тризуб им. Степана Бандеры», «Братство» и запрещена их деятельность на территории РФ [13]. Судом были оценены цели деятельности указанных организаций, проведенные национа-

листические акции. В частности, отмечается, что в основу идеологии «Правого сектора» заложены радикальный украинский национализм и подчеркнутая русофобия. Одной из заявленных целей «Правого сектора» является осуществление вооруженного противодействия «российской агрессии в Крыму».

На основании изложенного предлагается дополнить диспозицию статьи 205.4 УК РФ указанием на то, что террористическим сообществом может быть признана устойчивая группа лиц, объединившихся не только на территории Российской Федерации, но и на территории иных государств, а также международная организация, соответствующие иным признакам, указанным в ст. 205.4 УК РФ. Считаем необходимым разъяснить вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ в Постановлении Пленума ВС РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Макаров С. Правила и алгоритмы квалификации преступлений в теории и практике // Уголовное право. – 2013. – N 4. – С. 33-39.
2. Горелик А.С. Конкуренция уголовно-правовых норм. – Красноярск, 1998.
3. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М., 1999.
4. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. – Екатеринбург, 1995.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Городец, 2007.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – N 8.
7. Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. – 2014. – N 2. – С. 82-87.
8. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. – 2015. – N 3. – С. 28-30.
9. Решение Московского городского суда от 28 июня 2013 г. по делу N 3-0067/2013 // Официальный сайт Московского городского суда [электронный ресурс]: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/inf/gi1/?pn=6&id=140> (дата обращения: 20.03.2014).
10. Определение Верховного Суда РФ от 12.08.2015 N 5-АПГ15-31 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.10.2015).
11. Архив суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югра. Дело N 2-22/05 за 2005 г.
12. Решение ВС РФ от 29 декабря 2014 г. по делу N АКПИ14-1424С // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 01.11.2015).
13. Решение Верховного Суда РФ от 17.11.2014 по делу N АКПИ14-1292С // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 31.10.2015).

REFERENCES

1. Makarov S. The rules and qualifications crimes algorithms in theory and practice. [Pravila i algoritmy kvalifikacii prestuplenij v teorii i praktike]. Uголовное право. 2013. No. 4. Pp. 33-39. (in Russ.).
2. Gorelik A.S. Competition criminal law [Konkurencija uголовно-pravovyh norm]. Krasnojarsk, 1998. (in Russ.).
3. Inogamova-Hegaj L.V. Competition criminal law [Konkurencija norm uголовного права]. M., 1999. (in Russ.).
4. Neznamova Z.A. Collisions in criminal law. [Kollizii v uголовnom prave]. Ekaterinburg, 1995. (in Russ.).
5. Kuznetsova N.F. Problems of qualification of crimes: Lectures on a special course "Basics of qualification of crimes". [Problemy kvalifikacii prestuplenij: Lekcii po speckursu "Osnovy kvalifikacii prestuplenij"]. Nauch. red. V.N. Kudryavcev. M.: Gorodec, 2007. (in Russ.).
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 28.06.2011 No. 11 "O sudebnoj praktike po uголовnym delam o prestuplenijah jekstremistskoj napravlenosti". Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. 2011. No. 8.
7. Hlebushkin A. Organization of the activity of a terrorist organization and participation in the activities of the organization (Article 205.5 of the Criminal Code.): Criminally-legal characteristic and qualification. [Organizacija dejatel'nosti terroris-ticheskoj organizacii i uchastie v dejatel'nosti takoj organizacii (st. 205.5 UK RF): uголовно-pravovaja harakteristika i kvalifikacija]. Uголовное право. 2014. No. 2. Pp. 82-87. (in Russ.).
8. Osipov M.Ju. On some problems of qualification of terrorist-related crimes. [O nekotoryh problemah kvalifikacii prestuplenij terroris-ticheskoj napravlenosti]. Rossijskaja justicija. 2015. No. 3. Pp. 28-30. (in Russ.).
9. Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28 ijunja 2013 g. po delu No. 3-0067/2013. Available at: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/inf/gi1/?pn=6&id=140> (accessed 20.03.2014).
10. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 12.08.2015 No. 5-APG15-31. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 31.10.2015).
11. Arhiv suda Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga - Jugra. Delo No. 2-22/05 za 2005 g. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 31.10.2015).
12. Reshenie VS RF ot 29 dekabnja 2014 g. po delu No. AKPI14-1424S. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 31.10.2015).

13. Reshenie Verhovnogo Suda RF ot 17.11.2014 po delu No. AKPI14-1292S. Available at: <http://www.consultant.ru/> (accessed 31.10.2015).

Информация об авторе

Кондратенко Зарина Камилевна, кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права и процесса, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия
mati07@rambler.ru

Получена: 23.01.2016

Для цитирования статьи: Кондратенко З.К. Уголовная ответственность за организацию террористического сообщества и участие в нём как направление обеспечения национальной безопасности. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 21-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-21-27

Information about the author

Kondratenko Zarina K., Candidate of Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Mari State University, Yoshkar-Ola City, Russia
mati07@rambler.ru

Received: 23.01.2016

For article citation: Kondratenko Z.K. Criminal liability for organizing terrorist community and participation in it as a direction national security. [Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu terroristicheskogo soobshchestva i uchastie v nem kak napravlenie obespecheniya natsional'noy bezopasnosti]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 21-27.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-21-27

УДК 316.422

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33

УЗЛОВ Юрий Андреевич,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
uzlov@inbox.ru

UZLOV Yuri A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
uzlov@inbox.ru

ГЕОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЛАВЯНСКОГО МИРА

GEOCULTURAL TRANSFORMATION OF SLAVIC WORLD

В статье рассматриваются геокультурные возможности государства реализовать свои национальные интересы, которые в немалой степени зависят от представлений о нем мировой общественности. Особое значение это имеет в тех случаях, когда речь идет о государствах, политика которых в большей или меньшей степени затрагивает интересы всего мирового сообщества. Если говорить о России, то все отчетливее проявляется ее стремление вернуть себе былые утраченные позиции в мировой политике в целях усиления своей роли в глобальном развитии и восстановления статуса ведущей мировой державы. Существующий в мировом общественном мнении образ России складывался в ходе сложного процесса и подвержен влиянию ряда разнородных факторов. Поэтому трезвая оценка роли России в мире предполагает уяснение механизма этого процесса, уточнение участвующих в нем сил, осмысление всей его противоречивости и культурно-исторической детерминированности.

The article discusses geocultural possibilities of the state to realize its national interests, which largely depend on the beliefs of the world community. This is of particular importance in cases, when it comes to the States, a policy which to a greater or lesser extent affect the interests of the entire international community. If to speak about Russia, it becomes more and more evident her desire to regain the former lost ground in world politics, seeking to strengthen its role in global development and recovery status as a leading world power. Existing in international public opinion the image of Russia was formed during a complex process and influenced by several heterogeneous factors. So a sober assessment of Russia's role in the world involves understanding the mechanism of this process, clarification of forces involved, understanding all its strife and cultural and historical determinism.

Ключевые слова: геокультурные возможности, национальные интересы, мировая политика, образ России

Keywords: geocultural opportunities, national interests, world politics, image of Russia

Западные политтехнологи спровоцировали русофобские настроения на Украине после известных событий 2013–2014 гг., потребовались оскорбления национального достоинства миллионов русских людей, угроз физической расправы, чтобы начался активный процесс научного осмысления таких доминировавших в массовом сознании понятий, как «славянский мир», «русский мир», «братский народ», «нерушимое единство».

Социально-исторические и культурологические предпосылки появления идей славянской направленности зародились в землях западных славян, и связано это было с национально-освободительным движением, одним из основных элементов которого была мысль о необходимости единения и взаимопомощи славянских народов. В России интерес к этому движению возник в XIX в. после наполеоновских войн в среде русской интеллигенции.

Идеи славянства актуализировались и играли важную роль в решении геополитических проблем на протяжении последующих столетий: в 1941 г. стали основой организации Всеславянского комитета для мобилизации борьбы народов против фашистской Германии; в 1946 г. состоялся Всеславянский собор с участием представителей славянских народов; в 2005 г. IX Всеславянский съезд объявил о создании Союзного государства Беларуси и России, что послужило сигналом к воссозданию многополярного мира.

Кубанский госуниверситет является научным центром по изучению славяноведения, где изучают историю славянского мира: российско-украинские отношения; исторический и этнокультурный выбор славянских народов; культурное наследие. Кубанские ученые накопили определенный теоретический и эмпирический материал по концептуализации феномена «славянства», исследованию сущности, содержания и динамики этого образа в контексте исторических проблем, межнациональных коммуникаций и оценке влияния на процессы трансляции образа на международной арене.

При всей важности исследуемого вопроса, литературные источники не содержат четкого определения категорий «славянство», «русский мир», имеет место разброс суждений и мнений, что связано с большим набором понятий, которые несут эти образы.

Для общественной формации, составляющей мировой эволюционный процесс, справедлив закон дивергенции – множественность и сложность цивилизаций, существующих в непрерывной конкуренции, взаимном обогащении и дополнении: жизнеспособные, отвечающие условиям среды обитания вытесняют архаичные, менее способные адаптироваться к изменяющимся условиям и новациям, в итоге происходит синтез и взаимное проникновение. Каждое цивилизационное образование является сложной эволюционирующей системой, внутри которой

происходит непрерывное взаимодействие различных конкурирующих форм: производственной, духовной и культурной, одни элементы идут на смену другим.

Наряду с вариабельностью цивилизационных характеристик существуют консервативные, определяющие особенности этноса во временном пространстве и выстраивающие возможные схемы и тенденции исторического развития. История славянского мира оказалась под влиянием природно-климатических, географических и геополитических факторов: особое положение между Востоком и Западом обуславливало культурное многообразие славянских народов и возникновение геокультурных феноменов.

Такого рода образования относятся к категории «пограничных»: целостные общности, сформировавшиеся на границах крупных цивилизационных образований на протяжении длительного времени и в результате синтеза близкородственных и генетически отдаленных культур.

Для такого рода образований характерны такие признаки, как полиэтничность, поликонфессиональность, толерантность, религиозная веротерпимость, способность к культурной адаптации к достижениям и ценностям других культур. Эти категории в полной мере относятся к славянству и русскому миру в целом.

Особенностью пограничных образований является незавершенность и нереализованность культурного синтеза, что делает эти образования перманентно переходными, противоречивыми и непредсказуемыми, они особо чувствительны в глобальной конкурентной борьбе.

Автор теории конфликта цивилизаций Арнольд Тойнби [1] обратил внимание на необходимость исследования отношений «экуменического характера», понимая под ним социальные отношения вселенского, всемирного масштаба, подчеркивая принципиальное отличие геополитики периода глобализации от международных отношений эпохи модерна.

Комплекс подобных проблем глобального характера возник вскоре после распада СССР, когда после более двух десятилетий возникла ситуация геополитического свойства – растущие претензии как старых, так и новых государств на высокий уровень качества жизни.

Из более 190 государственных образований, которые, являясь членами ООН, составляют современную цивилизацию, по-настоящему самодостаточными являются единицы. Страны-лидеры стали таковыми не только по причине наличия на их территории жизненно необходимых ресурсов: углеводородов, природного газа, руды металлов, коксующегося угля, минеральных удобрений, – но и высокого уровня технико-экономического развития. Страны, не являющиеся самодостаточными экономически, а значит, и политически, самостоятельно свою жизнедеятельность обеспечить не могут. Они в той или иной мере вынуждены ориентироваться на лидеров развития, что порождает сложные проблемы и для самих ведущих стран.

В результате во многом негативный процесс противостояния великих держав провоцируют те самые до конца не состоявшие страны, которые на рынке мирового разделения труда и торговли способны предложить лишь политические услуги одной из сверхдержав в ее противостоянии с другой сверхдержавой. Это относится не только к бывшим союзным республикам бывшего СССР. Проблемы отношений международной безопасности, которые создают мировому сообществу восточноевропейские страны, вполне сравнимы с последствиями религиозного экстремизма.

Можно ли рассматривать глобальные проблемы современности как угрозу миру, имея в виду события в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и Украине? Глобализм и его негативные последствия нельзя связывать с XX веком. Предпосылки глобализации закладывались на протяжении всей истории человечества. На протяжении последних веков народы мира решали две проблемы: достижение национального суверенитета и независимости, свободы от внешнего гнета и установление демократического контроля над собственной властью, подчинение ее конституционно-правовым нормам.

А.С. Панарин [2, с. 183-185] называет величайшей иллюзией утверждение, что процесс глобальной модернизации осуществляется в русле единой общечеловеческой перспективы, так как приобщение менее развитых стран к единому эталону развитых стран в ходе этого процесса рушится.

Что касается отношений Украины с Россией, то с украинцами у нас одна колыбель – Киев; одна купель – Херсонес Таврический, где был крещен князь Владимир, продолживший с берегов Днепра крещение Святой Руси. Именно благодаря этническому и конфессиональному единению веками формировались и укреплялись отношения между братскими славянскими народами.

Вскоре после распада Советского Союза наши «славянские братья» быстро переориентировались на Запад. Такое развитие событий предвидели еще наши предки: «Начнут они свою

новую жизнь именно с того, что выпросят себе у Европы, Англии и Германии ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта; никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! – писал в 1877 году Ф.М. Достоевский [3].

Современная интеграция – это процесс формирования единого финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно информационных, технологий, что качественно изменяет природу бизнеса, характер сотрудничества между развитыми и развивающимися странами, инвестиции уступают место изъятию финансовых и интеллектуальных ресурсов. Как отмечает М.Г. Делягин [4, с. 185-186], разрыв между богатыми и бедными странами на базе действия такой системы будет стремительно увеличиваться.

В политическом отношении такая политика ведет не к интеграции, а к монополизации и формированию однополярного мира, центром такого образования выступает финансовый капитал ряда развитых стран под эгидой Соединенных Штатов Америки, при этом акторы не останавливаются на финансово-экономических манипуляциях, понимая, что наиболее эффективным бизнесом является глобальное преобразование человеческого сознания.

Традиционно считалось, что основным предметом труда было изменение природы, теперь – воздействие на человеческое сознание. Многообразные виды и формы PR-технологий и рекламы, в отличие от традиционного маркетинга, приспосабливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей к товару. Интенсивное развитие получили технологии манипулирования сознанием и поведением людей с помощью различных форм пропаганды, принижения национальных и культурных традиций, навязывания чужих социальных норм и ценностей.

Индустриальная цивилизация, породив мощную научно-техническую базу, реализуя феномен глобализации экономики, в своих духовно-ценностных ориентациях осталась на уровне примитивных идей общества массового потребления.

На этом фоне проблемы славянства и русского мира получили свое развитие в трудах С.Н. Артановского, С.Н. Иконникова, М.С. Кагана, А.С. Кармина; транснациональные формы развития сформулировали Ф.К. Кесседи, А.С. Панарин, М.М. Решетников, А.И. Уткин, Ф.А. Федорова, В.К. Шохин.

Если рассматривать современные нации в интерпретации В.Н. Стрелецкого [5, с. 330], то они представляют собой механизм пространственной самоорганизации культурологических комплексов и их носителей, сообщества людей, объединенных общей территорией, культурой и языком. В таком качестве границы языковых миров проходят не по территориям, как принято считать, а по людям и в зависимости от того, на каком языке человек говорит и думает, определяется его принадлежность к геокультурному или цивилизационному пространству.

Геокультура как метод исследования, обладает уникальными возможностями и способностями в осмыслении и сохранении образов и традиций в интерпретации исторических образов в своем локальном пространстве, она выступает одновременно как процесс и как результат развития, что позволяет рассматривать ее в качестве инструмента влияния на социокультурное пространство.

При всей очевидности геокультуры как метода, семантического определения этого явления нет, что порождает вариативность позиций, достаточно неоднородных. Возникают ситуации, когда объект несет в себе двойную смысловую нагрузку: с одной стороны, он представляет структурный компонент физической географии, с другой – сферу материальной деятельности, набор культурологических образов, синтезируемых из разнообразных природных, социальных, материальных и идеальных элементов, которые формируют конкретное цивилизационное пространство.

Геокультура в сфере материальной деятельности есть системная концепция геополитических и геоэкономических проблем, в такой плоскости она рассматривается как традиция образов, формирующих цивилизационное пространство, располагающее набором персональных схем и являющееся способом политического проектирования, основанного на мобилизации определенных культурологических признаков.

Геокультура может быть представлена как система устойчивых связей и представлений, которые формируются на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и

норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования: сохранение этих устоев позволяет говорить об уровне институционального развития.

Таким образом, геокультура приобретает форму брендинга территорий, входящего и выходящего за свои цивилизационные рамки; в качестве таких субъектов могут выступать народы, не входящие в ядро той или иной цивилизации, в том числе принадлежащие к цивилизационным лимитрофам.

Современные экономические, политические и культурные диспропорции усложняют возможности построения гармоничного мира без его унификации. В аксиологическом измерении объект нашего исследования представляет собой поле, в котором сконцентрированы различные схемы, влияющие друг на друга, в том числе на динамику пространства. Пространственные схемы обладают определенным смысловым зарядом, способствуя формированию «силового поля», оказывающего воздействие на близлежащие участки славянского мира.

А.С. Колесников [6] рассматривает славянский мир как специфическое историко-философское направление, где кроме экономического уклада содержится система социальных взаимоотношений между членами общества, производство, распределение и набор базовых мировоззренческих установок, где компоненты этого комплекса взаимосвязаны, взаимодействуют и формируют единое цивилизационное пространство.

Н.В. Круглова [7], исследуя типы исторических культур, называет первым проектом глобализации эллинистическую культуру, которая, с характерными чертами универсализма, легла в основу западноевропейской цивилизации. Завоевание Александром Македонским Передней Азии и Средней Азии привело к созданию эллинистического мира. Греческая культура, склонная к универсализму, стала взаимодействовать с другими культурами.

Римская империя повторила культурные процессы эллинистического мира: впитала эллинистическую и создала глобальную культуру; привнесла в западную культуру свои принципы морали, права, политического сознания, создав унифицированную государственно-правовую организацию, свои характерные черты. Благодаря Римской цивилизации зародился средневековый Запад. Эллинистическая цивилизация не исчезла, хотя и закончилось ее развитие как органического целого. Эллинизм – уникальное явление, давшее общекультурные ценности во всех областях духовной и материальной человеческой деятельности.

Византийский мир имеет свои особенности: греко-римские и восточные традиции наложили отпечаток на общественную жизнь, государственность, религию, философию и культуру. Византийский мир, отличаясь от Востока и Запада, являлся в то же время связующим звеном двух миров. Византийский мир оказал глубокое влияние на страны средневековой Европы, ареал распространения которого – от Южной Италии и Сицилии до Балканского полуострова, Крыма и Кавказа.

Русь могла окончательно слиться со славянами не ранее XII в. Русская Правда знает очень хорошо русина, противопоставляя его варягу-колбягу (иностранцу) и славянину. Это очень характерная черта в русской традиции. Обычно источники права варваров закрепляли правовое положение не только разных слоев населения, но и этносов по-разному. Варварские правды знают подобную дифференциацию между народами-завоевателями и, например, римлянами, продолжающими жить по праву квиристов. Но что выделяет русскую правовую, равно как и культурно-государственную, цивилизацию из общего ряда варварских и античных образов западноевропейской культуры, так это отказ от этнической обособленности как принципа государственной жизни [8, с. 139].

Запад и Восток распространяли свою идеологию, культуру, религию, образ жизни в глобальном масштабе: Рим охватил своим влиянием практически все европейские страны; на Балканском полуострове и далее на севере, за нижним течением Дуная, а также в странах между Черным и Балтийским морями, где образовалось Русское государство, возобладали Византийская цивилизация. Народы, вступившие на поприще всемирно-исторического процесса, распределились между глобальными образованиями.

Византийский мир представлял собой своеобразную картину, где геокультурное и геополитическое пространства, находясь в близком соприкосновении, привели к фактическому сращиванию светской и духовной власти с последующим обретением идеи Вселенской Восточной Римской империи, что нашло свое подтверждение в послании патриарха Антония московскому князю Василию I (XIV). Византийское пространство было во многом космополитическим: на Афоне уживались греческие, русские, сербские, румынские монахи, а различного рода переписчики и переводчики священных книг на национальные языки создавали цепь эффективных культурных коммуникаций, которые пронизывали это пространство, насыщали его и делали более плотным [9, с. 281, 460].

Византийский мир был неоднородным: периферия отличалась религиозным синкретизмом; процессы аккультурации проходили здесь достаточно медленно, о чем свидетельствует

процесс слияния и взаимодействия языческих и православных традиций. Геокультурное пространство Византии было, по существу, еще более пластичным и гибким, нежели геополитическое пространство. Оно продолжало функционировать в автономном режиме и после падения империи, хотя основные культурные связи были отодвинуты Османской империей на север Балкан и на Русь, в пределы Сербии, Румынии, Молдавии и Московского государства. Это геокультурное пространство имело, в отличие от пространства геополитического, структуру, где внутренние культурные границы представляли собой ряд переходных зон. Основным проводником влияния оставалась церковь. Важную роль в становлении славянства как мира, сыграл церковно-славянский язык, созданный для нужд геокультурной периферии, в немалой степени способствовавший сохранению и консервации византийского наследия.

Д.Н. Замятин [10, с. 125-138] считает, что географическое разнообразие отдельных регионов, стран и континентов делает практически невозможным представление о некоем едином, магистральном образе мирового развития в его цивилизационных, социальных, политических и экономических контекстах. Образ мирового развития – это системы скоординированных «цепочек» или кластеров целенаправленных, специфических географических мегаобразов, включающих в себя устойчивые представления о динамике геопространственного развития тех или иных человеческих сообществ.

Славянский мир ориентирован на сближение государственных и общественных инициатив славянских народов во взглядах на создание жизнеутверждающего мировоззрения и практического проведение его в жизнь. Славяне самою природою избавлены от той насильственности характера, которую народам романо-германским при вековой работе цивилизации удается только перемещать из одной деятельности в другую.

А.Ф. Гильфердинг, анализируя причины утраты к XIX в. рядом славянских народов своей государственности, объяснял это отсутствием единства, неспособностью устоять перед внешним давлением. Славяне недостаточно привержены традициям, слабо укоренены в национальной почве – в результате с легкостью перенимают чуждую культуру, оказываются подвержены зарубежному влиянию и заменяют свой собственный быт иностранным. История подчинила их господству общественных начал Запада. Славянин в Чехии, в Моравии и Каринтии разнится от соседа немца, словака, мадьяра только языком, костюмом, обычаями и особенностями своего характера. В общественной жизни он отождествился с немцем или мадьяром, его понятия о государстве и государственной власти, религиозное направление ничем не отличались от взглядов, принятых в западном мире [11]. Как бы то ни было, начиная с XII в. Русь выступает как главный идеологический противник Европы.

И.И. Дусинский [12, с. 72] полагает, что русских побуждает к сближению со славянами врожденное родственное чувство, сознание славянского единства: славянство нужно России и еще более Россия нужна славянам. Будущее славянского мира лежит во взаимном согласии, единении и понимании общих выгод, только политическое объединение способно раз и навсегда обезопасить их земли и дать толчок широкому культурному развитию.

Независимость без единства ослабляет славянство, делает его игрищем посторонних интересов и интриг, вооружает друг против друга. Единство без независимости лишает его свободы, широты и разнообразия внутренней жизни.

Анализ источников показывает, что большая часть исследователей славянства рассматривает проблему сквозь призму эволюции европейских народов и присущие этому процессу явления и по аналогии переносят на другие цивилизации. Такой подход вполне вписывается в проект системной концепции глобальных проблем. Оставаясь многочисленным социокультурным сообществом, славянские народы обрели во многом иной облик, что подтверждает наличие в современном мире встречных доминирующих тенденций – глобализации и национально-культурной дифференциации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник. / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова, – М.: Рольф, 2001.
2. Ланарин А.С. Глобализация // Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Полн. собр. соч. Т. 26. – Л.: Наука, 1984.
4. Десягин М.Г. Глобализация // Глобалистика. Энциклопедия. – М., 2003.
5. Стрелецкий В.Н. Геопространство в культурной географии // Гуманитарная география: научный и культурно-просветительский альманах. – М., 2005.
6. Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток-Запад. – СПб., 2004.
7. Круглова Н.В. Проблема смены исторических типов культур (Античность и Средневековье). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/cultmtro08.html>.
8. Исаев М.А. Лекции по истории русского права и государства. Вып. 1. – М.: МГИМО, 1996.
9. Оболенский Д. Византийское Содружество Наций: Шесть византийских портретов. – М.: Янус-К, 1998.

10. Замятин Д.Н. Географические образы мирового развития // Общественные науки и современность. – № 1. – М., 2001.
11. Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство. – М., 2009.
12. Дусинский И. Геополитика России. – М., 2003.

REFERENCES

1. Toynbee A.J. The study of history. Collection. Transl. engl. E.D. Zharkov, M., Rolf, 2001.
2. Panarin A.S. Globalization. Global Studies. Encyclopedia. M., 2003.
3. Dostoevsky F.M. the Diary of a writer. Full. SOBR. Op. Vol. 26. Publishing house "Nauka". L., 1984.
4. Delyagin M.G. Globalization. Global Studies. Encyclopedia. M., 2003.
5. Streletsky V.N. Geospace in cultural geography. Humanitarian geography: scientific and cultural-educational almanac. M., 2005.
6. Kolesnikov A.S. comparative Philosophy: East-West. St. Petersburg, 2004.
7. Kruglov N.V. The problem of a change of historical types of cultures (Antiquity and the middle Ages). Available at: <http://anthropology.ru/ru/texts/kruglova/cultmtro 08.html>.
8. Isaev M.A. Lectures on the history of Russian law and the state. Vol. 1. M.: MGIMO, 1996.
9. Obolensky D. the Byzantine Commonwealth: Six Byzantine portraits. Moscow: Yanus-K, 1998.
10. Zamyatin D.N. Geographical images of the world development. [Geograficheskie obrazy mirovogo razvitiya]. Social Sciences and modernity. No. 1. M., 2001.
11. Hilferding A.F. Russia and Slavic people. M.: 2009.
12. Dusinsky I. The Geopolitics of Russia. M.: 2003.

Информация об авторе

Узлов Юрий Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
e-mail: uzlov@inbox.ru

Получена: 17.02.2016

Для цитирования статьи: Узлов Ю.А. Геокультурная трансформация славянского мира. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с.28-33.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33

Information about the author

Uzlov Yuri A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University, Krasnodar, Russia
uzlov@inbox.ru

Received: 17.02.2016

For article citation: Uzlov Yu.A. Geocultural transformation of Slavic world. [Geokul'turnaya transformatsiya slavyanskogo mira]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 28-33.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-28-33

Исторические науки

Historical Sciences

УДК 93/94"1966/1975"

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-37-44

АЛЕКСЕЕНКО Ольга Ивановна,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Краснодарский филиал,
г. Краснодар, Россия
alexeenko.olga2016@yandex.ru

ALEKSEENKO Olga I.,
Plekhanov Russian Economic University, Krasnodar branch,
Krasnodar, Russia
alexeenko.olga2016@yandex.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО
РАЗВИТИЮ ПРОИЗВОДСТВА
ЗЕРНОУБОРОЧНЫХ КОМБАЙНОВ В
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1966-1975 гг.**

**ACTIVITY OF AUTHORITIES ON
DEVELOPMENT OF MANUFACTURE OF
COMBINE HARVESTERS IN ROSTOV AREA IN
1966-1975**

В статье на базе опубликованных и архивных документов, научно-исследовательской литературы рассмотрена деятельность партийно-государственных органов по развитию сельскохозяйственного машиностроения в Ростовской области в годы 8-й и 9-й пятилеток. В статье изучены решения мартовского и сентябрьского 1965 г. Пленумов ЦК КПСС, директивы и постановления XXIII съезда КПСС, Совета Министров СССР, разработавшие основы аграрной политики партии и государства в течение исследуемого периода, поставившие перед предприятиями сельскохозяйственного и тракторного машиностроения конкретные задачи. Автором подробно освещены мероприятия, проводившиеся под руководством государственных органов власти, Ростовского областного комитета КПСС и местных партийных организаций, на ведущих предприятиях отрасли – Ростовском заводе сельскохозяйственного машиностроения (Ростсельмаше) и Таганрогском комбайновом заводе: разработка и выпуск новых моделей зерноуборочных комбайнов, их последующая модификация, модернизация производства и управления, распространение передовых методов организации труда. Автор показала широкое привлечение к решению сложных производственных задач технико-экономических советов (ТЭС), Таганрогского Государственного специального конструкторского бюро (ГСКБ), общественных организаций (научно-техническое общество (НТО) машиностроительной промышленности, профсоюзы, Комсомол, общественные конструкторские бюро), изобретателей и рационализаторов, инженерно-технических работников (ИТР), ученых, новаторов производства. В статье отмечена высокая конкурентоспособность комбайнов СК-4, «Нива», «Колос», «Дон», выпускавшихся этими заводами в 1960–1980-х гг., на мировом рынке. Автор делает вывод о необходимости использования накопленного в советский период опыта в процессе восстановления сельскохозяйственного машиностроения, а также поддержки со стороны органов государственной власти и управления современной России.

In article on basis of published and archival documents, research literature activity of party-state bodies on development of agricultural mechanical engineering in Rostov area within 8-th and 9-th five-year periods is considered. In article decisions March and September 1965 of Plenums of Central Committee of CPSU, instruction and decision of XXIII congress of CPSU, Ministerial council of USSR, developed bases of an agrarian policy of party and state during investigated period, put before the enterprises of agricultural and tractor mechanical engineering specific targets are studied. Author in detail shines actions, spent under direction of state authorities, Rostov regional committee of CPSU and local party organizations, on leading enterprises of branch – Rostov factory of agricultural mechanical engineering (Rostselmash) and Taganrog factory of combines: development and release of new models of combine harvesters, their subsequent updating, modernization of manufacture and management, distribution of advanced methods of organization of work. Author has shown wide attraction to decision of complex industrial problems of technical and economic advice (TEA), Taganrog State special design office (TSSDO), public organizations (scientific and technical society (STS) to machine engineering industry, trade unions, Komsomol, public design offices), inventors and rationalizers, technical officers (TO), scientists, innovators of manufacture. In article high competitiveness of combines SK-4, "Field", "Ear", "Don", issued by these factories in 1960-1980, in the world market is noted. Author does conclusion about necessity of use of experience, saved up in Soviet period, during restoration of agricultural mechanical engineering, and also support from bodies of government and management of modern Russia.

Ключевые слова: СССР, КПСС, 8-я и 9-я пятилетки, сельскохозяйственное машиностроение, Ростовская область, Ростсельмаш, Таганрогский комбайновый завод, комбайны

Keywords: USSR, CPSU, 8 and 9 five-year periods, agricultural mechanical engineering, Rostov area, Rostselmash, Taganrog's factory of combines, combines

Партийно-государственная власть СССР придавала исключительное значение развитию агропромышленной интеграции, созданию и укреплению материально-технической базы сельского хозяйства, обеспечению индустриализации сельского хозяйства. Это способствовало ослаблению зависимости сельского хозяйства от влияния природно-климатических условий, смягчению сезонности и нестандартности производства продуктов растениеводства и животноводства. Индустриализация сельского хозяйства в СССР была планомерным процессом, организуемым и направляемым государством, точнее, партийно-государственным руководством, а ее основой служила общая индустриализация страны. К 1980-м гг. сельское хозяйство в СССР в основном перешло на машинную стадию с качественным преобразованием всех сторон производства: материально-технической базы, технологии, организации производства, труда и управления. Подобное преобразование требовало значительных капитальных вложений, ускорения развития отраслей промышленности, поставлявших сельскому хозяйству средства производства, широкого развития агропромышленной интеграции. Все это стало возможным при поддержке и под руководством государства. Интенсивное оснащение сельского хозяйства в

СССР средствами производства началось в 1960-е гг. Так, в 1960–1985 гг. количество зерноуборочных комбайнов в хозяйствах страны увеличилось с 497 тыс. до 832 тыс. [1].

В течение советского периода фактически заново была создана материально-техническая база сельского хозяйства, и основа ее была заложена руками работников предприятий сельскохозяйственного машиностроения, в том числе комбайностроителями. С послевоенного времени ежегодное производство зерноуборочных комбайнов исчислялось десятками тысяч [2, с. 21], темпы их поставок селу резко возросли в изучаемый период. В решении проблемы производства техники для села в 1960-х – 1970-х гг. определяющую роль сыграли мартовский и сентябрьский 1965 г. Пленумы ЦК КПСС. Мартовский 1965 г. Пленум, разработавший основы аграрной политики партии на последующие два десятилетия, проанализировал причины отставания сельского хозяйства и в качестве одной из них назвал недостаточное оснащение колхозов и совхозов техникой, запасными частями. В связи с этим предусматривалось увеличение производства тракторов к концу восьмой пятилетки почти в 2 раза по сравнению с 1965 г., зерноуборочных комбайнов – в 1,4 раза. Кроме того, намечалось значительное увеличение выпуска другой техники для нужд сельского хозяйства.

Согласно директивам XXIII съезда КПСС, в восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) планировалось построить 80 новых заводов по производству техники для села и оборудования для тракторных и комбайновых заводов. Наряду с увеличением выпуска сельхозтехники важно было повысить ее надежность, долговечность, ремонтпригодность и эксплуатационную технологичность, улучшить эргономические параметры и т.п. [3, с. 23, 49, 50]. Выполняя директивы мартовского 1965 г. Пленума, ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли до 1979 г. 14 специальных постановлений, ставивших перед предприятиями сельскохозяйственного и тракторного машиностроения конкретные задачи. В частности, предусматривалось обеспечение сельского хозяйства тракторами, комбайнами, транспортными средствами, землеройной техникой; ускорение развития в 8-й пятилетке выпуска тракторов, самоходных шасси, двигателей и запасных частей к ним, улучшение их качества и т.д. [4, с. 177; 5, с. 55, 472–479].

Важное место в создании техники для села принадлежало промышленности Ростовской области, где имелось 10 предприятий этого профиля. Наиболее крупными заводами являлись Ростовский (Ростсельмаш) и Таганрогский заводы комбайнов. Ростовская область являлась регионом развитого сельскохозяйственного машиностроения, значимым не только в масштабе СССР, но и обеспечивавшим массовый экспорт продукции. «Ростсельмаш» и Таганрогский комбайновый заводы занимались изготовлением конечной продукции, имели относительно полный производственный цикл, являлись лидерами советского и мирового сельскохозяйственного машиностроения. Их история началась еще в первые десятилетия XX в. Строительство завода сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону началось во второй половине 1927 г., а 1 января 1931 г. он вступил в строй действующих, получив государственный план выпуска продукции. С апреля 1931 г. предприятие стало именоваться «Ростсельмаш». В январе 1931 г. началось строительство цеха комбайнов, что явилось новым поворотом в развитии предприятия – ему суждено было стать лидером отечественного комбайностроения. Сборочный цех комбайнов завода «Ростсельмаш» вступил в строй в январе 1932 г., а в мае на поля страны уже отправили первый эшелон комбайнов «Сталинец-1». Построив Ростсельмаш, страна не только перестала ввозить комбайны из-за границы, но и сама начала их экспортировать. 14 июня 1940 г. на главном конвейере собрали уже 50-тысячный комбайн «Сталинец-1». С августа 1955 г. Ростсельмаш стал специализироваться на выпуске зерноуборочных комбайнов, также началась подготовка выпуска новой уборочной машины – комбайна РСМ-8. Этот комбайн так же, как и «Сталинец-1» и «Сталинец-6», разработали конструкторы завода Ростсельмаш. Комбайн РСМ-8 производился с конца 1956 г. и до начала 1958 г., их было выпущено 50 тыс. [6; 7].

В марте 1958 г. завод получил новое задание – перейти на выпуск самоходных комбайнов СК-3. 12 июля уже выпустили первые 27 самоходных комбайнов, изготовленных по разработкам конструкторов таганрогского Государственного специального конструкторского бюро (ГСКБ) под руководством Х.И. Изаксона. В феврале 1962 г. Ростсельмаш приступил к выпуску следующей серийной модели – СК-4, которая превосходила предыдущую по производительности на 25% и приобрела исключительную мировую популярность, а в СССР стала наиболее распространенным комбайном. СК-4 признали самой награждаемой моделью среди зерноуборочных машин всего мира. В августе 1969 г. Ростсельмаш выпустил свой миллионный по счету комбайн. В 1973 г. завод осуществил переход на выпуск новой модели СК-5 «Нива», представленной в нескольких модификациях. В 1970-е гг. Ростсельмаш был полностью реконструирован и превратился в специализированное предприятие по производству зерноуборочной техники. К своему 50-летию в 1979 г. завод занимал стабильное лидирующее положение в отрасли. В начале 1980-х гг. завод приступил к разработке и внедрению в производство высокоэффективных зерноуборочных комбайнов «Дон». В феврале 1984 г. с главного конвейера Ростсельмаша сошел двухмиллионный комбайн, а уже в октябре 1986 г. в серийное производство запустили

первые «Доны» [6; 7]. Следующим этапом в истории предприятия стало его преобразование в конце 1992 г. из государственного в акционерное общество открытого типа, собственником которого стал его коллектив. Однако в условиях общей деиндустриализации постсоветской России началась стремительная деградация завода. Только с 2000 г. новый владелец завода, холдинг «Новое содружество», принял ряд мер к возрождению предприятия. По состоянию на 2013 г. компания «Ростсельмаш» входит в пятерку крупнейших мировых производителей сельскохозяйственной техники. В ее составе – 13 предприятий, производственными площадками которых являются Канада, Россия, США, Украина и Казахстан. Сегодняшняя продукция Ростсельмаша – это 24 типа зерноуборочной, кормоуборочной и почвообрабатывающей сельскохозяйственной техники, более чем 150 моделей и модификаций, экспортируемой в 26 стран мира. Сегодня с конвейера компании «Ростсельмаш» сходят четыре серии зерноуборочных комбайнов: роторный Togum, классический 1-барабанный Acros, надежный и производительный Vector, проверенный временем комбайн «Нива» [6; 7].

Не менее интересна история Таганрогского комбайнового завода. В 1915 г. в юго-западной части Таганрога началось строительство производственных зданий под эвакуированный из Ревеля (Таллина) Русско-Балтийский завод, а в сентябре 1916 г. уже наладили выпуск артиллерийских снарядов для русской армии. В 1925 г. завод был перепрофилирован в инструментальный, а в 1932 г. здесь построили новые цеха. Продукция завода стала технически усложняться, она включала: запасные части для тракторов, лодочные моторы, мотоциклы ТИЗ АМ-600. В 1945 г. завод стал предприятием сельхозмашиностроения и в 1947 г. освоил производство первого в СССР самоходного комбайна С-4. В 1948 г. предприятие получило название «Таганрогский комбайновый завод» (ТКЗ). В 1953 г. на его базе сформировали ГСКБ по зерноуборочным машинам. В 1958 г. завод перешел на выпуск комбайна СК-3, который на Всемирной выставке в Брюсселе удостоился Гран-при. В 1960 г. завершилось создание комбайна СК-4, награжденного по итогам международных сравнительных испытаний в Венгрии Большой золотой медалью. За разработку нового комбайна и организацию его массового производства в 1964 г. директору завода Н.В. Лутая, главному конструктору ГСКБ Х.И. Изаксону, ведущим инженерам-конструкторам А.Г. Авашкину, Е.А. Горбачеву, Е.К. Румянцеву, В.Г. Шумакову была присуждена Ленинская премия. В 1971 г. начался выпуск комбайна СК-6П «Колос», а в 1973 г. на международной выставке «Агромашэкспо» в Будапеште он был удостоен золотой медали. В 1993 г. производственное объединение ТКЗ преобразовали в акционерное общество открытого типа. Предприятие, оказавшееся в тяжелом финансовом положении, обанкротилось и с начала 2000-х гг. не существует [8].

В изучаемый нами период вопросы технического перевооружения названных крупнейших предприятий отрасли настойчиво решались Ростовским областным руководством во главе с обкомом КПСС. В мае 1967 г. бюро обкома приняло специальное постановление «О мерах по повышению технического уровня производства и увеличению производственных мощностей на «Ростсельмаше»». Выполняя это постановление, партийная организация, дирекция завода привлекли специалистов производства, научно-техническое общество (НТО) машиностроительной промышленности и другие общественные организации. Предусматривалось на базе развития специализированных производств широкое внедрение автоматического и специального оборудования, что способствовало бы улучшению условий труда, повышению уровня механизации и автоматизации производственных процессов, погрузочно-разгрузочных, транспортных и складских работ. Предварительный подсчет показал, что к 1972 г. рост объема производства составил бы 34%, а производительности труда – 38%. Намечалось внедрение более 600 организационно-технических мероприятий, охватывавших все стороны деятельности завода. Подобные планы были составлены на ТКЗ и ряде других предприятий [9, с. 65].

Бюро Ростовского обкома КПСС одобрило опыт руководства и персонала Ростсельмаша по составлению планов технического перевооружения, рекомендовало активно его использовать, применяя все новейшие достижения науки и техники, привлекая ученых, специалистов научно-исследовательских и проектно-конструкторских учреждений. Ростовский и Таганрогский горкомы партии в своих перспективных планах уделили внимание обобщению, распространению опыта работы предприятий, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций по разработке и внедрению достижений науки и техники, научной организации труда. Этому способствовало также создание при Ростовском обкоме КПСС, ряде горкомов и райкомов партии технико-экономических советов (ТЭС). Партийные организации с помощью ТЭСов активизировали деятельность НТО, рационализаторов и изобретателей, новаторов производства, ученых [10, л. 12,13; 11, л. 2-4]. Деятельность ТЭСов в Ростовской области и Краснодарском крае в 1970-х гг. обстоятельно рассмотрена в публикациях Б.В. Улезко [12; 13].

В Ростовской области стали чаще и с большей эффективностью производиться общественные смотры, конкурсы, технические выставки, рейды народных контролеров, комсомоль-

ских прожектористов, общественных корреспондентов по данной проблематике. Областной комитет партии постоянно контролировал деятельность горкомов. На заседаниях бюро, секретариата ОК КПСС заслушивались доклады о работе Ростовского, Таганрогского, Миллеровского и других горкомов по внедрению новой техники, распространению передового опыта. Указанной проблеме был посвящен XII пленум обкома КПСС, состоявшийся 31 октября 1970 г., который подвел итоги работы парторганизаций различных предприятий области, отметил положительные результаты и недостатки. Особое внимание уделялось анализу положения дел на крупнейших предприятиях сельскохозяйственного машиностроения [14, л. 9-10; 15, с. 93-95; 16, л. 6; 17, л. 10-14].

Значительных успехов достиг в годы 8-й пятилетки Таганрогский комбайновый завод. Партком предприятия считал важнейшей задачей установление тесных связей с научно-исследовательскими и конструкторскими учреждениями, поэтому были налажены контакты с 26 научно-исследовательскими и проектно-технологическими институтами. Кроме того, создавались творческие бригады, общественные конструкторские бюро, совершенствовалась система материального и морального поощрения за внедрение новой техники. Для работы парткома и администрации ТКЗ был характерен комплексный подход к делу. Механизация и автоматизация затрагивали не только основные, но и вспомогательные производства, что обеспечивало высвобождение сотен рабочих, занятых тяжелым физическим трудом. Партийные, профсоюзные и научно-технические общественные организации заботились об улучшении условий труда, культуры и быта работников. Были реконструированы бытовые помещения, столовые, буфеты, улучшены условия работы в цехах, что положительно сказалось на стабильности коллектива.

Для выявления нерешенных проблем в коллективе ТКЗ партком совместно с учеными Таганрогского педагогического института провели социологическое исследование о взаимоотношениях руководителей и подчиненных в процессе производства. Изучение микроклимата в коллективе показало, что часть руководителей бригад, участков не обладает необходимыми качествами для работы с людьми или им не хватает опыта. Партком ТКЗ по специальной программе организовал обучение руководящих кадров всех категорий искусству руководства коллективом. К проведению занятий привлекались ученые, специалисты предприятий, издавались методические пособия, лучший опыт обобщался на научно-практических конференциях. В результате в бригадах и на участках улучшилась творческая обстановка, повысилась роль коллективов в укреплении дисциплины труда, в воспитании гордости за свой завод. Социологические исследования показали, что 93% комбайностроителей были довольны коллективом, в котором трудились, с 1967 г. по 1970 г. вдвое снизилась текучесть кадров [18, л. 22-23]. Создание на предприятии стабильных трудовых коллективов, пропаганда научно-технического прогресса (НТП), привлечение рабочих, ИТР и управленцев к обсуждению ежегодных планов повышения технического уровня предприятия в итоге дало положительные результаты, усилило в коллективе чувство причастности к решаемым проблемам. Так, уровень механизации повысился на процессах основного производства с 50 до 85 %, на вспомогательном – с 47 до 78 %. За годы 8-й пятилетки на ТКЗ внедрили более 2 тыс. мероприятий по новой технике с экономическим эффектом в 6,5 млн руб. К концу пятилетки здесь работало 68 автоматических, полуавтоматических и механизированных линий, более 1 тыс. автоматов, полуавтоматов и специальных станков [18, л. 22-23].

Значительные успехи были достигнуты и на заводе Ростсельмаш, особенно в тех цехах, где механизация и автоматизация осуществлялась комплексно. Важную роль в деле внедрения достижений НТП в производство сыграли заводские советы Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Благодаря им количество членов ВОИР в 1967–1970 гг. выросло на 1 978 чел., достигнув 6 255 чел. Заводской совет ВОИР регулярно направлял деятельность новаторов, проводил заседания, на которых руководители цехов отчитывались о положении в подразделениях, намечались меры по устранению недостатков. Рационализаторы получали квалифицированные консультации со стороны конструкторов и ИТР. За три года члены ВОИР подали 13 182 рационализаторских предложений, из которых были приняты 8 544 и внедрены 7 615 [16, л. 13, 14, 16, 57-59; 19]. В процессе выполнения планов технического перевооружения партийная организация и дирекция завода Ростсельмаш осуществили комплекс организационно-технических мероприятий, в цехах и на участках внедрили 14 автоматических и 20 поточных линий. До 90% возрос уровень механизации и автоматизации сварочных работ, в строй вошли несколько важных производственных объектов. В течение 1966–1970 гг. ростсельмашевцы увеличили производство комбайнов до 320 в сутки. За успехи по выполнению заданий 8-й пятилетки коллектив завода наградили орденом Трудового Красного Знамени [9, с. 65]. Важной задачей партийных структур стала мобилизация рабочих и ИТР заводов тракторного и сельскохозяйственного машиностроения на поиск резервов для повышения эффективности производства. Например, бюро Ростовского обкома КПСС поддержало инициативу народных контролеров Ростсельмаша, выявивших излишества в системе управления предприятием. В

результате разработали более рациональную структуру управления, причем расходы на содержание управленческого аппарата сократились на 500 тыс. руб. [20, л. 17].

Как известно, в СССР, начиная с 1920-х гг., большое внимание уделялось научной организации труда (НОТ) на основе достижений науки и техники, физиологии и гигиены, направленной на улучшение организационных форм использования живого труда. Вопросы внедрения НОТ и управления производством постоянно находились в центре внимания руководства Ростовской области: их рассматривали на заседаниях бюро, пленумов областного, городских и районных комитетов КПСС. Ростовский обком КПСС организовал в 1967–1970 гг. проведение ряда научно-технических конференций, посвященных этой проблеме. На них обобщались результаты внедрения НОТ на предприятиях, в том числе и сельхозмашиностроения, отмечалась значительная работа, проделанная в этом направлении партийными, профсоюзными органами, администрациями завода «Ростсельмаш» и др. Обком КПСС рекомендовал городским и районным комитетам партии, профсоюзным и комсомольским органам реализовывать на практике выводы и советы научно-технических конференций, организовал постоянно действующий семинар по изучению научных основ организации и управления производством для руководящих работников и специалистов промышленных предприятий [14, л. 61; 21; 22, с. 61; 23, л. 15-16; 24, л. 28].

Общему успеху дела способствовало повсеместное распространение опыта работы по творческим экономическим планам коллектива валогибочного участка механосборочного цеха Ростсельмаша, возглавляемого Д.В. Ефимовым. Этот почин поддерживали рабочие завода, чему в немалой степени способствовали агитаторы, политинформаторы, многотиражная газета «Ростсельмашевец». Для изучения опыта Д.В. Ефимова создали специальные школы, на заводе разработали и утвердили положение о материальном поощрении рабочих и мастеров за экономию и бережливость. Партийный комитет завода, анализируя работу 500 партийных групп, обобщил работу лучших из них. Одним из первых сэкономил материальных ценностей на 70 тыс. руб. за год коллектив цеха ковкого чугуна. Партийная группа добилась того, что не только бригада, но и каждый рабочий имел свои обязательства по экономии материалов [25, л. 165, 166, 168, 169; 26, л. 287]. Благодаря усилиям партийной организации и администрации увеличилось количество бригад, работавших по творческим экономическим планам, от реализации которых завод получил в 1967 г. экономию в 1 552 тыс. руб. Коллектив Ростсельмаша выступил инициатором распространения нового метода в масштабах всей области.

9 апреля 1968 г. бюро Ростовского обкома КПСС приняло специальное постановление по дальнейшему распространению на предприятиях региона опыта работы по творческим экономическим планам в условиях экономической реформы. Новым моментом в развитии этого движения стало включение по предложению Д.В. Ефимова в творческие экономические планы мер, повышающих производительность труда, экономящих рабочее время, материальные ценности. Они позволяли лучше организовать труд на рабочих местах, вести многостаночное обслуживание, обучать передовым методам труда рабочих, увеличить срок эксплуатации оборудования, инструмента, оснастки [27, л. 73-77; 28, л. 7-10]. Нельзя не заметить, что имелись трудности и недостатки, элементы бесхозяйственности. Так, на заводе «Ростсельмаш» в 1969 г. получили экономии от работы по творческим экономическим планам 1 279 тыс. руб., за что рабочим выплатили вознаграждений в размере 171 тыс. руб. Одновременно за выполнение работы в выходные дни рабочие получили 828 тыс. руб. Непроизводительные затраты составили 1 757 тыс. руб. Общими усилиями имевшиеся недостатки преодолевались. В годы 9-й пятилетки в трудовых коллективах появились и другие ценные инициативы [29, л. 29-30].

Организаторская деятельность партии и государства в сочетании с увеличением капиталовложений в отрасль привели к тому, что производство зерноуборочных комбайнов в 1966–1975 гг. было модернизировано, выросли поставки комбайнов сельскому хозяйству, повысилась их производительность. Кроме того, улучшились условия труда комбайнеров за счет внедрения подрессоренных сидений, вентиляторов, пылезащитных устройств, других новшеств. Советские зерноуборочные комбайны по праву заняли ведущее место в мировом комбайностроении, их годовой выпуск составил 99,2 тыс. в 1970 г. и 88,4 тыс. в 1974 г. Снижение количества связано с ростом производительности новых моделей, а также с повышением их ресурса, улучшением параметров ремонтпригодности и эксплуатационной технологичности [2, с. 5-6; 30]. Очевидно, что примененные партийно-государственным руководством СССР и его регионов методы мотивирования промышленно-производственного персонала отрасли на количественный и качественный рост выпуска сельскохозяйственной техники соответствовали специфике советского хозяйственного механизма и оказались достаточно эффективными. Однако еще важнее стала деятельная нацеленность руководящих органов на решение этой проблемы. Именно такую нацеленность при серьезном подходе к решению проблемы импортозамещения предстоит возродить и развить, в первую очередь, в современной России. Ясно, что это невозможно без вос-

становления отрасли сельскохозяйственного машиностроения. Сегодняшний исходный уровень для решения этой задачи выглядит удручающе. Обратим внимание на то, что с самого начала рыночных преобразований в России «наши западные партнеры», имевшие решающее влияние на определение их целей и задач, приняли эффективные меры к ликвидации в стране всех предприятий промышленности, выступавших конкурентами для западных производителей.

В результате в 2013 г. российскими предприятиями было выпущено 5 939 зерноуборочных комбайнов, что на порядок меньше, чем в исследуемый период. Лидером среди производителей зерноуборочных комбайнов, как и в советский период, являлся Ростсельмаш. В 2013 г. с конвейера завода сошло 2 960 зерноуборочных машин, что составило 49,85% всего российского производства. При этом предприятие, по сравнению с 2012 г., нарастило производство на 23,6%. Импорт зерноуборочных комбайнов в 2013 г. вырос более чем в 2 раза, по сравнению с 2012 г. – до 2 813, причем 2 061 комбайн, или 73% всего импорта, пришелся на Республику Беларусь [31].

По нашему мнению, ситуация в сельскохозяйственном машиностроении не является катастрофической. Органам власти и управления в России необходимо восстановить и реализовать упомянутую выше деятельную нацеленность, обеспечить рост выпуска зерноуборочных комбайнов при высоком уровне локализации производства, ибо «отверточная сборка» не дает страховки от технико-экономического и иного шантажа со стороны «партнеров».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Индустриализация сельского хозяйства [Электронный ресурс] - URL: http://agricultural_dictionary.academic.ru/2572 (дата обращения: 09.03.2016).
2. Силицын И.Ф. Тракторное и сельскохозяйственное машиностроение в девятой пятилетке. – М.: Машиностроение, 1976. – 129 с.
3. Пленум Центрального комитета КПСС 24-26 марта 1965 г.: Стенограф. отчет. – М.: Политиздат, 1965. – 243 с.
4. Справочник партийного работника (март 1964 г. – янв. 1966 г.). – Вып. 6 / Ред. кол.: Боголюбов К.М. [и др.]. – М.: Политиздат, 1966. – 544 с.
5. Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док-тов: В 16 т. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков; Под общ. ред. К.М. Боголюбова, М.С. Смиртюкова. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 7. – 686 с.
6. Ростсельмаш – история завода [Электронный ресурс] - URL: http://www.avtomash.ru/pred/rost/rost_istori.htm (дата обращения: 09.03.2016).
7. Зерноуборочные комбайны компании Ростсельмаш [Электронный ресурс] - URL: <http://www.ya-fermer.ru/4-serii-zernouborochnyh-kombaynov-kompanii-rostselmash> (дата обращения: 09.03.2016).
8. Смерть гиганта [Электронный ресурс] - URL: <http://kerrangjke.livejournal.com/50455.html> (дата обращения: 09.03.2016).
9. Арсенал степных кораблей: Рассказ о Ростсельмаше и ростсельмашевцах. – Ростов н/Дону: Кн. изд-во, 1979. – 191 с.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.9. Оп.39. Д.35.
11. ЦДНИРО. Ф.9. Оп. 39. Д. 334.
12. Улезко Б.В. Социально-политическое регулирование научно-технического прогресса в промышленности Краснодарского края и Ростовской области (1971–1980 гг.). – Краснодар: Изд-во Науч.-иссл. ин-та экономики ЮФО, 2008. – 168 с.
13. Улезко Б.В. Деятельность технико-экономических советов Кубани и Дона по повышению эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и укреплению связи науки с производством в 1970-х гг. // Кубанские исторические чтения: Мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 6 июня 2014 г.). – Краснодар: Изд-во Краснодар. ЦНТИ, 2014. – С. 63-69.
14. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.39. Д.218.
15. Алексеенко О.И. Партийно-государственное руководство развитием механизации и электрификации сельского хозяйства Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев в годы 8-й и 9-й пятилеток // Кубанские исторические чтения: Мат-лы Первой межвуз. науч.-практ. конф. (Краснодар, 14 мая 2010 г.). – Краснодар: Краснодар. ЦНТИ, 2010. – С. 91-100.
16. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.39. Д.242.
17. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.50. Д.338.
18. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.50. Д.28.
19. Ростсельмашевец. – 1970. – 3 марта.
20. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.334.
21. Молот. – 1967. – 26 сент.
22. Бондаренко И. Хлебоборам – отличные машины (Из опыта партийной работы). – М.: Сов. Россия, 1972. – 191 с.
23. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.394.
24. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.39. Д.147.
25. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.176.
26. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.154.
27. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.266.
28. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.39. Д.41.

29. ЦДНИРО. Ф.9. Оп.2. Д.405.
30. Сельскохозяйственное машиностроение [Электронный ресурс] - URL: <http://bse.sci-lib.com/article101045.html> (дата обращения: 09.03.2016).
31. Обзор российского рынка сельхозтехники [Электронный ресурс] - URL: <http://agro2b.ru/ru/companiesnews/18589-Obzor-rossijskogo-rynka-selhoztehniki-zernou-borochnye-kombajny.html> (дата обращения: 09.03.2016).

REFERENCES

1. Industrializatsiya selskogo hozaystva (Industrialization of an agriculture) Available at: http://agricultural_dictionary.academic.ru/2572/ (accessed 9 March 2016) (in Russ.)
2. Sinitsyn I.F. Tractor and agricultural mechanical engineering in the ninth five-years period. [Tractornoe i selskoye hozaystvennoe mashinostroyeniye v devyatyoy pyatiletke]. M.: Mechanical engineering, 1976, 129 p. (in Russ.)
3. Plenum of Central committee of CPSU on March, 24-26th 1965. [Plenum Zentralnogo komiteta KPSS]: Verbatim record. M.: Politizdat, 1965, 243 p. (in Russ.)
4. The directory of the party worker (March 1964 г.-January 1966). [Spravochnik partiynogo rabotnika], Release 6, edit. Bogoljubov K.M. [etc.]. M.: Politizdat, 1966, 544 p. (in Russ.)
5. Decisions of a party and the government on economic questions. [Resheniya partii i pravitelstva po hozaystvennim voprosam], Col. of doc.: In 16 Vol., Vol. 7 / Comp. K.U. Chernenko, M.S. Smirtjukov; Under the gen. edit. K.M. Bogolyubov, M.S. Smirtjukova. M.: Politizdat, 1970, 686 p. (in Russ.)
6. Rostselmash – istoriya zavoda (Rostselmash – history of a factory) Available at: http://www.avtomash.ru/pred/rost/rost_istori.htm (accessed 9 March 2016) (in Russ.)
7. Zernouborochnye kombayni kompanii Rostselmash (Combine harvesters of the company a Rostselmash) Available at: <http://www.ya-fermer.ru/4-serii-zernouborochnyh-kombaynov-kompanii-rostselmash> (accessed 9 March 2016) (in Russ.)
8. Smert giganta (Death of the giant) Available at: <http://kerrangjke.livejournal.com/50455.html> (accessed 9 March 2016) (in Russ.)
9. Arsenal of the steppe ships: the Story about Rostselmash and Rostselmash's workers. [Arsenal stepnykh korablye: rasskaz o Rostselmash i rostselmashevykh]. Rostov to/Don: Book Publishing house, 1979, 191 p. (in Russ.)
10. Center of the documentation of the newest history of Rostov area. [Zentr dokumentazii noveyhey istorii Rostovskoy oblasti] (CDNHRA), F. 9, Inv. 39, Doc. 35. (in Russ.)
11. CDNHRA, F. 9, Inv. 39, Doc. 334. (in Russ.)
12. Ulezko B.V. Sociopolitical regulation of scientific and technical progress in the industry of Krasnodar territory and Rostov area (1971-1980). [Socialno-politicheskoe regulirovaniye nauchno-technicheskogo progressa i promichlennosti Krasnodarskogo kraya i Rostovskoy oblasti (1971-1980)]. Krasnodar: Publishing house of Scientific research institute of economy of SFD, 2008, 168 p. (in Russ.)
13. Ulezko B.V. Activity of technical and economic advice of Kuban and Don on increase of efficiency of research and developmental works and strengthening of communication of a science with manufacture in 1970th. [Deyatelnost tekhniko-ekonomicheskikh sovetov Kubani i Dona po povysheniyu effektivnosti nauchno-issledovatel'skikh i opitno-konstruktor'skikh rabot i ukrepleniyu svyazi nauki s proizvodstvom v 1970-h gg.]. Kubanskie istoricheskie chteniya = Kuban historical readings: Mat-s of Vth of International scient.-pract. conf. (Krasnodar, on June, 6th, 2014). Krasnodar: Publishing house of Krasnodar CSTI, 2014. Pp. 63-69. (in Russ.)
14. CDNHRA, F. 9, Inv. 39, Doc. 218. (in Russ.)
15. Alekseenko O.I. Party and State leadership of the development of mechanization and electrification of Agriculture of Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories during the 8th and 9th Five-Year. [Partiynno-gosudarstvennoye rukovodstvo rasvitiem mehanizatsii i elektrofikatsii selskogo hozyaystva Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev v godi 8 i 9 pyatiletok]. Kubanskie istoricheskie chteniya = Kuban historical readings: Mat-s of First Interuniversity scient.-pract. conf. (Krasnodar, on May, 14th, 2010). Krasnodar: Krasnodar. CSTI, 2010. Pp. 91-100. (in Russ.)
16. CDNHRA, F. 9, Inv. 39, Doc. 242. (in Russ.)
17. CDNHRA, F. 9, Inv. 50, Doc. 338. (in Russ.)
18. CDNHRA, F. 9, Inv. 50, Doc. 28. (in Russ.)
19. Rostselmash's worker. [Rostselmashevets], 1970, on March, 3rd. (in Russ.)
20. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 334. (in Russ.)
21. Molot, 1967, on September, 26th. (in Russ.)
22. Bondarenko I. Hleborobam – excellent machines (From experience of party work). [Hleborobam – otlichnyy mashina (Iz opyta partiynoy raboty)]. M.: Sov. Russia, 1972, 191 p. (in Russ.)
23. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 394. (in Russ.)
24. CDNHRA, F. 9, Inv. 39, Doc. 147. (in Russ.)
25. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 176. (in Russ.)
26. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 154. (in Russ.)
27. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 266. (in Russ.)
28. CDNHRA, F. 9, Inv. 39, Doc. 41 (in Russ.)
29. CDNHRA, F. 9, Inv. 2, Doc. 405. (in Russ.)
30. Selskoye hozaystvennoye mashinostroyeniye (Agricultural mechanical engineering) Available at: <http://bse.sci-lib.com/article101045.html> (accessed 9 March 2016) (in Russ.)
31. Obzor rossiyskogo rynka selhoztehniki (The review of the Russian market of agricultural machinery) Available at: <http://agro2b.ru/ru/companiesnews/18589-Obzor-rossijskogo-rynka-selhoztehniki-zernou-borochnye-kombajny.html> (accessed 9 March 2016) (in Russ.)

Информация об авторе

Алексеевко Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Краснодарский филиал,
г. Краснодар, Россия
alexeenko.olga2016@yandex.ru

Получена: 15.02.2016

Для цитирования статьи: Алексеевко О.И. Деятельность органов власти по развитию производства зерноуборочных комбайнов в Ростовской области в 1966-1975 гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Ч. 37-44с. 37-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-37-44

Information about the author

Alekseenko Olga I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities Disciplines, Plekhanov Russian Economic University, Krasnodar branch,
Krasnodar, Russia
alexeenko.olga2016@yandex.ru

Received: 15.02.2016

For article citation: Alekseenko O.I. Activity of authorities on development of manufacture of combine harvesters in Rostov area in 1966-1975. [Deyatel'nost' organov vlasti po razvitiyu proizvodstva zernouborochnykh kombaynov v Rostovskoy oblasti v 1966-1975 gg.]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 37-44.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-37-44

УДК 94(470)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-45-51

АНТОШКИН Анатолий Васильевич,
Гимназия № 2,
г. Стерлитамак, Россия
aav151284@rambler.ru

ANTOSHKIN Anatoly V.,
Gimnasium No. 2,
Sterlitamak, Russia
aav151284@rambler.ru

ТОРГОВЛЯ БАШКИРИИ В ПЕРВОМ ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

TRADE IN BASHKIRIA IN THE FIRST FIVE- YEAR PLAN FOR THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

В статье исследуется проектирование развития торговли Башкирии в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства. На основе архивного материала анализируется динамика товарооборота, рост торговой сети и перераспределение секторов торговли, выявляется роль планирования в сохранении баланса спроса и предложения на рынке Башкирии. Торговля являлась частью производственных социалистических отношений в экономике и была основана на господстве государственного и кооперативного секторов. В соответствии с пятилетним планом торговля республики значительно эволюционировала, но в первоначальном варианте плана сохранялось сочетание рыночных механизмов регулирования с директивными методами, а контрольные цифры рассчитывались Наркоматом торговли на основании анализа рыночной конъюнктуры. Круг источников различного ведомственного происхождения, привлеченный к исследованию, позволяет также заключить, что в первоначальном плане ядром системы товарооборота оставалась именно торговля как таковая, а не централизованное распределение и нормированное снабжение. В первом пятилетнем плане кооперативная торговля проектировалась Наркоматом торговли независимо от всего кооперативного сектора. В руках потребительской кооперации находилась большая часть розничной торговли республики. Автором доказывается, что торговля Башкирии изначально проектировалась в качестве основной формы хозяйственной связи между сферами производства и потребления.

The given article analyses modeling the development of trade in Bashkiria in the first five-year plan of the development of the national economy. On the basis of archive materials, it analyses the dynamics of the trade turnover, the growth of the trading network and the redistribution of trade sectors; it discloses the role of planning in maintaining the balance of demand and supply in the market in Bashkiria. Trade was part of the socialist industrial economy and was based upon the domination of the state-controlled and cooperative sectors. In accordance with the five-year plan, trade in Bashkiria was to evolve significantly, but in the first version of the plan there remained a combination of market-economy regulating mechanisms and prescriptive methods, and the control figures were calculated by the People's Committee for Trade on the basis of analyzing the market conditions. The variety of documents issued by different institutions which this article considers allows the conclusion that in the original version of the plan it was trade itself, not the centralized distribution and standardized supply that remained the core of the system of the trade turnover. In the first five-year plan cooperative trade was considered by the People's Committee for Trade regardless of all the rest of the cooperative sector. Consumers' cooperation handled the most part of retail trade in the republic. The author argues that trade in Bashkiria was slated to be the main form of economic relationship between the industry and consumers.

Ключевые слова: торговля, рынок, потребительская кооперация, пятилетний план, покупательный фонд, ценовая промышленность, директивное планирование, рыночная конъюнктура, Башкирия.

Keywords: trade, market, consumers' cooperation, five-year plan, buying fund, census industry, prescriptive planning, market conditions, Bashkiria.

Важность темы исследования обусловлена тем, что закономерности развития торговли Советской Башкирии могут быть верно определены только на основе анализа основных закономерностей плановой социалистической экономики. Опыт хозяйствования, приобретенный в годы первой пятилетки, имеет особую ценность потому, что государство социалистического типа взяло на себя задачу регулирования сложной по составу многоукладной экономической системы. Государство осуществляло регулирование, стремясь подчинить деятельность каждого сектора единой цели – построению обобществленной экономики. Сегодня в Российской Федерации процесс раскручивается в обратном порядке. Поле прямого государственного вмешательства и регулирования существенно сократилось, произошла правовая и экономическая дифференциация предприятий. В этих условиях крайне важно не допустить обострения противоречий между интересами субъектов системы товарооборота. Очевидна необходимость сохранения баланса интересов государства и хозяйствующих субъектов в сфере торговли. В этой связи актуальна и практически значима постановка цели в данной статье: выявление закономерностей и особенностей планирования развертывания торговли Башкирии в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства.

В условиях перехода к плановой экономике сохранялась объективная закономерность товарного производства, которое, в свою очередь, регулировалось государственным планом. Плановость развития социалистического хозяйства вовсе не означала устранения товарно-денежных отношений, а лишь определяла специфический характер этих отношений в условиях социализма [1, с. 5]. Планирование товарооборота в границах отдельной республики представляло ряд известных особенностей. Последние вытекали из той зависимости, в которой находилась Башкирия по отношению к народнохозяйственному механизму в целом. Объем товарооборота был обусловлен размерами товарной массы, обращавшейся на рынке. С другой стороны, рыночное предложение в пределах отдельной республики зависело не только от ее собственных производственных ресурсов, но и от того, в какой мере Башкирия могла обеспечивать свои нужды завозом продукции извне.

Это особенность имела особое значение, так как предметом пятилетнего плана развития торговли являлся главным образом посреднический товарооборот. Перспективы развития торговых оборотов намечались им, следовательно, в части, проходившей через посреднический аппарат. Товарная продукция Башкирии местного происхождения в довольно большой доле сбывалась производителем непосредственно потребителю, минуя торговый аппарат. Наоборот, ввозимая товарная масса целиком являлась объектом посреднического товарооборота. Таким образом, торговые обороты, проектируемые в республиканском масштабе, не могли развиваться в прямой и исключительной зависимости от роста товарной массы местной промышленности и сельского хозяйства. Однако динамика товарной продукции Башкирии косвенным образом влияла на размеры рыночного спроса, так как ею определялись доходы и покупательная способность населения.

Если развитие посреднической торговли (безотносительно к товароснабжению республики) зависело от платежеспособного спроса, то другим фактором, отражавшимся на цифре товарооборота, являлся уровень цен. При прочих равных условиях, то есть при неизменной покупательной способности, данный фактор оказывал влияние на потребление в пределах рынка и не поддавался достаточно точному учету со стороны местного Наркомата торговли при составлении контрольных цифр [2, л. 53].

При планировании развития торговли требовалось поддерживать необходимые пропорции в развитии всех отраслей народного хозяйства [3, с. 83]. Принимая покупательную способность населения в качестве основной предпосылки для установления возможных размеров товарооборота, следует выяснить, как она проявлялась в хозяйственной обстановке Башкирии.

Экономика Башкирии развивалась под преимущественным воздействием сельского хозяйства. Это отражалось не только на объеме, но и на качественной стороне товарного потребления населения. В такой структуре хозяйства крылась причина более или менее резких колебаний общего спроса населения от одного года к другому, а также и сезонный характер самой торговли.

С другой стороны, роль сельского хозяйства в общем развитии чрезвычайно сильно ограничивалась его низкой товарностью. За первую пятилетку в целом по Советскому Союзу по посевным площадям обобществленный сектор должен был иметь 27 млн га: 22 млн – у колхозов и 5 млн – у совхозов. Доля обобществленного сектора в валовой продукции должна была составить 16%, а в товарной продукции зерна – 43%. В связи с этим по-иному ставилась вся зерновая проблема, вся проблема снабжения городов и потребляющих районов. По мнению властей, государство смогло бы держать в своих руках такие мощные рычаги в деле регулирования товарооборота между городом и деревней, что трудности, которые страна переживала в конце 1920-х гг., в конце пятилетки должны были стать легко преодолимы [4, с. 26].

Доля товарной продукции по отношению к валовой составляла в Башкирии в 1925/1926 г. лишь 12,6%, а в 1927/1928 г. она поднялась до 14,9%, то есть незначительно [2, л. 54].

Помимо значительной доли, потребляемой в производящем хозяйстве, довольно большая часть сельскохозяйственной продукции обращалась на внутреннем крестьянском рынке, не выходя за пределы деревни. Обмен внутри деревни, понижая размер организованного товарооборота, вместе с тем не повышал покупательной способности деревни. По мере усиления влияния государственно-кооперативного аппарата на сельскохозяйственном рынке внутрикрестьянский оборот должен был последовательно уменьшаться.

Повышение же покупательной способности деревни за первую пятилетку ожидалось главным образом в связи с общим ростом товарности сельского хозяйства. К концу пятилетки она в соответствии с планом должна была увеличиться до 20,6% [2, л. 55].

Что касается цензовой промышленности Башкирии, то по размерам своей валовой продукции она занимала гораздо меньшее место, чем валовая продукция сельского хозяйства. Следует отметить, что товарная продукция цензовой промышленности по своей абсолютной величине, наоборот, была несколько выше, чем товарная часть сельского хозяйства.

До начала реализации первого пятилетнего плана промышленность Башкирии не играла большой роли в деле снабжения местного рынка, хотя ее рост и оказывал влияние на повышение платежеспособного спроса со стороны занятых в ней рабочих. Намеченное пятилетним планом увеличение как численности наемного персонала, так и уровня заработной платы должно было полностью учитываться местным Наркоматом торговли при определении перспектив роста покупательной способности. Наряду с этим, повышение благосостояния данной группы населения должно было получить отражение и в составе потребления в сторону увеличения в нем доли промышленных товаров.

Нетрудовые и прочие группы городского и сельского населения участвовали в образовании общего покупательного фонда в сравнительно небольшой доле. Продолжавшееся сокращение численности данных категорий и, следовательно, их доходов должно было вызывать уменьшение удельного веса во всех фондах при некотором росте абсолютной суммы за счет увеличения доходов преимущественно по группе лиц свободных профессий. Направление и темп развития покупательной способности в течение пятилетки должны были предопределять-

ся изменениями доходности и социально-экономической перегруппировкой категорий населения. Эти изменения, в свою очередь, следовало рассматривать как результат намеченных планом тенденций в основных отраслях хозяйства Башкирии.

Исключая нетоварные расходы из общих доходов, получаем потенциальную покупательную способность двух главных групп населения. С присоединением покупательного фонда нетрудовых и прочих групп неземледельческого населения, как он был исчислен указанным ранее путем, общий покупательный фонд представлен по группам в следующей таблице.

Таблица 1 Запроектированная динамика развития покупательного фонда Башкирии на первую пятилетку (в тыс. руб.)

Table 1 Projected dynamics of purchasing fund Bashkiria development for the first-five-years (in thousand, RUR.)

Группы населения	Абсолютные величины					В процентах к 1927/1928	
	1925/ 1926	1926/ 1927	1927/ 1928	1928/ 1929	1932/ 1933	1928/ 1929	1932/ 1933
Земледельческое население	52 918	59 286	56 141	67 592	97 832	120,4	174,3
В процентах к итогу	53,8	53,4	51,6	53,9	54,3	-	-
Наемный персонал	30 176	36 430	38 540	43 505	65 540	112,9	170,1
В процентах к итогу	30,7	32,9	35,4	34,7	36,3	-	-
Прочие группы неземледельческого населения	15 259	15 246	14 170	14 377	17 004	101,5	120,0
В процентах к итогу	15,5	13,7	13,0	11,4	9,4	-	-
Весь покупательный фонд	98 353	110 962	108 851	125 474	180 376	115,3	165,7
Процент	100	100	100	100	100	-	-

Составлено по: НАРБ Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 201. Л. 58.

Анализируя динамику покупательного фонда на основании не только коэффициентов по отношению к 1927/1928 г., но и путем сопоставления по отдельным социальным группам, нужно констатировать, следовательно, сохранение более или менее неизменного удельного веса его у земледельческой группы при повышении у наемного персонала. Это происходило за счет соответствующего сокращения удельного веса нетрудовых групп города. Несущественные изменения в данное распределение могло внести включение в доходы (и соответственно в покупательный фонд) собственно сельского населения сравнительно небольшой суммы получаемой ими заработной платы.

Указанный покупательный фонд неземледельческого населения относился как к промышленным, так и к сельскохозяйственным товарам. Приобретение сельскохозяйственных товаров группами крестьянства, являясь предметом внутрикрестьянского оборота, не должно было учитываться в покупательном фонде крестьянства в целом, почему в части земледельческого населения вообще он относился исключительно к промтоварам.

В то время как весь покупательный фонд населения Башкирии к концу пятилетки должен был повыситься на 65,9% относительно 1927/1928 г., в части, касающейся промтоваров, он должен был составить 71,2%. Такое различие в темпах роста покупательного фонда имело под собой основание, потому что удельный вес расходов на питание и покупку сельскохозяйственных товаров при некотором абсолютном увеличении должен был пойти на убыль, а потребление промтоваров и абсолютно, и относительно должно было усиливаться.

При составлении плана Наркоматом торговли Башкирии учитывалось, что покупательный фонд деревни, в отличие от города, должен был покрывать не только личное, но и хозяйственное потребление. Наряду с низкой доходностью ограниченная емкость деревенского рынка Башкирии указывала на слабую товарность сельского хозяйства и на сохранение в нем элементов натурального хозяйства. Установленные показатели возможного увеличения за пятилетку покупательной способности должны были приниматься в качестве отправных для определения товарооборота.

Теперь обратим внимание на планирование посреднического товарооборота. При определении товарооборота наибольшее место в пятилетнем плане отводилось вопросу о размере посреднической торговли и в первую очередь ее розничным оборотам, так как они должны были покрыть предполагаемый рост товарного потребления и спроса.

Принимая намеченный рост платежеспособного спроса, нужно подчеркнуть, что абсолютные суммы торговых оборотов не могли полностью совпадать с суммой покупательного фонда населения. Обороты отражали спрос не только населения, но и хозяйственный спрос предприя-

тий и учреждений. С другой стороны, при исчислении покупательной способности имелся в виду и спрос на товары, которые не проходили через торговый аппарат и поэтому в составе розничных оборотов не учитывались.

Взаимная обусловленность покупательной способности и товарооборота позволяла тем не менее распространять коэффициенты роста покупательного фонда и на развитие торговых оборотов, учитывая при этом лишь возможные в известных пределах изменения в процессе товароснабжения. Таким образом, сопоставляя динамику покупательной способности населения и розничных оборотов за прошлое время, можно заметить соответствие, которое по мере улучшения товароснабжения Башкирии выражалось все более полно.

В период новой экономической политики наличное предложение и ввоз товаров далеко не покрывали спроса населения. Следовало допустить, что вследствие неудовлетворенного спроса рост торговых оборотов должен был опережать намеченные темпы роста покупательной способности. Еще больший темп должен был соответствовать расширению товарооборота повышавшимся хозяйственным спросом и нуждами намеченного промышленного, жилищного и прочего строительства. Спрос на сельскохозяйственные машины, железо и строительные материалы должен был предъявляться в повышенном размере, чем по отношению к населению.

Отражаясь целиком на розничной торговле, такой хозяйственный спрос должен был неизбежно усиливать и ее. При увеличении к концу пятилетки (по сравнению с 1928/1929 г.) всей покупательной способности на 65,7% и отдельно по промтоварам на 71,2%, розничные торговые обороты по изложенным соображениям повышались по плану на 75% [2, л. 61]. Такой рост близок к тому, который был намечен во всесоюзном масштабе Наркомторгом СССР. По отдельным секторам торговые обороты намечались с учетом, во-первых, предполагаемого повышения оборотов государственной торговли (независимо от ее места в общем товарообороте) и, во-вторых, ожидаемого повышения удельного веса кооперативного сектора при одновременном сокращении частной торговли, что уже нашло свое отражение в движении торговых оборотов за последние годы НЭПа.

Пятилетним планом «Башторга» предполагался рост его оборотов к концу пятилетки в размере 42,8%. Несколько больший рост оборотов ожидался по Башсельхозснабжению. Если включить другие государственные организации, то общий рост оборотов государственного сектора должен был составить 45% [2, л. 62].

В отношении роста торговых оборотов потребительской кооперации, занимавшей главное место в кооперативном секторе, имелись предположения лишь по трем союзам. Розничные обороты по ним в 1932/1933 г. против 1928/1929 г. по плану увеличивались на 150% [5, л. 31]. При таком темпе доля кооперации в общем розничном товарообороте должна была подняться до 52,3% в 1928/1929 г. и до 74,5% в 1932/1933 г., что явно не соответствовало даже повысившимся материальным и организационным средствам системы.

Перспективы развития розничной торговли Башкирии, запроектированные Наркомторгом республики, представлены в таблице 2.

Таблица 2 Предполагаемые перспективы развития розничного товарооборота Башкирии (в тыс. руб.)

Table 2 Estimated prospects of retail trade turnover of Bashkiria development (in thousand, RUR.)

Категории торговли	Абсолютные величины					В процентах к 1927/1928	
	1925/ 1926	1926/ 1927	1927/ 1928	1928/ 1929	1932/ 1933	1928/ 1929	1932/ 1933
Государственная	13 619	15 718	20 000	23 100	29 000	115,5	145,0
В процентах к итогу	13,1	14,4	18,4	18,4	15,2	-	-
Кооперативная	52 361	56 557	57 000	69 268	128 010	121,5	224,6
В процентах к итогу	50,5	51,8	52,4	55,1	67,3	-	-
Частная	37 752	36 865	31 800	33 390	33 390	105,0	105,0
В процентах к итогу	36,4	33,8	29,2	26,5	17,5	-	-
Всего	103 732	109 140	108 800	125 758	190 400	115,5	175,0
Процент	100	100	100	100	100	-	-

Составлено по: НАРБ Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 201. Л. 62.

Из представленных в таблице 2 данных следует, что планом был предположен рост удельного веса всех видов кооперации в розничном обороте до 67,3%. В таких условиях обороты частной розницы должны были в абсолютном выражении стабилизироваться на цифре 1928/1929 г., следовательно, ее удельный вес к концу пятилетки должен был снизиться до 17,5% по сравнению с 29,2% в 1927/1928 г.

Данные, приведенные в таблице 2, свидетельствуют, что укрепление позиций государственной и кооперативной торговли выразалось в систематическом повышении их удельного веса во всем торговом обороте. С другой стороны, данная тенденция сопровождалась ослаблением роли частной торговли. Впрочем, на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. было отмечено, что дальнейшее вытеснение частника с рынка кооперацией и государственной торговлей должно было происходить в меру их действительных организационных и материальных возможностей, чтобы это вытеснение не влекло за собой брешу в товаропроводящей сети и перебоев в снабжении рынка [6, с. 286].

Тем не менее еще в феврале 1927 г. коллегия Наркомторга СССР разработала мероприятия по регулированию частной торговли: снабжение товарами на договорных началах, запрет операций частных хлебозаготовителей, снижение отпуска товаров оптовикам, направление продукции кустарей в советскую торговую систему [7, с. 43].

Следует отметить, что обороты кооперативной торговли росли, несмотря на уход с потребительского рынка сельскохозяйственной кооперации. Это получило отражение в намеченном росте за пятилетку с тем исключением, что удельный вес госторговли к 1932/1933 г. несколько снижался, несмотря на запроектированный абсолютный рост оборотов на 45%.

Такое положение было вполне закономерным, если принимать во внимание, что кооперативная торговля, восполняя явно недостаточное обслуживание деревни, должна была в своем росте обогнать госторговлю, которая была предназначена в большей степени для городского потребителя.

Несколько иной характер должно было получить развитие оптовой торговли. Благодаря тому, что в Башкирии представительства синдикатов и трестов не играли заметной роли, в местном оптовом обороте отсутствовали излишние звенья. Оптовый сбыт госторговли вообще начал утрачивать свое значение (в связи с уменьшением клиентуры) настолько, что, например, в 1927/1928 г. его абсолютная цифра осталась стабильной по отношению к предшествующему году. С другой стороны, кооперативная оптовая торговля по мере того, как укреплялись торговые связи союзов с низовой сетью, стала быстро нарастать. Этот рост все более форсировался практикой генеральных договоров и транзитного товароснабжения. В частной торговле к концу условно относилась предпринятия, выбирающие патенты высшего разряда, обороты которых быстро падали. В перспективе частный опт должен был полностью утратить все позиции к концу первой пятилетки.

Поскольку быстро растущий хозяйственный спрос удовлетворялся в значительной части непосредственно оптовой торговлей, то рост последней в пятилетнем плане предполагался в большем темпе, чем рост розницы. Поэтому в 1932/1933 г. он проектировался с повышением по отношению к рознице до 70%, против 67% в 1927/1928 г. Его собственный рост за пятилетку должен был составить 86,2% [8, л. 80].

Вместе с тем оптовые обороты в госторговле должны были повышаться за пятилетку в меру роста ее розничных оборотов, то есть на 45%. Кооперативная оптовая торговля по указанной причине при планировании повышалась по сравнению с розницей несколько больше. К примеру, при повышении последней на 124,6% опт в 1932/1933 г. увеличивается против 1927/1928 г. на 142,8% [8, л. 80].

В отношении частной оптовой торговли было запроектировано, что таковая к концу пятилетки должна быть вытеснена полностью. Весь общий оптовый товарооборот должен был повышаться с 71 333 тыс. руб. в 1927/1928 г. до 133 280 тыс. руб. в 1932/1933 г. [8, л. 81].

Кроме того, торговый аппарат Башкирии характеризовался недостаточной плотностью. Данное обстоятельство следует из того факта, что одно предприятие обслуживало в среднем территорию в 27 кв. км [9, л. 65].

Проектируя развертывание торговой сети на первую пятилетку, следовало учитывать недостаточную степень обслуживания ею сельского населения. Наиболее крупные предприятия V и VI разрядов сосредоточивались в госторговле, предприятия III и IV разрядов – в кооперации, а ларьковые предприятия I и II разряда почти исключительно принадлежали частной торговле. От года к году шел процесс увеличения государственной и кооперативной торговли и уменьшения частной.

Дальнейшая эволюция сети должна была происходить в сторону усиления отмеченных тенденций. Поэтому принятые в плане расчеты основывались на увеличении числа торговых единиц в обобществленном секторе сообразно росту оборотов, в том числе с учетом замещения выбывающих частных предприятий.

Таблица 3 Запроектированное развитие торговой сети Башкирии в первом пятилетнем плане (в тыс. руб.)

Table 3 Projected of commercial network of Bashkiria development in the first-five-year plan (in thousand, RUR.)

Категории торговли	1927/1928			1932/1933			Соотношение в процентах	
	оборот	число пред.	оборот на 1 пред.	оборот	число пред.	оборот на 1 пред.	оборот на 1 пред.	число пред.
Государственная	54 833	444	123,5	78 508	500	157,0	127,1	112,6
Кооперативная	91 500	1 309	69,9	211 782	2 700	78,4	112,2	206,3
Частная	33 800	7 000	4,8	33 390	7 350	4,5	93,8	105,5
Всего	180 133	8 753	20,6	323 680	10 550	30,7	149,0	120,6

Составлено по: НАРБ Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 201. Л. 69.

Торговая сеть на начало пятилетки прошла значительную эволюцию, хотя и за годы НЭПа строилась относительно стихийно. Представленные в таблице 3 данные свидетельствуют, что частная торговля не подлежала полной ликвидации; Наркомат торговли Башкирии запроектировал небольшой рост с 7 000 до 7 350 мелких торговых единиц в розничной сети при несущественном снижении оборота на одно предприятие.

За пятилетку ставилась задача развертывания торговой сети сообразно емкости рынка и нуждам населения каждого района. В экономических условиях Башкирии практическому осуществлению такой задачи препятствовало, во-первых, отсутствие объединения потребительской кооперации и, во-вторых, организационная распыленность ее низовой сети. Вследствие этого в данный период не могло быть обеспечено единое руководство работой, которая в основном должна была лечь на кооперацию. Создание единого центра потребительской кооперации представляло обязательное условие в деле планомерного построения торгового аппарата [10, л. 91].

Помимо требований, предъявляемых рынком, в Башкирии, при построении торгового аппарата приходилось считаться с некоторыми специфическими трудностями, вытекающими, в частности, из слабой населенности некоторых районов. Данный факт, в свою очередь, усугублялся условиями товароснабжения и особенностями экономического тяготения в транспортной связи нескольких районов Башкирии. Поэтому вопрос о территориальном размещении представлял особое значение.

С этим же был связан вопрос о целесообразности расширения аппарата в том или другом районе дальше известных пределов. В отдельных случаях он мог и должен был решаться путем организации, например, разъездной торговли и изыскания таких форм, которые обеспечили бы коммерческую выгодность предприятия. В отношении ввоза наибольшие изменения ожидалось по группе промышленных товаров, так как ввоз в Башкирию сельскохозяйственных товаров носил во многом случайный характер и его показатели имели условное значение. Наибольшее увеличение ввоза было определено планом по металлам, нефтепродуктам и по категории «прочих продуктов», к которым относили соль, сахар и мануфактуру. Возможный рост их завоза на территорию Башкирии определялся, во-первых, предполагаемым увеличением покупательной способности местного населения, во-вторых, степенью недостаточности данных товаров, которая отчетливо проявилась в годы НЭПа.

Что касается вывоза из Башкирии, то увеличение его должно было происходить в первую очередь за счет увеличения хлебных грузов. Относительно большой рост вывоза предполагался и по продуктам животноводства, которое за годы, предшествовавшие пятилетке, показывало интенсивный рост товарности. Вывоз мог ограничиваться лишь возможным ростом местного потребления. Поэтому перспективы по вывозу устанавливались путем исключения из товарной массы той ее доли, которая осядет в пределах республики и пойдет на покрытие продовольственных нужд городского населения и частично на снабжение промышленности. Довоенный вывоз хлеба по приблизительному расчету, применительно к границам Большой Башкирии, составлял в среднем за 1911–1913 гг. 295 тыс. тонн, за урожайный 1913 г. – 350 тыс. тонн. Таким образом, он превышал уровень и 1925–1927 гг., где составлял всего 217,9 тыс. тонн, а уровень 1928 г. лишь приближался к довоенному уровню [2, л. 76]. Тем не менее, вывоз хлеба был намечен пятилетним планом на 1932/1933 г. в 560 тыс. тонн [11, л. 18].

Среди иных требований, которые предъявлялись к организации торгового аппарата, нужно указать наличие необходимости повышения качества ее работы. Это относилось к полной загрузке торговых предприятий, улучшению качества отпуска товаров потребителю, особенно в

сфере потребительской кооперации, для которой эта проблема осложнялась расширением объема торговли [2, л. 70].

Проанализировав запроектованные показатели развития торговли Башкирии в первом пятилетнем плане, обратив внимание на отдельные ее участки как со стороны качественной, так и количественной, необходимо отметить, что план был направлен на усиление динамики роста товарооборота, увеличение товарности производства, заготовок разного рода сырья и развитие розничной сети. Это, несмотря на произвольный пересмотр плановых показателей в дальнейшем, создавало условия для эффективного развития народного хозяйства Башкирии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Диктяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. – М.: Наука, 1965. – 402 с.
2. Национальный Архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 201.
3. От капитализма к социализму. Основные проблемы истории переходного периода в СССР 1917–1937 гг. Т. 2. / под ред. Ю.А. Полякова. – М.: Наука, 1981. – 440 с.
4. Куйбышев В.В. Избранные произведения. Т. 2. 1919–1934 гг. – М.: Политиздат, 1988. – 463 с.
5. НАРБ. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 453.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК / под ред. А.Г. Егорова. Т. 4. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
7. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 328 с.
8. НАРБ. Ф. Р-976. Оп. 1. Д. 240.
9. НАРБ. Ф. Р-389. Оп. 1. Д. 452.
10. НАРБ. Ф. 122. Оп. 8. Д. 15.
11. НАРБ. Ф. Р-527. Оп. 2. Д. 49.

REFERENCES

1. Dikhtyar G.A. The Soviet Trade in the Period of Socialism and Extensive Formation of Communism. [Sovetskaya trgovlya v period sotsializma i razvernutoy stroitel'stva kommunizma]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 402 p.
2. The National Archive of the Republic of Bashkortostan. [Natsional'nyi Arkhiv Respubliki Bashkortostan]. F. R-976. Op. 1. D. 201.
3. From Capitalism towards Socialism. The Main Problems of the History of the Transition Period. [Ot kapitalizma k sotsializmu. Osnovnye problemy istorii perekhodnogo perioda v SSSR 1917–1937 gg., pod red. Yu.A. Polyakova.] Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 1981. 440 p.
4. Kuibyshev V.V. Selected Works. [Izbrannye proizvedeniya]. Vol. 2. 1919–1934 [1919–1934 gg.] Moscow: Politizdat Publ., 1988. 463 p.
5. NARB F. R-389. Op. 1. D. 453.
6. The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions of Convents, Conferences and Plenums of the Central Committee. [KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. pod red. A.G. Egorova]. Vol. 4. Moscow: Politizdat Publ., 1984. 575 p.
7. Tverdyukova E.D. State Regulation of Trade in the USSR (the late 1920s - mid 1950s) the Historical and Legal Analysis. [Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.): istoriko-pravovoi analiz]. Saint-Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011. 328 p.
8. NARB F. R-976. Op. 1. D. 240.
9. NARB F. R-389. Op. 1. D. 452.
10. NARB F. 122. Op. 8. D. 15.
11. NARB F. R-527. Op. 2. D. 49.

Информация об авторе

Антошкин Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания, Гимназия № 2, г. Стерлитамак, Россия
aav151284@rambler.ru

Получена: 27.01.2016

Для цитирования статьи: Антошкин А.В. Торговля Башкирии в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 45-51.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-45-51

Information about the author

Antoshkin Anatoly V., Candidate of Historical Sciences, History and Social Science Teacher, Gimnasium No. 2, Sterlitamak, Russia
aav151284@rambler.ru

Received: 27.01.2016

For article citation: Antoshkin A.V. Trade in Bashkiria in the first five-year plan for the development of the national economy. [Torgovlya Bashkirii v pervom pyatiletnem plane razvitiya narodnogo khozyaystva]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 45-51.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-45-51

УДК 930.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66

БУГАЙ Николай Федорович,
Институт российской истории, Российская академия наук,
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru

BUGAY Nikolai F.,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
nikolay401@yandex.ru

КИТАЙЦЫ В СССР И РОССИИ: ПОЛИТИКА ДВУХ СТАНДАРТОВ (1920–1940-Е ГОДЫ)

CHINESE IN SOVIET UNION AND RUSSIA: THE POLICY OF TWO STANDARDS (1920-1940)

Автор обратился к слабо разработанной в российской историографии теме о китайской общности на территории Союза ССР в 1920–1940-е гг. В этот период было положено начало формированию китайской общины на Дальнем Востоке и созданию условий для ее проживания. Экскурс в период эволюции отношений между китайцами, русскими, украинцами, представителями многих этнических меньшинств позволяет представить в первую очередь Дальний Восток, которому принадлежало в этом преобладающее значение. Именно здесь вырабатывались направления контактов между представителями народов региона. Численность китайцев не была постоянной величиной и во многом зависела от возможности приложения их труда, тем не менее наблюдалась тенденция к возрастанию. Китайцы по разным причинам прибывали в Советский Союз. Конечно, многие из них не получали возможности применения своих сил, покидали Дальний Восток и уезжали на запад. Они были заняты главным образом в аграрной сфере, на рубке леса, в торговле, коммунальном хозяйстве, рыболовстве и др. Отношения с китайцами были непростыми, что во многом объяснялось иным менталитетом, особенно по сравнению с представителями славянского населения – русскими, украинцами. Особняком они выстраивались по отношению к японцам, корейцам, составлявшим в этот период значительные в количественном отношении общности. Находясь в России, китайцы воспринимали этот мир, в котором обустраивали свою жизнь, подчиняясь российским законам. Многие из них сражались в борьбе за советы, частично участвовали в формировании органов власти. Являлись китайцы и участниками Гражданской войны, выступая на стороне сил революции, защиты ее завоеваний, полагая тем самым поправить и свое положение. Участвовали китайцы и в хунхузском движении, как альтернативной силе, направленной в основном против советов и занимавшейся грабежами. На базе архивных материалов РГАН, РГАСПИ, опубликованных работ в статье предпринята попытка проследить эволюцию китайской общности на Дальнем Востоке, в условиях производственной деятельности, общественно-политической работы, в которую они вовлекались постепенно. Уделено внимание анализу двойных подходов к общности со стороны органов власти и ее лидеров – И. Сталина и Мао Цзэдуна, мерам, связанным с принудительным переселением китайцев в Синьцзян, показана позиция властей СССР и Китая по отношению к этим действиям. С одной стороны, крепнувшая дружба, а с другой – применение репрессий по отношению к китайцам на территории СССР. Изучение такого состояния на разных стадиях государственности важно в плане четкого понимания политики двух государств, формирования главных направлений в отношениях между двумя странами в настоящее время, так органично связанного с прошлым. Частично показана работа УНКВД по Дальневосточному краю, которому поручалось осуществление действий по переселению, причины предпринимавшихся мер.

Ключевые слова: Дальний Восток, Китай, китайцы, русские, корейцы, переселение, фактор принуждения, аграрный сектор, обустройство.

The author appealed to the poorly developed in Russian historiography of the subject – Chinese community in territory of the USSR in 1920–1940-ies. During this period was the beginning of the formation of the Chinese community in the Far East, the creation of conditions for their stay. Excursion during the evolution of relations between the Chinese, Russian, Ukrainians, representatives of many ethnic minorities allows us to represent primarily the Far East, which belonged to the prevailing value. It is here elaborated direction contacts between the peoples of the region. The number of Chinese people has been constant, and largely depended on the possibility of the application of their work, though there was a tendency to increase. The Chinese, for various reasons came to the Soviet Union. Of course, many of them did not receive the possibility of using his powers, leaving the Far East and went to the west. They were employed mainly in the agricultural sector in the felling, trade, utilities, fisheries, and others. Relationships Relations with China were not easy. Largely due to the different mentality compared with the Slavic population – Russian, Ukrainian. Independently, they lined up against the Japanese, the Koreans, the ingredients in this period of significant quantitatively community. While in Russia, the Chinese perceive the world in which they are settled in their lives, subject to Russian laws. Many of them fought in the struggle for advice, partly involved in the formation of governments. Were the Chinese Civil War and the participants, speaking on the side of the revolutionary forces, the protection of its gains, thinking and thus improve its position. Participated in Chinese honghuzi movement as an alternative force, directed mainly against the Soviets, and looting. On the basis of archival materials of Russian State Archive of Contemporary History and Russian State Archive of Socio-Political History and published works in the article attempts to trace the evolution of the Chinese community in the Far East, in terms of industrial activity, socio-political work in which they are involved gradually. Attention is paid to the analysis of dual approach to community by the government and its leaders – Joseph Stalin and Mao Zedong, the measures related to the forced resettlement of Chinese in Xinjiang, shows the position of the authorities of the USSR and China in relation to these actions. On the one hand intensified friendship, and on the other – the use of repression against the Chinese in the USSR. The study of this state in various stages of state is important in terms of a clear understanding of the policy of the two states, the formation of the main directions in the relations between the two countries at the moment, so organically linked with the past. Part of the work is shown in the Far Eastern NKVD edge, which was entrusted to the implementation of the Resettlement Action Cause Required action.

Keywords: Far East, China, Chinese, Russian, Korean, relocation, factor of coercion, agriculture, construction.

Рассматривая предложенную проблему, автор ставил целью прежде всего раскрыть прямую связь в отношениях между СССР и Китаем в это непростое для обоих государств время,

показать их двойственную природу, обусловленную уровнем их состояния, когда многие вопросы, в том числе и о самочувствии китайской общности в СССР, рассматривались, базируясь на принципе персонифицированности власти (Сталин – Мао Цзэдун). Будет полезным внести и некоторые корректировки существующих точек зрения применительно к китайской общине на территории Дальнего Востока накануне войны 1941–1945 гг.

В этой связи становится необходимым раскрыть и саму обстановку в регионах проживания, восприятие китайской общины, определить роль и место в системе многонационального государства, выявить формы взаимодействия с представителями других этнических общностей, главным образом на территории Дальнего Востока, по вектору «народы и власть».

Несомненно, в данном случае приходится обращаться и к тем трудностям, которые испытывали представители китайского народа на территории Союза ССР. Они претерпели те же трансформации, что и другие этнические общности. Надо заметить, что органы власти Китая постоянно держали под контролем проживание китайцев на территории России¹.

Оставаясь этническим меньшинством в Союзе ССР, китайцы наряду с другими также подвергались деструктивному воздействию со стороны органов партийной и государственной власти. Однако в любых случаях за их спиной они могли ощущать и заботу своей исторической родины. Несмотря на военное положение на своей территории, Китай проявлял заботу о гражданах, в частности находившихся на пространствах соседнего государства, решая совместно с руководством СССР проблему китайской общины. Ей в 1930-е гг. предстояло испытать принудительное переселение. Правда, все завершилось для китайцев в основном благополучно.

Благодаря усилиям властей Китая китайцы в Союзе ССР не были принудительно переселены, как, например, в рассматриваемый период советские корейцы, иранцы, курды, а на западе Союза ССР – поляки, немцы, частично финны, хотя попытки к этому имели место.

Китайцы, проживавшие в СССР, за исключением отдельных групп китайского населения, возвратились на свою историческую родину. Те же из них, кто решил связать навсегда свою судьбу с Русским миром, не совершал уголовных преступлений, был честен перед законом, оставались на территории России, внося заметный вклад в поддержание мира и гражданского согласия в советском обществе.

В связи с этим важно знать направленность межэтнического взаимодействия как составляющей генезиса государственности, социокультурный и конфессиональный аспекты политических трансформаций², а также влияние демократизации общественной жизни на трансформацию политического поля России.

В основе этих положений, несомненно, одну из влиятельных позиций занимает *территориальный фактор*. Четко эти моменты подмечены В.Л. Каганским (Институт географии РАН) в его обобщающей оценке, сводящейся к тому, что «логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней» [14].

Территориальная российская феноменология – производное государственно-общественной. В конкретном случае будет рассматриваться территория Дальнего Востока и эволюция отношений на примере китайской составляющей между народами на этой территории.

В СССР, России проблема применительно к китайцам пока слабо представлена исторической наукой, многие ее стороны не раскрыты. Однако попытки в этом плане уже предпринимались. Тема затрагивается как в обобщающих монографических исследованиях [28], так и в статьях [27; 8]. В последнее время к ней обратился М.С. Каменских (Институт истории и археологии УрО РАН) [15]. Он попытался одним из первых «реконструировать обстоятельства приезда представителей японцев, корейцев и китайцев в Пермскую губернию еще в годы Русско-Японской войны».

Опираясь на собранный ценнейший архивный материал, автор представил свою концепцию событий этого периода, связанных как с Пермской губернией, так и принудительно направ-

¹ Выезд за пределы своей страны китайцев регламентировался до 1878 г. запретом китайского руководства. Выезжавшие самовольно рассматривались в Китае как преступники. В 1890 г. в Приморском крае проживали 6,2 тыс. китайцев. В конце 1890-х гг. – уже около 30 тыс. человек. Китайцы владели 37% от 3 796 иностранных предприятий в крае. (См.: Лебедев С. Сталин против китайской диаспоры // URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm>; дата обращения: 20 сент. 2015 г.). Во Владивостоке в общей сложности в 1890-е годы расселялись 22 тыс. китайцев.

² Общественные трансформации – взаимно стимулирующие изменения моделей социального действия, с одной стороны, и функционирования социальных институтов, связанного с намеренным, целенаправленным воздействием номинальных установлений (формальные нормы, процедуры и правила) – с другой.

являвшимися в нее названными общностями. Им также всесторонне использована и местная печать, особенно «Пермские губернские ведомости», уделявшие этой проблеме пристальное внимание.

За последние два десятилетия изданы многочисленные документальные публикации, в которых вопросу посвящены отдельные документы и материалы [3]. По интересующему нас аспекту также идет процесс накопления новых сведений.

В статье предпринята попытка показать, что и китайскому меньшинству были известны процессы принудительного переселения на территории России. Китайцы также ощутили на себе проявление принципа «неблагонадежности», широко муссировавшегося в условиях Российской Империи.

В начале XX в. стремительно разворачивавшиеся военные события на Дальнем Востоке как раз и послужили причиной появления нового предписания иностранноподданным. Основой для работы среди этнических меньшинств – китайцев, корейцев и японцев – являлись изданные 14 февраля 1904 г. «Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией» [7, с. 1389–1398]. Канцелярией двора иностранноподданным было предписано: «В связи с развязанной Японией войной разрешается под защитой действующих законов продолжать во время войны свое пребывание и свое мирное занятие в пределах Империи, за исключением областей, входящих в состав Наместничества на Дальнем Востоке» [Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 186. Л. 20]. Применительно к Дальнему Востоку этот документ распространялся в первую очередь на японцев, корейцев и китайцев.

При этом также указывалось, что «пребывание некоторых из японских подданных может оказаться, в виду предпринимаемых их действий, клонящихся по вреду с Россией, крайне опасными, то в отношении таковых принимать меры, указанные еще Законом "О высылке порочных иностранцев" от 26 мая 1903 года».

Работа по розыску японцев, китайцев и корейцев, судя по всему, проводилась по всем 45 наместничествам Российской Империи. Так, например, 29 февраля 1904 г. Главноначальствующий гражданской частью Кавказского края (находился в Тифлисе), исходя из указаний («Правила, которыми Россия намерена руководствоваться во время войны с Японией»), предписал всем губернаторам и начальникам областей и округов: «Если в подведомственных частях края проживают японские подданные, то следует иметь за деятельностью таковых особо тщательный надзор и при малейших попытках с их стороны к совершению действий, могущих в каком бы то ни было отношении причинить вред государству, входить ко мне по телеграфу с представлениями о безоговорочной высылке их за границу» [Там же. Л. 1]. Эта же мера распространялась на китайцев и корейцев.

Атаман Ейского отдела 12 февраля 1905 г. в своем рапорте Начальнику Кубанской области и наказному атаману Кубанского казачьего войска сообщал: «Сего числа в станице Уманской появились на подводах китайские подданные (купцы) с целью торговли разными шелковыми и шерстяными товарами – Цзянь Ци Цюань, Ли Шень Ся, Мет Ци Чань, которые предъявили паспорта, выданные им 9 августа 1904 г. губернатором Забайкалья. Однако воспретить их торговлю нет основания» [Там же. Л. 8 об.]. «Один из китайцев, – информировал станичный атаман, – говорит по-русски, а это облегчает общение». Было сообщено при этом о желании купцов «убыть на железнодорожную станцию Тихорецкая».

Ожидалось решение дальнейшей судьбы китайцев. Оно последовало незамедлительно. 24 февраля 1905 г. генерал-лейтенант Одинцов предписывал: «Экстренно предоставить мне подробное описание каждого, а также учредить за ними наблюдение» [Там же. Л. 9].

3 марта китайские купцы уже были в волости Ванновское Кавказского отдела, где проживали в это время немцы¹.

Старшина волости И. Клаус составил на каждого из китайцев характеристики. У купцов в срочном порядке были изъяты национальные паспорта и русские билеты. 10 марта китайцы прибыли в Екатеринодар, однако уже со справками, выданными волостным Ванновским правлением.

23 марта 1905 г. вопрос получил разъяснение и было дано указание «иметь постоянное наблюдение за появлением в области упомянутых иностранцев». Предписывалось также «признать нужным выслать за границу проживающих в Екатеринодаре китайских подданных» [Там же. Л. 30].

Следует заметить, что на территории Кавказского края были также выявлены два китайца в самом Екатеринодаре – Ци Цюань Фу и Фу Вень Дянь. Они занимались торговлей, продажей,

¹ 27 февраля 1928 г. Президиумом ВЦИК был создан Ванновский национальный район.

в частности шелковых тканей и чесучи. Располагались китайцы на постоянном дворе Авдакова. 31 марта 1905 г. шесть китайцев отправлялись в Ростов.

В Кавказской станице сосредоточились также семь китайцев (Цао Чань Цинь, Луси Фин, Му Дожи Чань, Цынь Шань, Яу Дыци, Янь Цинь Юань, Ян Цинь Хе), имевших билеты Бакинского и Ставропольского губернаторов от 17 января 1905 г. как актеры. Они подлежали также выселению. Более того, Кавказский отдел (атаман есаул Ракуза) обратился с просьбой оставить их в отделе для организации концертов и выступлений перед зрителями. Однако было дано лаконичное предписание: «Исполнять точно циркуляры и предписание свыше». Просьба китайцев разрешить отправиться в Керчь Таврической губернии также не увенчалась положительным решением.

Таким образом, Кавказский край был зачищен от китайцев и японцев. Подобные процессы проводилась и во многих других регионах Российской Империи.

Кампания по выявлению граждан названных национальностей приобретала широкие рамки. Напряженность в отношениях к этим этническим общностям сохранялась и в последующем, что обуславливалось проявлением недовольства своим положением китайских, корейских и других этнических меньшинств прежде всего на территории Дальнего Востока.

По данным М.С. Каменских, первая партия китайцев, корейцев и японцев Дальнего Востока принудительно отправлялась в Пермскую губернию. В целом их было 308 человек, из них мужчин – 138, женщин – 150, детей – 20. В этой же группе пребывали 13 китайцев и 15 корейцев [15, с. 256]. Ожидалось также прибытие новой партии – 409 человек.

«Водворенные» были расселены в Перми (китайцы, японцы, корейцы), Кунгуре и Осе (японцы), Екатеринбурге (китайцы), Камышлове (корейцы), Оханске (корейцы, китайцы), Соликамске (китайцы), Нытве (корейцы). К началу сентября 1904 г., по сведениям С.М. Каменских, в Пермской губернии уже находилось 700 японцев и до 150 китайцев и корейцев [15, с. 256].

В числе арестованных значились в Пермской губернии 121 японец, 27 китайцев (черно-рабочие, столяры, циркачи, акробаты и т.д.).

В сентябре 1904 г. японцы, по данным М.С. Каменских, – 708 человек – были отправлены из Перми. На территории губернии оставались 131 человек – китайцы и корейцы. Китайцы занялись организацией цирковых групп и созданием Русско-Китайского театра.

Китайцы и корейцы, несмотря на имевшиеся напряженные отношения, сумели быстро адаптироваться в местных условиях. Последняя группа переселявшихся граждан с территории Дальнего Востока в Пермскую губернию прибыла 31 июля 1905 года.

С подписанием мира в 1905 г. решался и вопрос о дальнейшем пребывании китайцев и корейцев в Пермской губернии, как и в других регионах страны. Так завершился первый этап принудительных переселений китайцев на территории России.

Названные этнические меньшинства Дальнего Востока не оставались без внимания со стороны органов власти и в последующие годы. Создается впечатление, что процесс выселений, «выдворений» принимал по отношению к японцам, китайцам и корейцам непрерывный характер. Он охватывал все большее пространство. Штаб Иркутского военного округа в своей докладной записке на имя начальника Генерального штаба, пишет по этому поводу И.М. Афонасенко, 4 августа 1909 г. предлагал поселить китайцев, корейцев и японцев, проживающих на российской территории, в районы, расположенные «вдали от азиатских границ, где нет важных стратегических объектов» [1, с. 153–154]. Приказ с подобным содержанием появился в это же время и в Омском военном округе. Им предписывалось запретить проживать японцам, китайцам и корейцам в 50-верстной полосе, прилегающей к Сибирской железной дороге.

Опасность выселения с территории Дальнего Востока нависла над японцами, китайцами и корейцами также в первой половине 1910 г. По указанию штаба Приамурского военного округа были разоблачены 228 человек, подозреваемых в шпионаже – японцев, китайцев и корейцев. К концу января 1911 г. к этой группе прибавились еще 43 человека, из них значительная часть – китайцы. Штаб Иркутского военного округа 27 января зарегистрировал также 31 подозреваемого, в составе которых значились корейцы, японцы и русские [1, с. 151].

Вывод однозначный: отношение к этническим меньшинствам со стороны канцелярии царского двора было настороженным, на что имелись свои причины. Такова краткая предыстория принудительных переселений этнических меньшинств, включая и китайцев, на территории России.

Потепление в отношениях стало наблюдаться в новых условиях периода революции 1917 г., когда китайцы и корейцы стали пополнять отряды борцов за советы.

В начале 1920-х гг. на территории Дальнего Востока проживали: русские – 1 175 тыс. чел., украинцы – 315 тыс. чел., китайцы – 73 тыс. чел. (по другим данным – 80 157 [23, с. 179]), корейцы – 168 тыс. чел., белорусы – 43 450 чел., представители народов Севера – 61 239 человек [Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. – Р. 3316 сч. Оп. 2. Д. 1078. Л. 67].

Наряду с другими китайцы включались активно в революционную борьбу, защиту завоеваний рабочих и крестьян. Многие партийные документы, представленном в ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР в 1920 г., свидетельствуют о том, что китайцы и корейцы, принимали активное участие в партизанском движении в течение 1919 г. Первые главным образом в Никольск-Уссурийском уезде, вторые – Ольгинском. Помимо непосредственного участия в движении, китайцы и корейцы оказывали большую помощь своими фанзами, разбросанными повсюду, а также едой и табаком.

Здесь же, на Дальнем Востоке, группы китайцев составили так называемое «Китайское общество». Под таким же названием действовал и руководящий орган общества. Оставаясь «административным органом, он работал в контакте с Пекином, оказывал большое влияние на местные китайские колонии» [Там же. Д. 1073. Л. 21. «Совершенно секретно»]. Ему подчинялся и Китайский консул.

На его содержание беднота, состоявшая членами общества, обязана была уплачивать налог в сумме 20 центов в месяц. В январе 1923 г. Владивостокское общество насчитывало 3 120 китайских граждан. Имелись отделения общества и на местах. Так, в Никольске общество объединяло 32 китайца, в основном крупных торговцев [Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42; 26, с. 674].

Отношение членов общества к советам оставалось негативным. В основе этого не прекращавшиеся претензии по поводу скверного отношения к китайцам, закрытия курилок опиума, увеличения налогов на торговлю. Общество имело свою агентуру.

По имеющимся сведениям, на юге Приморской губернии в 1923 г. китайцев было 37 608 (7,2%), в Амурском и Зейском округах – 11 311 чел., Хабаровском и Николаевском – 9 224 чел., Сахалинском – 679 чел., Камчатском округе – 212 человек [28, с. 239–240]. Всего – 65 тыс. китайцев.

Как известно, идея всемирной революции имела своей целью распространение лозунгов и на юго-восточные государства. Китай не был исключением. Поэтому в систему подготовки партийных и ответственных кадров братских компартий для зарубежного Востока в СССР уже в 1920-е гг. включались и китайцы.

В связи с этим в структуре Всесоюзного коммунистического университета трудящихся Востока им. И.В. Сталина (КУТВ), созданного в апреле 1921 г. и действовавшего до конца 1929 г., кроме представителей других народов (монголы, тувинцы, корейцы, уйгуры, тибетцы, турки и др.), обучались также 429 китайцев. Из них в 1924 г. окончили обучение 400 человек [25, с. 650]. Это, несомненно, улучшало обстановку на местах, в Китае, в плане организации пропагандистской партийной работы.

Советские и партийные органы постоянно проявляли внимание к китайцам, находившимся в СССР. И не случайно, вопрос об обустройстве китайцев возникал неоднократно, в том числе и в 1924 г., в период национально-территориального размежевания в Средней Азии в середине 1920-х гг.

Особенно это ощущалось в районах соприкосновения с Западным Китаем. Общей линией отношений отмечалась здесь тенденция развития торговых связей через киргизские приграничные районы, что способствовало и более тесному общению жителей, возможности трудиться на хлопковых плантациях китайцам [25, с. 217]. Не случайно, что районы Южного Казахстана, Каракиргизии, приграничная полоса с Западным Китаем рассматривались и советским государством как «передний фронт на Тибете» [25, с. 219].

Разумеется, выявление роли и места китайцев на территории Союза ССР оставалось приоритетным за Дальним Востоком. Здесь китайская составляющая находила отчетливое проявление в жизни региона, в советско-китайских отношениях, во взаимодействии между народами, населявшими Дальний Восток.

Первая половина 1920-х гг. отличалась заметным сопротивлением китайцев против утверждавшейся власти в регионе. Особый ущерб наносили появлявшиеся на территории края хунхузы (кит. – *хунхузы, краснобородые*). Так назывались участники вооруженных банд в Маньчжурии в XIX – начале XX в., представляли которых разорившиеся крестьяне, деклассированные, люмпенские элементы города. В обзоре «Политико-экономическое состояние СССР» (июль – сентябрь 1923 г.) читаем: «В Китае и Маньчжурии действовали в это время 4 банды (более 800 человек)» [18, с. 907–908]. Они-то как раз и являлись особо заметными участниками антисоветских акций на Дальнем Востоке.

Повышению активности банд на китайской границе, несомненно, содействовала «слабость охраны границ». Происки хунхузов отвлекали значительную часть вооруженных сил, состоявшую из местного населения, воинских подразделений армии, включая и вооруженные отряды корейцев. Банды, приходившие из-за границы, грабили местное население, производили налеты на органы советской власти, убивали и уводили за границу партийных и советских работников. Все эти акции тормозили решение задач по заселению территории края.

Во Всесоюзной переписи населения 1926 г. констатируется, что в районах Дальневосточного края СССР проживали наряду с другими представителями этнических общностей (корейцы – 169 тыс. чел., японцы – около 1 тыс. чел.), 77 тыс. граждан китайской национальности. В 1926 г. непосредственно во Владивостокском округе числилось 43 513 человек (7,6%). Китайцы на Дальнем Востоке слыли как умелые организаторы легальных и тайных обществ и союзов, в том числе и мафиозных.

Постепенно обстановка в крае стабилизировалась. В первой половине 1930-х гг. численность населения края несколько изменяется. В крае насчитывалось: русских – 1 245 тыс. чел., украинцев – 335 тыс. чел., китайцев – 75 тыс. чел., корейцев – более 168 тыс. чел., представителей народов Севера – 61 239 человек [ГАРФ. Ф. – Р. 3316 сч. Оп. 2. Д. 1073. Л. 21].

Расширялась география их расселения. В своем информационном материале проверявший работу золотых приисков Н. Кротов констатировал, что в Нижне-Амурской области, в Николаевске-на-Амуре, были заняты 500–600 китайцев. Основная часть китайцев работала грузчиками на кирпичном заводе – 17 чел., лесоповале – 60 чел., в объединении «Экспортлес» – 100 чел., на консервном заводе (Нижний Пронге) – 50 чел., на промыслах – 200 человек [ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2196. Л. 42]. Китайцы (27 чел.) были заняты в Щербиновском районе (июль 1931 г.) на прииске «Ясный», находившемся в 75 верстах от Николаевска-на-Амуре [Там же].

В резолюции расширенного заседания прииска «Софийский» от 4 августа 1931 г. отмечалось, что здесь работали 13 корейцев, 8 китайцев. Они составляли отдельную ударную бригаду, которую возглавлял кореец Ли Тен [Там же. Л. 51]. На прииске «Златоуст» Селимджанов-Бурейской волости работали 23 китайца, 3 корейца, 2 русских [Там же. Л. 55]. Коллектив был консолидирован: зачастую отстаивал свои права путем собраний, информировал о своих требованиях по улучшению жизненных условий, обеспечению продовольствием.

Положение на дальневосточных рубежах в этот период оставалось сложным. Сосед России Япония не питала к ней особых чувств, а скорее проводила в отношении к СССР агрессивную политику. В начале 1930-х гг. ей удалось оккупировать северо-восточный Китай (Маньчжурию). Задолго до этого под оккупацией находилась и Корея (Чосон), часть населения которой еще с прошлого века проживала на территории России.

После оккупации японцами Маньчжурии в 1932 г. территория Дальнего Востока частично пополнилась китайцами и русскими. Прибыло 20 тыс. русско-китайских граждан [20, с. 4–9]. Конечно, не все они из Харбина уезжали на Дальний Восток.

В промышленном секторе края было занято 6 387 рабочих-китайцев. Среди кустарей в промкооперативах из них трудилось 23,2%. Китайцы в большинстве концентрировались во Владивостоке (14 тыс. чел.) – на «Дорстрое» – 1 730 чел., из них на «Дальзаводе» – 270 чел., а также в промышленных поселках (64%) [6, с. 83]. Большое число китайцев использовалось на сезонных работах.

Расселялись этнические меньшинства главным образом по районам края. Что касается непосредственно китайцев, то в Сучанском районе, например, несмотря на то, что он отличался малоземельем, проживало китайцев – 36 133 чел. (16,81%), японцев – 1 064 чел. (0,49%), украинцев – 7553 (3,51%) чел., русских – 145 233 (67,55%) и др. [ГАРФ. Ф. – Р. 1235. Оп. 1. Д. 141. Л. 92]. Значительная часть китайцев была занята в аграрной сфере.

По данным прессы, на середину 1930-х гг. в Биробиджанском районе из проживавших 52 тыс. человек: 3 500 корейцев, 500 китайцев, 12 тыс. евреев, остальные – русские [3; 25, с. 57]. Хотя в октябре 1935 г. статистика уже была иной. Так, в Еврейской автономной области (образована 7 мая 1934 г.) численность корейцев составляла 2 539 чел. (5,0%), китайцев – 184 чел. (0,3%), евреев 10 349 чел. (19,6%), русских – 33 780 человек [25, с. 146].

Как отмечается, в аналитической записке «О нацменьшинствах Дальнего Востока», были характерными «очень тяжелые условия проживания – опиокурение, морфинирование, пьянство, межнациональные конфликты». Не случайно 20 февраля 1930 г. ВЦИК предложил крайевым органам власти «добиться решительного перелома в обслуживании китайских рабочих и корейских земледельцев, решая эти задачи на основе поднятия их культуры и здоровья...» [ГАРФ. Ф. – Р. 3316. Оп. 1. Д. 1078. Л. 86]. По этому вопросу специально принималось и постановление Президиума ВЦИК.

Китайцы значились в этот период (февраль 1936 г.) среди населения Якутии. Как отмечалось в стенограмме беседы Председателя Президиума ВЦИК И ЦИК СССР М.И. Калинина с членами делегации Якутской АССР 20 февраля 1936 г., «среди старателей у нас большинство китайцев, есть корейцы и другие национальности». О китайцах же сообщалось: «Опиум китайцы до сих пор курят, и нюхают кокаин. На опиум и кокаин старатели тратят большую часть денег... Работают старатели хорошо... работают с утра до ночи»¹ [Российский государственный

¹ Опубликовано: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. С. 175.

архив социально-политической истории (Российский государственный архив социально-политической истории – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 150].

Если исходить из того, что китайская общность на территории СССР доходила порой до 100 тыс. человек и это были главным образом рабочие, то они представляли заметный производственный ресурс, особенно применительно к Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

Партийные и советские органы власти стремились как можно больше вовлекать китайцев в общественно-политическую жизнь регионов, рассматривая такую форму как повышение их общественной активности. Постепенно возрастало представительство таких этнических меньшинств, как корейцы, китайцы, в советах Дальневосточного края. Уже в начале 1930-х гг. в сельских советах насчитывалось 0,3% китайцев, городских – 6,3% [ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 61].

В числе учтенных избирателей в крае было 5414 китайцев, 42 418 корейцев. Число граждан, участвовавших в выборах в советы в начале 1930-х гг., среди корейцев составляло 23 621 чел., китайцев – 2910 человек. В ходе состоявшихся выборов было избрано в органы власти на местах: корейцев – 2026 (16,2 %), китайцев – 99 (0,3%). В городские советы: корейцев – 179, китайцев – 126 [Там же. Л. 71]. В Краевой орган власти, исполком, были избраны 4 китайца, 7 корейцев, другие. Всего – 103 человека [Там же. Л. 69]. В депутатских группах, включая крупнее поселки, были заняты 29 китайцев, 4121 кореец [Там же. Л. 86].

В названной аналитической записке по вопросам нацменьшинств сообщалось также, что китайцы отличались в ходе перевыборных кампаний высокой этнической мобильностью. Так, например, явка их на выборах в 1931 г. составляла 86,6%. У корейцев – чуть более 50% [Там же. Л. 144].

Находясь в советах и исполкомах, они отражали и защищали интересы китайского и корейского населения.

Следует заметить, что китайцы также активно участвовали в колхозном строительстве. В феврале 1930 г. ими были созданы 6 колхозов, объединявших 379 китайских хозяйств, в июле 1931 г. – 21 (1 057 хозяйств), в октябре 1931 г. – 19 (978 хозяйств) [Там же. Ф. 3316. Оп. 2. Д. 1078. Л. 69].

Важную мобилизующую роль в первой половине 1930-х гг. сыграли 10-я партийная краевая конференция, Пленум крайисполкома ВКП(б), а также 4-й краевой съезд Советов, 2-й пленум крайисполкома. Констатировалось, что за прошедшее время удалось достигнуть определенных успехов в гармонизации межэтнических отношений в многонациональном сообществе Дальневосточного края. Этнические меньшинства вовлекались в государственное и нацстроительство. В области советского строительства были созданы в это время 15 национальных райисполкомов, среди которых было 13 украинских, один еврейский, один корейский райисполком.

Функционировали также 600 национальных сельских советов, в их числе 300 – украинских, 176 – корейских, три – еврейских, один – китайский совет [Там же. Д. 1073. Л. 21].

Все это содействовало расширению возможностей получения образования этническими меньшинствами, что касалось в полной мере и китайцев. В этой связи приходилось преодолевать и некоторые трудности. Например, отсутствовало окончательное решение вопроса об алфавите для дунган, о китайском алфавите и др. Алфавиты на середину 1930-х гг. не были разработаны «надлежащим образом». Это отмечалось инструктором Президиума ЦИК ССР Мандельштамом в докладе, освещавшем результаты обследования деятельности Всесоюзного центрального комитета нового алфавита (ВЦКНА).

Под руководством партийных и советских органов власти постепенно налаживалась система образования. Повышался уровень грамотности, в том числе и китайского населения. Китайцы были участниками 1-го в Союзе ССР съезда писателей, проходившего в Москве 1 сентября 1933 года. В информации констатировалось, что «среди гостей и участников съезда были также китайцы, греки, персы и другие» [25, с. 76]. Перед участниками съезда выступали с докладом М. Горький и другие писатели Союза ССР.

В 1936 г. партийные и советские органы власти Дальнего Востока поставили задачу очистить г. Владивосток от социально-опасного контингента. Эти меры затронули в первую очередь китайцев. В итоге, по данным исследователя проблемы миграции Е.Н. Чернолуцкой, более 4 тыс. граждан китайской национальности покинуло Владивосток [29, с. 256].

На территории страны постепенно реализовывался и курс на формирование национальных школ. Нарком просвещения РСФСР П.А. Тюркин, обращаясь к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву и А.А. Жданову по вопросу о национальных школах в русских районах, информировал, что в ноябре 1937 г. функционировали в Дальневосточном крае три китайские школы (182 учащихся) и 278 корейских школ (22 938 учащихся) [25, с. 310]. Формировалась система получения образования представителями этнических меньшинств, включая китайцев. Конечно, почти на 25 тыс. китайского населения на Дальнем Востоке школ было мало. Во Владивостоке

проживало около 10 тыс. китайцев, в Хабаровске – 4 043 человека. Всего же в РСФСР было 38,5 тыс. китайцев.

Происходили определенные трансформации и в системе национально-государственного строительства. В связи с принятием Конституции СССР 1936 г. наблюдались изменения в советском строительстве. Исчезло из Основного закона – конституции упоминание о национальных районах и сельских национальных советах. Так, был реорганизован в обычный Китайский национальный совет Бикинского района Хабаровской области [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 5442. Л. 87–89].

Обстановка на Дальнем Востоке заметно обострилась. Это обуславливалось прежде всего началом войны Японии против Китайской республики весной 1937 года. Поверенный в делах СССР в Японии К. Сметанин Наркому иностранных дел М.М. Литвинову и замнаркома В.П. Потемкину писал: «Японская военщина, начавшая войну с Китайской республикой весной 1937 г., рассчитывала пройти походом по территории Китая, и никак не предполагала, что эта война затянется». [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 1. Д. 250. Л. 211 – 286].

Правящие круги Японии по-прежнему считали войну с СССР главной стратегической задачей и одновременно своими действиями обостряли обстановку на границе с СССР. 7 июля 1937 г. Япония начала вооруженное вторжение в Северную Корею. Японцы в это же время вынашивали идею распространить свое влияние на все районы Юго-Восточной Азии, включая и советский Дальний Восток. Япония испытывала нужду в новых земельных ресурсах.

Обстановка на Дальнем Востоке повсеместно оставалась сложной. В начале сентября 1937 г. на заседании Амурского обкома ВКП(б) говорилось о том, что вся система связи области «поражена вредителями троцкистско-японских шпионов и диверсантов» [Там же. Д. 5526. Л. 265]. Это заключение нашло отражение и в постановлении Бюро Амурского обкома ВКП(б) после заслушанного сообщения о политическом состоянии в области. По признанию членов бюро, здесь получили широкое распространение шпионизм, слежки. Это же инкриминировалось корейцам, китайцам, как и другим этническим общностям, проживавшим в это время на Дальнем Востоке.

Принудительное переселение корейцев, начало которому было положено осенью 1937 г., прежде всего было связано с разнузданной кампанией по выявлению иностранных шпионов. В этот сложный процесс были вовлечены представители многих этнических меньшинств, в том числе китайцев, немцев, поляков. По приблизительным данным, 7–8 тыс. китайцев подлежали принудительному выселению.

Акции, связанные с репрессиями в отношении китайцев, проводились Наркомом НКВД СССР Н.И. Ежовым. Особую активность они приобрели в период деятельности начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшкова. 22 декабря 1937 г. за подписью Н.И. Ежова под грифом «совершенно секретно» была направлена шифротелеграмма в адрес Г.С. Люшкова, которой предписывалось: «Всех китайцев, независимо от их подданства, проявляющих провокационные действия или террористические намерения, немедленно арестовать» [10, с. 101]. Одним словом, как отмечает С. Лебедев, начиная с 1937 г. приток китайцев на территорию Дальнего Востока прекратился. По его данным, в Приморье оставалось около 10 тыс. китайцев. Китайцы убывали еще и по причине начала войны с Японией.

Вслед за этими 23 декабря 1937 г. из НКВД СССР последовало новое указание о ликвидации в крае всех притоков – «китайских» и других значных мест и о проведении необходимых дознаний. Согласно директиве, распространенной по всей стране, от органов власти требовалась пополнять первую и вторую категории арестованных.

Конечной мерой этой акции следовало «выдворение за пределы Союза ССР» [10]. Это касалось в первую очередь китайцев, «изобличенных в активной шпионской, контрабандистской деятельности, активных уголовников (их дела расследовались "тройками")». Этот контингент относился к первой и второй категориям. Они подлежали немедленной депортации.

В связи с этим еженедельник «Союз» («Жизнь») опубликовал данные из статьи Г. Люшкова¹ в «Бекан Рошия» (1938 г.) о том, что в ходе операции по принудительному переселению с территории Дальнего Востока было арестовано 9 тыс. партийных работников и военных по подозрению в участии в нелегальных группах. Кроме того, было арестовано 11 тыс. и выслано 8 тыс. китайцев, арестовано также 2,5 тыс. корейцев, 600 поляков и представителей других этнических меньшинств [24, с. 9].

¹ Руководил выселением корейцев Дальнего Востока, по определению главы НКВД СССР Н.И. Ежова, «лучший чекист» СССР Генрих Люшков. В 1938 г. предал Родину, был назначен под именем Ямогучи Тосикадзу советником Генштаба Квантунской армии. Допрошенный в ноябре 1945 г. бывший начальник военной миссии в Дайрене показал, что лично застрелил Люшкова.

Что касалось арестованных китайцев, то им судебным порядком запрещалось проживание в Дальневосточном крае, Читинской и Иркутской областях [10, с. 102].

Оставшиеся дома, освобожденные корейцами и китайцами, заселялись сразу же уехавшими в запас красноармейцами или гражданами, прибывавшими на Дальний Восток по набору, коих к переселению планировалось 2 000 человек. Процесс занимал длительный период начиная с 1938 г. [22, с. 752]. Непосредственно под руководством НКВД СССР сюда же направлялись и 5 тыс. колхозных хозяйств [22, с. 162].

Тяжелая обстановка, а в связи с этим и сложная криминогенная ситуация в крае содействовали формированию бандитских отрядов из представителей разных этнических меньшинств. Участие в бандах китайцев на Дальнем Востоке не было массовым явлением. Были ли они шпионами, террористами – такие данные можно найти в литературе. В конце 1937 г. заместитель Наркома СССР М. Фриновский сообщал в ЦК ВКП(б) И. Сталину, что в Хабаровске обнаружена и вскрыта деятельность контрреволюционной троцкистской организации во главе с китайцем Чжоу Да Мином (Чугунов), готовившаяся для переброски в Сынцзян. Что якобы Чжоу Да Мин создавал эту организацию по заданию японского агента, участника военно-фашистского заговора (рук. Вали – бывший начальник разведки ОКДВА) [18 (2004), с. 433].

Тем не менее шпиономания продолжалась. Как отмечал М. Фриновский в феврале 1938 г., в 1937 г. за шпионаж были арестованы 15 китайцев, в 1938 г. – уже 2 178. Всего же только в 1937 г. в Союзе ССР было арестовано 936 750 человек, в 1938 – 638 509 человек [18, с. 659–660].

31 января 1938 г. на проходившем заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято постановление «О продолжении репрессий среди населения по признакам национальной принадлежности» по п. 49 – «Вопросы НКВД».

«1. Разрешить НКВД продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранноподданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР», – читаем в постановлении.

При этом в п. 3 говорилось: «Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля 1938 г. аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР» [18, с. 468–469]. Они рассматривались в качестве гнезд шпионажа и коллаборационизма.

1 февраля 1938 г. в постановлении Политбюро ВКП(б) «Вопросы НКВД» по Дальнему Востоку п. 61, параграф 19 указывалось: «Впредь обязать НКВД СССР в Дальневосточные лагеря осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену Родине, повстанчество и бандитизм, а также уголовников-профессионалов не направлять. Также не направлять в эти лагеря и лиц японской, китайской, эстонской и финской национальностей и харбинцев независимо от характера преступления, за которое они были осуждены» [18, с. 470].

Итогом стало и принятое специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О запретной пограничной полосе и пограничном режиме» [29, с. 260]. Вновь над китайцами нависла угроза зачистки регионов Дальнего Востока. По данным Е.Н. Чернолуцкой, за две проведенные чистки были привлечены к ответственности 5993 китайца [29, с. 261]. Эта кампания продолжалась длительное время. В Амурской области было арестовано 1350 китайцев, а всего, как отмечал Г.С. Люшков, 11 тыс. человек.

Китайцы, как и представители других этнических общностей, отбывали наказание по этим причинам и в западных регионах страны. Начальник НКВД по Тульской области С.И. Лебедев 24 марта 1938 г., сообщая секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину о ходе операции по приказам НКВД СССР №№ 00484, 00439, 00593, а они касались ареста шпионов, отмечал, что «согласно Вашей директиве № 233 с 1 октября 1937 г. по 20 марта 1938 г. нами арестовано 1 646 человек, из них ...по китайской линии 35 человек [в 1932 г. было 577 человек – Н.Б.]. С 15 по 20 марта 1938 г. – по китайской линии – 5 человек» [17, с. 433].

В документах встречаются сведения о проживании китайцев и на юге СССР, в частности колхозе им. Г. Димитрова Ивановской МТС Азово-Черноморского края. По данным Ж.Г. Сон, здесь заниматься просветительской работой среди китайцев-лесорубов поручалось молодому коммунисту китайцу Ли Утой [23, с. 371]. Работа имела незначительный успех, так как это по большей части был безграмотный контингент населения. Здесь же были восстановлены в партии два китайца, 11 корейцев и один японец [23, с. 332].

В июне 1938 г. Япония продолжала захватывать Дальний Восток как часть «великого плана» генерала Танаки «по завоеванию Японией мира». Оккупировав в свое время Маньчжурию, Япония на очередном этапе ставила приоритетной задачей закрепиться и в Северном Китае. Определялась и очередная задача, которая, как отмечалось, сводилась к тому, чтобы «создать укрепленный плацдарм для последующего наступления на Советский Союз» [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 1. Д. 250. Л. 72].

В это же время японские вооруженные силы совершили нападение на советские пограничные части в районе о. Хасан. Одновременно усиливалась волна подозрительности. Подобные происки осложняли и без того сложную военно-политическую ситуацию в регионах Дальнего Востока.

Во многом эти события послужили причиной принятия экстренных мер по укреплению восточных границ. 3 июня 1938 г. последовало указание наркома НКВД СССР Н.И. Ежова, касающееся тех граждан-китайцев, которые не имели ни советских, ни китайских паспортов и заявлявших о себе как о китайских подданных. Так вот, их рекомендовалось выселить в соседнюю с СССР провинцию – Синьцзян. Паспорта предлагалось оформить через Китайское консульство.

Особо говорилось о китайских подданных советских граждан – женщинах. Им предписывалось совместно с мужьями направляться также в Синьцзян и выходить из советского гражданства. Для этой цели были определены пункты пропуска Бахты со станцией назначения Аягуз.

Китайянок – китайских подданных, не являвшихся женами китайцев – советских граждан, предписывалось принудительно переселить вместе с мужьями в Казахскую ССР. Жены китайских подданных, принадлежавших другим национальностям, спецпереселению не подлежали.

Руководителем операции по переселению в Казахскую ССР назначался Нарком НКВД Казахской ССР (январь – ноябрь 1938 г.) С.Ф. Реденс. Для проведения переселения выделялись необходимые средства.

Управлением НКВД по Дальневосточному краю 16 мая 1938 г. была направлена на места директива НКВД СССР о принудительном выселении китайцев. Это явилось основой для начала действий. Подготовленная первая партия китайцев (6 189 граждан) с их семьями депортировалась в конце мая. Однако 5 июня все эти действия по указанию центра были приостановлены, правда, не на длительный срок.

Подобные акции со стороны Правительства СССР не были поняты китайской стороной. Естественно, последовало обращение поверенного в делах Китая (в это время им в СССР был Лю Шаоци) в Правительство СССР с просьбой рассмотреть вопрос о возможности оставления китайцев на территории Дальнего Востока, а тех китайцев, которые не изъявляют желание, принудительно «выселить в Синьцзян».

Конечно, в своем ответе Советское правительство несколько слукавило, делая уклон на то, что оно, «исходя из дружественных отношений с Китаем и учитывая, что производилось не принудительное выселение китайцев, а добровольный их выезд в Синьцзян, пошло навстречу пожеланиям проживающих в Дальневосточном крае китайских граждан» [Там же].

Разумеется, тон письма был несколько иным по сравнению с указаниями, даваемыми Наркомом НКВД СССР 3 июня 1938 года. Пункт 1 теперь гласил: «Выселение китайцев из пределов Дальневосточного края прекратить, допуская лишь переселение в Синьцзян тех китайцев, которые изъявляют на то добровольное желание. Переселение китайцев в Казахстан совершенно прекратить». Конечно, это было отступление со стороны НКВД СССР от задуманного первоначального решения и запущенного в производство. Однако такое решение шло вразрез с пониманием Сталиным направленности этой акции.

В создававшейся ситуации китайцы, пожелавшие все-таки уехать в Синьцзян, при новом повороте дела могли даже рассчитывать на получение средств (реализация имущества, оформление документов, доставка груза к железнодорожным станциям, денежная помощь и т.д.). А в остальном расходы возлагались на китайских граждан.

Если же китайцы оставались на проживании на территории Дальневосточного края, они обязаны были покинуть запретные пограничные зоны, укрепрайоны и поселиться в доступном месте. Эти решения органов власти принимались, как правило, в срочном порядке и предписывались к немедленному исполнению. Поэтому не случайно, что уже на середину июня 1938 г. некоторые из китайских лиц лишились своего жилья. Они приготовились к выезду в Казахскую ССР, но теперь им также можно было расселяться в других районах Дальневосточного края.

В связи с этим на места срочно направлялись ответственные работники партийного и советского аппаратов власти для разъяснительной работы по решениям Советского правительства, в том числе и среди китайцев, находившихся уже в эшелонах. Для уезжавших китайцев в Синьцзян устанавливался льготный тариф. Тем из китайцев, кто продал свои дома, находившиеся вне укрепрайонов, разрешалось возвращать проданное жилье обратно, «с возвратом полученных денет от покупателя».

Что касается такого контингента, как арестованные китайцы, то они освобождались из-под стражи и принудительно переселялись в Синьцзян вместе с семьями и имуществом.

В новых условиях китайцы могли быть подвергнутыми аресту только в случае достаточно сильных «изобличающих их в контрреволюционных или уголовных преступлениях» обстоятельств.

Теперь же могли получать помощь в случае выезда в Синьцзян и китайцы, проживавшие в этот период на о. Сахалине и на Камчатке.

Все эти рекомендации для практического осуществления намеченных мер по отношению к китайцам были обобщены в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О переселении китайцев с Дальнего Востока» 10 июня 1938 года [18, с. 503].

Что касается упоминавшихся в этой связи китайцев, арестованных по причине шпионажа, активной диверсионной деятельности, террора, то постановлением предписывалось «освободить их из-под стражи и принудительно выселить в Синьцзян с их семьями, имуществом» [Там же].

13 июня 1938 г. Нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов на основе решения Политбюро ВКП(б) от 10 июня 1938 г. (Протокол 41, п. № 62) направил указание на имя Г.С. Люшкова «О выселении китайцев в Синьцзян» [12, с. 102–103]. Подобная директива была направлена и на места (Хабаровск, Благовещенск и др.). Тем не менее, второй эшелон уже формировался на добровольной основе.

При таком раскладе действий органов власти по отношению к китайской общине возникает вопрос о необходимости мер по депортации китайцев. Как известно, после состоявшегося расширенного пленума ЦК КПК в октябре – ноябре 1938 г. состоялось и признание и И.В. Сталиным и Г. Димитровым Мао Цзэдуна как вождя. Это содействовало его утверждению во власти. Более того, на основе составленной программы Мао по изучению социализма были рекомендованы к изучению некоторые статьи И. Сталина. И, казалось бы, ничто не предвещало принудительного переселения китайцев. Тем не менее события развивались несколько по-другому. С. Лебедев констатирует, что «к началу 1938 г. китайская община прекратила свое существование на территории Дальнего Востока» и до падения СССР он был чисто русским [16]. И все же представляет определенный интерес развитие самих событий, связанных с принудительным переселением китайцев накануне войны 1941–1945 гг.

Одним словом, в связи с состоявшимся договором Посольства Китая в СССР с И. Сталиным Н.И. Ежову и Л.П. Берия пришлось заняться срочным освобождением из мест заключения китайских подданных, о чем свидетельствует и сообщение на имя И. Сталина от 4 ноября 1938 года.

Были освобождены, по данным Е.Н. Чернолуцкой, 152 человека. Их планировалось переселить в уже готовых к отправке в Китай двух эшелонах: 1 613 и 1 560 человек [28, с. 264]. Работа в этом направлении продолжалась.

Это был контингент китайцев – китайско-подданных, осужденных на разные сроки, состав преступления которых не содержал тяжких нарушений законов СССР.

Посольство Китая в Москве в срочном порядке представило список таких заключенных в разных городах СССР, который включал сведения о 400 китайцах. Н.И. Ежов и Л.П. Берия писали И. Сталину: «Мы дали согласие освободить из заключения и выдворить в Синьцзян арестованных указанных категорий» [18, с. 603]. Предстояло провести работу по этой категории китайских граждан.

И здесь же И. Сталину предлагалось: «Считаем целесообразным дать согласие китайскому Посольству на возврат из пределов СССР в Синьцзян через Особое совещание НКВД СССР следующие категории китайцев – китайско-подданных, отбывающих в местах заключения срок лишения свободы, осужденных за преступления... Просим Ваших указаний» [18, там же].

По имеющимся обобщенным приблизительным данным, из Уссурийской области было принудительно переселено не менее 1665 китайцев, в Амурскую область переселялись 528 китайцев (советских граждан) и 80 китайцев (китайское гражданство). Всего – 2273 человека. Из г. Хабаровска – 357 человек. В связи с выходом из советского гражданства численность выезжавших китайцев возрастала.

Переселенных в границах советских районов Дальнего Востока оставалось 3930 китайцев [28, с. 267]. Продолжали пребывать в тюрьмах и китайцы, отбывавшие срок за правонарушения. Например, во Владивостоке их насчитывалось 2990 человек. Проживали также студенты в количестве 72 человек.

10 ноября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) было принято очередное Постановление о переселении китайцев (п. 69. «Вопрос НКВД»), в котором констатировалось:

«Дать согласие китайскому посольству на выдворение из пределов Советского Союза в Синьцзян через Особое совещание при НКВД СССР следующие категории китайцев – китайско-подданных, отбывающих в местах заключения сроки лишения свободы, осужденных за преступления: а) спекуляцию, б) мелкую контрабанду, в) валютные операции, г) содержание опиокурлен и продажу наркотиков, д) бытовые преступления (там, где санкции не выше 5 лет), е) антисоветскую агитацию».

Все эти контингенты «после решения Особого совещания при НКВД СССР по договоренности с китайским Посольством направлять в Синьцзян с упрощенным оформлением выезда»

[Там же]. В докладе «О состоянии агентурно-оперативной работы» УНКВД по Приморскому краю генерал-лейтенанта М. Гвишиани от 20 января 1939 г. на имя Л. Берии сообщалось, что в 1937–1938 гг. Управлением НКВД по Приморскому краю и Уссурийской области было арестовано 15 435 человек, кроме того содержались под стражей 860 китайцев, дела по которым в мае – июне 1938 г. были завершены и направлены в УНКВД по Дальневосточному краю в Хабаровск [URL: zlobnik-v-2.livejournal.com/79174.html. Дата обращения: 20 ноября 2015 г.]

Операции по выселению китайцев продолжались в 1939 – начале 1941 гг. На этом этапе готовились к отправке остававшиеся 860 китайцев, в числе которых и те китайцы, кто отбывал наказание в тюрьмах Владивостока, Сахалина (более 30 человек). Они направлялись в Казахстан и Синьцзян во второй половине 1939 года. В этот период оставалось китайцев – не граждан СССР в Приморском крае – более десяти, в Хабаровском крае – 1937 человек [28, с. 268–269].

По итоговым данным, в Синьцзян было принудительно переселено 7,9 тыс. китайцев, в Казахстан – 1,4 тыс., внутри Дальневосточного края (отдаленные районы Хабаровского и Амурской области) – более одной тыс. человек.

Война в самом Китае (1937 – август 1945 г.), второй период, которой приходился на ноябрь 1938 – дек. 1941 гг., рассматривалась японскими империалистами как один из этапов реализации планов установления гегемонии в Азии, а эксплуатация захваченных районов Китая – как важнейший элемент создания колониальной империи.

7 декабря 1941 г. состоялось нападение японской авиации на американскую базу Пирл-Харбор, послужившее началом войны в Тихоокеанском регионе. Декабрь 1941 – август 1945 г. приходились на третий этап развязанной войны.

Заметно ощущалось влияние на развитие военно-политической обстановки на Дальнем Востоке проходившей на Западе войны СССР с Германией. Успехи Красной Армии (Москва, Сталинград, Курск и др.) «не только окончательно сняли вопрос о нападении Японии на СССР, но и стали важным фактором поддержания сторонников сопротивления, серьезным ударом по капитулянтам [13].

9 августа 1945 г. СССР вступил в войну с Японией. Отношения СССР с Китаем оставались стабильными, в том числе и благодаря тому, что была решена проблема становления и укрепления отношений по вектору «народы и власть», а также проблема положения китайской общины на территории СССР. В Москве 14 августа 1945 г. был подписан договор о союзе между СССР и Китаем [Там же].

Проблема, связанная с призывом этнических меньшинств в Красную Армию, становилась приоритетной и требовала своего решения. Не случайно на нее особое внимание обращалось в ходе призывной кампании 1940 г. Постановление «Об очередном призыве в 1940 г. в Красную Армию, Военно-Морской флот, войска НКВД СССР и увольнении в запас рядового и командного начсостава, выслуживших срок действительной военной службы», принятое Политбюро ЦК ВКП(б), вновь рассматривалось на проходившем заседании 26 сентября 1940 года. По п. 8 отмечается: «Признать, но не направлять в армию, а зачислять в рабочие колонны и батальоны:

а) призывников национальностей: турок, японцев, корейцев, *китайцев*, румын».

Военные, принадлежавшие к названным этническим общностям, увольнялись из всех приграничных округов, в том числе округов Дальнего Востока, Забайкальского военного округа [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 29, л. 2, 3].

На 1943 г., как свидетельствовало Главное управление кадров Наркомата Обороны СССР в информации о количестве награжденных красноармейцев и командиров Красной армии орденами и медалями СССР за бои с немецкими захватчиками, значатся шесть дунган [25, там же].

Таким образом, положение этнических меньшинств, имевших непосредственные связи со своей исторической родиной (корейцы, китайцы, иранцы и др.), во многом определялось уровнем отношений между государствами и их лидерами. Применительно к китайцам – состоянием в конкретном случае отношений между Мао Цзэдуном и И. Сталиным, в целом советско-китайских отношений в рассматриваемый период.

Изучение положения разных категорий групп китайского населения на территории Дальнего Востока СССР свидетельствуют о заинтересованности государства в использовании рабочей силы и освобождении от разного уголовного элемента вплоть до принудительного переселения, что и практиковалось на примере китайцев в 1920-е – 1930-е гг. Вряд ли можно приписать подобную практику к положительной, но тем не менее она активно применялась с учетом интересов прежде всего государства и главным образом его экономических интересов [28]. Ее использование имело место и по отношению к другим этническим меньшинствам на территории Союза ССР.

Несмотря на имевшиеся трудности социального порядка, и в условиях современности наблюдается тенденция к возрастанию численности китайцев на территории России. Вряд ли можно не заметить этого явления. Работа в России привлекает китайский контингент, однако китайцы не ставят это на постоянную основу. Они могут быть использованы в качестве иностранной рабочей силы. «Китайская миграция в регион, – заявлял замгубернатора Амурской области на одном из заседаний проходившего в октябре 2006 г. экономического форума в Хабаровске А. Гордеев, – не только неизбежна в будущем, она стала реальностью, а в перспективе может стать важнейшим фактором для экономики восточных районов страны» [19, с. 10]. В значительной мере эту же функцию китайцы выполняли и в 1920-е–1940-е годы.

Вероятно, основой этого выступают начинания 1920–1940-х годов. Нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой самые прочные отношения между нашими странами и народами были при Сталине и Мао Цзэдуне в 1950-х гг. XX в. Как пишет А. Девятков, «и это был военный союз, построенный на общем "красном" мировоззрении и моральных ценностях реального социализма советского типа. Тот союз распался в 1960-х годах по причине ревизионизма в идеологии» [9]. Тем не менее, в 2005 г. из числа трудовых мигрантов доля граждан КНР составила 64%, КНДР – 25%, граждан из стран СНГ – 11% [Там же].

Одним словом, отношение Союза ССР к китайской общности базировалось на основе логики государственной целесообразности. Если это отвечало интересам государства, на практике был задействован и принцип равенства всех этнических общностей. Важную роль играл и принцип «выстраивания всех по ранжиру», по иерархии, которая зависела от состояния межгосударственных отношений, а также многих внутренних факторов, настроений той или иной общности по отношению к советской системе.

Отсюда и вывод: или продолжение контактов – или «выдворение» этнической общности. При всем этом государственный приоритет оставался доминирующим. Для данного периода, несомненно, приоритетным оставался и классовый принцип. На практике национальная составляющая рассматривалась в это время уже как второстепенная, что исходило из положения трансформации государства диктатуры-пролетариата (военно-пролетарской диктатуры) в социалистическое общенародное государство.

В начале XXI века Россия и Китай, оценив события прошлого, вступили в новый этап отношений, базирующихся на принципе мирного сосуществования, демонстрируя при этом ценности гармонии мира и согласия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. первая. Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992.
2. Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. вторая. – М.: МККА, 1997; Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Кн. первая. Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. – М.: Интерпракс, 1992. – С. 7.
3. Биробиджан сегодня. 11 мая 1934; Тихоокеанская звезда. 11 мая 1934.
4. Большой психологический словарь. Сост.: Б. Мещеряков, В. Зинченко. – М.: Олма-пресс, 2004.
5. Бугай Н.Ф. Кавказ в судьбах российских корейцев: контакты, трансформации, перспектива. Корейцы Юга России и Нижнего Поволжья: история и современность. Мат.-лы Межд. науч. конф. – Волгоград, 1–2 ноября 2011, и др.
6. Бугай Н.Ф. Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт корейцев России). – М., 1998. – С. 83.
7. Временное положение о военнопленных русско-японской войны // Собрание узаконений и распоряжений правительства, изданных при правительствующем сенате. Отд. 1. 1-е полугодие. – СПб., 1904. – С. 1389–1398.
8. Дацышен В.Г. Интернированные, депортированные и военнопленные: неизвестные страницы истории китайской миграции в России // Восток. – 2010. – № 4.
9. Девятков А. О чем умалчивает пропаганда. // URL: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=9017806&url=yamail%3A%2F%2F2440000006013005555%2F1.2&name=407.doc&c=5550e7b72d86>, 11 мая 2015 г.
10. Документы. Сталинские депортации. 1928–1953. Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. – М., 2005.
11. Там же. – С. 101.
12. Там же. – С. 102–103.
13. История Китая / Отв. ред. Меликсетов. – М., 2007.
14. Каганский В.Л. Пространственные аспекты культурного ландшафта современной России. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М.: ИГ РАН, 2009.
15. Каменских М.С. Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в пермскую губернию в годы русско-японской войны // Уральский исторический вестник. Институт истории и археологии УроРАН. – Екатеринбург, 2009. – № 3 и др.
16. Корейцы в Союзе ССР – России. XX век. История в документах. – М., 2004; Лебедев С. Сталин против китайской диаспоры. URL: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm> Дата обращения: 13.12.2015.
17. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Документы. Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотнокова. – М., 2004. – С. 433.
18. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР. «Смерш». 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. – М., 2006, и др.

19. Приамурье готово принять переселенцев // Российские корейцы. – № 8 (87). – Октябрь. – 2006. – С. 10.
20. Российская миграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сб. док-тов. – Южно-Сахалинск, 1994. – С. 4–9.
21. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). – Т. 1. Часть 2. – М., 2001. – С. 673–674.
22. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документ и материалы. Т. 4. 1935–1939. – М., 2012. – С. 752
23. Сон Ж. Российские корейцы: всевластие и несправедливость этнической общности. 1920–1930. – М., 2003. – С. 179.
24. Союз. – 1990. – 10 марта. – С. 9.
25. ЦК ВКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2. – М., 2009. – С. 76.
26. ЦК ВКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. – М., РОСПЭН, 2005. – С. 650.
27. Чернолуцкая Е.Н. Депортация китайцев из Приморья (1938 г.) // Международная научная конференция. Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья в XVII–XX веках. Тезисы, доклады и сообщения. Т. 2. – Владивосток, 1993.
28. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. – Владивосток, 2011, и др.
29. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции ... Владивосток, 2011.

REFERENCES

1. White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30 – 40-ies. [White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30 – 40-ies]. Bk.II. First. Authors - compilers: Lee In Hye, Kim Yong Un, M. : "Interpraks", 1992. (ru)
2. White Paper. The deportation of the Korean population of Russia in the 30–40-ies. [White paper. The deportation of the Korean population in Russia 30 – 40-ies]. Bk. II First. Authors - Ed. : Lee In Hye, Kim Yong Un, M.: "Interpraks", 1992, p 7. (ru)
3. Birobidzhan today. May 11, 1934; Pacific Star. May 11, 1934. (ru)
4. A significant psychological dictionary. [A significant psychological dictionary]. Ed.: Meshcheryakov B. Zinchenko M. : Olma-Press, 2004 (ru)
5. Bugay NF Caucasus in the fate of Russian Koreans: contacts, transformation, the prospect of the South Koreans Caucasus in the fate of Russian Koreans: contacts, transformation, the prospect of the South Koreans. Russia and the Lower Volga region: history and modernity. Proceedings of the International Scientific Conference. Volgograd, November 1–2, 2011, and others. (ru)
6. Bugay NF Social naturalization and ethnic mobilization (Korean experience of Russia) [Social naturalization and ethnic mobilization (Korean experience of Russia)] M., 1998. Pp. 83. (ru)
7. Provisional Regulations on prisoners of war Russian-Japanese War. Meeting of the statutes and government regulations issued under the Government of the Senate. [Provisional Regulations on prisoners of war Russian-Japanese War. Meeting of the statutes and government regulations issued under the Government of the Senate]. Dep. 1. 1st half. SPb., 1904. pp 1389 – 1398. (ru)
8. VG Datsyshen Internees, deportees and prisoners of war: the unknown pages of the history of Chinese migration to Russia Internees, deportees and prisoners of war: the unknown pages of the history of Chinese migration to Russia. East, 2010, № 4; (ru)
9. The ninth AO than silent propaganda Available at: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=9017806&url=yamail%3A%2F%2F2440000006013005555%2F1.2&name=407.doc&c=5550e7b72d86>; May 11, 2015 (ru)
10. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Ed. NL Pobol, golf PM Polan Moscow, 2005 (ru)
11. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. xDocuments. Stalin's deportation. 1928–1953]. Ed. NL Pobol, golf PM Polan. M., 2005. P. 101. (ru)
12. Documents. Stalin's deportation. 1928–1953. Ed. NL Pobol, golf PM PM Polan M., 2005, pp 102 – 103; (ru)
13. History of China. M., 2007. Ed. Meliksetov M., 2007. [History of China. M., 2007]. Ed. Meliksetov M., 2007.(ru)
14. Kagan VL Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia.Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia. [Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia.Spatial aspects of the cultural landscape of modern Russia]. Author. Dis. ... Kgn M.: IG RAS, 2009. (ru)
15. Mikhail Kamensky The Chinese, Japanese and Koreans, interned in the province of Perm during the Russian-Japanese war. [The Chinese, Japanese and Koreans, interned in the province of Perm during the Russian-Japanese war]. Ural Historical Journal. Institute of History and Archaeology UroRAN. Ekaterinburg, 2009. № 3 and others. (ru)
16. Koreans in the Soviet Union - Russia. XX th century. History documents M., 2004. [Koreans in the Soviet Union - Russia. XX th century. History documents] M., 2004;Lebedev S. Stalin against the Chinese diaspora [Stalin against the Chinese diaspora]. Available at: <http://www.apn-spb.ru/publications/article21907.htm> Title December 13, 2015 (ru)
17. Lubyanka. Stalin and the Directorate of state security of the NKVD. 1937-1938. Documents. Comp. V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. With. Plotnikova. M., 2004. p. 433.
18. Lubyanka. Stalin and the General Directorate of State Security of the NKVD. In 1937–1938. M., 2004 /ed. Academician AN Yakovlev; Lubyanka. Stalin and the NKVD - NKGB - GUKR. "Smersh". 1939 – March 1946 / Archive Stalin. Documents senior officials of the party and the government. M., 2006, and others. (ru)

19. Amur region is ready to accept immigrants. [*Amur region is ready to accept immigrants*]. *Russian Koreans*. № 8 (87). October. 2006. 10 pp. (ru)
20. The Russian migration to Manchuria: Military-political activity (1920–1945). Coll. Documents [*The Russian migration to Manchuria: Military-political activity (1920–1945)*]. Coll. Document. Yuzhno-Sakhalinsk, 1994. pp 4 – 9.
21. "Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922 - 1934 gg.). [*Top Secret": Lubyanka - Stalin on the situation in the country (1922 - 1934 gg.)*]. Т. 1. Part 2, Moscow, 2001, pp 673 – 674. (ru)
22. Soviet Village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. [*Soviet Village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. Documents and materials*]. 4. Т. 1935 – 1939. М., 2012. S. 752. (ru)
23. Son J. Russian Koreans: the omnipotence of power and powerlessness of an ethnic community. 1920 – 1930. [*Russian Koreans: the omnipotence of power and powerlessness of an ethnic community. 1920–1930*]. М., 2003. With 179. (ru)
24. Union. 1990. March 10. S. 9.
25. The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question. [*The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question*]. Bk. 2. М., 2009. P. 76. (ru)
26. The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question. [*The Central Committee of the CPSU (b) – CPSU (b) and the national question*]. М. ROSEN, 2005. P. 650. (ru)
27. Chernolutsкая EN Deportation of Chinese Primorye (1938) [*Deportation of Chinese Primorye (1938)*]. International scientific conference. The historical experience of discovery, settlement and development of the Amur region in the XVII – XX centuries. Abstracts, papers and reports]. The historical experience of discovery, settlement and development of the Amur region in the XVII – XX centuries. Abstracts, papers and reports. Т. 2. Vladivostok, 1993; (ru)
28. Chernolutsкая EN Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. [*Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies*]. Vladivostok, 2011, and others. (ru)
29. Chernolutsкая EN Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies. [*Forced migration in the Soviet Far East in 1920 – 1950-ies*]. Vladivostok, 2011, and others. (ru)

Информация об авторе

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории, Российская академия наук, г. Москва, Россия, nikolay401@yandex.ru

Получена: 13.12.2015

Для цитирования статьи: Бугай Н.Ф. Китайцы в СССР и России: политика двух стандартов (1920 – 1940-е годы). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том. 8 №1. Часть 1. с. 52-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66

Information about the author

Bugay Nikolai F., Doctor of Historical Sciences, Professor, Principal Research Associate, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences Moscow, Russia, nikolay401@yandex.ru

Received: 13.12.2015

For article citation: Bugay N.F. Chinese in Soviet Union and Russia: the policy of two standards (1920 – 1940). [*Kitaytsy v SSSR i Rossii: politika dvukh standartov (1920 – 1940-e gody)*]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 1. Pp. 52-66.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-52-66

УДК 94 (477) : 061.1 „195/196”

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-67-74

ДИТКОВСКАЯ Светлана Алексеевна,
Луганский государственный университет имени Тараса
Шевченко, Луганск, Украина
ditkovska@yandex.ua

DITKOVSKA Svetlana A.,
Lugansk State University named after Taras
Shevchenko,
Lugansk, Ukrainian
ditkovska@yandex.ua

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ РАБОТЫ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ (1959–1991 гг.)

DIRECTIONS AND FORMS OF WORK OF THE UKRAINIAN SOCIETY OF FRIENDSHIP WITH FOREIGN STUDENTS (1959-1991)

Статья посвящена взаимодействию украинской общественности с иностранными студентами в эпоху социализма. Благодаря Украинскому обществу дружбы такие взаимоотношения носили массовый характер. Индивидуальные и коллективные члены секций права, общественных наук, педагогической, медицинской и сельскохозяйственной активно устанавливали и расширяли контакты со студентами-иностранцами. Доказано, что она велась в трех направлениях: организация обмена студенческими группами университетов-побратимов; оказание помощи в обучении и организации досуга студентам-иностранцам из социалистических и развивающихся стран; патронаж студентов из США и Канады. Основными формами работы с иностранными студентами являлись проведение вечеров Дружбы, лекций, бесед, встреч с учеными, деятелями культуры и искусства, передовиками производства, проведение фотовыставок, обмен литературой и материалами, установление связей между отдельными организациями, учреждениями, коллективами, регионами, празднование юбилейных и памятных дат. С гражданами США и Канады практиковалась индивидуальная работа, основными формами которой были приглашение на учебу в СССР, контроль над обучением и организацией туристских поездок по территории СССР. Сдержанием работы Общества в этом направлении являлось ознакомление студентов с советской действительностью, жизнью и культурой украинского народа. Свидетельствами результативности работы Общества были позитивные отзывы иностранных студентов, письма, которые они присылали после возвращения домой, их выступления в прессе о пребывании в республике, что, безусловно, способствовало формированию позитивного образа СССР в глазах иностранной общественности. Однако чрезмерная централизация, плановость, идеологизация и формализм сужали возможности продуктивного общения и выступали негативным фактором развития международных образовательных и научных контактов.

The article is devoted to the interaction of the Ukrainian public with foreign students in the era of socialism. Thanks to the Ukrainian society of friendship such a relationships were widespread. Individual and collective members of the sections of law, social sciences, pedagogical, medical and agricultural actively established and expanded contacts with foreign students. It is proved that it was conducted in three directions: organization of an exchange of student's groups of universities sworn brothers; assistance in training and the organization of leisure for students foreigners from socialist and developing countries; patronage of students from the USA and Canada. It is shown that the main forms of work with foreign students was the evenings of friendship, lectures, conversations, meetings with scientists, figures of culture and art, leaders of manufacture, the holding photo exhibitions, the exchange of literature and materials, establishing of links between different organizations, institutions, communities, regions, and the anniversary celebration of memorable dates. With U.S. and Canadian citizens practiced individual work, the basic forms of which were an invitation to study in the USSR, control of the learning, political and educational works and the organization of the tourist trips on the territory of the USSR. The content of the work of the Society in this direction was to introduce students to Soviet reality, life and culture of the Ukrainian people. However, excessive centralization, planning, ideologization and formalism reduce the possibilities of productive communication and played as a negative factor in the development of international educational and scientific contacts.

Ключевые слова: Украинское общество дружбы, международное сотрудничество, иностранные студенты, туристические поездки, идеологизация

Keywords: Ukrainian society of friendship, international cooperation, foreign students, tourist trips, ideologization

Одним из принципов современного образовательного процесса является расширение межстрановой мобильности студентов. В связи с этим проблема работы с иностранными студентами является актуальной для многих стран. Суть проблемы заключается в их адаптации к новым условиям жизни, преодолении языковых, культурных, психологических и социальных трудностей. От решения этой задачи зависит имидж государства в глазах иностранных граждан. В этой ситуации незаменимой является помощь студентам-иностранцам со стороны общественных организаций. Благодаря общественности студенты могут больше узнать о традициях, истории и культуре страны, развивать интеллектуальные способности, проявлять себя в области науки, культуры и спорта. На наш взгляд, решение этой задачи сегодня невозможно без ретроспективного анализа контактов с иностранными студентами в СССР, которые являлись продуктивными и заслуживают внимания. Одним из основных проводников такого рода контактов являлось Украинское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами (далее – УОДКС), действовавшее на международной арене во второй половине XX столетия.

Исследование деятельности данной организации было инициировано в ряде научных трудов советского и современного периодов. Так, вопросами международных связей общественных организаций и их ролью в политической системе социалистического общества занимались специалисты отечественной истории. Среди них выделяется коллективный труд «Укра-

инская ССР и зарубежные социалистические страны», в которой анализируется участие общественных организаций республики в укреплении зарубежных интернациональных связей (1959–1965).

Значительное внимание исследованию культурных связей и сотрудничества стран социализма уделяли советские историки. Накопленный и изученный ими фактический материал можно использовать и сегодня, несмотря на его марксистско-ленинскую направленность. Особое значение представляют исследования И.Н. Мельниковой, И.Н. Кулинич, П.С. Соханя («Сотрудничество общественных организаций стран социализма», «На магістралях дружби і братерства»), О.П. Куценко, Л.Л. Прокопенко («Дружать міста – дружать народи»), М.В. Знаменской («Дружба миллионов»), К.А. Колосовой («Міжнародні культурні зв'язки України»), В.П. Бондаря («Солідарність і дружба»), Л.Я. Зрезарцевой («Міцніє братня співдружність»), В.У. Павелко («Дружба народів – дружба культур»).

Новейшая историография представлена эпизодическими исследованиями. Так, Г.П. Докашенко в рамках докторского исследования изучает роль Украинского общества дружбы в развитии украино-болгарских отношений. Кандидатские диссертации Л.П. Борисовой и О.В. Чижиковой посвящены деятельности советских обществ дружбы и культурной связи со странами Азии. Вопросы же деятельности УОДКС рассматриваются ими частично.

С учетом практической и теоретической актуальности проблемы целью статьи является исследование направлений и форм взаимодействия Украинского общества дружбы с иностранными студентами в эпоху социализма. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: рассмотреть деятельность Общества по обмену студенческими группами университетов-побратимов; проанализировать мероприятия по оказанию помощи в обучении и организации досуга студентам-иностранцам из социалистических и развивающихся стран; показать неоднозначность работы со студентами из США и Канады.

Источниковой базой исследования являются документы, преимущественно впервые вводимые в научный оборот. Это архивные материалы Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины и Центрального государственного архива общественных организаций Украины, рассекреченные в 1992 г. Для написания статьи автор использует общенаучные и общеоисторические методы исследования (историко-генетический, историко-типологический, историко-системный).

В период с конца 1950-х по 1991 г. в УССР самой массовой и авторитетной организацией на международной арене являлось Украинское общество дружбы и культурной связи с зарубежными странами, которое входило на правах коллективного члена в состав Всесоюзного общества культурных связей с заграницей [1, Л. 96]. Целью его деятельности являлось развитие и укрепление дружбы и деловых связей, взаимопонимания, доверия, культурного сотрудничества украинского народа с народами зарубежных стран [2, Л. 7].

Деятельность Общества дружбы была направлена:

- на укрепление сотрудничества ученых, специалистов, деятелей науки и образования разных стран на основе профессионального единства; пропаганду достижений советской экономики, науки, культуры на примере Украинской ССР;

- расширение контактов с различными международными организациями в области науки и образования, активное участие в работе международных конгрессов, съездов, фестивалей, симпозиумов и выставок;

- ознакомление общественности Украины с достижениями социалистических стран, с развитием экономики и науки, техники и культуры капиталистических стран; использование в советской практике достижений науки и техники зарубежных стран [3, Л. 12; 4, Л. 18].

В рамках перечисленной выше деятельности УОДКС активно сотрудничало с иностранными студентами. Эта работа велась в нескольких направлениях – обмен студенческими группами университетов-побратимов; помощь в обучении и организации досуга студентам-иностранцам из социалистических и развивающихся стран; приглашение на учебу и патронаж студентов из Канады и США, являющихся членами украинских прогрессивных организаций.

Членство в Обществе дружбы давало возможность учебным учреждениям республики породниться с зарубежными организациями в целях взаимного ознакомления с жизнью, историей и культурой, установления постоянных дружественных связей. Так, с 1966 г. вузы УССР и социалистических стран обменивались группами студентов на безвалютной основе для ознакомления с учебными программами, проведения производственной практики и организации отдыха. С 1967 г. впервые был осуществлен обмен группами студентов Ужгородского и Кошицкого (Чехословакия) университетов-побратимов, а в 1968 г. вузы и техникумы УССР обменивались более чем 2 тыс. студентов с учебными заведениями Чехословакии, Венгрии, Польши, Болгарии и ГДР.

Студенты Киевского государственного университета неоднократно бывали у своих побратимов в Кракове. Так, в 1966 г. они приняли участие в праздновании 100-летия Польши, а в 1970 г. были приглашены для участия в Днях Советского Союза [5, Л. 67]. При этом необходимо отметить, что идеологическая составляющая этих мероприятий уменьшала значение духовно-культурной доминанты.

С целью расширения сотрудничества в сфере образования Украинское общество дружбы, совместно с Министерством высшего и среднего специального образования УССР, Комитетом молодежных организаций УССР, республиканским обществом «Знание» проводило работу с гражданами социалистических и развивающихся стран, которые учились в УССР. Общий план предусматривал проведение вечеров Дружбы, лекций, бесед, встреч с учеными, деятелями культуры и искусства, передовиками производства [6, Л. 73]. Главным содержанием работы Общества в этом направлении являлось привлечение иностранных студентов к активному участию в общественной жизни коллективов, где они обучались, ознакомление с советской действительностью, жизнью и культурой украинского народа, разъяснение внешнеполитических мероприятий правительства [6, Л. 72].

В этом большую роль играли вузовские отделения УОДКС, установившие тесные контакты с объединениями иностранных студентов – землячествами из Германии, Польши, Монголии, Вьетнама, латиноамериканских и африканских стран [6, Л. 73]. Разносторонняя деятельность отделений Общества способствовала улучшению учебной и воспитательной работы со студентами. Активно работал в этом направлении созданный на химическом факультете Харьковского госуниверситета Клуб интернациональной дружбы «Дебrecен-Харьков». УОДКС совместно с руководством вузов проводило большую пропагандистскую работу: чтение лекций, докладов, организация литературно-музыкальных вечеров, устных журналов и семинаров, экскурсий на предприятия и стройки, встреч и бесед с членами правления Украинских отделений обществ дружбы – передовиками производства, политическими и общественными деятелями, учеными, культурными работниками [5, Л. 85].

Обучение иностранных студентов носило ярко выраженный практико-ориентированный характер, благодаря активному взаимодействию со студентами со стороны коллективных членов УОДКС. «Прочные знания, передовой научно-технический опыт приобрели мы на Донбассе», – говорил на вечере советско-германской дружбы секретарь первичной организации Союза свободной немецкой молодежи Х. Вагнер от имени студентов, обучающихся в Донецком госуниверситете и Политехническом институте [7, Л. 89]. Значительную помощь в организации работы со студентами-иностранцами оказывали предприятия г. Киева – завод «Большевик», регенераторно-резиновый завод, киевская 1-ая обувная фабрика, табачная фабрика, завод «Точэлектроприбор» и др.

Комитет комсомола завода «Точэлектроприбор» часто организовывал «молодежные субботы», на которые приглашал студентов киевских вузов. Например, интересно прошла «суббота» под девизом «Люди, опережающие время», посвященная жизни и труду ударников и членов бригад предприятия [6, Л. 74]. Такие «субботы» помогали студентам-иностранцам понять сущность работы предприятия, увидеть взаимосвязь теоретических знаний и практической деятельности, ощутить заинтересованность работников предприятия в результатах своего труда.

Во внеучебное время Общество дружбы организовывало досуг студентов в форме встреч с выдающимися деятелями производства, науки и культуры. Студенты и аспиранты из социалистических стран выступали с докладами и сообщениями на торжественных собраниях и вечерах дружбы, участвовали в концертах, посещали предприятия, организации и школы – коллективные члены Общества, где рассказывали о своих странах, их истории и культуре, устанавливали дружеские связи. Так, болгарские студенты университета имени Тараса Шевченко и Политехнического института г. Киева неоднократно выступали на общегородских вечерах и собраниях советско-болгарской дружбы, посвященных Дню просвещения, болгарской культуры и славянской письменности, печати [7, Л. 94].

В 1964 г. более 300 иностранных студентов пришло в Киевский Дом архитектора на встречу с известными учеными киевских научно-исследовательских институтов кибернетики, физики, электросварки, металлокерамики. Ученые рассказали «о вкладе советской науки в дело мира и прогресса в нашей стране, ответили на многочисленные вопросы, интересовавшие молодежь» [6, Л. 73].

В этом же году совместно с редакцией журнала «Радянська жінка» Общество дружбы провело встречу иностранных студентов, обучающихся в вузах г. Киева, со знаменитыми женщинами города, которые рассказали «об участии женщин республики в строительстве коммунизма, об их вдохновенном труде, учебе, отдыхе, счастливом материнстве». В 1970 г. состоялась интересная встреча студентов-иностранцев с олимпийцами Украинской ССР и ведущими тренерами республики [6, Л. 74]. Традиционными стали встречи с общественностью в Украин-

ском обществе дружбы, устраиваемые в честь молодых зарубежных специалистов, окончивших киевские вузы, и первокурсников, начинающих обучение на Украине.

Большое место в работе с иностранными студентами занимало ознакомление их с советским, в том числе украинским, искусством путем организации лекций, просмотров спектаклей, кинофильмов, посещения концертов [6, Л. 75]. Так, например, в Доме культуры завода «Большевик» была организована встреча иностранных студентов с работниками кинематографии УССР, а также просмотр и обсуждение кинофильма «Сон» киностудии им. Довженко. Украинское общество дружбы совместно с промышленным обкомом комсомола и интернациональным Советом дружбы г. Киева объявило среди иностранных студентов конкурс на лучшую фотографию на тему «Киев глазами иностранных студентов». Лучшие фотографии вошли в фотоподборку, которая была изготовлена и отправлена за границу [6, Л. 76].

Традиционные дружеские контакты сложились у молодежи Киевской 1-й обувной фабрики – коллективного члена Общества советско-немецкой дружбы и студентов-иностранцев. Они вместе организовывали культпоходы в театры и кино, часто встречались на вечерах дружбы, посещали музеи [6, Л. 74].

Студенты-иностранцы широко привлекались к участию в художественной самодеятельности, большой популярностью пользовался интернациональный ансамбль «Дружба» [6, Л. 76].

Иностранные студенты общались с помощью Общества дружбы к научной деятельности. Наибольшей активностью отличалась Киевская секция постоянного Латиноамериканского семинара студентов. Так, в 1964 г. слушатели семинара приняли участие в работе Международного симпозиума студентов в Москве на тему «Советский Союз и Латинская Америка». По возвращении в Киев участники выступили перед студентами вузов Киева с сообщением о его работе. В работе семинара активно участвовали кубинские студенты. В этом же году секция организовала большой вечер латиноамериканской музыки, на котором присутствовало более 700 советских и иностранных студентов. Секция провела большую подготовку к Всесоюзному семинару студентов по проблемам Латинской Америки в г. Москве. На семинаре выступили семь членов секции, в том числе студент Киевского политехнического института Мигели Миранда и студент Киевского государственного университета Серпа [6, Л. 75].

Студенты из социалистических стран оказывали школам, учреждениям и предприятиям большую помощь в организации изучения болгарского, польского, немецкого, венгерского, румынского и чешского языков. Например, кружки по изучению болгарского языка велись в киевской средней школе № 118, во многих школах Полтавы, Ворошиловграда (Луганска). Польские студенты руководили кружками в киевских средних школах № 105, 107, 153, чехословацкие – на киевском заводе «Червоний гумовик».

Для лучшей организации работы с иностранными студентами, помощи правлениям обществ дружбы и постоянным студенческим семинарам при УОДКС в 1973 г. была создана молодежная комиссия, в состав которой вошли секретари комитетов комсомола учебных заведений и промышленных предприятий, молодые ученые, журналисты, члены творческих союзов республики. Президентом молодежной комиссии был избран доктор физико-математических наук, профессор А. Самойленко [8, Л. 15].

Следующим направлением работы УОДКС с иностранными студентами являлось приглашение на обучение членов украинских прогрессивных организаций Канады и США в целях подготовки политических руководящих кадров [9, Л. 35]. Таким студентам, со стороны Общества оказывалась особая поддержка, можно даже сказать, покровительство. С ними проводилась главным образом индивидуальная работа. Ее основными формами являлись приглашение на учебу в УССР, контроль над обучением, политико-воспитательная работа и организация туристских поездок по территории СССР.

Общество осуществляло строгий контроль над процессом и результатами обучения студентов. Каждый из них обучался по индивидуальному плану. План составлялся руководством соответствующих учебных заведений с учетом срока обучения и пожеланий организации, направившей студента на учебу. Утверждался документ Президиумом Общества и включал в себя обязательное изучение основ марксизма-ленинизма, а также методики и форм организационной деятельности [10, Л. 64]. По завершении учебного года УОДКС организовывало практики для студентов и проводило проверки результатов экзаменационных сессий [1, Л. 135].

Кроме обучения, УОДКС предоставляло таким студентам возможность ознакомления со всеми сторонами жизни Украины, организуя для них экскурсии на предприятия, колхозы, учебные заведения [10, Л. 64]. Во время каникул в высших учебных заведениях для канадских студентов УОДКС организовывало туристические поездки с учебными, пропагандистскими и культурно-познавательными целями. Наиболее востребованными являлись промышленные центры республики – Сталино (Донецк), Луганск, Харьков, Запорожье, Одесса; территории исторической родины украинских эмигрантов – Черновцы, Львов, Тернополь, Закарпатье; администра-

тивные и культурно-исторические центры СССР – Ленинград, Москва, Сталинград, Минск, Рига, Таллинн, Баку, Тбилиси, Сочи, Крым. Необходимо отметить, что иностранцы имели возможность в течение года принять участие сразу в нескольких разноплановых поездках и осуществлялись они, что немаловажно, за счет государственных средств.

Так, в 1959 г. для восьми канадских студентов в период зимних и летних каникул были организованы поездки в Сталино, Луганск, Харьков, Черновцы, Ленинград, Москву, Сталинград, Минск, Ригу, Таллинн, Баку, Тбилиси, Сочи. Во время поездок они ознакомились с историческими памятниками, достопримечательностями, промышленными предприятиями и культурными учреждениями этих городов. На майские праздники была организована поездка по Днепру на дизель-электроходе «Карл Маркс» в Новую Каховку. Студенты посетили Каховскую гидроэлектростанцию, новостройки, административные и жилые дома Новой Каховки. В рамках данных мероприятий для них были проведены лекции в целях разоблачения фальсификации украинскими националистами некоторых проблем истории Украины [1, Л. 134].

В 1964 г. для представителей украинской диаспоры Канады и США были организованы три туристические поездки: в Азербайджанскую и Грузинскую ССР (январь-февраль), в Переяслав-Хмельницкий (май), в Полтаву, Запорожье, Одессу (июль) [6, Л. 77]. Маршруты были разноплановы и насыщены мероприятиями.

Во время поездки в Азербайджанскую ССР студенты посетили предприятия, учебные и культурные заведения. Среди них: Азербайджанскую республиканскую библиотеку им. Ахундова, Ново-Бакинский нефтеперерабатывающий завод, Бакинский дворец пионеров, школу-интернат в г. Сумгаите. Студенты встречались с секретарем ЦК ЛКСМА, председателем Комитета высшего и среднего специального образования Азербайджанской ССР, председателем Президиума Азербайджанского общества дружбы. Особое внимание организаторы поездки уделяли знакомству студентов с национальным искусством республики. В Грузинской ССР студенты посетили грузинский исторический музей, Тбилисский завод шампанских вин, посмотрели спектакли Тбилисского театра оперы и балета и грузинского цирка [6, Л. 77].

Пребывание в Закавказье дало возможность студентам познакомиться глубже с жизнью и культурой Азербайджана и Грузии, на конкретных примерах увидеть, как решается национальный вопрос в республиках.

Поездка в Переяслав-Хмельницкий содействовала лучшему усвоению истории Украины, осознанию значения воссоединения Украины и России для дальнейшего экономического и культурного развития украинского народа [6, Л. 77]. Во время поездки в Полтаву, Запорожье, Одессу студенты встречались с комсомольской молодежью, членами рабочих бригад, научными сотрудниками, преподавателями вузов; посещали предприятия, учебные заведения, музеи, школы. В Запорожье они посетили Днепрогэс, колхоз «Запорожская Сечь», в Одессе ознакомились с Одесским заводом радиально-сверлильных станков, с Институтом им. Филатова, имели беседу в промышленном обкоме комсомола [6, Л. 78].

УОДКС ежегодно организовало для канадских студентов во время летних каникул туристические поездки с лечебно-оздоровительными целями. Так, в 1959 г. в соответствии с выводами медицинской комиссии для ряда студентов были организованы поездки в санаторий им. Чкалова (г. Одесса), «Хрустальный дворец» (г. Трускавец) и «Украина» (г. Гагра) [1, Л. 135].

В 1961 г. для 11 канадских студентов (членов ТОУК) во время летних каникул в целях ознакомления с достижениями Украины во всех отраслях народного хозяйства, науки и культуры была организована поездка по Украине, во время которой канадцы посетили Харьков, Запорожье, Донецк, Луганск, Жданов, побывали в Умани и Закарпатье, а также посетили город-герой Волгоград. В упомянутых городах и областях студенты познакомились с работой и организацией отдыха трудящихся на многих предприятиях. В летний период для них был устроен отдых и лечение в санатории на южном побережье Крыма [3, Л. 54].

Студенты, имеющие выдающиеся заслуги в учебе и значимые результаты общественной деятельности, поощрялись особым образом. Так, с 25 июля по 3 августа 1961 г. студенты З. Николишин, Н. Винничук и В. Герасим были приглашены для участия в работе всемирного форума молодежи в г. Москве [3, Л. 55].

Ряду студентов из украинской эмиграции предоставлялась возможность получения дополнительного образования. Например, студенты, которые после возвращения в Канаду и США планировали заниматься художественной самодеятельностью, дополнительно изучали хореографическое искусство в Киевском хореографическом училище, музыку – в Киевской консерватории [6, Л. 78].

Удовлетворялись потребности студентов в более глубоком изучении определенных сфер жизни республики. Так, студенту из Канады И. Гиркину, преподавателю по профессии, была предоставлена возможность глубоко ознакомиться с развитием народного образования на Украине. Он посетил Киевский университет и педагогический институт, где изучал системы под-

готовки педагогических кадров для школ, имел беседу с начальником Управления школ Министерства народного образования УССР т. Березняком о системе школьного образования, учебных планах и программах [6, Л. 79].

Во время летних каникул канадские студенты имели возможность посетить своих родственников, живущих преимущественно в западных областях Украины. Так, для студентки Н. Безубяк с 12 по 22 сентября 1968 г. была организована специальная поездка во Львов и Ужгород для подробного ознакомления с работой местных ансамблей и кружков художественной самодеятельности [11, Л. 17].

Кроме вузовской формы обучения ежегодно УОДКС организовывало месячные курсы в Киеве для участников и руководителей танцевальных коллективов украинской диаспоры. В 1965 г. на этих курсах обучалось 10 юношей и девушек – членов Лиги американских украинцев (ЛАУ). Кроме обучения украинским народным танцам для них был прочитан курс лекций об УССР, украинской культуре, литературе и искусстве. После возвращения на родину члены этих молодежных групп выступали с лекциями и беседами о Советской Украине в рабочих клубах ЛАУ, среди участников художественной самодеятельности [10, Л. 63].

Перед отъездом в Канаду студентка С. Нестерук заявила: «Я очень благодарна правительству Украины, а также Украинскому обществу дружбы за то, что я имела возможность учиться в Советском Союзе. Я счастлива, потому что мои давние мечты об этом сбылись. Думаю, что лучшим проявлением моей благодарности будет моя работа в прогрессивном движении Канады, и я обещаю Вам работать лучше. Я побывала также во многих городах и селах Советской Украины и Белоруссии, впечатления у меня очень хорошие. За время пребывания в Советском Союзе я приобрела много полезных знаний, научилась смотреть на события более глубоко, с марксистско-ленинской точки зрения» [1, Л. 135].

Однако не у всех иностранных студентов формировалось позитивное отношение к советской действительности. В начале 70-х гг. УОДКС все чаще стало получать информацию о желании некоторых студентов покинуть республику. Так, в январе 1973 г. от Постоянного представительства УССР при ООН была получена запись беседы редактора газеты «Ukrainian Canadien» Е. Стенюка со стипендиатом УОДКС Стефаном Томчаком – студентом 5-го курса философского факультета Киевского университета. Анализ беседы дает понять, что за последние полгода С. Томчак полностью перешел на антисоветские позиции, сформировалась нетерпимость ко всему советскому. Трудно поверить, что этот человек много времени провел в СССР.

На все вопросы Е. Стенюка у него один ответ: «Вы ничего не знаете, потому что вы здесь не жили». Он критикует бытовые условия жизни советских людей и свои собственные, восхваляя в этом плане Америку. Второе, на что он особенно обращает внимание – это отсутствие свободы в СССР и наличие ее в США. Одним из доказательств он считает то, что в США печатают и читают все, что хотят, а в СССР пресса под строгим контролем [12, Л. 56]. Если с первым доводом можно согласиться, то второй явно внушает сомнение. Например, вряд ли в Штатах на страницы прессы могли попасть коммунистические и социалистические идеи.

Вероятно, определенную роль в изменении взглядов С. Томчака сыграло наблюдение за ним со стороны органов государственной безопасности. Так, по словам С. Томчака, за ним было установлено пристальное слежение, его письма просматривались, а те, которые присылались из США, перехватывались и задерживались [12, Л. 59].

Исходя из сложившейся ситуации, руководство Общества дружбы пришло к выводу, что приглашение на обучение в высших учебных заведениях УССР молодежи украинских прогрессивных организаций США и Канады на длительное время не оправдывает себя. Обосновывалось это тем, что, во-первых, дипломы советских вузов не признаются капиталистическими странами и студенты теряют заинтересованность в обучении. Во-вторых, после окончания советских вузов молодежь, как правило, отходит от работы в эмигрантских организациях, что в принципе сводит на нет целесообразность приглашения студентов из указанных стран.

В итоге УОДКС направило письмо в ЦК КПУ с предложением прекратить эту практику и в дальнейшем приглашать представителей украинских прогрессивных организаций лишь на краткосрочное обучение или стажировку сроком не более двух лет. Предлагалось проводить подготовку руководителей художественной самодеятельности, практических работников редакций газет и печатного дела [12, Л. 62]. Таким образом, Общество отказывало от подготовки политических руководителей в рядах украинских эмигрантов.

Подводя итоги работы Общества дружбы, необходимо подчеркнуть их неоднозначность. С одной стороны, идеологизация, которая пронизывала цели и содержание его деятельности, негативно влияла на двухстороннее общение, а зачастую просто пугала и раздражала иностранных студентов. С другой стороны, направления и формы работы Общества являются уникальными и незаслуженно забытыми на сегодняшний день. Их уникальность заключается в предоставлении возможности иностранным студентам не просто получать образование в УССР, а полноценно ознакомиться со всеми сторонами жизни населения. Именно массовый

характер УОДКС позволял привлекать к деятельности как рядовых граждан, так и выдающихся людей, что придавало общению непринужденный характер и позволяло формировать крепкие дружеские связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Звіт про роботу Українського товариства дружби і культурного зв'язку з зарубіжними країнами в 1959 році // Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВОУ). Ф.1. Оп.24. Д.5174.
2. Статут Українського товариства дружби і культурного зв'язку з зарубіжними країнами і списки членів Правління та ревізійної комісії товариства за 1959 рік // ЦДАВОУ. Ф.5110. Оп.1. Д.1087.
3. Звіт про роботу Українського товариства дружби і культурного зв'язку з зарубіжними країнами в 1961 році // Центральний державний архів громадських організацій України (ЦДАГОУ). Ф.1. Оп.24. Д.5588.
4. Отчет о работе Украинского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами в 1970 году // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.25. Д.426.
5. **Материалы Украинского отделения Общества советско-польской дружбы (ОСПД) за 1969–1971 гг.** // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.25. Д.469.
6. Звіт про роботу Українського товариства дружби і культурного зв'язку з зарубіжними країнами в 1964 році // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.24. Д.5992.
7. Текущий архив УОДКС. Материалы украинских отделений обществ дружбы с европейскими социалистическими странами за 1964–1969 гг. // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.25. Д.424.
8. Інформаційний лист УТДКЗ, 1973, червень // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.25. Д.941.
9. Звіт про роботу Українського товариства дружби і культурного зв'язку з зарубіжними країнами в 1960 році // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.24. Д.5380.
10. Звіт про роботу УТДКЗ за 1965 рік // ЦДАВОУ. Ф.5110. Оп.1. Д.1924.
11. Отчет о работе УТДКЗ за 1968 г. // ЦДАГОУ. Ф.1. Оп.25. Д.114.
12. Запис бесіди постійного представництва УРСР при ООН з редактором газети «Юкрейнієн Амерікен» Є.Стенюком від 25.12.72 р. // ЦДАГОУ, Ф.1, Оп.25, Д.930.

REFERENCES

1. Report on the work of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries in 1959. [Zvit pro robotu Ukraïnskogo tovaristva druzhbi i kul'turnogo zv'jazku z zarubizhnimi kraïnami v 1959 roci]. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv vysshih organov vlasti i upravlenija Ukrainy (CGAVOU)*. no. of fund 1. no. of description 24. case no. 5174. (in Ukr.)
2. The Statute of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries, and lists of Board members and the audit Committee of the company for the year 1959. [Statut Ukraïnskogo tovaristva druzhbi i kul'turnogo zv'jazku z zarubizhnimi kraïnami i spiski chleniv Pravlennja ta revizijnoi komisii tovaristva za 1959 rik]. *CGAVOU*. no. of fund 5110. no. of description 1. case no.1087. (in Ukr.)
3. Report on the work of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries in 1961. [Zvit pro robotu Ukraïnskogo tovaristva druzhbi i kul'turnogo zv'jazku z zarubizhnimi kraïnami v 1961 roci]. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv obshhestvennyh organizacij Ukrainy (CGAOOU)*. no. of fund 1. no. of description 24. case no.5588. (in Ukr.)
4. Report on the work of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries in 1970. [Otchet o rabote Ukraïnskogo obshhestva druzhby i kul'turnoj svjazi s zarubezhnymi stranami v 1970 godu]. *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 25. case no.426. (in Russ.)
5. Materials of the Ukrainian branch of the Soviet-Polish friendship (OSPD) 1969-1971. [Materialy Ukraïnskogo otdelenija Obshhestva sovsenko-pol'skoj druzhby (OSPD) za 1969-1971 gg.]. = *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 25. case no.469. (in Russ.)
6. Report on the work of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries in 1964 [Zvit pro robotu Ukraïnskogo tovaristva druzhbi i kul'turnogo zv'jazku z zarubizhnimi kraïnami v 1964 roci]. = *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 24. case no.5992. (in Ukr.)
7. The current archive USFCR. Materials of the Ukrainian offices of friendship societies with the European socialist countries for 1964-1969. [Tekushhij arhiv UODKS. Materialy Ukraïnskih otdelenij obshhestv druzhby s evropejskimi socialistskimi stranami za 1964-1969 gg.]. = *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 25. case no.424. (in Russ.)
8. Інформаційний лист USFCR. [Informacijnij list UTDKZ, 1973, cherven']. *CGAOOU*. F.1. no. of description 25. case no.941. (in Ukr.)
9. Report on the work of the Ukrainian society for friendship and cultural relations with foreign countries in 1960. [Zvit pro robotu Ukraïnskogo tovaristva druzhbi i kul'turnogo zv'jazku z zarubizhnimi kraïnami v 1960 roci]. *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 24. case no.5380. (in Ukr.)
10. Report on the work of USFCR 1965. [Zvit pro robotu UTDKZ za 1965 rik]. *CGAVOU*. no. of fund 5110. no. of description 1. case no.1924. (in Ukr.)
11. Report on the work of USFCR for 1968. [Otchet o rabote UTDKZ za 1968 g.]. *CGAOOU*. no. of fund 1. no. of description 25. case no. 114. (in Russ.)
12. The transcript of the permanent mission of the USSR to the UN with the editor of the newspaper «Ukrainian American» E.Stenyk from 25.12.72 G. [Zapis besidi postijnogo predstavnictva URSR pri OON z redaktorom gazeti «Jukrejnjien Ameriken» E.Stenjukom vid 25.12.72 r.]. *CGAOOU*, no. of fund 1, no. of description 25. case no.930. (in Ukr.)

Информация об авторе

Дитковская Светлана Алексеевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра туризма, гостиничного и ресторанного дела, Институт торговли, обслуживающих технологий и туризма, Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, Луганск, Украина
ditkovska@yandex.ua

Получена:

Для цитирования статьи: Дитковская С.А. Направления и формы работы Украинского общества дружбы с иностранными студентами (1959-1991 гг.). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 67-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-67-74

Information about the author

Ditkovska Svetlana A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Tourism, Hotel and Restaurant Business, Institute of Commerce, Serving Technologies and Tourism, Lugansk State University named after Taras Shevchenko, Lugansk, Ukrainian
ditkovska@yandex.ua

Received:

For article citation: Ditkovska S.A. Directions and forms of work of the Ukrainian society of friendship with foreign students (1959-1991). [Napravleniya i formy raboty Ukrainskogo obshchestva druzhby s inostrannymi studentami (1959-1991 gg.)]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 67-74.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-67-74

ИДРИСОВ Юсуп Магомедович,
Дагестанский институт народного хозяйства,
г. Махачкала, Россия
Markes06@mail.ru

IDRISOV Yusup M.,
Dagestan State Institute of National Economy,
Makhachkala, Russia
Markes06@mail.ru

СОСЛОВИЕ КАРАЧИ-БЕКОВ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ

KARACHI-BEK SOCIAL ESTATE IN NORTH-EASTERN CAUCASUS: ORIGIN AND FUNCTIONS

В статье говорится о появлении, правах и обязанностях группы феодалов Северо-Восточного Кавказа, известных как карачи-беки. Автор анализирует информацию о возникновении данной социальной группы и о её политическом значении, при этом он использует источники по истории империи Юань, Золотой Орды, Крымского и Казанского ханств. Роль карачи-беков в истории Великой Степи хорошо известна. Одному из них – мангыту Эдиге даже удалось создать свою кочевую империю – Ногайскую Орду. Раскрывая местную – северо-кавказскую специфику истории карачи-беков, он использует дагестанские исторические хроники и материалы фольклора. Анализируя происхождение слова «карачи-бек» автор отвергает её местные версии и считает что оно «имеет прозрачную монгольскую этимологию». Местные хроники увязывают появление сословия карачи-беков с эпохой Тамерлана и Золотой Ордой. Карачи-бекам вплоть до возвышения шамхалов принадлежали уделы Эрпели, Гелли, Кадар, Аркас, Гамри и Губден. Эрпелинские карачи-беки удалось сохранить свой удел и после подчинения шамхалам и они играли заметную роль в противоборстве кумыкских и кабардинских князей на Северо-Восточном Кавказе. Роль других карачи-беков была много скромнее. По мнению автора, карачи-беки предгорного Дагестана также являются ветвью средневековой степной аристократии, чьё могущество в регионе было оспорено и минимизировано шамхалами и князьями из рода Тарковских. В частности в XVII веке они входили в совет при верховном правителе – шамхале и влияли на принятие важных решений, но к XIX веку в их руках осталось только судебная власть на местах – в их собственных уделах.

The article discusses the emergence, rights and responsibilities of group of feudal lords of the North-Eastern Caucasus, known as the karachi-becks. The author analyzes the information about the origin of this social group and of its political significance, while it uses sources on the history of the Yuan Empire, the Golden Horde, the Crimean and Kazan Khanate. The role of the karachibekin the history of the Great Steppe is well known. One of them - mangytuEdige even managed to create a nomadic empire - Nogai Horde. Expanding the local - the North Caucasian specifics stories karachi-beks, he uses Dagestan historical records and folklore materials. Analyzing the origin of the word "karachi-bek" author rejects its local version and said that it "has a transparent Mongolian etymology." Local chronicles link the emergence of class - karachi-bekswith the era of Tamerlane and the Golden Horde. Karachi - beks up to the elevation of the inheritance belonged shamkhalsErpel, Karabudahkent,Gelli, Kadar, Arkas, Ghamr and Gubden. Erpelikarachi - beks managed to keep his inheritance after submission Shamkhalsand they played a significant role in the conflict Kumyk Kabardian princes and the North-East Caucasus. The role of the other Karachi - Bolsheviks were much more modest. According to the author, the Karachi - beki foothill Dagestan are also a branch of the steppe aristocracy, whose power in the region was challenged and minimized Shamkhals and princes of the genus Tarkovsky. In particular, in the XVII century, they entered the Council of the Supreme Ruler - Shamkhals and influence on important decisions, but to the XIX century in their hands only left the judiciary in the field - in their own destinies.

Ключевые слова: карачи-бек, феодал, Золотая Орда, аристократия, Северо-Восточный Кавказ

Keywords: karachi-bek, feudal, Golden Horde, nobility, the North-Eastern Caucasus

Многие проблемы, связанные с социально-политической историей средневековых феодальных образований на Северном Кавказе, ролью и местом в них различных элитных социальных групп, остаются до конца не проясненными. Это касается и особой группы феодалов – карачи-беков. Если о ханах и беках шамхальского, уцмийского и нуцальского происхождения существуют специальные отдельные исследования и даже монографии, то этой отдельно взятой загадочной прослойке феодальной элиты до сих пор не было посвящено ни одной научной публикации. В своей работе мы бы хотели разобраться в ее происхождении и функциях. Актуальность изучению генезиса сословия карачи-беков прибавляет возможная взаимосвязь между титулом «карачи-бек» и эпонимом карачаевского народа Карчей. Статья также позволяет уточнить историю Северного Кавказа в такой сравнительно слабо изученный период, как XIV–XV вв.

Сведения о появлении сословия карачи-беков сохранились в монгольском сказании, известном как «Секретная история династии Юань». В данной истории присутствует эпизод об учреждении Чингисханом десяти придворных должностей, среди которых указываются четыре человека, которые должны были носить лук и стрелы. Это были стрелки – хорчи [8, с. 447], которые и явились первыми карачи-беками. Последующие чингизиды, копируя действия своего легендарного предка, также избирали в свое окружение верных людей на эту придворную должность. Со временем она стала передаваться по наследству среди ограниченного круга знатных кланов, таких как Ширин, Аргын, Барын, Кипчак, Мангыт и Сиджитут [15, с. 674].

Турецкий исследователь Х. Иналджик так описывал функции карачи-беков в татарских ханствах: «Карачу командовали основными силами племенных войск в ханстве и были основными проводниками его политики. Эти лидеры карачу-беки, присутствовали на собраниях государственного совета (корюниш или корюнюш) при обсуждении и решении важных дел с ханом»

[1, с. 5]. Польский историк Броневский называет крымских карачи советниками хана. В свою очередь, крымский историк XVIII в. Сеид-Мухаммед Риза ставит знак равенства между титулами «карачи» и «эмир», то есть владетельный князь. Существовал также титул «улу-карачи» – верховный карачи-бек [15, с. 674].

Карачи-беки играли заметную роль в позднем средневековье на Северо-Восточном Кавказе. Одному из них, Будаичи, удалось даже сформировать свое полунезависимое феодальное образование – Эрпелинское карачи-бекство – и проводить самостоятельную от своего сюзерена – шамхала – внутреннюю и внешнюю политику [5, с. 107]. Однако первыми известными карачи-беками в исследуемом регионе являлись Асельдер Аркасский, Губден и Карабудах-Атай.

Ученый-энциклопедист начала XX в. Назир из Доргели, ссылаясь на материалы жившего ранее ал-амира, то есть князя, Салимхана ал-Гадари, сообщает, что отцом известного шейха Асельдера Аркасского (ум. ок. 1404 г.) был Ата ал-Гадари, «по происхождению он из эмиров Карачи», то есть карачи-бек, а матерью была Аймесей, дочь сала (феодальное сословие) из Эндирея [17, с. 178]. Его мюлком (частным владением) являлись «гора, на которой он был похоронен, и гора Нанай» (близ современного селения Чанкурбе Буйнакского района республики Дагестан) [14, с. 37]. О присутствии золотоордынцев в Аркасе, согласно утверждению видного специалиста в средневековой истории Дагестана А.Е. Криштопы, свидетельствуют и археологические данные [2, с. 4].

Выдающийся азербайджанский ученый Абас-Кули-Ага Бакиханов донес до нас сведения о том, что один из кумыкских эмиров Гобден своей смелостью и находчивостью заслужил расположение Тамерлана и получил от него в дар земли, где позже возникло селение, ныне известное как Губден (Карабудахкентский район республики Дагестан) [6, с. 81]. Схожее предание существует и о другом карачи-беке Карабудаге, которому приписывают основание другого селения – Карабудахкента [4, с. 193].

Говоря о происхождении сословия карачи-беков на Северо-Восточном Кавказе, в частности в дагестанских предгорьях, следует обратить внимание на прямые и косвенные свидетельства оседания здесь ордынской феодальной знати. В XIV в. в Капчыгае (ныне хутор Буйнакского района) проживал внук исламизатора Золотой Орды великого хана Узбека (сын его дочери) Ахмат бин Иса (также известен как Амет сын Айсы) из рода уйсунь [7, с. 111]. До переселения на Кавказ он служил в Сарае, при дворе своего дяди Джанибек-Хана [13, с. 272-283]. Согласно капчугайскому преданию, потомки Ахмата правили вплоть до появления чанков из династии шамхалов Тарковских.

К 1501 г. в Кавказской Тюмени, что располагалась в устье реки Терек, закрепились опальные ханы из династии Кутлуг-Тимуридов во главе с Муртазой, сыном знаменитого хана Ахмата, враждовавшим со своим старшим братом Шейх-Ахмадом. Муртазу в бегстве на Терек сопровождали братья Музафар и Хаджи-Мухаммед, а также бывший беклярбек его отца Хаджи-ке Мангыт [11, с. 442]. Наличие в Тюмени при Муртазе столь высокопоставленного представителя рода Мангыт предполагает вероятность формирования здесь традиционной для тюрко-татарских государств системы управления, с участием карачи-беков.

Рассуждая о функциях карачи-беков, автор середины XIX в. Девлет-Мирза Шейх-Али называл их «блуждателями древних обычаев кумыкского народа» [16, с. 45-46]. Такого же мнения придерживался другой местный автор, религиозный деятель Джамалутдин-Хаджи Карабудахкентский [9, с. 138]. Оба автора вслед за Абул-Гази Хивинским, но вероятно независимо от него подводят читателя к мысли, что титул карачи-бек восходит к тюркскому глаголу «къарамакъ» – «смотреть, наблюдать» [15, с. 674], но как мы видим из приведенного выше текста монгольского сказания о династии Юань, данное слово имеет прозрачную монгольскую этимологию.

По сведениям историка К.М. Алиева, почерпнутым у турецких авторов М. Генеша и Эвлии Челеби, эрпелинские и карабудахкентские карачи-беки в XVII в. подобно своим собратьям в татарских ханствах действительно заседали в совете (диване/горюнюше) при своих сюзеренах – шамхалах [5, с. 107], однако к XIX в. роль эрпелинских и губденских карачи-беков действительно свелась к функции хранителей обычаев-адатов. Менялись времена, а вместе с ними менялись и функции феодальной элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абзалов Л.Ф. К вопросу о преемственности аппарата управления Золотой Орды и Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. IV. – Казань, 2012.
2. Александр Криштопа: Интервью с Ученым, Педагогом и Человеком // Мавраевъ. – Махачкала, 20014. – Вып. 2 (3).
3. Алиев Б.Г. Предания, памятники, исторические зарисовки. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1988.

4. Алиев Б.Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. – Махачкала: Изд-во типографии Дагестанского научного центра, 2002.
5. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. – Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008.
6. Бакиханов А.-К.-А. Гюлистан-и Ирам. – Баку: Элм, 1991.
7. Бакушев М.А., Гаджиев М.С., Малашев В.Ю., Таймазов А.И. Селение Капчугай: археологические разведки и некоторые фольклорно-исторические данные // Вестник Института истории, археологии и этнографии дагестанского научного центра. – Махачкала, 2012. – № 4.
8. Бартольд В.В. Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т. I.
9. История Кавказа и селения Карабудахкент Джамалутдина Карабудахкентского / Под ред. Оразаева Г. М.-Р. – Махачкала: Центр-полиграф, 2001.
10. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV–XVIII вв. – Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2003.
11. Лавров Л.И. Кавказская Тюмень// Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик, 2009.
12. Меджидов А. Пусть сложный, но уважаемый путь// Ёлдаш (на кумыкском языке). – 26.04.1997.
13. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках Мамай-царя // Тюркологический сборник, 2007–2008. – М.: Восточная литература, 2009.
14. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых (Нузхат ал-азхан фи тараджим улама Дагистан). – М.: Издательский дом «Марджани», 2012.
15. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций. – М.: Инсан, 1996.
16. Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1993.
17. Шихалиев Ш.Ш. Исламизация Дагестана в X–XVI веках: историко-культурные аспекты. Дис... канд. ист. наук. – Махачкала, 2007.

REFERENCES

1. Abzalov L. F. On the question of continuity of management personnel of the Golden Horde and the Kazan Khanate. [K voprosu o preemstvennosti apparata upravleniia Zolotoi Ordy i Kazanskogo khanstva]. Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva = Medieval Turkic-Tatar state. Vol. IV. Kazan 2012 (in Russ.).
2. Krishtopa Alexander: Interviews with scientists, educators and man. Mavraev. Makhachkala, 2014. Vol. 2 (3). [Interv'iu s Uchenym, Pedagogom i Chelovekom]. Mavrayev = Mavraev. Makhachkala, 2014. Vyp. 2 (3). (in Russ.).
3. Aliyev B.G. Tradition, monuments, historical sketches. [Predaniia, pamiatniki, istoricheskie zarisovki]. Makhachkala, Dagestan Publishing, 1988 (in Russ.).
4. Aliev B. G. the Struggle of the peoples of Dagestan against foreign invaders. [Bor'ba narodov Dagestana protiv inozemnykh zavoevatelej]. Makhachkala: Publishing house of printing house of Dagestan scientific centre, 2002.
5. Aliyev K.M. Shauhaly Tarkovsky. [Shauhaly Tarkovskie]. Makhachkala:, 2008.
6. Bakikhanov A.K.-A. Gyulistan -i Iram. [Giulistan-i Iram]. Baku: Elm, 1991 (in Russ.).
7. Bakushev M.A., Hajiyev M.S., Malashev V.Y., Tajmazov A.I. The village Kapchugay: archaeological exploration and some folk historical data. [Arkheologicheskie razvedki inekotorye fol'klorno-istoricheskie dannye]. Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii dagestanskogo nauchnogo tsentra = Bulletin of the Institute of History , Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center. Makhachkala, 2012. № 4. (in Russ.).
8. Bartold V.V. Works. [Sochineniia]. M.: Nauka, 1963. T. I. (in Russ.).
9. History of the Caucasus and villages Karabudahkent by Dzhamalutdin Karabudahkentskiy. Ed. Orazava G.M.-R. [Istoriia Kavkazaiseleniia Karabudakhkent Dzhamalutdina Karabudakhkentskogo. Pod red. Orazava G. M.-R.]. Makhachkala: Polygraph Center- 2001. (in Russ.).
10. Kidirniyazov D.S., Musaurova Z.K. Essays on the History of the Nogai XV-XVIII centuries .[Ocherki istorii nogaitsev XV-XVIII vv.]. Makhachkala: Publishing House "Peoples of Dagestan", 2003. (in Russ.).
11. Lavrov L.I. Caucasian Tyumen. Selected works on culture abaza, circassians, karachai, balkars. [Kavkazskaia Tiumen'. Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev]. Nal'chik, 2009. (in Russ.).
12. Mejidov A. The difficult, but respected road [Pust' slozhnyi, no uvazhaemyi put']. Eldash, 26.04.1997, (in Kumyk language).
13. Mustakimov I.A. Once again the question of the ancestors of Mamay–king. [Eshche raz k voprosu o predkakh Mamai-tsaria]. Tiurkologicheskii sbornik, 2007-2008 = Turkological collection, 2007-2008. M.: Publishing company "Eastern Literature", 2009. (in Russ.).
14. Nazir al - Durgeli. Delight in the minds of the biographies of Dagestani scientists (Nuzhat al - azhan fi taradzhimulamaDagistan). [Uslada umov v biografiakh dagestanskikh uchenykh (Nuzkhat al-azkhan fi taradzhim ulama Dagistan)]. M.: Marjani Publishing House, 2012. (in Russ and Arab).
15. Khudyakov M.G. Essays on the History of the Kazan Khanate. [Ocherk ipoistorii Kazanskogo khanstva]. Na styke kontinentov i tsivilizatsii = At the crossroads of continents and civilizations. M.: INSAN 1996. (in Russ).
16. Shikhaliyev D.-M. The story of the Kumyk about kumyks. [Rasskaz kumyka o kumyках]. Makhachkala Dagestan Publishing, 1993. (in Russ).
17. Shikhaliyev Sh.Sh. Islamization of Dagestan in the X-XVI centuries: historical and cultural aspects. [Islamizatsiia Dagestana v X-XVI vekakh: istoriko-kul'turnye aspekty]. Diss... kand. ist. nauk. Makhachkala, 2007 = Diss ... cand . ist . sciences. Makhachkala, 2007. (in Russ).

Информация об авторе

Идрисов Юсуп Магомедович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Дагестанский институт народного хозяйства,
г. Махачкала, Россия
Markes06@mail.ru

Получена: 09.02.2016

Для цитирования статьи: Идрисов Ю.М. Сословие карачи-беков на Северо-Восточном Кавказе: происхождение и функции. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 75-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-75-78

Information about the author

Idrisov Yusup M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Dagestan State Institute of National Economy,
Makhachkala, Russia
Markes06@mail.ru

Received: 09.02.2016

For article citation: Idrisov Y.M. Karachi-bek social estate in North-Eastern Caucasus: origin and functions. [Soslovie karachi-bekov na Severo-Vostochnom Kavkaze: proiskhozhdenie i funktsii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 75-78.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-75-78

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-79-82

ПАНАРИН Андрей Анатольевич,
Армавирский государственный педагогический
университет,
г. Армавир, Россия
panarin.arm@mail.ru

PANARIN Andrey A.,
Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
panarin.arm@mail.ru

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ ФОРСИРОВАНИЯ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1920-х гг.

THE PROCESS AND THE RESULTS OF FORCING THE COLLECTIVE-FARM CONSTRUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE LATE 1920 s.

В статье рассматривается процесс колхозного строительства на Северном Кавказе в 1928–1929 гг. Подчеркивается взаимосвязь между начавшимся форсированным созданием колхозов и проводимой хлебозаготовительной кампанией, а также все большим ущемлением прав зажиточной части деревни. Отмечается классовый характер проводимых мероприятий по созданию колхозов, предусматривающих оказание государственной помощи вступающей в колхозы бедноте. Характеризуется сущность проводимой политики по созданию колхозов, моделирующих организацию крупнопромышленного производства. Рассматриваются процессы создания первых крупных агропромышленных комплексов, тракторных колонн и машинно-тракторных станций. Приводятся данные о количественном росте колхозов в зерновых районах Северного Кавказа и различия в данном показателе по отдельным округам региона. Отмечается слабая материально-техническая база большинства вновь созданных колхозов и недостатки в их организации и управлении. Обращается внимание на противоречивость проводимой в это время политики, связанной с решениями по ускорению колхозного строительства при отсутствии объективных предпосылок и широкой поддержки крестьян и казаков. Анализируются результаты коллективизации на Северном Кавказе в конце 1920-х гг., подчеркиваются ее негативные последствия для дальнейшего развития сельского хозяйства.

The article discusses the process of collective-farm construction in the North Caucasus in 1928–1929. Emphasizes the link between the outbreak forced creations of collective farms and carried out grain procurement campaign, as well as the increasing infringement of the rights of the wealthy part of the village. Marks the class character of ongoing activities on the establishment of collective farms, involving the application of state aid coming into the farms of the poor. Characterized by the nature of the ongoing policy of creating collective farms, modeling the organization of large-scale industry production. Explains the processes of creating the first large agro-industrial complexes, tractor columns and machine and tractor stations. Provides data about the quantitative growth of the collective farms in the grain districts of the North Caucasus and the differences in this indicator in individual constituencies in the region. There was insufficient material-technical base of the majority of newly established collective farms and weaknesses in their organization and management. Attention is drawn to the contradictions held at this time, policy decisions on collective acceleration of construction in the absence of objective prerequisites and the widespread support of the peasants and Cossacks. Analyzes the results of collectivization in the North Caucasus in the late 1920s, emphasized its negative consequences for the further development of agriculture.

Ключевые слова: коллективизация, кооперирование, сельское хозяйство, колхозы, форсирование, процесс, партийное руководство, агропромышленные комплексы, Северный Кавказ

Keywords: collectivization, cooperation, agriculture, farms, speeding up process, party leadership, agro-industrial complexes, North Caucasus

В отечественной историографии утвердилась точка зрения, согласно которой широко-масштабные процессы коллективизации сельского хозяйства начались после ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), охватив в наиболее активной фазе 1930–1932 гг. Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на том, что данные процессы являлись естественным продолжением форсирования темпов колхозного строительства в 1928–1929 гг. В особенности это относилось к зерновым районам Северного Кавказа, являвшимся своеобразным полигоном по подготовке сплошной коллективизации. В связи с этим есть необходимость проанализировать реализуемые здесь меры партийно-государственных органов по ускоренному созданию колхозов.

В первой половине 1928 г. этот процесс во многом носил спонтанный характер, обусловленный попытками решения проблемы хлебозаготовок, а также стремлением большевистской партии консолидировать беднейшее крестьянство как свою главную опору в осуществлении репрессивной политики в деревне. О взаимосвязи решения этих двух задач в деятельности большевистской партии свидетельствует резолюция пленума Кубанского окружкома ВКП(б) (март 1928 г.). Поставив в качестве одной из главных задач расширение посевов бедняцко-середняцких хозяйств, окружком в ходе ее решения предписывал местным партиячкам усилить «вытеснение кулацкого хищнического хозяйства в округе, непрерывно заменяя убывающий удельный вес этого хозяйства подрастающим хозяйством – коллективным» [1]. При реализации этой задачи предусматривалось оказание помощи бедноте, желающей вступить в колхозы. Например, в Кубанском округе в 1926/27 г. фонд кооперирования бедноты составил около 6 тыс. руб., а в 1927/28 г. его размеры были доведены до 57 754 руб., то есть возросли почти в 10 раз [2].

В результате применения данных мер на Северном Кавказе с начала 1928 г. происходит бурный рост колхозов, число которых за период с января по июнь выросло больше чем в два раза (с 3 769 до 7 795 хозяйств), охватив до 450 тыс. чел., или 6,8% всего сельского населения края [3]. Большинство крестьян и казаков стремилось к объединению в колхозах с наименьшей степенью обобществления – товариществах по совместной обработке земли. За 1927/28 хозяйственный год ТОЗы увеличились с 2 015 до 5 424, сельхозартели – с 408 до 580, а коммуны – с 178 до 211 [4].

Абсолютное преобладание бедноты во вновь образующихся колхозах явилось основной причиной их экономической слабости. Несмотря на то, что были использованы все имеющиеся ресурсы, обеспеченность инвентарем в них оставалась ниже, чем у единоличных хозяйств. Особенно слабыми были колхозы в Ставропольской округе, почти сплошь состоящие из бедноты. По данным комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), обследовавшей работу Ставропольской окружной парторганизации, в декабре 1928 г. середняцкая часть крестьянства составляла в колхозах по одним данным 5,6%, по самым лучшим – 9%. Комиссия сделала вывод, что если середняка не привлечь в колхозы, они скоро развалятся [5].

Преобладание в колхозах бедноты в свою очередь оказало влияние на рост собесностроенных элементов, стремящихся обеспечить свое существование за счет государства. В докладе Новороссийского окружкома ВКП(б) на XIII окружной партконференции (ноябрь 1928 г.), в частности, отмечалось: «Коллективы имеют, почти все, большую задолженность, потому что одни берут ссуду – проедают и уходят, приходят другие, а долги остаются. Можно найти в коллективах людей, которые никогда с землей дела не имели» [6].

Вместе с тем местные органы зачастую формально подходили к решению задач, связанных с коллективизацией, уделяя главное внимание количественной стороне дела. В отчетах фигурировали данные о росте колхозов, но по сути дела многие из них оказывались бумажными, оставленными на произвол судьбы. Недостаточность помощи колхозам и отсутствие внимания к их нуждам со стороны партийных и кооперативных организаций приводила к развалу только что созданных коллективов.

В такой неблагоприятной для колхозного движения ситуации руководство большевистской партии берет курс на дальнейшее форсирование темпов коллективизации сельского хозяйства. Теперь колхозы рассматривались уже не в качестве передового примера отдаленного будущего деревни, а как единственно возможная форма объединения крестьянства в условиях строительства социализма. Характерной чертой колхозного строительства в это время становится моделирование колхозов по принципу промышленной организации труда. Одним из главных его направлений являлись меры партийно-государственных органов по укрупнению колхозов, основным результатом которых должно было стать создание аграрно-индустриальных комплексов. Первым таким объединением стал Дигорский агроиндустриальный коллектив-комбинат, возникший в Северной Осетии в 1928 г. Объединяя огромное количество крестьянского населения (до 10 тыс. чел.), он являлся в глазах большевистской партии своеобразным эталоном будущей организации сельского хозяйства [7]. К лету 1929 г. на территории края возникли еще семь колхозов-гигантов, каждый из которых имел посеы на площади свыше 5 тыс. га [8].

Процесс укрупнения колхозов был тесным образом связан с мерами по концентрации сельскохозяйственной техники. Эту цель преследовало создание тракторных колонн. К июлю 1929 г. на Северном Кавказе действовало 15 тракторных колонн, в которых насчитывалось 299 тракторов. Общая площадь обрабатываемой колоннами земли составляла более 73 тыс. га [9]. С начала 1929 г. на Северном Кавказе появилась новая форма объединения и использования сложной техники – машинно-тракторные станции, первая из которых была создана в совхозе «Хуторок» Армавирского округа. Вскоре эта форма была признана наиболее приемлемой для всех колхозов страны.

Несмотря на большие усилия, предпринятые со стороны партийно-государственных органов, промышленные принципы организации производства с трудом приживались в колхозах. На II краевом съезде колхозов, состоявшемся в мае 1928 г., отмечалось, что колхозное строительство страдает из-за недостаточного организационно-хозяйственного обслуживания и руководства, низкого уровня агротехники, бесплановости хозяйства, ненадежности внутреннего распорядка, нерационального использования техники [10]. К лету 1929 г. лишь 65% колхозов края имели правила внутреннего распорядка, а 62% – производственные планы [11]. Однако к этому времени у представителей сталинского большинства в ЦК ВКП(б) окончательно возобладал прямолинейный подход к решению проблем социалистического преобразования сельского хозяйства. XVI Всесоюзная конференция ВКП(б) (апрель 1929 г.) приняла решения, направленные

на вытеснение капиталистических элементов в деревне крупным общественным хозяйством [12].

Окончательный поворот к волюнтаристскому курсу в развитии экономики произошел на ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б), который принял решение о начале сплошной коллективизации сельского хозяйства. Негативные тенденции, начавшиеся в колхозном строительстве в конце 1920-х гг., приобрели необратимый характер. Моделирование колхозов по типу крупно-промышленных предприятий привело к игнорированию особенностей сельского хозяйства, связанных с особым местом в нем природных процессов, неизмеримо большей ролью личных качеств работника и его отношения к труду.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Коллективизация и развитие сельского хозяйства на Кубани (1927–1941 гг.). Сборник документов и материалов. – Краснодар, 1981. – Т. 2. – С. 20.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее ЦДНИРО). Ф.7. Оп.1. Д.817. Л.13.
3. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Сборник документов. – Краснодар, 1972. – С. 95.
4. Российский государственный архив экономики. Ф.7446. Оп.1. Д.40. Л.55.
5. ЦДНИРО. Ф.7. Оп.1. Д.750а. Л.37.
6. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф.9. Оп.1. Д.832. Л.300.
7. *Наумов К.И.* Строительство крупных колхозов // Пути сельского хозяйства. – 1929. – № 5. – С. 19.
8. За решительный подъем и социалистическое переустройство сельского хозяйства. – Ростов н/Д, 1929. – С. 18, 21, 22.
9. *Матюхин В.В.* О тракторных колоннах // Пути сельского хозяйства. – 1929. – № 9. – С. 7.
10. Колхозы на Северном Кавказе // Северо-Кавказский край. – 1929. – № 1. – С. 17.
11. Коллективизация на Северном Кавказе... – С. 176.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е издание. Т. IV. – М., 1985. – С. 209.

REFERENCES

1. Collectivization and development of agriculture in Kuban (1927-1941) collection of documents and materials. [Kollektivizatsiya i razvitie sel'skogo khozyaystva na Kubani (1927 –1941 gg.) Sbornik dokumentov i materialov]. Krasnodar, 1981. T. 2, p. 20. (in Russ.)
2. Center for documentation on contemporary history of Rostov region. [Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti]. F. 7. Op. 1. D. 817. L.13. (in Russ.)
3. The collectivization of agriculture in the North Caucasus (1927-1937) a collection of documents. [Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaystva na Severnom Kavkaze (1927 – 1937 gg.) Sbornik dokumentov]. Krasnodar, 1972. P. 95. (in Russ.)
4. Russian State archive of the economy. [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki]. F.7446. Op.1. D.40. L.55. (in Russ.)
5. Center for documentation on contemporary history of Rostov region. [Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti]. F.7. Op.1. D.750a. L.37. (in Russ.)
6. Center for documentation on contemporary history of Krasnodar region. [Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Krasnodarskogo kraya]. F.9. Op.1. D.832. L.300. (in Russ.)
7. *Naumov K.I.* Construction of large farms. Agriculture paths. [Stroitel'stvo krupnykh kolkhozov. Puti sel'skogo khozyaystva]. 1929. 5. P. 19. (in Russ.)
8. For a decisive upturn and Socialist reorganization of agriculture. [Za reshitel'nyy pod'em i sotsialisticheskoe pereustroystvo sel'skogo khozyaystva]. Rostov, [Rostov] 1929. Pp. 18, 21, 22. (in Russ.)
9. *Matyukhin V.V.* On tractor columns. [O traktornykh kolonnakh]. Way of agriculture [Puti sel'skogo khozyaystva]. 1929. 9. P. 7. (in Russ.)
10. Kolkhozes in the North Caucasus. [Kolkhozy na Severnom Kavkaze]. North Caucasus Krai. [Severo-Kavkazskiy kray] 1929. 1. P. 17. (in Russ.)
11. Collectivization in the North Caucasus. [Kollektivizatsiya na Severnom Kavkaze]. P. 176. (in Russ.)
12. In resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. [KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK]. T. IV. Moskva, 1985. P. 209. (in Russ.)

Информация об авторе

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия,
panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrey A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia,
panarin.arm@mail.ru

Получена: 15.02.2016

Для цитирования статьи: Панарин А.А. Процесс и результаты форсирования колхозного строительства на Северном Кавказе в конце 1920-х гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 79-82.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-79-82

Received: 15.02.2016

For article citation: Panarin A.A. The process and the results of forcing the collective-farm construction in the North Caucasus in the late 1920s. [Protsess i rezul'taty forsirovaniya kol-khoznogo stroitel'stva na Severnom Kavkaze v kontse 1920-kh gg.]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 79-82.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-79-82

УДК 94 (470.6)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-83-85

ПАНАРИНА Елена Владимировна,
Армавирский государственный педагогический
университет,
г. Армавир, Россия
panarin.arm@mail.ru

PANARINA Elena V.,
Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
panarin.arm@mail.ru

ХАРАКТЕР И ФОРМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

CHARACTER AND FORMS OF INDUSTRIAL GOODS DISTRIBUTION ON DON AND THE NORTH CAUCASUS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR DAYS

Данная статья посвящена реализации государственной политики распределения промышленных товаров на Дону и Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны. Рассматриваются принципы использования карточной системы распределения товаров первой необходимости, ее дифференцированный характер, предусматривающий выделение льготных категорий потребителей. Приводятся конкретные примеры применения купонов при приобретении одежды, обуви и других товаров. Анализируются условия исполнения данного порядка местными органами Дона и Северного Кавказа, обращается внимание на ограниченность выделяемых промтоваров из централизованных фондов. Большое внимание уделяется принимаемым со стороны местных органов мерам по изысканию дополнительных источников обеспечения населения Дона и Северного Кавказа товарами первой необходимости. Обращается внимание на особо тяжелую ситуацию с обеспечением населения региона как последствия оккупации. Приводятся сведения о восстановлении и развитии местной промышленности, кооперативных артелей, увеличении выпуска необходимых для населения товаров. Раскрывается роль профсоюзных организаций в снабжении наиболее нуждающихся работников одеждой, обувью и другими промтоварами. Дается оценка результатам совместной работы местных органов и общественных организаций в обеспечении населения промтоварами, отмечается сохраняющаяся тяжелая ситуация в вопросах обеспечения жителей Дона и Северного Кавказа товарами первой необходимости на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

This article is devoted to realization of a state policy of distribution of industrial goods on Don and the North Caucasus in days of the Great Patriotic War. The principles of use of a rationing system of distribution of essentials, her differentiated character, preferential categories of consumers providing allocation are considered. Concrete examples of application of coupons at acquisition of clothes, footwear and other goods are given. Conditions of execution of this order by local bodies of Don and the North Caucasus are analyzed; the attention to limitation of the allocated manufactured goods from the centralized funds is paid. Much attention is paid to the measures for research of additional sources of providing the population of Don and the North Caucasus taken from local bodies by essentials. The attention to especially difficult situation with providing the population of the region, owing to occupation consequences is paid. Data on restoration and development of the local industry, cooperative artels, increase in release of goods, necessary for the population, are provided. The role of the trade-union organizations in supply of the most needing workers with clothes, footwear and other manufactured goods reveals. The assessment is given to results of collaboration of local bodies and public organizations in providing the population with manufactured goods, the remaining difficult situation in questions of providing inhabitants of Don and the North Caucasus by essentials throughout the entire period of the Great Patriotic War is noted.

Ключевые слова: промышленные товары, распределение, карточная система, местная промышленность, Дон, Северный Кавказ, Великая Отечественная война

Keywords: industrial goods, distribution, rationing system, local industry, Don, North Caucasus, Great Patriotic War

Одной из самых острых социальных проблем в годы Великой Отечественной войны являлась проблема обеспечения населения промышленными товарами. Связано это было с существенным сокращением выпуска товаров первой необходимости, в которых и до войны население испытывало большую потребность. После нападения фашистской Германии приоритетность выпуска военной продукции, а также уничтожение многих предприятий в еще большей степени усугубили эту ситуацию. Продукция всех предприятий легкой промышленности уменьшилась в 1942 г. по сравнению с 1940 г. на 52%. Кроме того, значительная часть этой продукции была предназначена для нужд фронта [1]. Например, швейная и кожгалантерейная фабрики г. Ростова-на-Дону с начала войны перешли к преимущественному выпуску специальной продукции, предназначенной армии [2].

Закономерным следствием существенного ухудшения в вопросах снабжения населения товарами потребительского спроса стало введение карточной системы. В число нормируемых промышленных товаров вошли все виды тканей, кожаная, валяная, фетровая и резиновая обувь, швейные изделия, постельное белье, головные уборы, трикотаж, чулки-носки, часы, мыло и другие изделия. В конце апреля 1942 г. карточная система распределения промышленных товаров была введена во всех городах и рабочих поселках. Одновременно вводились промтоварные карточки и в сельских местностях – для рабочих и служащих крупных государственных промышленных предприятий, совхозов, железнодорожного и водного транспорта, торфоразработок и других [3].

В основу распределения нормированных промтоваров был положен принцип дифференцированного снабжения. Промтоварная карточка имела определенное количество купонов-единиц, в обмен на которые по определенному эквиваленту можно было купить любые

нормированные изделия. Для рабочих и инженерно-технических работников полагалось 125 купонов-единиц, для служащих – 100, для иждивенцев (включая детей) и учащихся – 80. Так, приобретая пару мужской или женской кожаной обуви, покупатель, оплачивая ее стоимость, должен был сдать 50 купонов-единиц, а за пару детских сандалий или босоножек – 20, за платье женское шерстяное или шелковое – 60, хлопчатобумажное – 40, для девочек ясельного возраста – 15, за пару чулок или носков для взрослых – 5, для детей – 3 купона и т.д. [4].

Основным источником снабжения населения промышленными товарами являлись централизованные фонды, из которых происходило распределение партий товаров по различным областям страны. Так, в первом квартале 1942 г. для Ростовской области поступило: кожаной обуви и хозяйственного мыла на 4 млн руб., шерстяной ткани на 3 млн руб., керосина на 2 млн руб., спичек на 630 тыс. руб., ниток на 400 тыс. руб., трикотажа на 200 тыс. руб. [5].

В то же время поступающие в распоряжение местных органов промышленные товары чаще всего не соответствовали необходимому для выдачи населению объему. В связи с этим большое внимание стало придаваться деятельности предприятий местной промышленности и кооперации по производству товаров потребительского спроса, распределяемых затем в соответствии с установленным порядком. Несмотря на принятые меры, в первые месяцы войны не удалось обеспечить выполнение планов выпуска товаров широкого потребления. Так, по итогам первого квартала 1942 г. в Ростовской области предприятия облеглопрома выполнили план на 29,6%, облместпрома – на 36,6%, артели промкооперации – на 59,7%, артели кооперации инвалидов – на 41,1% [6].

В период оккупации уровень обеспеченности населения предметами первой необходимости снизился до предела. Оккупанты отбирали у граждан не только ценные вещи, но и одежду, обувь, домашнюю утварь. Большая часть награбленного имущества была отправлена в Германию или уничтожена немцами во время отступления. В первые месяцы после освобождения на территорию Дона и Северного Кавказа стали возвращаться эвакуированные граждане, а также прибывать рабочие и специалисты из других регионов с целью оказать помощь в восстановлении хозяйства. Степень их обеспеченности одеждой и обувью также была крайне низкой. Например, в июне 1943 г. в Шовгеновской и Теучешской МТС часть трактористов, прибывших в Адыгейскую автономную область, вынуждена была ходить в валенках или совершенно босыми [7].

В целях решения этой проблемы из централизованных фондов, а также от предприятий и населения районов, не подвергшихся оккупации, в различные населенные пункты Дона и Северного Кавказа были направлены большие партии предметов первой необходимости, в том числе одежды, обуви, мыла, спичек и т.п. В первую очередь они распределялись среди социально незащищенных слоев населения: семей военнослужащих, инвалидов, матерей-одиночек и потерявших родителей детей. Однако поступающих средств было недостаточно для удовлетворения даже минимальных потребностей населения. В связи с этим основным средством решения этой проблемы являлось восстановление производства товаров широкого потребления на предприятиях местной промышленности на основе применения имеющегося на территории региона сырья.

На начальном этапе восстановления экономики главная роль в обеспечении населения предметами широкого потребления придавалась мелким видам производства. Это объяснялось сравнительно небольшими затратами, необходимыми для возобновления деятельности артелей и мастерских, гибкими формами ее организации. Так, в Лабинском районе Краснодарского края сразу после освобождения глазуренный завод стал обеспечивать население мылом, колесной мазью, гончарными изделиями, лубяной завод – веревками и веревочной сбруей, артель «Слепой труженик» – вениками и лозовой мебелью [8].

В 1944 г. предприятия местной промышленности освоили выпуск новых товаров ширпотреба. В Ростовской области предприятия местной промышленности стали выпускать дамские сандалии из отходов кожи, игрушек из папье-маше [9]. В качестве примера можно привести наименования товаров широкого потребления, реализуемых в г. Ростове-на-Дону: чуваки из свиной и конской юфты без подкладки; крем для лица, расфасованный в стеклянные банки по 50 г; паста зубная в стеклянных банках по 100 г; детские тапочки из текстильных отходов; сумки базарные, плетенные из шпагата; кукла малыш из папье-маше; азбука из картонных кубиков [10]. Серьезным недостатком в деятельности предприятий местной промышленности являлся ограниченный ассортимент и низкое качество выпускаемых предметов широкого потребления. В наиболее ущемленном положении находились колхозники – самая многочисленная группа сельских жителей. Независимо от выполнения взятых колхозниками обязательств по сдаче сельхозпродукции поставки промышленных товаров осуществлялись с перебоями и не в полном объеме.

Таким образом, в условиях войны произошло существенное обострение проблемы обеспечения населения промышленными товарами. Приоритетность вопросов укрепления обороноспособности не позволяла государству выделять необходимые средства для производства

обуви, одежды, предметов домашнего обихода. Предприятия легкой промышленности и артели кооперации не смогли обеспечить в годы войны выпуск достаточного количества товаров широкого потребления. Распределительная система была в основном ориентирована на удовлетворение потребностей льготных категорий потребителей. В такой ситуации значительной части населения пришлось в основном самостоятельно решать указанную проблему, используя старые вещи и военное обмундирование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. – М., 1985. – С. 116-117.
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 13. Оп. 2. Д. 785. Л. 6 об.
3. *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. – М., 1969. – С. 24.
4. Там же. – С.41-42.
5. Молот. – 1942. – 24 января.
6. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 338. Л. 6.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 43. Д. 988. Л. 186.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-687. Оп. 1. Д. 34. Л. 107.
9. Молот. – 1944. – 6 июня.
10. ГАРО. Ф. Р-3737. Оп. 2. Д. 457. Л. 108-114.

REFERENCES

1. The Soviet Union in days of the Great Patriotic War. [Sovetskiy Soyuz v gody Velikoy Otechestvennoy voyny]. Moskva, 1985. pp. 116-117. (in Russ.)
2. Center of documentation of the contemporary history of the Rostov region. [Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Rostovskoy oblasti]. F. 13. Op. 2. D.785. L. 6 about. (in Russ.)
3. *Lyubimov A.V.* Trade and supply in days of the Great Patriotic War. [Torgovlya i snabzhenie v gody Velikoy Otechestvennoy voyny.] Moskva, 1969. P. 24. (in Russ.)
4. In the same place. [Tam zhe] pp. 41-42. (in Russ.)
5. Hammer. [Molot] 1942. January 24. (in Russ.)
6. State archive of the Rostov region. [Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti] F.R-3737. Op.2. D.338. L.6. (in Russ.)
7. Russian state archive of socio-political history. [Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii]. F.17. Op.43. D.988. L.186. (in Russ.)
8. State archive of Krasnodar Krai. [Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraya]. F.R-687. Op.1. D.34. L.107. (in Russ.)
9. Hammer. [Molot] 1944. June 6. (in Russ.)
10. State archive of the Rostov region. [Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti]. F.R-3737. Op 2. D.457. L.108-114. (in Russ.)

Информация об авторе

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Россия,
panarin.arm@mail.ru

Получена: 11.02.2016

Для цитирования статьи: Панарина Е.В. Характер и формы распределения промышленных товаров на дону и Северном Кавказе в годы великой отечественной войны. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 83-85.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-83-85

Information about the author

Panarina Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia
panarin.arm@mail.ru

Received:11.02.2016

For article citation: Panarina E.V. Character and forms of industrial goods distribution on don and the North Caucasus in the great patriotic war days. [Kharakter i formy raspredeleniya promyshlennykh tovarov na donu i Severnom Kavkaze v gody velikoy otechestvennoy voyny]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 83-85.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-83-85

УДК 94 (470)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-86-92

ПЕТРОВИЧ Владимир Глебович,
Саратовский областной институт развития образова-
ния,
г. Саратов, Россия
petro51@mail.ru

PETROVICH Vladimir G.,
Saratov Regional Institute of Education Development
Saratov, Russia
petro51@mail.ru

СТАРИК И БУЛЬДОЗЕР, ИЛИ ДВА ВЕЛИКИХ НИСПРОВЕРГАТЕЛЯ РОССИИ XX ВЕКА В ЖИЗНИ И В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

OLD MAN AND BULLDOZER, OR TWO GREAT SUBVERTER OF THE XX CENTURY IN RUSSIA IN LIFE AND IN ACADEMIC LITERATURE

В статье делается попытка раскрыть основные вехи современного периода в истории нашей страны через фигуру первого президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина. Осуществлен более чем вековой экскурс в историю и дан сравнительный анализ жизни и деятельности двух самых противоречивых фигур отечественной истории XX века – В.И. Ульянова (Ленина) и Б.Н. Ельцина. Выясняются причины, побудившие обоих исторических персонажей начать борьбу с существующей системой власти. Отслеживаются основные вехи этой борьбы. С привлечением обширного исторического материала характеризуется вклад каждого из них в историю России, приводятся исторические параллели в роли Б.Н. Ельцина и В.И. Ульянова (Ленина) как разрушителей существовавшего до них политического строя и экономического уклада государства. В духе требований Историко-культурного стандарта анализируются литературно-художественные источники о вкладе В.И. Ульянова (Ленина) и Б.Н. Ельцина в развитие России. Рассматриваются альтернативные варианты возможной истории современной России, основанные на противоречивых чертах характера Б.Н. Ельцина. Анализируется несколько учебников отечественной истории, использовавшихся в школах страны в начале XXI в., приводятся примеры освещения рассматриваемых в статье проблем в учебниках истории, допущенных в российские школы в 2016 г. и соответствующих Историко-культурному стандарту. Дается обзор мнений о личности Б.Н. Ельцина, высказанных его современниками и соратниками. Приводятся данные социологических исследований, отражающих мнение россиян об этих исторических фигурах. Делается вывод о более толерантном отношении россиян к фигуре В.И. Ульянова (Ленина) по сравнению с Б.Н. Ельциным.

The article seeks to uncover the milestones of the modern period in history of our country through the figure of the first President of the Russian Federation B.N. Yeltsin. Made more than a century of insight into history and a comparative analysis of the life and work of two of the most controversial figures in Russian history of the XX century – V.I. Ulyanov (Lenin) and B.N. Yeltsin. Clarified the reasons for both historical characters to fight with the existing system of power. Tracked key milestones of this struggle. On the basis of extensive historical material is characterized by the contribution of each of them in the history of Russia are historical Parallels in the role of B.N. Yeltsin and V.I. Ulyanov (Lenin) as destroyers existed before them political order and economic system of the state. In the spirit of the requirements of the historical and cultural standard are analyzed literary sources on the contribution of V.I. Ulyanov (Lenin) and B.N. Yeltsin in Russia's development. Alternative options considered the history of modern Russia, based on conflicting character traits B.N. Yeltsin. Analyzed several national history textbooks used in schools across the country in the early XXI century, the examples of the lighting considered in the paper problems in history textbooks, admitted to Russian schools in 2016 and the respective historical-cultural standard. Provides an overview of opinions about the identity of B.N. Yeltsin expressed his contemporaries and associates. Data from sociological studies reflecting the opinion of Russians about these historical figures. The conclusion reveals the more tolerant attitude of Russians to the figure of V.I. Ulyanov (Lenin) compared to B.N. Yeltsin.

Ключевые слова: Ельцин Б.Н., Ульянов (Ленин) В.И., Горбачев М.С., власть, Россия

Keywords: B.N. Yeltsin, V.I. Ulyanov (Lenin), M.S. Gorbachev, power, Russia

Статья эта писалась долго. Я взялся за нее в траурные апрельские дни 2007 г. – сразу же после кончины Б.Н. Ельцина, потом возвращался к ней многократно, последняя редакция относится к декабрю года 2015 – январю 2016... почти 9 лет. Не захотелось делать скоропалительных выводов, навешанных погребальными мероприятиями и посмертными комментариями соратников и друзей, абсолютное большинство которых действовали по принципу «о покойниках плохо не говорят». Скоро как девять лет с кончины Б.Н. Ельцина. Эпоха Б.Н. Ельцина окончательно ушла в прошлое. Настало время «остановиться, оглянуться», оценить его роль в истории страны, масштаб сделанного, посмотреть, как освещается роль первого Президента России в учебниках истории, по которым сегодня занимается новое поколение россиян.

Аналогия как зеркало российской истории

Хочу для своего относительно короткого анализа воспользоваться методом исторической аналогии, столь популярным в новейшей отечественной истории. Каких только личностей не сравнивали в эти бурные годы, прошедшие после памятного людям старшего поколения октябрьского, 1987 г., Пленума ЦК КПСС. Нас этот Пленум интересует в данный момент не как начало открытого противостояния между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным, а как отправная точка свободы исторического мнения, после которой стала возможна критика даже В.И. Ленина. Точка, позволившая историкам разбираться в прошлом нашей страны, не оглядываясь на отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС. Вне критики тогда не осталось ни одного партийного лидера:

историки обрушились на В.И. Ленина, а Б.Н. Ельцин начал открыто критиковать политику М.С. Горбачева.

Хочется воспользоваться этим методом и сравнить оценки личностей и дел двух самых знаменитых отечественных разрушителей XX века – В.И. Ульянова (Ленина) и Б.Н. Ельцина. Правомочность такого сравнения очевидна: и тот, и другой разрушили существовавшую до них систему. Политически некорректно утверждать, что стараниями большевиков во главе с В.И. Лениным была разрушена существовавшая до них монархическая система правления в стране – вождя «мирового пролетариата» на момент Февральской революции 1917 г. в России попросту не было, а большевиков в тот момент насчитывалось не так уж и много, и они не могли играть роль движущей силы Февральской революции, существовали в феврале партии гораздо мощнее по количеству членов и силе влияния на массы. Но В.И. Ленину и Б.Н. Ельцину с интервалом в 74 года дважды удалось повернуть на 180 градусов не только политическую, но и экономическую историю России: первый покончил с частной собственностью и рыночной экономикой после взятия власти в октябре 1917-го, второй покончил с собственностью государственной, отпустив сначала цены на товары и услуги с января 1992 г., а затем инициировав процесс приватизации всего – от квартир до недр (последних если не юридически, то фактически).

Мотивы

Попытаемся разобраться, прежде всего, в мотивах, которыми руководствовались Старик и Бульдозер (Старик – одна из наиболее известных партийных кличек В.И. Ульянова [2], Бульдозер – негласное прозвище Б.Н. Ельцина, широко озвученное лишь после смерти последнего [9]).

Мотивация у обоих была примерно одинакова. Старик затаил обиду на власть, когда Александр III опрощиво (как оказалось) не помиловал Александра Ульянова, студента-химика, приговоренного к казни за участие в подготовке покушения на Его императорское Величество. Легендарная фраза Ульянова-младшего о «другом пути» стала вехой начала его борьбы за свержение самодержавия. Как сложилась бы история нашей страны, да и всего человечества, уважь император мольбу матери и просьбу самого Д.И. Менделеева сохранить жизнь подающему большие надежды в химической науке Александру Ульянову? Об этом чуть позже.

Бульдозер затаил обиду на власть в лице М.С. Горбачева после того памятного Пленума ЦК КПСС и последующих оргвыводов – своего отстранения от руководства московской партией и политической ссылки в Госстрой СССР.

Дальше у обоих началась борьба с системой, приведшая Старика и Бульдозера на вершину власти – но уже другой власти в другой, по сути, стране. У Старика эта борьба затянулась на долгие 30 лет. Он начал бороться с Империей безусым юношей, взял власть в свои руки в октябре 1917-го 47-летним Стариком, признанным лидером крайне левой партии. Борьба Бульдозера за власть формально длилась чуть более четырех лет – с октября 1987 по 25 декабря 1991-го, когда в прямом эфире программы «Время» тогда еще Центрального телевидения СССР М.С. Горбачев заявил о своей отставке с поста Президента СССР и фактическом прекращении существования этого государства. Фактически шесть лет – с советской властью в России было покончено 9 октября 1993 г., когда после событий 3-4 октября Б.Н. Ельцин издал указ о роспуске Советов всех уровней. В пять раз меньше времени Бульдозеру потребовалось для разрушения существовавшей системы вовсе не из-за слабости советской власти по сравнению с царской. У Ельцина опыта оказалось больше, он вступил в борьбу 56-летним закаленным партаппаратчиком, а не 17-летним юнцом, как В.И. Ульянов.

Но партии, ставшей партией власти, за спиной Б.Н. Ельцина не было. Это много позже, осознав необходимость такой партии, ельцинские политехнологии начнут ее создавать, так или иначе обыгрывая гордое имя «Россия» – вспомните «Наш дом – Россия» и сложенные домиком ладони В.С. Черномырдина на многочисленных агитационных плакатах.

Борьба за выживание

«Легче взять власть в свои руки, чем ее сохранить», – предупреждал своих сменщиков В.И. Ульянов. После взятия власти и Старик, и Бульдозер вынуждены были повести борьбу за ее сохранение. У В.И. Ленина этот период затянулся на четыре года: именно столько на европейской части России продолжалась Гражданская война. У Б.Н. Ельцина – на два года: именно столько длилось противостояние исполнительной и законодательной властей по случаю принятия новой российской конституции. Конфликт едва не перерос в гражданскую войну, во всяком случае, двоевластие в сентябре 1993-го случилось, антиельцинское восстание 3-4 октября бы-

ло жестоко подавлено армией, в условиях фактического двоевластия вставшей на сторону все-народно избранного президента, а не президента А.В. Руцкого, назначенного парламентом.

Жестокость подавления можно в какой-то степени объяснить (а не оправдать) необходимостью «малой кровью» предотвратить большую кровь гражданской войны – такова уж специфика нашего многострадального государства, в котором все эпохальные реформы обязательно сопряжены с кровью народа – так было, начиная с опричнины Ивана Грозного до реформ Б.Н. Ельцина – каждый из нас может вспомнить и первую попытку европеизации власти и образа жизни подданных, предпринятых Лжедмитрием I, и миллионы жизней, загубленных великим реформатором Петром I, и «бесов» российского освободительного движения, выскочивших из бутылки, откупоренной Александром II и убивших его самого, и тысячи повешенных на столыпинских галстуках активных участников революционных выступлений 1905–1907 гг., и миллионы жертв сталинских репрессий.

Кстати, оценка действий Б.Н. Ельцина по подавлению выступления сторонников парламента 3-4 октября 1993 г. сходится у большинства юристов, историков и политологов к одному: антиконституционный государственный переворот, аналогом которому является 3 июня 1907 г., когда Николай II разогнал Вторую Государственную думу и принял новое избирательное законодательство. Д.О. Rogozin, ныне заместитель Председателя правительства РФ: «Ельцин не умел жить в ситуации стабильности, может, даже рутины. Такие люди опасны для политики. Они всю жизнь страны превращают в хаос, в войну, в кровь. Я и тогда считал, и сейчас уверен, что это был классический государственный переворот» [10].

В.Д. Зорькин, тогдашний и нынешний Председатель Конституционного Суда РФ: «Я присягал не президенту, а Конституции, и не был ни с президентом, ни с парламентом – я выполнял свою присягу. Что требовать от судьи – закрыть глаза на нарушение Конституции? Оправдать разрушение конституционного строя во имя неких высших интересов? Гнать надо такого судью в три шеи из Конституционного суда – это не судья, а подпевала в мантии. Что касается «широкого понимания права», которого от меня требовали, подразумевая признание действий Ельцина соответствующим "духу Конституции", напомним, что первым это "широкое понимание права" начал проповедовать Гитлер...» [1], – неудивительно, что опальный главный защитник Конституции стал для торжествующих победителей одной из самых ненавистных фигур.

НЭП и «шоковая терапия»

Власть свою, таким образом, и Старик, и Бульдозер отстояли. Что было делать дальше? «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем», – пелось в «Интернационале» – коммунистическом гимне. Настало время строить новый мир. К чести Старика, тому удалось найти выход из глубочайшего социально-экономического кризиса, в который погрузилась Россия, сотрясенная пожарами Первой мировой войны, падением монархической династии в феврале и красной смутой в октябре 1917 г., братоубийственной войной. Этот выход называется очень просто: НЭП. Трудно заподозрить в любви к социализму одного из величайших политиков XX века, единственного среди глав государств и правительств удостоенного Нобелевской премии не в области мира, а в области литературы – настолько ярким был литературный талант Уинстона Черчилля. Британский лидер образно оценил вклад В.И. Ульянова (Ленина) в историю России: «Ленин был Великим Ниспровергателем. Он ниспровергал Бога, царя, страну, мораль... законы и обычаи столетий. Он ниспровергал и саму коммунистическую систему. Он признал ее провал по всем основным позициям. Он провозгласил новую экономическую политику... Он один мог вывести Россию из трясины... Он нашел, он повернул, но он погиб... Русские люди остались барахтаться в болоте. Их величайшим несчастьем было его рождение, но их следующим несчастьем была его смерть» [11, с. 146].

Горе России 1920-х заключалось в преждевременной смерти Старика, здоровье которого оказалось подорванным после известного покушения в августе 1918 г. у завода Михельсона в Москве. Отказ от новой экономической политики его сменщиками, единоличным лидером которых постепенно становился слабо разбиравшийся тогда в вопросах экономики И.В. Сталин, Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) с незаконченным средним специальным образованием священнослужителя, подорвал возможность создать страну со смешанной рыночно-государственной экономикой и социализм с человеческим лицом.

Трагедия России 1990-х гг. заключалась в приходе к власти Бульдозера, не знавшего экономических законов, по которым функционирует капиталистическое общество, но пытавшегося это общество построить. Парадокс нашей страны в том, что в отличие от США, где капитализм строят капиталисты, от Китая, где социализм с человеческим лицом и рыночной экономикой

успешно строят коммунисты, в нашей стране коммунисты взялись за строительство капитализма. Б.Н. Ельцин – партийный функционер, Е.Т. Гайдар, ставший и.о. премьера и вице-премьером, возглавившим экономический блок правительства, – это бывший заведующий отделом экономики газеты «Правда» и отделом экономической политики журнала ЦК КПСС «Коммунист» – главных печатных органов ЦК КПСС.

Если НЭП – детище Старика – уже к 1923 г. дал ощутимый результат, возродив довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, то бездарная экономическая политика Бульдозера, вернее, отсутствие ее, попытка скопировать польский вариант перехода к рыночной экономике, «шоковая терапия», провалившаяся из-за неравных стартовых условий – у россиян совершенно отличный от поляков менталитет, конфессиональная составляющая, несравнимые размеры территорий, людских ресурсов и т.д. – поставили Россию на грань экономической катастрофы: все годы правления Бульдозера промышленное и сельскохозяйственное производство падало. И только отставка Б.Н. Ельцина накануне нового, 2000-го года, приход к власти В.В. Путина, остановили Россию у опасной черты и позволили сделать существенный рывок за последующие годы.

Старик и Бульдозер: битва после смерти

Если авторы цитируемого выше учебника российской истории для 9-го класса В.А. Шестаков, М.М. Горинев, Е.Е. Вяземский, активно использовавшегося в первое десятилетие нынешнего века, имели возможность уделять характеристике жизни и деятельности Старика 66 строк [11, с. 146] – небывалый объем для сегодняшней ситуации, когда из-за нехватки часов учителя истории вынуждены, особенно в 9-х и 11-х классах гнать материал «галопом по Европам», то развернутой характеристики Бульдозера у них уже нет – только восемь строчек при анализе итогов президентских выборов в России 1996 г. [11, с. 383].

В учебниках 2016 г. нет теперь ни этих восьми строчек или тем более ставших легендарными после фильма «Доживем до понедельника» 15 строчек о самых выдающихся деятелях России. ФГОС, на который, помимо Историко-культурного стандарта, переходит современная средняя и старшая школа, требует, чтобы нынешний старшеклассник сам искал дополнительную информацию о тех или иных персоналиях, упомянутых в учебнике. Но для мотивации поиска надо заинтересовать старшеклассников личностью. А чем В.И. Ульянов (Ленин) или даже Б.Н. Ельцин может заинтересовать будущих десятиклассников? – пишу будущих, поскольку по новым учебникам 10 класса и новой структуре исторического образования в средней школе еще никто практически не занимался. В новом учебнике О.В. Волобуева и других «История России. Начало XX – начало века» [4] отсутствуют характеристики и Старика, и Бульдозера.

Смерть Старика вызвала волну борьбы за власть в стране, в которой победу одержал не приметный Коба – И.В. Сталин. Смерть Бульдозера – волну противоречивых откликов о нем, ведь он уже не был во власти.

Разброд мнений в посмертной оценке Б.Н. Ельцина огромен. Ю. Прокофьев и В. Максименко дают следующее определение понятия «ельцинизм»: «... политический режим, выступивший инициатором и "гарантом" таких социально-экономических изменений, которые начали блокировать воспроизводство жизни на крупнейшей в мире государственной территории» [7]. Строб Тэлбот (en: Strobe Talbott), первый зам. Госсекретаря США в 1994–2001 гг., непосредственный участник переговоров, в своих мемуарах отмечает: «Клинтон видел в Ельцине политического лидера, полностью сосредоточенного на одной крупной задаче, – вогнать кол в сердце старой советской системы. Поддержать Ельцина так, чтобы он преуспел в решении этой задачи, было, в глазах Клинтона (и моих собственных), важнейшей целью, оправдывавшей необходимость смириться со многими куда менее благородными, а порой и просто глупыми вещами. Кроме того, дружба Клинтона и Ельцина сделала возможным для Соединенных Штатов достижение конкретных, трудных целей, которые не могли быть достигнуты через какие-либо другие каналы: ликвидация ядерного оружия на Украине, вывод российских войск из Балтии, получение согласия России на расширение НАТО, вовлечение России в миротворческую миссию на Балканах» [8].

В публикациях прессы в те скорбные дни, когда страна хоронила своего первого президента, доходило до фактических ошибок. «Комсомольская правда», по-прежнему остающаяся самой популярной ежедневной общероссийской газетой, погрешила против исторической истины. В подборке материалов «В один день Россия потеряла двух великих артистов» 28 апреля 2007 г. в «Личном деле Мстислава Ростроповича» газета утверждает: «В 1974 году им (Ростроповичу и Вишневу – авт.) были выданы выездные визы. А четыре года спустя семью музыканта лишили советского гражданства, которое вернули лишь при Борисе Ельцине, спустя 12

лет» [5, с. 5]. Между тем Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в гражданстве «некоторых лиц, проживающих в настоящее время за границей»: Г.П. Вишневской, М.Л. Ростроповича, В.Н. Войновича и др. – был принят 10 ноября 1989 года. Председателем Верховного Совета СССР на тот момент являлся М.С. Горбачев. Б.Н. Ельцин тогда был всего лишь заместителем Председателя Госстроя СССР в ранге министра. Вопросы восстановления гражданства в ведение Госстроя, как известно, не входили...

Обещанное «чуть позже», или Вместо послесловия

Как пошло бы развитие России и всего «прогрессивного человечества», помилуй Александр III своего тезку Александра Ульянова, как того просили Мария Александровна и Д.И. Менделеев? Можно порассуждать на эту тему, но до меня известная российская писательница Татьяна Никитична Толстая взялась за жанр исторических проектов, написав рассказ «Сюжет». Сюжет «Сюжета» (простите за тавтологию) удивительно прост. А.С. Пушкин не погиб на дуэли – птичка шальная какнула, попав на руку Дантеса. Раненый поэт выздоравливает и ведет привычную жизнь повесы. Но возраст берет свое. Исписавшись к 80 своим годам, «солнце русской поэзии» едет зимой в Симбирск, продолжить сбор материала для своего прозаического цикла о Пугачеве. В Симбирске толпа мальчишек оскорбляет старика-поэта. Отбиваясь от юнцов, Пушкин тростью угодил по голове одному из пацанов, Володе Ульянову. Провалившись после сотрясения мозга неделю, Володя выздоровел. Но жизнь его коренным образом изменилась. Блестяще окончены гимназия и юрфак Казанского университета, стремительная карьера возводит чиновника в кресло министра внутренних дел Российской империи. Чудаковатым, правда, был министром – все столицу уговаривал государя в Москву перенести, любил с балконов и броневики выступать, а всех воспитанниц Смольного института называл почему-то Надьками. Умер Ульянов-министр вскоре после смерти государя Николая Александровича. Новым министром внутренних дел стал какой-то грузин – Джугашвили, кажется.

Хочу бескорыстно предложить для Татьяны Никитичны сюжет для «Сюжета-2». 28 сентября 1989 г. Б.Н. Ельцин упал с Успенского моста в Москву-реку. Проходившие мимо колхозники спасли народного депутата, доставили в ближайший сельсовет. Оттуда прямехонько в Москву, в ЦКБ. Вышел Ельцин из кремлевской больницы совершенно другим человеком. Покаялся на заседании Верховного Совета СССР в своих ошибках. Поддержал М.С. Горбачева на выборах президента СССР в марте 1990 г. А в декабре того же года сам был избран вице-президентом СССР на альтернативной основе, победив бывшего комсомольского функционера Г.И. Янаева. С Новым 2009 годом граждан СССР поздравлял президент М.С. Горбачев, а вице-президент СССР Б.Н. Ельцин возглавил советскую делегацию на церемонии инаугурации президента США Барака Обамы. Выступая на приеме в Белом доме, Бульдозер обещал показать новому его хозяину «близкую родственницу какого-то Кузьки», если США посмеют разместить в ФРГ новую станцию слежения за пусками советских ракет с территории Калининградской области, Белоруссии и Украины.

Эпилог, или Точки над «i»

В эпилоге – одно мнение, с которым трудно не согласиться. А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, ныне – глава Следственного комитета РФ: «Я хочу лишь подчеркнуть, что историю делают люди. А всякий человек имеет субъективные характеристики, слабости, недостатки, личные особенности. В какой-то степени они могут влиять на стиль руководства, на принимаемые решения, но они не в состоянии заменить объективные законы истории. Давайте вспомним экс-президента Бориса Николаевича Ельцина. Алкоголик! Это убедительно показано в книге его бывшего охранника Александра Коржакова (кстати, книга весьма сомнительна с точки зрения общепринятых норм морали). Но не это определяло характер развития нашего государства в период его правления. В обществе появились определенные силы, которые сделали на него ставку. Вы, наверное, знаете, что кличка у него была Бульдозер, и вот он должен был расчистить площадку от социализма, что блестяще и сделал. Ельцин – сильный организатор, мощный мужик, властолюбивый лидер. Да, была у него слабость, и ее использовали, но ход событий определяло вовсе не это. Меня очень удивляет, когда сегодня многие события пытаются объяснить алкоголизмом, любовными приключениями, космическими процессами и потусторонними влияниями... Человек на земле творит историю, подчиняясь объективным законам» [9].

И в самом конце – об отношении народа, который у нас, согласно Конституции, является единственным источником власти в стране, к Б.Н. Ельцину и В.И. Ленину. Оно показательное. По итогам голосования на третьем этапе проекта телеканала «Россия» «Имя Россия» Бульдозер

занял 33-е место с результатом 161 991 голос, или 0,55% от общего числа поданных голосов. За Старика, занявшего 5-е место, было отдано 1 356 281 голосов [3], или 4,64% от общего числа, с которыми В.И. Ленин успешно прошел в финал проекта. Когда 27 декабря 2008 г. голосование в финале было остановлено, В.И. Ленин занял «золотую серединку» – 6-е место из 12 с результатом 424 283 голоса [3], или 9,43% от общего количества голосов, улучшив в два с лишним раза свой полуфинальный результат. Б.Н. Ельцин в финал конкурса не прошел...

25 ноября 2015 г. в Екатеринбурге в торжественной обстановке был открыт Президентский центр Б.Н. Ельцина. Выступавший на церемонии открытия Президент РФ В.В. Путин: «В судьбе, в самой личности Бориса Николаевича Ельцина в полной мере отразились колоссальные вызовы, трудности, противоречия того времени. Он обладал волевым, прямым, мужественным характером, способностью проявлять предельную решительность. И во многом благодаря этим его качествам наша страна не свернула с избранного демократического пути развития» [6]. С президентом трудно не согласиться...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Валерий Зорькин: я присягал не президенту, а конституции // Новая газета. – 2003. – 20 февр. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/21176.html> (дата обращения: 06.01.2015).
2. Измайлова М. Вдова фараона // Личности. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://persons-journal.com/journal/97/101> (дата обращения: 06.01.2015).
3. Имя России. Исторический выбор 2008. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://top50.nameofrussia.ru/rating.html?all=1> (дата обращения: 06.01.2015).
4. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачёв, П.Н. Романов. – М.: Дрофа, 2016. – 367 с.
5. Комсомольская правда. – 2007. – 27 апр.
6. Открытие президентского центра Бориса Ельцина // Президент России. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50784> (дата обращения: 06.01.2015).
7. Прокофьев Ю., Максименко В. Ельцинизм как явление российской общественно-политической жизни // Движение за возрождение отечественной науки. 02.02.2011 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3777&Itemid=35 (дата обращения: 06.01.2015).
8. Strobe Talbott The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. – New York: Random House, May 2002. — ISBN 0-375-50714-0
9. Хозилов В. Александр Бастрыкин: Прошлое покажет // Интербизнес. – 2005. – № 6. – С. 56-63.
10. Черный квадрат на белом доме // Известия. – 2003. – 2 окт.
11. Шестаков В.А., Горинов М.М., Вяземский Е.Е. История Отечества: XX – начало XXI века. – М.: Просвещение, 2003. – 451с.

REFERENCES

1. Valery Zorkin: I have sworn not to the president, under the Constitution. [Valeriy Zor'kin: ya prisyagal ne prezidentu, a konstitutsii]. Novaya gazeta = New Newspaper. 2003. 20.02. Available at: <http://www.novayagazeta.ru/society/21176.html> (accessed 6 January 2016). (in Russ.).
2. Izmailova M. Widow of Pharaoh. [Vdova faraona]. Lichnosti = Personality. 2006. no 4. Available at: : <http://persons-journal.com/journal/97/101> (accessed 6 January 2016). (in Russ.).
3. Name of Russia. Historic Elections 2008. [Imya Rossii. Istoricheskiy vybor 2008]. Available at: <http://top50.nameofrussia.ru/rating.html?all=1>(accessed 6 January 2016). (in Russ.).
4. History of Russia: the beginning of XX – beginning of XXI century. 10 cl. Textbook. [Istoriya Rossii : nachalo KhKh – nachalo XXI v. 10 kl. uchebnik]. OV Volobuev, SP Karpachov, PN Romanov. Moscow Bustard Publ. 2016. 367 p. (in Russ.).
5. Komsomolskaya Pravda newspaper. [Komsomol'skaya pravda]. 2007. 27.04. (in Russ.).
6. Opening of Boris Yeltsin Presidential Center. [Otkrytie prezidentskogo tsentra Borisa El'tsina]. Prezident Rossii. Ofitsial'nyy sayt = President of Russia. Official site. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50784> (accessed 6 January 2016). (in Russ.).
7. Prokofiev Yu, V. Maksimenko Yeltsinism as a phenomenon of the Russian public and political life. [El'tsinizm kak yavlenie rossiyskoy obshchestvenno-politicheskoy zhizni]. Dvizhenie za vrozozhdenie otechestvennoy nauki = The movement for the revival of Russian science. 2011.02.02. Available at: http://www.zanauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=3777&Itemid=35 (accessed 6 January 2016). (in Russ.).
8. Strobe Talbott The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. — New York: Random House, May 2002. ISBN 0-375-50714-0. (in English).
9. Hozikov B. Alexander Bastrykin: Past shows. [Aleksandr Bastrykin: Proshloe pokazhet]. Interbiznes = Interbusiness. 2005. no. 6. Pp.56-63. (in Russ.).

10. Black Square on White House. [Chernyy kvadrat na belom dome]. Izvestiya = Izvestia newspaper. 2003.02.10. (in Russ.).
11. Shestakov VA Gorinov MM EE Vyazemskij History of Russia: XX – beginning of XXI century. [Istoriya Otechestva: XX – nachalo XXI veka]. Moscow Education Publ. 2003. 451 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Петрович Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарного и эстетического образования, Саратовский областной институт развития образования, г. Саратов, Россия
petro51@mail.ru

Получена: 22.01.2016

Для цитирования статьи: Петрович В.Г. Старик и бульдозер, или два великих ниспровергателя России XX века в жизни и в учебной литературе. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 86-92.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-86-92

Information about the author

Petrovich Vladimir G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Humanitarian and Esthetic Education Department, Saratov Oblast Institute of Education Development, Saratov, Russia
petro51@mail.ru

Received: 22.01.2016

For article citation: Petrovich V.G. Old man and bulldozer, or two great subverter of the XX century in Russia in life and in academic literature [Starik i bul'dozer, ili dva velikikh nisprovergatelaya Rossii XX veka v zhizni i v uchebnoy literature]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 86-92.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-86-92

РАТУШНЯК Игорь Олегович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
ratushnyak_igor@mail.ru

RATUSHNYAK Igor O.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
ratushnyak_igor@mail.ru

**ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЛКАНАХ:
ВЗГЛЯД ИЗ ИТАЛИИ И РОССИИ (конец XX –
начало XXI вв.)**

**SECURITY PROBLEM IN THE BALKANS:
VIEW FROM ITALY AND RUSSIA (LATE XX –
EARLY XXI)**

Актуальность статьи обоснована важностью изучения проблемы безопасности Балкан, которые занимают важное место во внешней политике России и Италии. В статье проводится краткий экскурс в проблему безопасности на Балканах, в котором раскрывается геостратегическое значение Балканского полуострова, описываются факторы нестабильности в данном регионе Юго-Восточной Европы. Исследуется влияние Балканского кризиса на общеевропейскую безопасность, а также место Балкан на современной геополитической карте мира. Анализируются дезинтеграционные процессы на Балканском полуострове, в частности распад Югославии, взгляды Италии и России на эту проблему и их роль в урегулировании кризиса на Балканах. Рассматривается проблема балканской безопасности в контексте обеспечения национальной безопасности Италии и России, а также место Балкан во внешней политике Итальянской Республики и Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. В конце статьи делается вывод о том, что балканское направление является одним из приоритетных во внешнеполитической линии Италии и России, а от геополитической стабильности Балкан во многом зависит безопасность упомянутых государств.

The article relevance is proved by the importance of studying of a security problem in the Balkans which takes a significant place in the foreign policy of Russia and Italy. The article gives short excursus to the security problem in the Balkans and discovers geostrategic value of the Balkan Peninsula. It also describes turmoil factors in this South-Eastern European region. The author examines the impact of the Balkan crisis on the Common European security and also the Balkans' place on the modern geopolitical world map. The article analyzes disintegrating processes in the Balkan Peninsula, particularly break-up of Yugoslavia, Italian and Russian views of this problem and their role in resolution of the Balkan crisis. It is considered the Balkan security problem within the framework of maintenance of national security by Italy and Russia and also the Balkans' position in the foreign policy of Italy and Russia in late XX – early XXI. Finally it is made a conclusion that the Balkan vector is of great priority in the foreign policy line of Italy and Russia and that geopolitical stability of the Balkans takes a heavy toll on the security of Italy and Russia.

Ключевые слова: Балканы, Юго-Восточная Европа, безопасность, конфликт, Югославия, Косово, Италия, Россия, внешняя политика, геополитика

Keywords: Balkans, South-Eastern Europe, security, conflict, Yugoslavia, Kosovo, Italy, Russia, foreign policy, geopolitics

На протяжении не одного столетия Балканы являются своего рода тектоническим разломом на геополитической карте мира. Основание «глобальной дуги нестабильности», прочерченной З. Бжезинским от Балкан до Центральной Азии, периодически испытывает на себе новые потрясения. Не единожды взрывающийся «пороховой погреб» с каждой очередной искрой грозит все более устрашающими разрушениями, способными как уничтожить хрупкое подобие мира на Балканах, так и серьезно дестабилизировать состояние современной геополитической расстановки сил вокруг Балканского полуострова.

О стратегическом значении Балкан как в региональном, так и в глобальном измерении неоднократно писали отечественные и зарубежные исследователи. В пользу неоспоримой важности Балканского полуострова как геополитического участка говорят его географическое положение и многие другие факторы, которые веками формировались в этом сложном и многогранном регионе Юго-Восточной Европы. Выход к двум морям – Черному и Средиземному – предоставляет большие преимущества для развития как транспортной, так и военной инфраструктуры. Нахождение Балкан в центре условного треугольника Европа – Ближний Восток – Северная Африка делает полуостров своего рода «Хартлендом» Юго-Востока Европы, контроль над которым позволит не только управлять «треугольником», но и «командовать миром» [1]. По словам югославского исследователя Й. Юста, данные факторы позволяют Балканскому полуострову при необходимости стать плацдармом для ведения возможных боевых операций по всем трем направлениям [2]. В силу своей геополитической значимости Балканы долгое время являются линией столкновения интересов и, как следствие, борьбы великих держав, стремящихся укрепить свое влияние в Юго-Восточной Европе и на мировой арене в целом.

Среди аспектов, обуславливающих конфликтогенность Балкан, можно выделить два основных. Первый из них – полиэтничность региона, которая помимо богатого культурного и исторического наследия, несет под собой плодородную почву для возникновения и эскалации разного рода локальных конфликтов. Эти конфликты, как уже не раз доказывала история, без должного и своевременного урегулирования могут перерасти в ужасающие по своим масштабам войны, закручивающие в свои жернова не только отдельные этносы, но целые народы и

союзы государств. Вторым фактором является продолжительная конфронтация интересов ведущих игроков международной арены на Балканах. Как верно отмечает Е.Г. Пономарева, среди упомянутых игроков в настоящее время активно выступают не столько отдельные государства, сколько наднациональные структуры, такие как ЕС, НАТО, МВФ, а также ведущие транснациональные компании [3]. Участие данных акторов в геополитической борьбе говорит о роли глобализации в развитии конфликтогенного потенциала Европы, и в частности Балкан. По мнению известного словенского историка А. Беблера, это обусловлено в том числе эффектом массовой информации, а в долгосрочной перспективе – также неизбежным процессом индивидуального и коллективного освобождения, которое изнутри дестабилизировало установленные авторитарные политические порядки [4].

Геополитическое измерение важности Балканского полуострова находит отражение и в другом, весьма значимом явлении, представляющем сегодня особую актуальность, – безопасности. Речь идет о европейской безопасности в целом и ее юго-восточном сегменте, который в свою очередь пересекается со средиземноморским вектором общеевропейской системы безопасности. Некоторые исследователи говорят о непосредственном влиянии региональной безопасности в Юго-Восточной Европе, включая Балканы, на геополитическое развитие Евро-Атлантики [5]. Наличие всех «ингредиентов», необходимых для продолжения существующих этнических и межгосударственных конфликтов, наносит своей отпечаток на формирование системы безопасности на полуострове и вокруг него. Историческое «подбрюшье» Европы не миновали и такие относительно новые угрозы мировой безопасности транснационального характера, как международный терроризм, наркотрафик, а также «черная трансплантология», косовский вариант которой печально прославился далеко за пределами Европы.

Отдельно необходимо также отметить Балканский регион в контексте европейской энергетической безопасности. Роль полуострова в качестве одного из жизненно важных пунктов пересечения трансконтинентальных транспортных путей существенно возросла с конца XIX столетия. Именно в это время началась переориентация торгово-сырьевых маршрутов мирового значения [6]. Балканский транспортный коридор в годы Первой мировой войны стал одним из принципиальных объектов геополитической борьбы ведущих мировых держав. И в наши дни в регионе наблюдается аналогичная ситуация, выраженная в соперничестве ключевых игроков, целью которого является контроль над балканским инфраструктурным узлом, способным стать связующим звеном в поставках энергетических ресурсов.

Все перечисленные обстоятельства свидетельствуют о том, что Балканы в геостратегическом отношении занимают особенное место в современной системе международных отношений. Проблема безопасности на полуострове поставлена остро, а различные негативные явления в виде международного терроризма, наркоторговли, сепаратизма и др. служат дальнейшей эскалации локальных конфликтов, имеющих давнюю и плачевную историю. В этом контексте представляется весьма интересным и актуальным проанализировать подходы к обеспечению безопасности в данном регионе Юго-Восточной Европы с точки зрения регионального игрока, например Италии, и глобального, такого как Россия. Выбор этих государств не случаен. Он обусловлен как значимостью Балкан в системе обеспечения национальной безопасности и процессе формирования внешней политики Итальянской Республики и Российской Федерации, так и особой ролью стран Балканского полуострова в истории Италии и России. Кроме того, в конце XX – начале XXI вв., в период, когда Балканы переживали очередной кризис, в российско-итальянских отношениях прослеживалась тенденция на сближение и тесное сотрудничество, в том числе и по вопросам безопасности на Балканах.

Наибольший критический вес проблема безопасности в регионе получила с развитием дезинтеграционных процессов на полуострове. В первую очередь это касается распада Югославии, первые признаки которого проявились после обретения ее республиками большей самостоятельности, чему способствовало принятие новой Конституции в 1974 г. Смерть И.Б. Тито в 1980 г., чья жесткая политика сдерживала центробежные тенденции внутри Югославии, открыла дорогу радикальным националистическим и фундаменталистским течениям, широко распространившимся как в общественной среде, так и на государственном уровне. Лозунг «Братство и единство всех народов» уступил место тезису о полном отказе от совместного славянского прошлого [7]. Л.В. Тягуненко считает безудержное стремление некоторых националистических лидеров создать для себя абсолютно суверенное и этнически чистое государство главной причиной исторической западни, в которую попали республики бывшей СФРЮ [8].

Среди основных причин распада СФРЮ необходимо выделить существенное экономическое и культурное различие между республиками. В самой федерации ситуация с экономикой набирала все более критические обороты. Это, в частности, было обусловлено ростом внешне-

го долга, инфляцией, колоссальной безработицей. Децентрализованная система экономики Югославии сыграла свою отрицательную роль, но немаловажным фактором являлось осложнение ситуации на мировом рынке в целом, югославская связь с которым была на порядок крепче, чем у других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Вместе с ухудшением экономики возрастало и напряжение в этносоциальной среде. В республиках усиливались националистические и сепаратистские настроения, умело использованные республиканскими властями. Этническая нетерпимость отчасти объяснялась тем, что установленные границы государств-членов федерации изначально проводились вопреки реальному национально-этническому составу тех или иных областей, что не могло не послужить обострению и без того непростой этнополитической ситуации на полуострове.

Указанные причины в совокупности с целым комплексом иных противоречий в этом исторически нестабильном регионе привели к ускорению дезинтеграционных процессов, в результате которых в 1991 г. из состава СФРЮ вышли Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Македония, а в 1992 г. была сформирована новая федерация – Союзная Республика Югославия, включившая в себя Сербию и Черногорию. Центробежные процессы, приведшие к образованию новых суверенных государств, имели различные формы. Если отделение Словении и Македонии носило относительно мирный характер, то путь к независимости Хорватии и Боснии и Герцеговины был залит кровью.

Другим, еще более драматичным и имевшим большие глобальные последствия эпизодом разлома геополитической плиты Балкан стал Косовский конфликт, в результате которого парламент Косово в одностороннем порядке провозгласил независимость края в феврале 2008 г. Окончательно распад Югославии завершился в мае 2008 г., когда новое правительство Черногории провело референдум о суверенитете, который поддержало 55% всех жителей, сделав выбор в пользу появления нового государства на территории неспокойного Балканского полуострова.

Отношение России к Балканам, ее участие в судьбе народов Балканского полуострова, прежде всего славянских, занимает особое положение в российской истории. Показательными в этом отношении являются слова бывшего посла России в Сербии А.В. Конузина: «Россия не чужая в этих землях. Она веками взаимодействовала с родственными славянскими соплеменниками, покровительствовала им, укрепляла всесторонние связи, защищала и освобождала народы Балкан от иностранного ига и оккупации. Присутствие нашей страны на этих территориях исторически оправдано» [9]. К сожалению, историческая связь России и Балкан, ее искреннее стремление в содействии безопасности и устойчивому развитию этого региона не всегда находили отражение во внешнеполитической линии российского государства.

В начале 1990-х гг. в российской внешнеполитической стратегии превалировало «выравнивание» точек зрения России по ключевым международным вопросам с мнением США и государств Европейского Союза. Период 1992–1993 гг. был временем, когда руководство России избегало ясного обозначения своих национальных интересов на международной арене, отождествляя их с интересами «сообщества мировых демократий» и убеждая своих западных партнеров, что поддержка их инициатив олицетворяет цель внешней политики России. Подтверждением тому была линия «демократической солидарности», проводимая А.В. Козыревым (министр иностранных дел России в 1990–1996 гг.) в начальный период распада Югославии в 1991–1992 гг. [10].

Россия официально признала Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Македонию одновременно с ЕС, опередив при этом Вашингтон, где тщательно продумывали этот серьезный политический шаг. Поддержка Россией хорватских и словенских сепаратистов вызвала немалое изумление в западной дипломатической среде. Руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН Е.Ю. Гуськова считает политические поступки российского руководства в отношении Югославии ошибочными, недальновидными, антинациональными, не способствовавшими урегулированию кризиса. По ее мнению, высказывания отечественных дипломатов, равно как и их поступки, были весьма противоречивыми, и у Министерства иностранных дел в отношении Югославии не было последовательной линии [11].

В то же время в контексте анализа внешнеполитических решений России по югославскому кризису необходимо учитывать совокупность всех факторов, оказывающих влияние как на политику руководства страны в целом, так и на ее внешнеполитическую составляющую. В начале 1990-х гг. в самой России наблюдались сепаратистские тенденции, вызванные как активностью националистических кругов в нестабильных регионах и солидарной с ними частью местной политической элиты, так и свежей памятью о свершившемся распаде великого совет-

ского государства. Либеральное использование принципа «права наций на самоопределение» сыграло большую роль в становлении власти Б.Н. Ельцина, который сумел таким образом обеспечить лояльность большинства российских регионов в обмен на «набор привилегий» федерального центра. В этом отношении внешняя политика России полностью дублировала внутреннюю. Ликвидация советского порядка внутри страны нашла естественное продолжение в разрушении остатков былого международного устройства, которое зиждилось на принципах, установленных и поддерживаемых СССР. Ввиду внутренних проблем внешнюю политику России в первой половине 1990-х гг., в том числе и на Балканах, нельзя охарактеризовать как активную.

В 1994–1995 гг. Россия вступила в фазу пересмотра своих внешнеполитических ориентиров, в том числе отказавшись от стратегического партнерства с США. Отчасти этому способствовало общественное мнение, которое на фоне боснийского кризиса выступило за пересмотр отношений с НАТО и противопоставление США государствам Европы с целью раскола единой западной линии. На рубеже веков Балканский кризис занимает первостепенное место в российской дипломатии. Операция НАТО начинает расцениваться Москвой как прямая агрессия, которая противоречит всем нормам и принципам международного права и подрывает основы существующего порядка на Балканах и в Европе. Министр иностранных дел России И.С. Иванов в своем интервью корреспонденту испанской газеты «Ла Гардиа» отмечал значительную поддержку позиции Президента и Правительства со стороны большей части политических сил страны, которая при всей сложности проблемы способствовала проведению единой политической линии [12]. Новая редакция военной доктрины не исключала возможности военного противодействия с использованием оружия массового уничтожения в ответ на любые попытки крупномасштабной агрессии. А. Фененко определяет отношение России к югославским событиям как «лакусовую бумажку» состояния контактов между Россией и Западом [13]. Отход от движения в фарватере других ведущих мировых держав и международных институтов, упор на достижение собственных геополитических и экономических целей представляет основное изменение российской политики на Балканах за период с 1990 до начала 2000 гг. [14].

В отношении косовского конфликта Россия выступала с поддержкой международных усилий, целью которых являлось построение в Косово демократического мультиэтнического общества на основе резолюции № 1244 СБ ООН. В рамках своего участия в работе СБ ООН и Контактной группы по Косово (Россия, Великобритания, Германия, Италия, США, Франция) Россия прилагала большие усилия по урегулированию конфликта. Причем, по мнению России, приоритетным представлялся именно переговорный процесс, который должен был послужить выработке универсального и многовариантного решения о статусе края. Россией было предложено создание «дорожной карты», которая учитывала бы обоснованные интересы всех участников конфликта и отвечала нормам международного права.

После объявления косовским парламентом независимости края МИД России выступил с кратким и недвусмысленным заявлением, согласно которому были нарушены суверенитет Республики Сербии, Устав ООН, резолюция 1244 СБ ООН, принципы Хельсинкского Заключительного акта, косовские конституционные рамки, договоренности на высоком уровне в Контактной группе [15]. При этом подчеркивалось, что решения косовских руководителей чреваты эскалацией напряженности и межэтнического насилия в крае, новым конфликтом на Балканах [16].

Говоря об итальянском измерении значимости Балканского полуострова, необходимо в первую очередь отметить Западные Балканы, которые в уже устоявшемся понимании западных ученых включают Албанию и республики бывшей Югославии [17]. Именно эта часть Балкан в силу своих политических, географических и культурных особенностей, обеспечивающих сходство этого региона с Апеннинскими, представляет стратегическую важность для внешней политики Италии [18].

Югославия в период Холодной войны играла ключевую роль в обеспечении безопасности Италии, поскольку являлась буферной зоной между Италией и странами Варшавского договора [19]. Бывший итальянский президент Ф. Коссига отмечал, что Италия должна быть вечно благодарна Югославии, без которой итальянцам пришлось бы тратить больше денег на вооружения [20]. Геополитическая ценность Балкан находит четкое подтверждение и со стороны Североатлантического альянса, который отводит Италии центральную роль в поддержании стабильности на полуострове, а сам театр Балкан рассматривает не в качестве партии с нулевой суммой, а как регион, дивиденды от обладания которым могут послужить расширению сферы евроатлантической безопасности [21].

Развитие дезинтеграционных процессов на полуострове в начале последней декады XX в. не могло остаться незамеченным для Итальянской Республики. Как уже было отмечено, в

силу географической близости все происходящее на Балканах гулким эхом отзывается на соседних Апеннинах. Пристально наблюдая за ходом югославского кризиса с момента его возникновения, итальянская дипломатия во главу угла ставила геополитические интересы страны, которые были тесно связаны с непосредственной близостью к эпицентру первого после окончания Холодной войны вооруженного конфликта в Европе. Первое время позиция Италии в отношении начавшихся центробежных движений в бывшей Югославии отличалась достаточной сдержанностью. Однако после встречи главы МИД Италии Д.Де Микелиса со своим коллегой из Германии Г. Геншером осенью 1991 г. Италия твердо стала в немецкий кильватер [22]. Одновременно Италия была связана позицией Ватикана, который выступил за признание отделившихся Хорватии и Словении.

Изучение официальных материалов МИД Италии, Итальянского атлантического комитета, других ресурсов НАТО рисует следующую трактовку событий. Гражданская война первой половины 1990-х гг. в Югославии представляется очень важным событием в геополитической игре. Итальянское руководство предпринимало тщетные попытки предотвратить кровопролитие, используя все имеющиеся инструменты и ресурсы. Италия не хотела допустить изоляцию Белграда, для чего ей приходилось сдерживать в этом стремлении западные страны, а также держать в узде внутренние призывы использовать ситуацию и вернуть «утраченные территории» Истрии [23]. Лишь после того, как итальянскому руководству пришлось признать, что уровень этнической непримиримости в регионе достиг критической отметки, чтобы урегулировать конфликт средствами дипломатии или ООН, у Италии не осталось выбора, кроме как принять участие в операциях НАТО и ЗЕС.

По словам вице-адмирала НАТО в отставке, итальянца Ф. Санфеличе ди Монтефорте, Косовский конфликт стал горьким событием для Италии, который внес раскол между ее верностью Западному клубу держав и дружбой по отношению к Сербии [24]. В то же время необходимо отметить, что свою роль сыграл огромный поток беженцев с полуострова, который оказал существенное влияние на общественное мнение западных стран и их решение на вмешательство под эгидой НАТО.

Италия, первоначально принимавшая только защитные меры по укреплению безопасности вдоль побережья Адриатики, была вынуждена предоставить свои базы для обеспечения стратегических воздушных бомбардировок, хотя и отказалась принимать в них непосредственное участие. Этот выбор стал нелегким для политического руководства страны, но альтернатива в виде отказа Италии подорвала бы всю операцию, а эффективность действий НАТО представляла для Апеннин жизненно важный интерес и позволяла сохранять определенное количество ресурсов для использования в направлении социального развития.

Летом 1999 г. на территорию Косова стали прибывать контингенты США, Великобритании, Франции, Германии и Италии. Край был разбит на сектора согласно плану НАТО. Контингент НАТО в Косово насчитывал около 50 тысяч человек. Итальянские военнослужащие взяли под контроль район г. Печ, где было размещено совместное югославско-итальянское предприятие «Застава ивеко» [25]. Данный факт позволяет сделать вывод, что зоны ответственности войск НАТО отражали экономическую заинтересованность участвовавших в операции государств.

Годы председательства Италии в Европейском Союзе поставили перед страной задачу в укреплении европейской ориентации региона и необходимости усиления политики ЕС на данном направлении. В рамках деятельности по стабилизации и объединению Италия использовала опыт, приобретенный в ходе расширения ЕС. Важным документом в этом контексте стал Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ), который был принят в Сараево 30 июля 1999 г. [26]. В Пакте отражена международная инициатива, которая соединила усилия стран Балканского полуострова, ЕС, России, США, а также большинства международных и финансовых организаций для достижения стабильности в регионе путем укрепления стран Юго-Восточной Европы в их усилиях по продвижению мира, демократии, уважения прав человека и экономического развития. В тексте документа особо отмечено значение России на Балканах [27].

В начале XXI в. Италия внесла весомый вклад в укрепление системы безопасности на Балканах. Роль Итальянской республики в поддержании мира и стабильности на полуострове закреплена военным присутствием, в рамках которого более девяти тысяч итальянских военных были размещены в государствах Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Македония и др.) [28, с. 5].

Анализируя позицию Италии по Косовскому вопросу, важно принимать во внимание тот факт, что руководство страны выступало в пользу независимости края, но в то же время предо-

стерегало мировое сообщество от поспешных шагов в этом направлении. Об этом неоднократно заявляли видные итальянские политики, в том числе премьер-министр Р. Проди. Помимо ключевой роли плана М. Ахтисаари, итальянский политик отмечал, что в решении вопросы о независимости Косово необходима единая позиция всех стран ЕС ввиду особой ответственности Европы за судьбу края и Балкан в целом [29].

Впоследствии Италия признала отделение Косово в качестве «необратимого и неизбежного акта», что вызвало горячую международную дискуссию. Посол Сербии в Риме С. Раскович-Ивич передала в МИД Италии ноту протеста и отправилась в Белград за консультациями. «Предательством, которое сложнее перенести, когда его совершает друг», назвала С. Раскович-Ивич признание Италией независимости этого сербского анклава, подчеркнув, что «выбор Италии бросил тень на наши отношения», но вместе с тем отметив, что несмотря ни на что Белград «не забудет все те годы, когда Италия оставалась дружественной страной» [30].

Подводя итог региональному вектору внешней политики Италии, направленному на урегулирование Балканского кризиса, необходимо сделать акцент на том, что период кризиса совпал с важным моментом во внешней политике страны в глобальном измерении. Несмотря на активную интеграцию Италии в систему НАТО и участие в военных и миротворческих операциях альянса, нацеленных в первую очередь на укрепление его влияния в Европе, в том числе и на Балканах, новое тысячелетие для Италии было ознаменовано сменой биполярного мира «миром протагонистов», к которым Италия причисляет и себя [31]. Балканское направление по-прежнему остается одним из ключевых сегментов ответственности Италии перед мировым сообществом. Что касается уроков, извлеченных Итальянской Республикой на Балканском полуострове, вкратце их суть отразило выступление главы (на тот момент) итальянского МИД Л. Дини на министерской встрече НАТО во Флоренции 24 мая 2000 г.: «Мы узнали из балканского опыта, что поддержание безопасности и стабильности во всей Юго-Восточной Европе должно осуществляться на региональном и целостном уровне. Италия всегда применяла этот региональный подход, основанный на взаимозависимости» [32]. В краткосрочной перспективе основные цели внешней политики Италии на Западных Балканах заключены в региональной стабилизации, восстановлении экономики, укреплении демократии и борьбе с организованной преступностью [33].

Таким образом, эскалация этнополитического кризиса на Балканском полуострове, и в частности на территории бывшей Югославии, привела к эволюции внешнеполитической линии Российской Федерации в этом регионе Юго-Восточной Европы. В начале развития кризиса русло внешней политики России определялось действиями западных держав, которые всеми способами пытались дестабилизировать геополитическую ситуацию на Балканах, чтобы впоследствии под тем или иным предлогом усилить свое присутствие на полуострове, обеспечив реализацию своих интересов. Будучи заложником внутренних проблем, Россия была вынуждена на время отказаться от прежней позиции, которую она занимала в решении вопросов на Балканском полуострове. Ближе к середине 1990-х гг. Россия пересмотрела свое отношение к сотрудничеству с Западом и в первую очередь с США. Параллельно происходило переосмысление процесса принятия внешнеполитических решений по проблемам Балкан. Посредством своего участия в переговорных органах различного уровня российская дипломатия начала продвигать свои инициативы, нацеленные на мирное урегулирование существующих конфликтов, которые встречали упорное сопротивление со стороны других игроков, ведущих сложную и противоречивую балканскую игру. Кульминацией внешнеполитического прорыва России на данном участке геополитического фронта стало решение по вопросу косовского прецедента, по которому она мгновенно заняла стойкую и однозначную позицию.

Итальянская внешняя политика в ходе Балканского кризиса не изменила своего общего вектора под эгидой НАТО, но обрела некоторую самостоятельность в принятии отдельных решений и выдвижении собственных инициатив, некоторые из которых нашли продолжение в реальных политических действиях. Распад Югославии, сопровождающийся гражданской войной, небывалым насилием, экономической разрухой и массовым притоком беженцев из региона, в очередной раз подтвердил зависимость национальной безопасности Итальянской Республики от ситуации на Балканском полуострове.

Дезинтеграционные процессы на Балканах, нанеся катастрофический урон народам, населяющим полуостров, тщательно готовились западными державами, которые по их итогам добились того, к чему стремились. Влияние Запада в данном регионе значительно возросло. В то же время упомянутые процессы помогли как России, так и Италии, пусть и немалой ценой, переосмыслить роль полуострова в европейской системе безопасности. Пожалуй, лучшим тому подтверждением с российской стороны является Концепция внешней политики Российской Фе-

дерации, принятая в 2013 г., согласно 66 пункту которой «Россия нацелена на развитие всестороннего прагматичного и равноправного сотрудничества с государствами Юго-Восточной Европы, а Балканский регион имеет для России важное стратегическое значение, в том числе как крупнейший транспортный и инфраструктурный узел» [34].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пономарева Е.Г. Балканы – реперная точка мировой политики. Взгляд из России // URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html> (дата обращения: 07.03.2016).
2. Юст. Й. Россия и конфликты на территории бывшей Югославии // URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11241> (дата обращения: 07.03.2016).
3. Пономарева Е.Г. Балканы – реперная точка мировой политики. Взгляд из России // URL: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html> (дата обращения: 07.03.2016).
4. Беблер А. Южная Европа и европейская безопасность // Вестник Европы. – 2013. – № 13. – С. 60.
5. Там же.
6. Искендеров П.А. Балканский регион в системе европейской энергобезопасности // URL: http://www.perspektivy.info/history/balkanskij_region_v_sisteme_jeuropejskoj_energobezопасности_2011-03-09.htm (дата обращения: 14.03.2016).
7. Тягуненко Л.В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века. Природа югославского кризиса // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/YUGOSLAV.HTM> (дата обращения: 15.03.2016).
8. Там же.
9. Конузин А.В. Европейская безопасность: Балканский вектор // URL: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/balkanskij_uzel_334.htm (дата обращения: 20.03.2016).
10. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm> (дата обращения: 20.03.2016).
11. Гуськова Е.Ю. Балканский кризис и позиция России // URL: http://observer.materik.ru/observer/N13_95/13_06.htm (дата обращения: 20.03.2016).
12. Иванов И.С. Интервью испанской газете «Ла Гардиа» // URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/fbffc14b2f433ca8c3256887004154a3?OpenDocument (дата обращения: 20.03.2016).
13. Фененко А.В. Балканский кризис и российские внешнеполитические приоритеты // URL: <http://ru-90.ru/content/a-fenenko-balkanskij-kризис-и-российские-внешнеполитические-приоритеты> (дата обращения: 20.03.2016).
14. Искендеров П.А. Россия и Балканы: возвращение к истокам // URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossija_i_balkany_vozvrashhenije_k_istokam_2010-02-04.htm (дата обращения: 20.03.2016).
15. Заявление МИД России по Косово // URL: http://archive.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/69E1940601A4968BC32573F20053D7F7?OpenDocument (дата обращения: 20.03.2016).
16. Там же.
17. Искендеров П.А. ЕС и Балканы: модели их взаимоотношений и интересы России // URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/jes_i_balkany_modeli_ih_vzaimootnoshenij_i_interesy_rossii_2011-09-16.htm (дата обращения: 23.03.2016).
18. Italy – Balkans Bilateral Relations // URL: http://www.esteri.it/mae/en/politica_estera/aree_geografiche/europa/balcani (дата обращения: 23.03.2016).
19. Sanfelice di Monteforte F. Italy and the Western Balkans // URL: <http://www.comitatoatlantico.it/en/studi/2957/> (дата обращения: 23.03.2016).
20. Там же.
21. De Franchis A. Italy in the Balkans // URL: <http://www.nato.int/docu/review/2000/Building-stability-Balkans/Italy-in-the-Balkans/EN/index.htm> (дата обращения: 23.03.2016).
22. Милошевич Б. О роли Германии и Ватикана в разрушении Югославии // URL: http://ruskline.ru/analitika/2010/12/17/k_voprosu_o_prichinah_razrusheniya_yugoslavii_v_90e_gody_proshlogo_veka/ (дата обращения: 23.03.2016).
23. Sanfelice di Monteforte F. Italy and the Western Balkans.
24. Там же.
25. Фокина К. Сербской оппозиции нужен миллиард // URL: <http://www.ng.ru/world/1999-10-13/serb.html> (дата обращения: 24.03.2016).
26. Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы (ПСЮВЕ) // URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2000/13.htm> (дата обращения: 24.03.2016).
27. Там же.
28. Italy and peacekeeping: Italian missions for peace in the world. Brochure of the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation of the Italian Republic. 2005.
29. Италия выступает за независимость Косово – Проди // URL: <http://old.rian.ru/world/20071203/90720437.html> (дата обращения: 24.03.2016).

30. Италия терзается из-за признания независимости Косово // URL: <http://izvestia.ru/news/419194> (дата обращения: 24.03.2016).
31. Барабанов О.Н. Внешняя политика Италии на современном этапе // URL: http://library.by/portalus/modules/politics/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1141857590&archive=&start_from=&ucat=3&category=3 (дата обращения: 24.03.2016).
32. De Franchis A. Italy in the Balkans // URL: <http://www.nato.int/docu/review/2000/Building-stability-Balkans/Italy-in-the-Balkans/EN/index.htm> (дата обращения: 23.03.2016).
33. Italy – Balkans Bilateral Relations // URL: http://www.esteri.it/mae/en/politica_estera/aree_geografiche/europa/balcani (дата обращения: 23.03.2016).
34. Концепция внешней политики Российской Федерации // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (дата обращения: 20.03.2016).

REFERENCES

1. Ponomareva E. Balkany – reперная tochka mirovoy politiki. Vzgl'yad iz Rossii. [Balkans – leveling point of world politics. View from Russia]. Available at: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html> (date of access: 07.03.2016). (in Russ.)
2. Yust Y. Rossiya i konflikty na territorii byvshey Yugoslavii. [Russia and conflicts in the territory of former Yugoslavia]. Available at: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=11241> (date of access: 07.03.2016). (in Russ.)
3. Ponomareva E. Balkany – reперная tochka mirovoy politiki. Vzgl'yad iz Rossii. [Balkans – leveling point of world politics. View from Russia]. Available at: <http://www.viaevrasia.com/ru/балканы-реперная-точка-мировой-политики-взгляд-из-россии-текст-лекции-проф-дполит-н-елена-пономарева-6-июня-2013.html> (date of access: 07.03.2016). (in Russ.)
4. Bebler A. Southern Europe and European security. [Yuzhnaya Evropa i evropeyskaya bezopasnost']. Vestnik Evropy. 2013. no. 13. P. 60. (in Russ.).
5. Ibid.
6. Iskenderov P. Balkanskiy region v sisteme evropeyskoy energobezopasnosti. [Balkan region in the European energy security system]. Available at: http://www.perspektivy.info/history/balkanskij_region_v_sisteme_jeuropejskoj_energobezopasnosti_2011-03-09.htm (date of access: 07.03.2016). (in Russ.)
7. Tyagunenko L. Soyuznaya Respublika Yugoslaviya na rubezhe XXI veka. Priroda yugoslavskogo krizisa. [Federal Republic of Yugoslavia at the turn of the XXI century. The nature of the Yugoslav crisis]. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/YUGOSLAV.HTM> (date of access: 15.03.2016). (in Russ.)
8. Ibid.
9. Konuzin A. Evropeyskaya bezopasnost': Balkanskiy vector. [European security: Balkan vector]. Available at: http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/balkanskij_uzel_334.htm (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
10. Bogaturov A. Tri pokoleniya vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii. [Three ages of Russian conception of foreign affairs]. Available at: <http://www.intertrends.ru/thirteen/005.htm> (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
11. Gus'kova E. Balkanskiy krizis i pozitsiya Rossii. [The Balkan crisis and Russia's stance]. Available at: http://observer.materik.ru/observer/N13_95/13_06.htm (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
12. Ivanov I. Interv'yu ispanskoy gazete «La Gardia». [Interview to the Spanish newspaper «La Gardia»]. Available at: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/fbffc14b2f433ca8c3256887004154a3!OpenDocument (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
13. Fenerko A. Balkanskiy krizis i rossiyskie vneshnepoliticheskie priority. [The Balkan crisis and Russian foreign policy priorities]. Available at: <http://ru-90.ru/content/a-фененко-балканский-кризис-и-российские-внешнеполитические-приоритеты> (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
14. Iskenderov P. Rossiya i Balkany: vozvrashchenie k istokam. [Russia and the Balkans: back to basics]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/rossija_i_balkany_vozvrashhenije_k_istokam_2010-02-04.htm (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
15. Zayavlenie MID Rossii po Kosovo. [Russian MFA statement on Kosovo]. Available at: http://archive.mid.ru/Brp_4.nsf/arh/69E1940601A4968BC32573F20053D7F7?OpenDocument (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)
16. Ibid.
17. Iskenderov P.A. ES i Balkany: modeli ikh vzaimootnosheniy i interesy Rossii. [EU and the Balkans: patterns of their relationship and interests]. Available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/jes_i_balkany_modeli_ik_vzaimootnoshenij_i_interesy_rossii_2011-09-16.htm (date of access: 23.03.2016). (in Russ.)
18. Italy – Balkans Bilateral Relations. Available at: http://www.esteri.it/mae/en/politica_estera/aree_geografiche/europa/balcani (date of access: 23.03.2016).
19. Sanfelice di Monteforte F. Italy and the Western Balkans. Available at: <http://www.comitatoatlantico.it/en/studi/2957/> (date of access: 23.03.2016).
20. Ibid.
21. De Franchis A. Italy in the Balkans. Available at: <http://www.nato.int/docu/review/2000/Building-stability-Balkans/Italy-in-the-Balkans/EN/index.htm> (date of access: 23.03.2016).
22. Miloshevich B. O roli Germanii i Vatikana v razrushenii Yugoslavii. [On the role of Germany and Vatican in destruction of Yugoslavia]. Available at:

- http://ruskline.ru/analitika/2010/12/17/k_voprosu_o_prichinah_razrusheniya_yugoslavii_v_90e_gody_proshlogo_veka/ (date of access: 23.03.2016). (in Russ.)
23. Sanfelice di Monteforte F. Italy and the Western Balkans.
 24. Ibid.
 25. Fokina K. Serbskoy oppozitsii nuzhen milliard. [Serbian opposition needs a billion]. Available at: <http://www.ng.ru/world/1999-10-13/serb.html> (date of access: 24.03.2016). (in Russ.)
 26. Pakt stabil'nosti dlya Yugo-Vostochnoy Evropy. [Stability Pact for South Eastern Europe]. Available at: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2000/13.htm> (date of access: 24.03.2016). (in Russ.)
 27. Ibid.
 28. Italy and peacekeeping: Italian missions for peace in the world. Brochure of the Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation of the Italian Republic. 2005.
 29. Italiya vystupaet za nezavisimost' Kosovo – Prodi. [Italy stands for the independence of Kosovo– Prodi]. Available at: <http://old.rian.ru/world/20071203/90720437.html> (date of access: 24.03.2016). (in Russ.)
 30. Italiya terzaetsya iz-za priznaniya nezavisimosti Kosovo. [Italy writhes with recognition of the independence of Kosovo]. Available at: <http://izvestia.ru/news/419194> (date of access: 24.03.2016). (in Russ.)
 31. Barabanov O.N. Vneshnyaya politika Italii na sovremennom etape. [Italian foreign policy in the modern period]. Available at: http://library.by/portalus/modules/politics/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1141857590&archive=&start_from=&ucat=3&category=3 (date of access: 24.03.2016). (in Russ.)
 32. De Franchis A. Italy in the Balkans. Available at: <http://www.nato.int/docu/review/2000/Building-stability-Balkans/Italy-in-the-Balkans/EN/index.htm> (date of access: 23.03.2016).
 33. Italy – Balkans Bilateral Relations. Available at: http://www.esteri.it/mae/en/politica_estera/aree_geografiche/europa/balcani (date of access: 23.03.2016).
 34. Kontsepsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Russian Federation foreign policy concept]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142236/ (date of access: 20.03.2016). (in Russ.)

Информация об авторе

Ратушняк Игорь Олегович, аспирант, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ratushnyak_igor@mail.ru

Получена: 19.02.2016

Для цитирования статьи: Ратушняк И.О. Проблема безопасности на Балканах: взгляд из Италии и России (конец XX в. – начало XXI в.). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 93-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-93-101

Information about the author

Ratushnyak Igor O., Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ratushnyak_igor@mail.ru

Received: 19.02.2016

For article citation: Ratushnyak I.O. Security problem in the Balkans: view from Italy and Russia (late XX – early XXI). [Problema bezopasnosti na Balkanakh: vzglyad iz Italii i Rossii (konets KhKh v. – nachalo XXI v.)]. Krasnodar. Isttoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 93-101.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-93-101

УДК 338.3(470.6) "1930/..."

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-102-107

САЛФЕТНИКОВ Дмитрий Анатольевич,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар, Россия
da.salfetnikov@mail.ru

SALFETNIKOV Dmitry A.,
Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russia
da.salfetnikov@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ
ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В
ПРОМЫШЛЕННОМ СЕКТОРЕ КУБАНИ И
СТАВРОПОЛЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ
1930-х гг.**

**PROBLEMS AND OBJECTIVES OF
MANUFACTURING PROCESS MANAGEMENT
IN INDUSTRIAL SECTOR OF KUBAN AND
STAVROPOL TERRITORIES AND THEIR
REALIZATION IN THE END OF 1930S.**

В статье рассматривается промышленное развитие аграрных регионов страны в годы третьей пятилетки и его специфические черты. Отмечено важное значение сырьевой и топливной базы Кубани и Ставрополя для экономики страны. Анализируются проблемы производственной жизни предприятий, вопросы трудовой дисциплины на них. Также выявлены процессы расширения производства с целью выпуска большего количества товаров широкого потребления, стройматериалов. Показаны достижения промышленных предприятий в предвоенные годы. Задачи, поставленные перед народнохозяйственным комплексом Краснодарского и Ставропольского краев, были, без преувеличения, грандиозными. Конечно, главный упор делался на агропромышленный комплекс, освоение топливной и сырьевой базы, из расчета на полноценное и мирное завершение третьей пятилетки. И труженики Кубани и Ставрополя, преодолевая различные производственные проблемы, создавали индустрию в особых условиях аграрных регионов. Таким образом, эти пространства включались в решение важнейших, общих для всей страны задач. Планы развития промышленности были бы выполнены, она обрела бы «второе дыхание» и новый облик. Но созидательный труд и достигнутые результаты были прерваны началом Великой Отечественной войны.

The article deals with industrial development of agricultural regions of the country in the days of the third five-year plan and its specific features. The importance of raw material and fuel sources of Kuban and Stavropol Territories for the economy of the country is noted. The problems of manufacturing process management are analyzed as well as issues of workplace discipline at enterprises. The process of expansion of production for the purpose of manufacturing more consumer goods and construction materials is revealed. The achievements of manufacturing establishments in the pre-war years are depicted. Tasks of the national economic complex of Krasnodar and Stavropol territories were, without exaggeration, grandiose. Of course, the main emphasis was placed on the agricultural sector, the development of fuel and raw material base, based on the full and peaceful conclusion of the third five-year plan. And the workers of the Kuban and Stavropol, overcoming various production problems, creating industry in the special conditions of agricultural regions. Thus, the space included in the decision key common to the whole country problems. Plans for development of the industry would be met, it acquires a "second wind" and a new look. But the creative work and the achieved results were interrupted by the Great Patriotic War.

Ключевые слова: аграрная специфика, индустриализация, источники сырья, кустарное производство, местная промышленность, модернизация, промышленные предприятия, промышленные товары

Keywords: agricultural specificity, industrialization, sources of raw materials, handicraft industry, local industry, modernization, manufacturing establishments, manufactured goods

Особенности развития промышленности аграрных краев юга России в предвоенный период, в первую очередь – Краснодарского и Ставропольского, недостаточно хорошо изучены. В контексте модернизационных процессов, происходящих в нашей стране сегодня, изучение опыта, особенностей региональной промышленной динамики в данный период представляется достаточно актуальным. Новое административно-территориальное деление на Северном Кавказе в 1937 г. обозначило и конкретизировало достижения отдельных его районов. Они были тесно связаны с проблемами и задачами промышленного строительства на третью пятилетку, причем не только с директивными решениями, но и экономическими особенностями, с потенциалом регионов.

Эти годы, как известно, были очень сложными как в экономическом, так и в политическом отношении. В жестких нажимных мерах находили свое отражение вопросы не только политические, но и те, которые были связаны с проблемами трудовой дисциплины и повышения производительности труда. Нужно учитывать, что и в начале третьей пятилетки производственную жизнь кубанских и ставропольских предприятий осложняли опоздания на работу, прогулы и текучесть рабочих кадров. На фоне обострившейся внешнеполитической обстановки (создание агрессивного Антикоминтерновского пакта в 1937 г. во главе с гитлеровской Германией, ее нападение на Чехословакию при попустительстве других западных стран) эти проблемы приобрели политический характер.

Выполнение плановых заданий в начале третьей пятилетки опиралось на более реальные цифры, хотя и по-прежнему большие. К моменту нового административно-территориального разделения именно южные регионы выглядели предпочтительно. Среди областей, краевых и республиканских управлений, трестов и наркоматов местной промышленности впереди шли: на 1-м месте – Северо-Кавказский край (выполнивший план на 122,5%), где

центральное место занимала ставропольская земля и на 6-м, после Московской области – Азово-Черноморский край с кубанскими районами (выполнивший план на 105,9%) [1, с. 1].

В декабре 1938 г. выходит постановление Совнаркома, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» [2, с. 332]. Безусловно, решение этих вопросов являлось важным фактором производственной жизни, от этого зависело и выполнение плановых заданий. В предвоенные годы внимание к этим вопросам было усиленным, а принимаемые меры – нередко весьма жесткими. Например, в одном из документов, датированном майскими днями 1939 г., инспектор труда сообщал прокурору Ипатовского района Орджоникидзевского (сейчас Ставропольского) края: «Согласно поступившим мне сведениям, директором завода «Маслопром» был допущен прогул длительностью в 2 часа 30 минут. Прошу расследовать указанные выше факты, виновных в нарушении постановления от 28 декабря 1938 г. привлечь к ответственности как за сокрытие прогула. О принятых Вами мерах и результате расследования прошу сообщить мне» [3, л. 44].

Бюрократическая система советской экономики чутко реагировала на подобные дисциплинарные проявления в жизнедеятельности промышленных предприятий. Такие отношения были продиктованы не только внутриполитическим репрессивным вектором, но и глубиной ответственности за выполнение плана трудового коллектива и частной позицией каждого его члена. Например, в августе того же, 1939, года расценочно-конфликтной комиссией при Пятигорском городском молочном заводе разбирался вопрос по жалобе кочегара Готунова о дополнительном отпуске по вредности. Заседание пришло к выводу, что, согласно положению об отпусках, дополнительным отпуском пользуются кочегары, работающие с твердым топливом при ручной загрузке. На Пятигорском же заводе кочегар работал с жидким топливом, без затраты труда на загрузку, а значит, под положение о дополнительном отпуске не подходил. В итоге ему был предоставлен только основной отпуск в 12 дней, хотя представление о том, насколько тогда был тяжел труд кочегара, мы имеем [4, л. 61].

При всех серьезных проблемах плановой экономики в масштабах того времени задачи повышения материального и культурного уровня советских граждан являлись важнейшими идеологическими приоритетами. В статье 11 Конституции СССР 1936 г. об этом говорилось так: «Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и укрепления его обороноспособности».

Выполнение плана зависело от многих факторов, временных и производственных, а Конституция «победившего социализма» появилась в год, когда всю развернулось стахановское движение. Отметим, что опыт лучших стахановцев, их приемы и способы работы не делались достоянием всех рабочих, ИТР и служащих.

Тем не менее задачи, поставленные перед местной промышленностью весной–летом 1937 г. были, прямо говоря, слишком сложными и теоретически трудновыполнимыми. Так, например, кожевенно-обувная промышленность Ставрополя вырабатывала в 1937 г. жестких кожтоваров 1 008 тонн (149% к 1936 г.), мягких кожтоваров – 9 947,2 тыс. дм. (157,3%), обуви – 640 тыс. пар (265%). Правда, оптимизм внушало прежнее перевыполнение плана краевой кожевенно-обувной промышленностью на 43,8% и введение в строй к 1937 г. новых обувных фабрик в г. Ворошиловске (Ставрополь) и Орджоникидзе [5, с. 1]. Производственная программа на начало третьей пятилетки по всем предприятиям разрабатывалась с учетом полного использования имеющихся мощностей и потенциала местной промышленности. В документах того времени констатировалось, что эта работа не во всех трестах находилась на должной высоте. Для примера можно взять Стромсиликаттрест, представитель которого выступал с заявлением о том, что программа по выпуску извести в количестве 42 тыс. тонн являлась «чрезвычайно напряженной». А работники известкового завода высказывали «иную точку зрения» [6, с. 3].

Безусловно, проявление трудовой инициативы и энтузиазма, готовности выполнять крайне трудные производственные задачи было важным фактором в деле освоения, выполнения и даже перевыполнения новых технических норм. Но еще эти задачи сопрягались с проблемами экономии сырья и полуфабриката, сокращения расходов сырья на единицу продукции, внедрения новых материалов.

Развитие промышленности в конце 30-х гг. уже не ограничивалось реконструкцией давно действующих предприятий и модернизацией тех, которые были построены в годы первых двух пятилеток. Средства массовой информации того времени активно освещали итоги промышленного строительства: «В Армавире идет строительство мощного кирпичного завода сухого прессования. В районе Краснодара ведутся разведки для строительства нового кирпичного завода».

Также в Краснодаре предполагалось открыть ателье мод, а Сочинскому отделу местной промышленности предлагалось освоить производство шкатулок, портсигаров, мундштуков из пальмы, самшита и бамбука [7, с. 127].

В рамках социалистической парадигмы это не означало тиражирования «ультракомфортных» материальных ценностей (как это происходит, скажем, в современном обществе потребления во многих странах). А означало, скорее, возросшую реальную возможность (связанную с расширением отечественного промышленного производства) удовлетворять необходимые потребности советских граждан в достаточном количестве бытовых товаров, а также относящихся к досугу и культурному времяпрепровождению. Так, в апреле 1939 г. в Краснодаре открылась фабрика модельной обуви, изготавливавшая обувь как для массового пошива – для магазинов города, так и по индивидуальным заказам. А в июне 1939 г. рядом с Краснодаром было закончено строительство гончарного завода в станице Пашковской. Завод был предназначен для выпуска гончарной посуды [8, с. 576, 579].

В отличие от Краснодарского края, где промкооперация занимала подчиненное положение по отношению к государственной промышленности (ее доля постоянно сокращалась, будучи к концу 30-х гг. незначительной), в Орджоникидзевском крае была несколько иная ситуация. Здесь кооперация базировалась в основном на кустарном производстве, где главным видом организации становились артели. Они выпускали продукцию хозяйственного назначения (натуральные красители и краски, медный купорос, скипидар, смолу, креолин, веревки из конопляных волокон и др.). Причем ассортимент ее постоянно расширялся.

Кооперативные предприятия стали заниматься и производством стройматериалов, плетеной мебели, обуви, кожизделий, сувениров, музыкальных инструментов, одежды, в том числе кавказских костюмов и бурок. То есть промкооперация Ставрополя имела сначала более ощутимые позиции в сравнении с кубанской, в силу менее развитой госпромышленности, чем на Кубани, где большая часть предметов ширпотреба выпускалась ценовыми госпредприятиями. Здесь следует заметить, что политика ценообразования, направленная на введение твердых цен, снижала конкурентоспособность кооперативных артелей, производивших продукцию массового спроса и некоторые продовольственные товары. И если общий объем капитальных работ на третью пятилетку по всей промышленности был в крае установлен в сумме 340,4 млн руб., то по кооперативной промышленности из них (на последнем месте) – только 7,21 млн руб. [9, с. 370].

Но в целом в конце 1930-х гг. промкооперация Ставрополя развивалась довольно динамично. Так, в 1938 г. здесь насчитывалось 11 тыс. кустарей-кооператоров, поставлявших свою продукцию на рынок. За этот год промартели выпустили изделий массового спроса на сумму 88 млн руб., выполнив производственный план на 103,1% [10].

Заказ же советской экономики на производство строительных материалов в предвоенные годы было трудно переоценить. В условиях форсированной индустриализации в полной мере срабатывали установки на развитие местной промышленности, приближенной к источникам сырья. Там, где она не нуждалась в подвозе сырья, топлива и продовольствия, взятых из государственных запасов. А именно этому и отвечали возможности промышленности Кубани и Ставрополя, имевшие серьезную базу ресурсов как продовольственных и топливных, так и необходимых для строительной индустрии. Разнообразные природные богатства двух этих краев имели поистине стратегическое значение.

2 февраля 1938 г. вышло Положение о Государственной плановой комиссии при СНК СССР. На нее возлагалась задача увязать в плане народного хозяйства взаимодействие добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспорта, рост производства и рост потребления, финансирования производства и его материального обеспечения. Кроме того, необходимо было осуществить правильное районное размещение предприятий, приближение к источникам сырья и к районам потребления их продукции [11, с. 215].

Последние пункты были довольно актуальными для кубанских предприятий, тем более, когда образовался Краснодарский край как самостоятельная административно-территориальная единица страны. Преимущество их заключалось в том, что они как раз и были приближены к источникам сырья.

В справке о краевой промышленности края в 1940 г. было зафиксировано, что определялись высокие темпы развития промышленности края за годы после Октябрьской революции сочетанием богатейших сырьевых и топливных ресурсов с благоприятными географическими и климатическими условиями. За этот период социально-экономический облик края резко изменился. Отмечалось, что хозяйство Кубани из года в год развивается по пути превращения края из аграрного в индустриально-аграрный, сохраняя в то же время за ним значение одной из основных сельскохозяйственных баз Союза. Фиксировались следующие показатели: «Объем выпуска продукции всех отраслей ценовой промышленности 1938 г. показывает колоссальный

рост предприятий по сравнению с 1913 г., как в части их количества (1913 г. – 193 предприятия, 1938 г. – 1 194), так и в отношении выпуска продукции (1913 г. – 117 440 т. руб., 1938 г. – 1 068 561 т. руб.). В крае были созданы десятки новых предприятий и отраслей промышленности, которых раньше не знали: районные электростанции, станкостроение, золотодобыча, дубильные экстракты, производство маргарина, шорно-галантерейное производство и т.д. По-прежнему промышленность по краю была размещена чрезвычайно неравномерно, сосредоточившись главным образом по городам края. Наиболее крупные предприятия располагались в г. Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Туапсе, Майкопе и Нефтегорске, продукция которых достигала 67% всего выпуска аналогичной продукции по стране. [12, с. 612-614]. Среди них такие значимые предприятия, как завод им. Седина (первым в стране начавший выпускать карусельные станки), литейные «Краснолит» и «Армалит», Туапсинский нефтеперегонный завод, краснодарский МЖК и армавирская беконная фабрика, цементные заводы Новороссийска.

Важность Сочинского черноморского порта подчеркивалась в первую очередь тем, что г. Сочи уже являлся всесоюзным курортом, став таковым еще с 1934 г., когда создание его курортной инфраструктуры было объявлено «стройкой пятилетки». Созидательная работа прошлых лет актуальна и для нашего времени, когда город Сочи приобрел еще и статус олимпийской столицы. Оперативность транспортных перевозок была важным условием своевременного решения промышленных задач. Автомобильный транспорт завоевал прочные позиции в экономике и повседневной жизни горожан ряда индустриально развитых стран, в том числе и в нашей. Повсеместно можно было увидеть отечественные легковые и грузовые машины марок ГАЗ, ЗИС, однако в собственном владении у граждан их почти не было. И не везде общественный транспорт мог тогда справляться с объемом пассажирских перевозок.

Проблемы становления транспортных сетей и автомобильного транспорта напрямую зависели от разработки недр и развития топливной промышленности. Например, в конце 1938 г. было подтверждено наличие высококачественного газа в районе г. Ворошиловска (Ставрополья). Вместе с тем бюро Орджоникидзевского крайкома и президиум крайисполкома отмечали, что отсутствие средств и квалифицированных кадров не позволяло вести разведку и геологическую съемку. Отсутствие необходимого оборудования не позволяло вести глубокое бурение и полностью обследовать газоносные площади. Однако проблема ворошиловского газа имела большое народнохозяйственное значение для г. Ворошиловска и значительной части края в деле создания новой топливной базы для промышленности, коммунального хозяйства и перевода автотранспорта на газ.

Конечно, важность топливной и сырьевой базы двух в общем-то аграрных краев трудно было переоценить. Это, как уже сказано, имело стратегическое значение. Краевые партийные и государственные власти обратились в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с аргументированным прошением: включить в план капитального строительства 1939 г. по линии Наркомхоза прокладку газопровода от существующих скважин к промышленным и коммунальным предприятиям. А Главгаз обязывали построить в г. Ворошиловске газонаполнительную станцию для перевода автотранспорта на газ, что для того времени было новым техническим решением [13, с. 318, 319].

Обсуждая вопросы реконструкции городского транспорта, доцент одного из краснодарских вузов А. Степанов обратил внимание на необходимость создания в третьей пятилетке городского парка таксомоторов: «Нынешнее положение с пассажирским и гужевым транспортом совершенно нетерпимо. В течение первого же года новой пятилетки следует предусмотреть приобретение 40–50 такси, с тем, чтобы к концу пятилетки число их в городе было бы доведено до 500–600 штук. К сожалению, наметки городского плана по развитию краснодарского транспорта далеко отстают от потребностей города» [14, л. 297]. Увы, этим и другим планам созидательной работы помешала война.

Следует отметить многоотраслевой характер промышленности Краснодарского края, неравномерность размещения ее предприятий и тесную связь с сельским хозяйством, выражавшуюся в приближении к источникам аграрного сырья, его переработке. Это же касалось и Ставрополья, с той только разницей, что аграрная доминанта этого края в большей степени подчиняла себе промышленные вопросы. Интересен в качестве специфической черты кубанской промышленности и факт наличия немногих, но крупных и весьма значимых для союзной экономики заводов. В предвоенные годы отмечался и рост производственного потенциала как старых реконструированных, так и новых предприятий в Краснодарском и Орджоникидзевском краях. Перспективы их успешной работы зависели не только от местной сырьевой базы и ударного труда рабочих, инженеров и управленцев, но и от развития энергетической отрасли. В Краснодарском крае перед войной еще не было создано единой энергетической сети, хотя относительно крупные электростанции были в Краснодаре, Новороссийске и других городах, появлялись мелкие электростанции в сельской местности. Это было одной из главных задач кубанской промышленности.

В Ставрополье в начале 1940 г. критике подвергались не только работа местной угольной промышленности и железнодорожного транспорта, но и электростанции Кавказской минераловодской группы. Главными причинами назывались: отсутствие внимания со стороны хозяйственников и профсоюзных организаций к развертыванию стахановского движения, к обеспечению рабочих жилищно-бытовыми и культурными условиями, текучесть кадров и слабый контроль над деятельностью администрации предприятий [15, с. 417-418].

Тем не менее, в крае успешно продвигалось строительство сельских электростанций. В эксплуатацию были сданы 5 ГЭС и 2 ТЭС. Были электрифицированы 2 МТС, 6,5 тыс. колхозных домов, 10 школ, 7 больниц. В 1942 г. должны были вступить в строй 3 промышленные ТЭЦ, 3 сельские ГЭС и главное – Невинномысская ТЭЦ и Свистухинская ГЭС. К концу пятилетки должны были построить 14 предприятий союзного значения (в основном по сельхозпереработке) и 5 – по линии республиканской промышленности; 2 железнодорожные линии. Индустриальное развитие края базировалось на использовании громадных ресурсов сельскохозяйственного сырья, леса, рудо-минеральных богатств, газов и гидроресурсов. В 1940 г. в г. Ворошиловске начиналось строительство мощного завода электроосветительной аппаратуры – подобного крупного предприятия на ставропольской земле еще не было [16, с. 371, 389, 419]. В это же время в Краснодаре уже вступил в строй новейший завод – ЗИП (выпускавший высокоточные измерительные приборы), пополнивший собой список крупных кубанских предприятий.

Задачи, поставленные перед народнохозяйственным комплексом краев, были, без преувеличения, грандиозными. Конечно, главный упор делался на сельское хозяйство, освоение топливной и сырьевой базы, из расчета на полноценное и мирное завершение третьей пятилетки. И труженики Кубани и Ставрополья, преодолевая различные производственные проблемы, создавали индустрию в особых условиях аграрного края. Таким образом, они включались в решение важнейших, общих для всей страны задач. Планы развития промышленности были бы выполнены, она обретала «второе дыхание» и новый облик. Но созидательный труд был прерван гитлеровской агрессией, начиналась Великая Отечественная война.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бюллетень Северо-Кавказского краевого управления местной и легкой промышленности. – № 1-2. – 13 февраля 1937 г.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5.
3. ГАНИСК, Ф. Р-1834, Оп.1, Д.1.
4. Там же.
5. Бюллетень Орджоникидзевского краевого управления местной и легкой промышленности. – № 5. – 3 апреля 1937 г.
6. Там же.
7. Хрестоматия по истории Кубани (1917–1967 гг.). Документы и материалы. Ч. 2. – Краснодар, 1982.
8. Екатеринбург-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. – Краснодар, 1993.
9. История Индустриализации Северного Кавказа (1933–1941 гг.) Документы и материалы. – Грозный, 1973.
10. Орджоникидзевская правда. – 9 апреля 1939 г.
11. Управление народным хозяйством СССР 1917–1940 гг. Сборник документов. – М., 1968.
12. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. – Краснодар, 1997.
13. История Индустриализации Северного Кавказа
14. ГАКК Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 46. Л. 297.
15. История Индустриализации Северного Кавказа
16. Там же.

REFERENCES

1. Bulletin of the North Caucasian regional management local and light industry. [Bjulleten' Severo-Kavkazskogo kraevogo upravlenija mestnoj i legkoj promyshlennosti.]. № 1-2. February 13, 1937
2. The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee.[KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i plenumov CK]. Vol. 5.
3. HANISCH, F. R-1834, Op.1. 1.
4. 4.Ibid.
5. Bulletin of the Ordzhonikidzevsky regional management local and light industry. [Bjulleten' Ordzhonikidzevskogo kraevogo upravlenija mestnoj i legkoj promyshlennosti.]. No. 5. April 3, 1937
6. Ibid.
7. Readings on the history of Kuban (1917-1967). Documents and materials. [Hrestomatija po istorii Kubani (1917–1967 gg.). Dokumenty i materialy.] Part 2. Krasnodar, 1982.
8. Ekaterinodar-Krasnodar. Two centuries of the city in dates, events, memories... materials for the Chronicle. [Ekaterinodar-Krasnodar. Dva veka goroda v datah, sobytijah, vospominanijah... Materialy k Letopisi.]. Krasnodar, 1993.

9. The history of the Industrialization of the North Caucasus (1933-1941 gg.) Documents and materials. [Istorija Industrializacii Severnogo Kavkaza (1933–1941 gg.) Dokumenty i materialy.]. Groznyj, 1973.
10. Ordzhonikidze true. April 9, 1939
11. Management of the national economy of the USSR 1917-1940 Collection of documents. M., 1968.
12. Krasnodar region in 1937-1941 Documents and materials. – Krasnodar, 1997.
13. The History Of The Industrialization Of The North Caucasus
14. SAKR F. R-1547. Op. 1. 46. L. 297.
15. The History Of The Industrialization Of The North Caucasus
16. Ibid.

Информация об авторе

Салфетников Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар, Россия, da.salfetnikov@mail.ru

Получена: 17.02.2016

Для цитирования статьи: Салфетников Д.А. Проблемы и задачи производственной жизни в промышленном секторе Кубани и Ставрополя и их реализация в конце 1930-х гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 102-107. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-102-107

Information about the author

Salfetnikov Dmitry A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, da.salfetnikov@mail.ru

Received: 17.02.2016

For article citation: Salfetnikov D.A. Problems and objectives of manufacturing process management in industrial sector of Kuban and Stavropol territories and their realization in the end of 1930s.. [Problemy i zadachi proizvodstvennoy zhizni v promyshlennom sektore Kubani i Stavropol'ya i ikh realizatsiya v kontse 1930-kh gg.]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 102-107. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-102-107

УДК 329.17:94(430)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-108-112

САМОХИН Александр Анатольевич,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
samalex-55@mail.ru

SAMOKHIN Alexander A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
samalex-55@mail.ru

КАНАШИНА Евгения Александровна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
jenny92_92@mail.ru

KANASHINA Evgenia A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
jenny92_92@mail.ru

НЕОНАЦИЗМ В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

NEO-NAZISM IN GERMANY: HISTORY OF RENEWAL

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме возрождения нацизма в Германии, которая представляет собой угрозу для всего мирового сообщества. Проблема исследования крайне интересна, поскольку в современном мире все чаще происходит рост нетерпимости на национальной почве, что находит отражение в создании различных националистических партий и организаций, а также в выступлении против мигрантов. Авторами статьи были выделены основные этапы развития немецкого неонацизма, а также показаны факторы, способствующие росту националистических настроений в немецком обществе. В статье представлены основные неонацистские партии и движения, отражены методы, при помощи которых неонацисты добиваются своих целей. Приведены примеры осуществления неонацистской агрессии против мигрантов в Германии. Особое внимание уделено политике властей федеративного государства относительно рассматриваемой проблемы. Авторы отмечают, что без принятия необходимых мер опасность, которую представляет собой нацизм, с каждым годом будет возрастать. В статье отмечается влияние на молодежь популяризаторов идей нацизма, а также фашизма, которые несут огромную опасность для будущих поколений. Цитируемые в статье источники подтверждают главные аспекты проведенного исследования.

The article is dedicated to the actual problem nowadays - the renewal of Nazism in Germany. This issue could be a threat to the all world Society. The relevance of this article does not raise any doubts as today there is a rapid growth of intolerance on the national basis that is a cause of foundation of different nationalist parties and organizations and could be a reason for actions against migrants. The authors of this article highlighted the main phases of development of German neo-Nazism and showed the factors that contribute to the growth of nationalist sentiment in German society. In this article there were represented the main neo-Nazi parties and movements, methods that helped Nazi to reach their goals. There are the examples of the implementation of aggression by neo-Nazi against the migrants in Germany. The special attention is devoted to the policy of the power of federal government regarding concerning issue. The authors noted the necessity of measures that should be taken, otherwise the danger of Nazism will growth year by year. The article states the influence of popularisers of ideas of Nazism and fascism to the youth which represent the great danger for the future generations. The sources that are quoted in the article confirm the main aspects of the research.

Ключевые слова: неонацизм, ксенофобия, беженцы, проблемы миграции, неонацистские движения, мультикультурализм, реваншизм, «Патриотичные европейцы против исламизации Запада» (ПЕГИДА), Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), Немецкий народный союз (ННС), «Товарищество юга»

Keywords: neo-Nazism, xenophobia, refugees, problems of migration, neo-Nazi movements, multiculturalism, revanchism, «Patriotic Europeans against the Islamization of the West», National Democratic Party of Germany, German People's Union, «Fellowship of South»

В начале XXI столетия мир столкнулся с новыми вызовами и угрозами, такими как: глобальное потепление, гонка вооружений, международный терроризм, организованная преступность, кибервойны. Серьезную проблему представляют собой рост этно-религиозных конфликтов, а также неконтролируемая миграция.

Более 70 лет прошло с момента завершения «Суда истории», Нюрнбергского процесса, вынесшего обвинительный приговор нацистским главарям и признавшего фашистскую идеологию преступной. Однако спустя десятилетия националистические идеи вновь находят отклик в современном общественном сознании.

Обращение к проблеме нацизма, равно как и неонацизма, является достаточно актуальным, поскольку в настоящее время во многих странах Европы прослеживается ситуация, во многом аналогичная обстановке 30-х гг. XX в. В современных условиях неонацизм принимает такие внешние формы, так активизирует свою деятельность в системе «Нового мирового порядка», что приобретенный со времен Второй мировой войны иммунитет по отношению к нацизму теряет свою силу. Используя логико-исторический подход и системный метод, авторы статьи предприняли попытку более детально раскрыть историю возрождения нацизма в Германии, а также рассмотреть исследуемую проблематику как целостный комплекс явлений и анализ фактов в их совокупности и взаимосвязи.

При написании статьи были использованы следующие источники: заявление канцлера Германии А. Меркель на собрании молодежной организации Христианско-демократического союза (ХДС) в Потсдаме о провале политики мультикультурализма (2010 г.), материалы совместного исследования ученых университетов Гиссена и Лейпцига о приверженности немецкого

населения идеям нацистов, статистические данные Министерства внутренних дел ФРГ (информация представлена на русскоязычных сайтах немецких новостных лент).

Авторами статьи условно было выделено три этапа развития неонацизма в Германии.

Первый этап (1945–1973 гг.) связан с ростом реваншистских настроений в послевоенное время и последовавшим за ним возникновением ультраправых партий в Западной Германии. Так, были образованы Нижнесаксонская земельная партия (с 1947 г. – Немецкая партия), Немецкая правая партия (1946 г.), первоначально лидеры которой пытались скрывать ее националистический характер, Социалистическая имперская партия (1949 г.), которая в отличие от предшествующих партий носила открытый неонацистский характер. Последующее десятилетие характеризуется перегруппировкой сил неонацистов, представляющей собой слияние нескольких политических партий.

На рассматриваемом этапе основные требования неонацистов сводились к прекращению преследования военных преступников, к реабилитации преступлений нацизма, а также к снятию с Германии ответственности за развязывание войны. Неонацисты выступали против ряда заключенных международных договоров (например, договоров ФРГ с Польшей и Советским Союзом), а также призывали к борьбе против коммунизма.

Второй этап (1973–2010 гг.) роста националистических настроений в Германии был вызван политикой федеративного государства по привлечению трудовых мигрантов, реализованной путем заключения двусторонних договоров по найму иностранной рабочей силы: в 1955 г. – с Италией, в 1960 г. – с Испанией и Грецией, в 1961 г. – с Турцией, в 1963 г. – с Марокко, в 1964 г. – с Португалией, в 1965 г. – с Тунисом и в 1968 г. – с Югославией. Данные договоры заключались на краткосрочный период, что не требовало гибкой иммиграционной и интеграционной политики и не находило противодействия со стороны немецкого населения. Обстановка стала меняться после разразившегося 17 октября 1973 г. нефтяного кризиса, спровоцированного арабско-израильской войной (6-25 октября 1973 г.), когда страны-участницы ОПЕК (Организация арабских стран-экспортеров нефти) объявили нефтяное эмбарго против стран, поддерживающих в войне Израиль. Одним из последствий нефтяного кризиса явилась экономическая рецессия, в связи с чем правительством ФРГ была приостановлена программа найма рабочей силы. Тем не менее, число иммигрантов продолжало расти, как путем легального въезда иностранных граждан, рассчитывавших на воссоединение с семьями, так и нелегального. Наплыв беженцев явился отправной точкой пересмотра немецкой миграционной политики, а также началом интеграционной политики Германии.

В 1980–1990-х гг. миграционный вопрос был связан, прежде всего, с ростом в Европе числа беженцев из районов ведения боевых действий. Германия приняла мигрантов из Палестинских территорий, турецкого Курдистана, Ирана, Ирака, Афганистана и стран бывшей Югославии, ответной реакцией на что послужила активизация деятельности в стране праворадикальных сил, участились массовые выступления против иностранцев: в 1991 г. в Хойерсверде (Саксония), в 1993 г. в Ростоке (Мекленбург-Передняя Померания) и Золингене (Северный Рейн-Вестфалия) [1]. С момента объединения Германии в 1990 г., по данным статистических сведений, было совершено около 180 убийств на почве расовой ненависти и бесчисленное количество нападения на иммигрантов.

Деятельность экстремистов в этот период характеризуется более скоординированными насильственными действиями. Так, например, немецкими неонацистами в 1993 г. в Австрии было взорвано 10 бомб, замаскированных в письмах. Среди пострадавших оказались борцы с расизмом и видные активисты за права сексуальных меньшинств. Данный террористический акт был ответной реакцией на арест неонациста Г. Кюсселя [2]. В 2003 г. была раскрыта деятельность «Товарищества юга», разрабатывавшего план осуществления взрыва на церемонии закладки камня Еврейского культурного центра в Мюнхене. В 2005 г. в связи с осуществлением поджогов семи турецких ресторанов аресту подверглись члены экстремистской организации «Freikorps Havelland» [3].

Помимо неонацистских организаций и движений, в ФРГ существуют политические партии националистического толка. Наиболее влиятельными из них являются Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) и Немецкий народный союз (ННС), которые с 1 января 2011 г. объединены в единую партию [4]. В Германии помимо НДПГ и ННС насчитывается свыше пятидесяти действующих неонацистских и неофашистских партий, большинство из которых запрещены Конституцией и законом. Это, прежде всего, Немецкая лига за народ и родину, Германский фронт язычников, Фронт Действий Национал-социалистов / Национал-Активистов, Немецкий союз верности Родине, Движение за гражданские права «Солидарность», Юная свобода и др.

Основными требованиями, выдвигаемыми лидерами ультраправых партий, являются: выход Германии из НАТО и ЕС, сотрудничество с Россией, признание выселения немцев из

Восточной Европы геноцидом. Также неонацисты выступают за борьбу против мигрантов из стран Восточной Европы, Африки и Азии.

В 2010 г. канцлер Германии А. Меркель признала провал политики мультикультурализма: «Мы не хотели бы видеть тех, кто не может сразу заговорить на немецком языке. В начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: "они у нас не останутся, когда-нибудь они уедут", но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился» [5]. Но вместе с тем, политика Германии по данной проблеме двойственна. С одной стороны, немецкое правительство заявляет о провале политики мультикультурализма, а с другой – немецкий канцлер подтвердила, что Берлин заинтересован в рабочей силе и хочет создать для приезжих хорошие условия, а также отметила, что жители Германии должны привыкнуть, что мечети становятся частью облика их городов [6].

Начало третьего этапа развития неонацизма связано с событиями так называемой «Арабской весны» (2010 г.), которые послужили причиной нового притока мигрантов в страны Европы, в частности – в Германию. Ответной реакцией на это стало возросшее с начала 2015 г. число массовых выступлений немецких неонацистов и ультраправых под антиисламскими лозунгами. Зачинщиком большинства таких акций и митингов является движение ПЕГИДА – «Патриотичные европейцы против исламизации Запада», которое представляет собой новое политическое явление. ПЕГИДА выступает за переход к другой модели миграционной политики, в качестве примеров приводя Швейцарию, Канаду, ЮАР, Австралию. По мнению членов этого движения, в Конституцию Германии должно быть включено положение, согласно которому мигранты обязаны интегрироваться в немецкое общество (стоит отметить, что ПЕГИДА не выступает против мусульман, которые интегрировались в социум). Существующие законы о миграции должны жестче соблюдаться, а нарушившие любые немецкие законы мигранты должны быть высланы из страны. Государство обязано защищать западную культуру, базирующуюся на христианско-иудейских ценностях, а также выделять больше средств на полицию и интеграционные службы. В то же время ПЕГИДА подчеркивает, что помощь беженцам – это часть западной культуры [7].

По мнению социолога Д. Рухта, «для большинства сторонников ПЕГИДА проблема заключается не только в исламе и мусульманах. Многие европейцы испытывают страх за свое будущее, страх, что они не выдержат конкуренции с мигрантами, потеряют рабочее место. На этом фоне у многих из них растет недоверие к традиционной политике, что играет на руку правым популистам» [8].

Следствием неуклонного роста числа мигрантов в разных районах страны стало возросшее число нападения на общежития для беженцев и проведение демонстраций против иммигрантов. Зачастую неонацисты инициируют столкновения с полицией. Согласно информации министерства внутренних дел ФРГ, к 173 (85%) из 202 зарегистрированных нападения за первые шесть месяцев 2015 г. причастны правые экстремисты и неонацисты [9]. Помимо открытых выступлений и столкновений неонацисты используют в своей практике возможности сети Интернет, а также предпринимают попытки распространить свое влияние через массовую культуру. В действиях неонацистов делается ставка и на политические мотивы. Это касается, прежде всего, проводимых маршей, уличных акций, посвященных годовщинам бомбежек немецких городов в годы Второй мировой войны. Как правило, центром таких акций становится Дрезден, полностью разрушенный англо-американской авиацией.

Учеными из университетов Гиссена и Лейпцига было проведено совместное исследование с целью выявления электоральной базы неонацистов. В результате были получены следующие данные: «каждый пятый избиратель Национально-демократической партии Германии, республиканцев или Германского народного союза не имеет работы. При этом 80% электората этих партий – мужчины. Для сравнения: у левых эта доля составляет 62%, у свободных демократов – 53%. А среди приверженцев социал-демократов и христианских демократов женщины вообще преобладают – 51% и 54% соответственно. О «зеленых» и говорить нечего: мужчин среди их сторонников всего 37%.

Можно отметить и достаточно низкий уровень образования приверженцев правых экстремистов. Только каждый десятый из них окончил полный курс школы. У «зеленых» этот барьер преодолели 35% избирателей, у свободных демократов – 24%, а у ХДС/ХСС – лишь 14%. Избиратели крайне правых в основной массе люди небогатые. Пятая часть из них располагает месячным доходом менее тысячи евро. У сторонников ХДС/ХСС и СвДП таких только 10%. «Зеленые» и свободные демократы могут считаться партиями хорошо зарабатывающих людей: их приверженцы имеют доходы заметно выше среднего» [10].

В завершение, говоря о факторах, способствующих возрождению неонацизма в современной Германии, стоит отметить проблемы в социально-экономической и политико-идеологической сферах, такие как: проблема рождаемости и, как следствие, нехватка рабочих рук, компенсировать которую можно за счет привлечения трудовых мигрантов; неравномерное развитие Западной и Восточной Германии (разный уровень заработной платы, безработицы и т.д.); оказываемая правительством финансовая «поддержка» беженцев, вызывающая недовольство немецкого населения (в пользу беженцев сокращают различные денежные надбавки, что наносит удар по благосостоянию многих немцев, зависящих от социальной помощи); нежелание значительной части мигрантов интегрироваться в немецкий социум, а также попытка навязать европейскому обществу свои порядки (агитации против празднования Рождества, требования введения дресс-кода для европейских девушек и даже создание исламских патрулей). Представители второго и третьего поколения мигрантов – люди, выросшие на Западе, но испытывающие кризис идентичности, поскольку полностью европейским обществом они не приняты, что способствует их вовлечению в террористические группировки (события в Париже в ноябре 2015 г., в Брюсселе в марте 2016 г.). При этом политика официальных властей Германии, направленная на поддержку мигрантов, идет вразрез с интересами немецкого общества, прямым следствием чего является рост националистических настроений.

Возрождение неонацизма – серьезная угроза современному миру. Безусловно, оставлять без внимания данную проблему ни в коем случае нельзя, поскольку без принятия необходимых мер опасность, которую представляет собой неонацизм, будет только расти. Популяризация идей нацизма, а также фашизма оказывает влияние на молодежь, что несет огромную опасность для будущих поколений.

Историю не изменить, ее надо знать. Важно из истории извлекать уроки, с тем чтобы в будущем не допустить повторения прежних ошибок и преступлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Методические рекомендации по использованию международного опыта обеспечения безопасности образовательной среды для педагогических работников сферы общего, среднего профессионального и дополнительного образования [Электронный ресурс] // URL : http://mgimo.ru/upload/docs_6/2014-09_sec-edu_metod-rec.pdf (дата обращения: 15.03.2016).
2. *Лалин А.А.* Правый радикализм в Германии (Политический анализ) [Электронный ресурс] // URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2FCyberLeninka.ru%2Farticle%2Fn%2Fpravyy-radikalizm-v-germanii-politicheskiy-analiz.pdf&name=pravyy-radikalizm-v-germanii-politicheskiy-analiz.pdf&lang=ru&c=56ef14e374d2&page=1> (дата обращения: 21.03.2016).
3. Там же.
4. Ультраправые ФРГ между реваншем и иммигрантами [Электронный ресурс] // URL : <http://www.pravda.ru/world/europe/european/08-05-2011/1075963-deutschland-0/> (дата обращения: 21.03.2016).
5. Меркель признала провал политики мультикультурализма [Электронный ресурс] // URL : <http://www.euromag.ru/germany/4330.html> (дата обращения: 21.03.2016).
6. Меркель заявила о провале мультикультурализма [Электронный ресурс] // URL : http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (дата обращения: 21.03.2016).
7. *Тоганова Н.В.* О движении ПЕГИДА и проблемах миграционной политики в ФРГ [Электронный ресурс] // URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1468 (дата обращения: 10.03.2016).
8. Как движение Pegida манипулирует страхами немцев [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dw.com/ru/какдвижение-pegidаманипулируетстрахами-немцев/a18137793> (дата обращения: 11.03.2016).
9. В Германии участились нападения на общежития для беженцев [Электронный ресурс] // URL : <http://www.dw.com/ru/в-германии-участились-нападения-на-общежития-для-беженцев/a-18604699> (дата обращения: 21.03.2016).
10. Кто голосует за правых экстремистов? [Электронный ресурс] // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/853294/> (дата обращения: 14.03.2016).

REFERENCES

1. Methodological recommendations for using international experience in ensuring safety of educational environment. [Metodicheskie rekomendatsii po ispol'zovaniyu mezhdunarodnogo opyta obespecheniya bezopasnosti obrazovatel'noy sredy dlya pedagogicheskikh rabotnikov sfery obshchego, srednego professional'nogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya]. Available at: http://mgimo.ru/upload/docs_6/2014-09_sec-edu_metod-rec.pdf (accessed: 15 March 2016). (in Russ).
2. *Lapin A.A.* The Right-wing politics radicalism in Germany (political analysis). [Lapin A. A. Pravyy radikalizm v Germanii (Politicheskiy analiz)]. Available at: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2FCyberLeninka.ru%2Farticle%2Fn%2Fpravyy-radikalizm-v-germanii-politicheskiy-analiz.pdf&name=pravyy-radikalizm-v-germanii-politicheskiy-analiz.pdf&lang=ru&c=56ef14e374d2&page=1>

- politicheskiy-analiz.pdf&name=pravyy-radikalizm-v-germanii-politicheskiy-analiz.pdf&lang=ru&c=56ef14e374d2&page=1(accessed: 21March 2016). (in Russ).
3. Ibid.
 4. Far Right-wing politics FRG between the revanche and immigrants. [Ul'trapravye FRG mezhdru revanshem i immigran-tami]. Available at: <http://www.pravda.ru/world/europe/european/08-05-2011/1075963-deutschland-0/> (accessed: 21March 2016). (in Russ).
 5. Merkel acknowledged the failure if multiculturalism. [Merkel' priznala proval politiki mul'tikul'turalizma]. Available at: <http://www.euromag.ru/germany/4330.html> (accessed: 21March 2016). (in Russ).
 6. Merkel claimed about the failure of multiculturalism. [Merkel' zayavila o provale mul'tikul'turalizma]. Available at: http://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed (accessed: 21March 2016). (in Russ).
 7. Toganova N.V. About the PEDIDA movement and the problems of migration politics in FRG. [O dvizhenii PEGIDA i problemakh migratsionnoy politiki v FRG]. Available at: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1468 (ac-cessed: 10 March 2016). (in Russ).
 8. How the PEDIDA movement manipulates the fears of german. [Kak dvizhenie Pegida manipuliruet strakhami nemtsev]. Available at: <http://www.dw.com/ru/какдвижение-pegidаманипулируетстрахами-немцев/a18137793> (accessed: 11 March 2016). (in Russ).
 9. There is the frequency of attacks to refugees in Germany. [V Germanii uchastilis' napadeniya na obshchezhitia dlya be-zhentsev]. Available at: <http://www.dw.com/ru/в-германии-участились-нападения-на-общезития-для-беженцев/a-18604699> (accessed: 21 March 2016). (in Russ).
 10. Who votes for right wing politics extremists? [Kto golosuet za pravykh ekstremistov?]. Available at: <http://newsland.com/news/detail/id/853294/> (accessed: 14 March 2016). (in Russ).

Информация об авторе

Information about the author

Самохин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
samalex-55@mail.ru

Samokhin Alexander A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
samalex-55@mail.ru

Канашина Евгения Александровна, студентка 2 курса магистратуры, кафедра новой новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
jenny92_92@mail.ru

Kanashina Evgenia A., 2nd -year Masters Student, Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
jenny92_92@mail.ru

Получена: 18.02.2016

Received: 18.02.2016

Для цитирования статьи: Самохин А.А., Канашина Е.А. Неонацизм в Германии: история возрождения. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 108-112.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-108-112

For article citation: Samokhin A.A., Kanashina E.A. Neo-Nazism in Germany: history of renewal. [Neonatsizm v Germanii: istoriya vozrozhdeniya]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. Pp. 108-112.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-108-112

УДК 93

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-113-116

СВЕРЖЕВСКАЯ Мария Ильинична,
Новосибирский государственный университет,
г. Новосибирск, Россия
mariasver@ngs.ru

SVERZHEVSKAYA Maria I.,
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
mariasver@ngs.ru

**СОВЕТ ПО ИЗУЧЕНИЮ
ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ АН СССР:
ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА
ВОСТОКЕ СТРАНЫ В 1931–1940 ГОДАХ**

**COUNCIL FOR STUDY OF PRODUCTIVE
FORCES OF ACADEMY OF SCIENCES OF
THE USSR: *EXPEDITIONARY ACTIVITIES* FOR
STUDY OF EASTERN TERRITORIES
IN 1931–1940**

Совет по изучению производительных сил (СОПС) был создан Академией наук СССР в 1930 г. на базе ранее существовавшего академического учреждения, имевшего схожие задачи, - Комиссии по изучению естественных производительных сил. На протяжении трех последующих десятилетий Совет занимался комплексным изучением природных ресурсов страны. В момент своего создания СОПС подразделялся на два сектора – территориальный и тематический. В задачи тематического сектора, первым председателем которого стал один из основоположников физико-химического анализа академик Н.С. Курнаков, входили организация, руководство и планирование исследовательской работы по изучению производительных сил в лабораториях и институтах Академии наук. Территориальный сектор, находившийся под началом геохимика и минералога академика А.Е. Ферсмана, осуществлял общее руководство, организацию и проведение экспедиционных изысканий в отдельных регионах СССР. В соответствии с территориями, подлежащими комплексному изучению, в состав сектора входили Европейская, Крымско-Кавказская, Казахская, Средне-Азиатская, Урало-Сибирская, Якутская и Дальневосточная секции. Статья посвящена экспедиционным исследованиям СОПС в восточной части страны, которые являлись приоритетным направлением его деятельности в 1930-е гг.

Council for Study of Productive Forces was established by Academy of Sciences of the USSR in 1930 on the basis of pre-existing division of the Academy of Sciences, which had similar goals, - Commission for Study of Natural Productive Forces. At the time of its inception, the Council was divided into two sectors - the territorial and thematic. The thematic sector problems, the first chairman of which was one of the founders of physical and chemical analysis of Academician N. Kurnakov, included the organization, management and planning of research work on the study of the productive forces in the laboratories and institutes of the Academy of Sciences. Regional sector is under the geochemist and mineralogist Academician Fersman provided overall guidance, organization and conduct of the expedition surveys in selected regions of the USSR. In accordance with the territories subject to the integrated study, in the sector were Caucasian, Crimea-Caucasus, Kazakh, Central-Asian, Ural-Siberian, Far-Eastern and Yakutsk section. Over the next three decades the Council studied the country's natural resources. The article is devoted to the *expeditionary activities of the Council in the 1930s*.

Ключевые слова: Совет по изучению производительных сил, Академия наук, изучение восточных территорий

Keywords: Council for the Study of Productive Forces, Academy of Sciences, study of eastern territories

Академия наук приступила к комплексному изучению производительных сил страны в 1915 г., когда по инициативе выдающегося российского ученого В.И. Вернадского была учреждена Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). На протяжении пятнадцати лет Комиссия участвовала в организации экспедиций, конференций и совещаний по вопросам производительных сил, а также занималась изучением природных ресурсов в рамках собственных научных подразделений. Подавляющее большинство академических экспедиций этого периода работали в европейской части страны [1].

На рубеже 1920–1930-х гг. Академия наук пошла на обширную внутреннюю реорганизацию, обусловленную резко усилившимся в этот период давлением на нее со стороны государственной власти. Одним из элементов такой реорганизации стало создание в 1930 г. Совета по изучению производительных сил (СОПС), который был призван доказать способность Академии наук войти в научное сопровождение основных проектов экономического развития страны. С помощью СОПС Академия наук стремилась обосновать свое право на существование и получение государственного финансирования. Совет (вплоть до его передачи в сентябре 1960 г. в ведение Госэкономсовета при Совете министров СССР) занимался организацией и проведением масштабных комплексных изысканий в сфере изучения производительных сил. В статье рассматриваются особенности экспедиционной деятельности СОПС, являвшейся ключевым компонентом академической активности в восточных регионах СССР в 1930-е гг. Источниками рассмотрения темы послужили документы Архива РАН, а также материалы, представленные в научной периодике.

В первые же месяцы своего существования СОПС включился в разработку крупных народнохозяйственных проектов, наиболее значительным из которых стала государственная программа по созданию на востоке страны второй угольно-металлургической базы, получившая название проблемы Урало-Кузбасса. В соответствии с принципами планирования научной работы Академии наук, утвержденными Общим собранием в конце 1930 г., исследования в Сибири стали приоритетным направлением деятельности СОПС [2]. Академик В.П. Волгин, выступая

на годовом собрании Академии наук 2 февраля 1931 г., подчеркнул, что для разработки проблемы Урало-Кузбасса СОПС «должен использовать все возможные источники материального и персонального обеспечения этих исследований, он должен доказать на этом частном примере не только готовность, но и способность Академии наук активно содействовать делу социалистического строительства на одном из его ответственных участков» [3].

Исходя из этих установок, в начале 1930-х гг. СОПС практически полностью сконцентрировался на изучении восточных территорий, в особенности – Западной Сибири. Благодаря колоссальному объему выделенных средств, количество проведенных на востоке страны экспедиций резко возросло по отношению к предшествующим годам. Сумма ассигнований на исследование Сибири в 1931 г. составила 2 млн руб., в то время как общий бюджет экспедиционных исследований Академии наук насчитывал 2,8 млн руб. [4]. Заказчиком и основным источником финансирования экспедиционных работ выступал НКТП (до 1932 г. ВСНХ СССР). В общей сложности в период с 1931 по 1934 гг. на средства НКТП Совету удалось организовать семнадцать экспедиций по изучению производительных сил восточных регионов СССР, пять из которых проводили изыскания, связанные с Урало-Кузнецким комбинатом. Наиболее масштабными и продолжительными экспедициями СОПС, работавшими в этом направлении, стали Кулундинская комплексная экспедиция (1931–1934 гг.) под руководством будущего академика и основателя Института неорганической химии СО АН СССР А.В. Николаева и Алтайско-Кузнецкая геохимическая экспедиция (1931–1934 гг.) под руководством профессора П.И. Лебедева.

В 1931 г. объем экспедиционных работ в Западной Сибири достиг своего пика и в последующие годы начал неуклонно снижаться, что стало особенно очевидным уже в 1933 г. Если в 1932 г. размер ассигнований на экспедиционные изыскания в этом регионе уменьшился по отношению к предшествующему году всего на 10% (с 1 млн 22 тыс. руб. до 900 тыс. руб.), то в 1933 г. он составил только 40% от бюджета предыдущего года (364 тыс. руб.) [5]. Резкое снижение объемов финансирования со стороны НКТП частично обуславливалось тем, что к этому моменту основной комплекс предприятий Урало-Кузнецкого комбината уже был пущен в строй, в связи с чем ведомство больше не было заинтересовано в продолжении академических изысканий в западносибирском регионе. Кроме того, ключевым фактором, повлиявшим на взаимоотношения Академии наук и Наркомата, стал взаимный эффект «завышенных ожиданий», возникший в процессе работы экспедиций. НКТП ожидал от Академии наук максимально оперативной обработки полученных материалов и составления технико-экономических обоснований производственного использования экспедиционных результатов. Академия наук, в свою очередь, получив возможность работать в ранее малодоступном для себя регионе, была нацелена на многолетние исследования преимущественно теоретического характера, которые ведомство не планировало финансировать. В ситуации с НКТП Академия наук не смогла выдержать конкуренцию с отраслевыми научными учреждениями, в большей степени нацеленными на оперативное решение прикладных задач.

В 1933 г. Академия наук перенесла центр тяжести своих исследований на новую комплексную проблему – изыскания в районе Байкало-Амурской магистрали. Теперь основное внимание СОПС переместилось на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири. В ходе Байкало-Амурской комплексной экспедиции (1933–1935 гг.), заказчиком которой выступал ГУЛАГ, СОПС проводил ряд исследований, необходимых для проектирования и строительства железнодорожной магистрали. Байкало-Амурская комплексная экспедиция стала самой крупной как по объему финансирования, так и по количеству вовлеченных в нее научных работников. Согласно договорам, заключенным между БАМЛАГ и СОПС, стоимость экспедиционных работ составила 1,383 млн руб. в 1933 г. и 1,357 млн руб. в 1934 г [6]. Тем не менее, несмотря на два успешно проведенных полевых сезона, новый договор с БАМЛАГ в 1935 г. заключен не был. В случае с Байкало-Амурской экспедицией также имело место взаимное несоответствие ожиданий. Академия наук нацеливалась на «переход к систематическому комплексному изучению всего района» [7], которое заказчик не был готов финансировать.

К середине 1930-х гг. СОПС осуществил переход от отраслевых к крупным комплексным экспедициям, которые являлись более перспективными в плане получения государственного финансирования. Общее число экспедиций постоянно сокращалось, при этом количество отрядов в них увеличивалось (в 1931 г. СОПС организовал 47 экспедиций, а к 1940 г. их количество сократилось до трех [8]). С этой общей тенденцией связано значительное сужение тематического разнообразия экспедиционных работ СОПС. Если в 1931 г. в структуре полевых исследований присутствовало значительное количество специализированных антропологических, лингвистических и ботанических экспедиций, то уже в 1932 г. они, уступив место изысканиям преимущественно геологического профиля, полностью исчезли из экспедиционного плана, поскольку Академия наук не могла привлечь для их финансирования необходимые средства. В дальнейшем ботанические, почвенные, зоотехнические, экономические отряды включались в состав некоторых крупных комплексных экспедиций.

Во второй половине 1930-х гг. в условиях значительного сокращения ведомственных ассигнований СОПС занялся поиском новых источников финансирования и существенно активизировал сотрудничество с руководством отдельных республик и областей. Заинтересованность региональных властей в финансировании экспедиционных изысканий обуславливался тем, что такие исследования подготавливали научное обоснование для промышленного освоения их территорий. В частности, при участии Западно-Сибирского крайплана была организована Ойротская комплексная экспедиция (1935-1937 гг.) под научным руководством академика В.А. Обручева. Однако, несмотря на успешные примеры подобного рода сотрудничества, региональные бюджеты не могли стать для СОПС достаточно устойчивым и долгосрочным источником финансирования, в результате чего Академия наук в конце 1930-х гг. была вынуждена практически полностью свернуть экспедиционные изыскания на востоке страны.

Резкое снижение экспедиционной активности СОПС в Сибири и на Дальнем Востоке было связано с общей переориентацией государственных органов на приоритетное развитие потенциала западных регионов СССР в условиях надвигающейся войны. Согласно постановлению СНК СССР «О научных экспедициях Академии Наук в 1938 г.» от 14 июля 1938 г., Академия наук должна была в первую очередь приступить к изучению минеральных, лесных, сельскохозяйственных энергетических и гидрологических ресурсов Урала, Европейской равнины СССР и Кавказского хребта. В 1938 г. СОПС проводил несколько крупных комплексных экспедиций, в числе которых Уральская, Кавказская, Центрально-Европейская, Туркменская и Центрально-Казахстанская. В восточной части страны в предвоенные годы работала только одна крупная экспедиция – Якутская (1938–1939 гг.).

Несмотря на целый ряд трудностей, связанных в основном с постоянной необходимостью изыскивать новые и удерживать уже существующие источники финансирования, экспедиционная деятельность СОПС в восточных регионах страны в 1930-е гг. была довольно успешной. Академия наук смогла на практике доказать свою эффективность в научном сопровождении таких актуальных народнохозяйственных проектов, как Урало-Кузбасс и БАМ, и способность максимально оперативно включаться в их реализацию.

На всем протяжении 1930-х гг. СОПС отрабатывал механизмы внешнего взаимодействия с заказчиками исследовательских работ в лице крупных ведомств и региональных властей, а также внутреннего взаимодействия с руководством Академии наук и другими академическими учреждениями, от степени лояльности которых также во многом зависело получение Советом финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Полученный опыт позволил СОПС в послевоенные годы успешно продолжить организацию и проведение крупных комплексных изысканий, в том числе на территории Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ферсман А.Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи. – Л., 1929. – 38 с.
2. Вестник АН СССР. – 1931. – № 1.
3. Академия наук СССР за четыре года 1930–1933. Речи и статьи неперменного секретаря акад. В.П.Волгина. – Л., 1934. – 118 с.
4. Дедюшина Н.А. Академия наук и проблема Урало-Кузбасса // Академия наук и Сибирь. – Новосибирск, 1977. – С. 187-201.
5. Вестник АН СССР. – 1934. – № 2.
6. АРАН. Ф. 174. Оп. 5а. Д. 15. Л. 45
7. Совет по изучению производительных сил Академии наук СССР. Деятельность в восточных регионах. Документы и хроника. 1930–1960. Сост.: С.А. Красильников, Л.И. Пыстина, И.Н. Ильина, Т.В. Сорокина, М.И. Свержевская, Ю.И. Узебова. – Новосибирск, 2013. – 476 с.
8. АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 84. Л. 28-29.

REFERENCES

1. Fersman A.E. USSR Academy of Sciences expedition activity and its objectives. [Jekspedicionnaja dejatel'nost' Akademii nauk SSSR i ee zadachi] Leningrad, 1929. 38 p.
2. Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. 1931. № 1.
3. The USSR Academy of Sciences for the four years 1930-1933. Speeches and Articles of Permanent Secretary Acad. V.P.Volgin. [Akademija nauk SSSR za chetyre goda 1930-1933. Rechi i stat'i nepremennogo sekretarja akad. V.P.Volgina] Leningrad, 1934. 118 p.
4. Dedyushina N.A. Academy of Sciences and the problem of the Ural-Kuzbass. [Akademija nauk i problema Uralo-Kuzbassa]. Academy of Sciences and Siberia. Novosibirsk, 1977, pp. 187-201.
5. Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. 1934. № 2.
6. ARAN. F. 174. Op. 5a. D. 15. L. 45

7. The Council for Study of Productive Forces of the USSR Academy of Sciences. Activity in the eastern regions. Documents and Chronicle. 1930-1960. [Sovet po izucheniju proizvoditel'nyh sil Akademii nauk SSSR. Deyatel'nost' v vostochnykh regionakh. Dokumenty i hronika]. Comp.: S.A. Krasilnikov, L.I. Pystina, I.N. Ilyin, T.V. Sorokina, M.I. Sverzhevskaya, Y.I. Uzbekova. Novosibirsk, 2013. 476 p.
8. ARAN. F. 174. Op. 26. D. 84. L. 28-29.

Информация об авторе

Свержевская Мария Ильинична, аспирант, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
mariasver@ngs.ru

Получена: 12.02.2016

Для цитирования статьи: Свержевская М.И. Совет по изучению производительных сил АН СССР: экспедиционная деятельность на востоке страны в 1931-1940 годах. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 113-116.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-113-116

Information about the author

Sverzhevskaya Maria I., Postgraduate Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
mariasver@ngs.ru

Received: 12.02.2016

For article citation: Sverzhevskaya M.I. Council for study of productive forces of Academy of Sciences of the USSR: expeditionary activities for study of eastern territories in 1931-1940. [Sovet po izucheniyu proizvoditel'nykh sil AN SSSR: ekspeditsionnaya deyatel'nost' na vostoке strany v 1931-1940 godakh]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 113-116.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-113-116

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-117-120

СИМОНЯН Амаяк Рудикович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
amayak.simonyan@mail.ru

SIMONYAN Amayak R.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
amayak.simonyan@mail.ru

ВЛИЯНИЕ АРМИИ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРЦИИ (1920-е – НАЧАЛО XXI в.)

INFLUENCE OF THE ARMY ON POLITICAL PROCESSES IN TURKEY (1920 - BEGINNING OF XXI CENTURY)

В статье рассматривается процесс исторического противостояния армии и светских властей Турецкой Республики с момента ее создания в 1923 г. до начала XXI в. Основная мысль данной статьи заключена в том, что Турция переживает очень сложный, глубокий и системный кризис отношений разных структур власти в стране – официальной гражданской политической, с одной стороны, которая все больше склонится к исламу, и военной – с другой, что всеми силами старается соблюсти принципы светскости Мустафы Кемалю (Ататюрка). Турецкое общество уже давно свыклось с проявлениями той активности, что демонстрировала турецкая армия в течение многих десятилетий на арене политической жизни государства. Окрепнув и почувствовав свои силы, военная основа Турции во главе с высшим командованием Генерального Штаба страны еще с 1930-х гг. смотрела на себя как на полноценного гаранта внутренней стабильности и территориальной целостности страны и как на блюстителя идеологического наследия Мустафы Кемалю (Ататюрка). В свете вышеизложенного автор, рассматривая особые, самые значимые моменты отношений противостояния армии и светских властей, пытается показать причину столь сложной иерархии, при которой армия была избавлена от политического контроля, а политическая власть была подконтрольна надзору военных в рамках того исторического периода с 1923 г. по начало XXI в. Но события последних лет, и прежде всего растущее влияние исламизма, серьезно поколебали привычный порядок вещей, и иерархия подчинения и властвования внутри политической жизни Турции перешла под полный контроль гражданских структур.

The article deals with the process of the historical confrontation of the army and the secular Republic of Turkey since its inception in 1923 until the beginning of the twenty-first century. The main idea of the content of this article lies in the fact that Turkey is going through a very complex, deep and systemic crisis of relations of different structures of power in the country- civil official policy on the one hand, which is increasingly tending towards Islam and military - on the other, that is struggling to keep principles of secularism of Mustafa Kemal (Ataturk). Turkish society has long been accustomed to the manifestations of the activity that has demonstrated the Turkish army for many decades in the arena of political life. Getting stronger and feeling its power, the military base of Turkey, led by the supreme command of the General Staff of the country since the 1930s, he looked upon himself as a guarantor of full internal stability and territorial integrity of the country and as guardian of the ideological heritage of Mustafa Kemal (Ataturk). In light of the foregoing, the author, considering the special, the most significant moments of relations Army confrontation and secular authorities, trying to show the reason for such a complex hierarchy, in which the army was spared from political control and political power was controlled by the oversight of the military in the framework of the historical period of 1923 to the beginning XXI century. But the events of recent years, and especially the growing influence of Islamism, seriously shaken the usual order of things, and the hierarchy of subordination and dominion within the political life of Turkey came under the full control of civil structures.

Ключевые слова: армия, военный переворот, власть, республика, светскость, реформы, политическая борьба

Keywords: army, military coup, power, republic, secularism, reform, political struggle

Основателем Турецкой Республики является дивизионный генерал Мустафа Кемаль, прозванный впоследствии Ататюрк (отец турок). Первый президент республики М.К. Ататюрк с самого начала объявил армейские структуры вне политики и отстранил их от участия во всяких политических процессах, передав эту привилегию правящей в стране Народно-Республиканской партии (НРП). Однако при этом интересы армии, а точнее, ее верхушки подавлены не были, ибо половина партийной элиты, как и часть представителей партийно-бюрократического аппарата, состояла из бывших военных. Таким образом, напрямую армия не могла влиять на ход политического развития страны, однако бывшие генералы, выходя в отставку, получали возможность участвовать в реформах, проводимых К. Ататюрком и его соратниками.

Тем самым, создав новую Турцию, провозгласив ее республикой, М. Кемаль возложил функции по охране ее принципов на армию. К. Ататюрк всегда говорил о том, что республика в Турции основана только на воле народа и армии [1].

По сути, ключевое значение в борьбе за независимую Турцию, как с внешним врагом, так и с врагами внутри страны, К. Ататюрк придавал армии. Армия в молодой Турецкой республике была единственным институтом, сохранившим дисциплину, структурную и организационную иерархию, а также относительную стабильность. В армии не должно было допускаться никаких центробежных тенденций и раскола по политическому признаку, так как в противном случае мощная сила и опора молодого государства потеряла бы всякую эффективность. Именно опора на силу и влияние армии позволила провести столь невиданные для Турции того времени перемены в сторону вестернизации, подмены религиозной сущности общественного самосознания на гражданскую, замены шариатских судов гражданскими, отделение церкви от государства и т.д. Было провозглашено светское государство. К. Ататюрк отводил большое место армии в

социально-политической жизни общества, позиционируя ее как свою опору, на самом деле функции армии не ограничивались лишь охраной целостности и независимости государства от внешних и внутренних угроз. Отец турецкой нации изначально наделил ее двойной функцией. На протяжении долгого периода тяжело и со скрипом создавалась Турецкая Республика. Нужно было многое поменять, и не только в основах политического устройства [2]. Нужно было создать нового гражданина республики, необходимо было поломать сознание турка-обывателя и сформировать новое светское сознание. И как ни странно, именно армия в этом выступила важнейшим катализатором в обществе, сохраняя и дополняя собой все нововведения К. Ататюрка. Несмотря на развал империи, отдельные части армии сохранились, а затем стали очагами сопротивления во время национально-освободительной борьбы против европейских интервентов. Впоследствии они вошли во властную систему Турции, участвуя в различных политических партиях и движениях. Исторический опыт, приобретенный армией и офицерством в годы распада империи и создания национального государства, впоследствии окажет серьезное влияние на дальнейшее развитие политических процессов в республиканский период истории Турции. В переломные моменты сохранению армии способствовала ее иерархическая структура, а также статус «государства в государстве».

Спустя некоторое время после смерти К. Ататюрка (10 ноября 1938 г.) положение в стране можно было охарактеризовать как стабильное. Но после Второй мировой войны Турция втягивается в военно-политические блоки и оказывается замешана в Холодной войне в качестве союзника США. К тому времени на политической арене появляется новая партия – Демократическая партия (ДП), которая включилась в борьбу с НРП за власть. Борьба была жесткой и нередко сопровождалась покушениями, демонстрациями и убийствами оппонентов. На фоне политической неустойчивости экономическое положение в стране все более и более ухудшалось, порождая недовольство населения, выражавшееся в частых митингах. В такой тяжелой обстановке, следуя заветам М. Кемаля, во имя сохранения стабильности и демократии в мае 1960 г. армия совершает первый военный переворот. В результате по решению военных правительство было свергнуто, заседание парламента было приостановлено до следующих выборов. В 1961 г. в стране была разработана новая Конституция, а некоторые политики, виновные, по решению военного руководства, в ухудшении положения в стране, были преданы казни. Так военные впервые показали себя в качестве реальной политической силы внутри государства.

Однако к 1971 г. положение в стране вновь стало ухудшаться как в экономическом, так и в политическом отношении: резко усилились экстремистские радикальные движения, ухудшалось экономическое положение, проводились массовые забастовки [3]. Анализируя состояние армии в обществе того времени можно прийти к заключению: во-первых, среди генералитета не было четких представлений о целесообразности прямого вмешательства в политические дела; во-вторых, на фоне роста экстремизма и неформальных общественных объединений армия не желала обострять и без того сложную социальную ситуацию. Высший военный совет не осуществил очередного военного переворота, хотя повод был, да и опыт имелся. Он лишь ограничился предъявлением жесткого меморандума парламенту и правительству с требованием о наведении порядка в стране, роспуска неэффективного и формирования нового надпартийного правительства, также проведения в духе кемализма необходимых реформ. В случае невыполнения требований Военный совет (ВС) оставлял за собой право вмешаться в сложную политическую обстановку. В историю Турции это событие вошло как меморандум ВС от 12 марта 1971 г. В результате к 1973 г. было сформировано подконтрольное военным правительство, куда входили как представители ведущих партий, так и беспартийные политики, которых назначали и контролировали военные. А сами военные провели ряд арестов экстремистов, ввели цензуру, запретили забастовки и митинги. И тут мы видим, что целесообразность непрямого вмешательства армии в политику себя полностью оправдала и в очередной раз явила обществу реальную силу военных в стране.

Но военные «в духе заветов Кемаля» оставили подконтрольное себе правительство до октября 1973 г., затем позволили провести очередные выборы [4]. В результате за период 1973–1980 гг. сменилось семь министерских кабинетов, а мировой нефтяной кризис тех лет еще больше усилил сложности в экономике. Активизировались радикалы, вновь вступил в силу политический террор, начались кровавые религиозные столкновения. Кризис все более нарастал, даже несмотря на призыв высшего военного командования от 2 января 1980 г. объединить усилия различных политических партий. 12 сентября 1980 г. военные осуществили в Турции государственный переворот, взяв на три года власть в свои руки. Этот переворот был весьма примечательным явлением. Во-первых, военные выступили с единой позиции (не разделяясь на консерваторов и реформистов), во-вторых, они обратили внимание на сложные экономические проблемы в стране [5]. В частности, была введена «Программа экономической стабилизации», подготовленная советником премьер-министра Т. Озалом незадолго до переворота [6]. Благодаря содействию Совета национальной безопасности стало реальным провести в 1980-е

гг. экономические реформы – были проведены важнейшие экономические преобразования в духе ограничения вмешательства государства в экономику, перехода от импортозамещающей к экспортоориентированной экономике, увеличения денежных вливаний иностранных инвестиций, поощрения крупного и конкурентоспособного предпринимательства, развития аграрной программы [7]. Наступившие и предрекшие политический закат Т. Озалу 1990-е гг. привели к глубоким изменениям в турецком обществе. В экономическом плане они были потерянными десятилетием. Синонимом экономических реформ стали приватизация и либерализация. Сменявшие друг друга правительства урезали социальные расходы в соответствии с предписаниями МВФ. Это привело к ухудшению государственного образования и здравоохранения. Не оказывалось серьезной социальной поддержки борьбе с прогрессирующей бедностью. Началось создание новых, более радикальных исламистских партий. В то же время военные активизировали свою деятельность по запрету политических партий с полной конфискацией их имущества, под всяким предлогом арестовывали лидеров политических организаций, проводили серию антитеррористических операций в различных областях государства [8].

В середине 90-х гг. XX в. к власти в стране пришла происламская Партия благоденствия (ПБ), что очень насторожило армию с ее ревностным отношением к светскости. ПБ многими своими действиями вызывала сильное недовольство в среде армейской верхушки, и 27 февраля 1997 г. на заседании Совета национальной безопасности (СНБ) военные выдвинули правительству требования остановить фундаменталистскую пропаганду. Армия провозгласила лаицизм в опасности и, как следствие, передала Н. Эрбакану список из 20 антиисламистских мер, среди которых, в частности, были: отказ от всех мусульманских нововведений, ведение борьбы против исламского фундаментализма, признание Н. Эрбаканом светского характера государства и другие. Реакция премьер-министра, хоть он и признал публично правомочными основания «20 требований», все же была более чем сдержанная, скорее пассивная, что и сказалось на дальнейшем развитии событий [9]. В июне 1997 г. под непрекращающимся давлением президента, Турецкого союза промышленников и предпринимателей (ТСПП) и армии коалиционное правительство Эрбакана-Чиллер было вынуждено уйти в отставку. А в январе 1998 г. Конституционный суд Турции принял решение о роспуске Партии благоденствия. Более того, Н. Эрбакану запретили заниматься политической деятельностью сроком на 7–10 лет с момента вынесения приговора с последующим снятием со всех занимаемых им государственных постов. Эта ситуация вошла в историю как второй бескровный военный переворот в Турции.

Таким образом, армия в Турции всегда выступала в роли гаранта стабильности и порядка в стране в соответствии с принципами М.К. Ататюрка. Не могло быть и речи об отступлении от идеологии, заложенной основателем республики, и в этом отношении явно прослеживаются уверенные действия военных на протяжении XX в., с момента установления республиканского строя в Турции. Череда военных переворотов показала неспособность гражданского правительства обеспечить поступательное движение общества, поэтому армия не раз брала бразды правления в свои руки, проводила ряд оздоровительных мер и уходила в казармы, а власть передавалась в руки гражданского правительства (при этом организаторы военных переворотов уходили с действительной военной службы, становились гражданскими политиками).

В процессе проведенного анализа состояния армии в турецком обществе было выявлено, что армия в Турции до недавнего времени выполняла координирующие и стабилизирующие функции в развитии политической системы страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Саркисян С. Эволюция турецкой армии в контексте политических изменений в стране // 21 ВЕК. – № 5 (25). – 2012. – С. 74–75.
2. Данилов В. Турция 20-30-е годов: путь к демократии // Восток. – 1997. – № 2. – С. 58–67.
3. Старченко Г. Двести лет вестернизации Турции // Азия и Африка сегодня (ААС). – 2000. – № 6. – С. 25–31.
4. Киреев Н.Г. История Турции XX век. – М., 2007. – С. 408.
5. Розалиева Ю. Экономическая история Турции. – М., 1980. – С. 68.
6. Вартаньян Э.Г. История Турции. – Краснодар, 2014. – С. 468.
7. Озал Т. Турция в Европе // Простор. – 1993. – № 1. – С. 173–186.
8. Старченко Г.И. Турция: роль армии в общественно-политической системе // ААС. – 1984. – № 7. – С. 34.
9. Киреев Н.Г. Метаморфозы политического ислама // ААС. – 2003. – № 6. – С. 17–23.

REFERENCES

1. Sargsyan S. Evolution of the Turkish army in the context of the political changes in the country. [Evolutciya tureckoi armii v kontekste politicheskikh izmenenii]. "21st CENTURY", № 5 (25), 2012. Pp.74-75. (in Russ.).

2. *Danilov V.* Turkey 20-30 th years: the path to democracy. [Turciya 20-30 godi: put k demokratii]. East. 1997. № 2. Pp. 58-67. (in Russ.).
3. *Starchenkov G.* Two hundred years of Westernization in Turkey. [Deti let westernizacii]. Asia and Africa today (AAS). 2000. № 6. Pp. 25-31. (in Russ.).
4. *Kireev N.G.* History of Turkey XX century. [Istoriya Turcii XX vek.]. Moscow, 2007. P. 408. (in Russ.).
5. *Rozalieva Yu.* Economic history of Turkey. [Ekonomicheskaya istoriya Turcii]. Moscow, 1980. n.o. P. 68. (in Russ.).
6. *Vartanyan E.G.* The history of Turkey. [Istoriya Turcii]. Krasnodar, 2014. No. P. 468 (in Russ.).
7. *Ozal T.* Turkey in Europe. [Turciya v Evrope]. Prostor. 1993. №1. Pp. 173-186. (in Russ.).
8. *Starchenkov G.I.* Turkey: Army role in the socio - political system. [Turciya: rol armii v obshchestvenno-politicheskoi zschizni]. AAS. 1984. № 7. P. 34. (in Russ.).
9. *Kireev N.G.* Metamorphosis of political Islam. [Metamorfozi politicheskogo islama]. AAS. 2003. № 6. Pp. 17–23. (in Russ.).

Информация об авторе

Симонян Амаяк Рудикович, аспирант, кафедра новой, новейшей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
amayak.simonyan@mail.ru

Получена: 14.02.2016

Для цитирования статьи: Симонян А.Р. Влияние армии на внутривнутриполитические процессы в Турции (1920-е – начало XXI в.). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 00 - 00.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-117-120

Information about the author

Simonyan Amayak R., Postgraduate Student, Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Kuban State University, Krasnodar, Russia
amayak.simonyan@mail.ru

Received: 14.02.2016

For article citation: Simonyan A.R. Influence of the army on political processes in Turkey (1920 - beginning of XXI century). [Vliyaniye armii na vnutripoliticheskie protsessy v Turtsii (1920-e – nachalo XXI v.)]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 00 - 00.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-117-120

УДК 37.013.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-121-127

ХОТКО Самир Хамидович,
Адыгейский республиканский институт гуманитарных
исследований имени Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Россия
inalast@mail.ru

KHOTKO Samir Kh.,
Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches
named after Kerashev,
Maikop, Russia
inalast@mail.ru

**ЭТНОНИМИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ
НАИМЕНОВАНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ:
НА ПРИМЕРЕ ПОРТОЛАНА ПЬЕТРО
ВЕСКОНТЕ 1318 ГОДА**

**ETHNONYMIC AND TOPONIMIC NAMES OF
THE NORTH-WEST CAUCASUS IN
HISTORICAL SOURCES: ON EXAMPLE OF
PORTOLAN (NAUTICAL MAP) OF PIETRO
VESKONTE, 1318**

Первая карта Черного моря, которая адекватно отображала контуры его берегов, была создана генуэзцем Пьетро Весконте в 1311–1318 гг. Она содержит ряд названий поселений и гаваней, которые были основными пунктами генуэзско-кавказской торговли. Вместо одной «страны» – Зихии, самого крупного этнотерриториального объединения Северо-Западного Кавказа этого периода, Весконте указал две Зихии – Черную и Белую. Цветовая символика в территориальной структуре единого пространства была основана на характере взаимоотношений с верховной властью хана Золотой Орды. Кроме этого главного критерия существовал также и критерий политического устройства: области с княжеской властью считались белыми, а демократически управляющиеся горские общества – черными.

Автор статьи предлагает новую этимологию топонима Анапа, которая впервые употреблена в 1479 г. османским историком Кемалпашазаде. Анапа, предположительно, является турецким искажением итальянского названия Мапа. Эта последняя форма использовалась в массе итальянских источников XIV–XV вв. и, вполне вероятно, восходит к греческой первооснове эмпорий или эмпорион («торговая площадь», «торговый город») через латинскую (италийскую) форму Мাপариум, которая эпизодически использовалась как полное название Мапы.

Адыги на протяжении XVI–XVIII вв. усвоили османскую форму этого топонима, и она стала восприниматься как типичное для адыгского языка сложное слово по причине полного соответствия его морфемной структуры нормам словообразования адыгского языка.

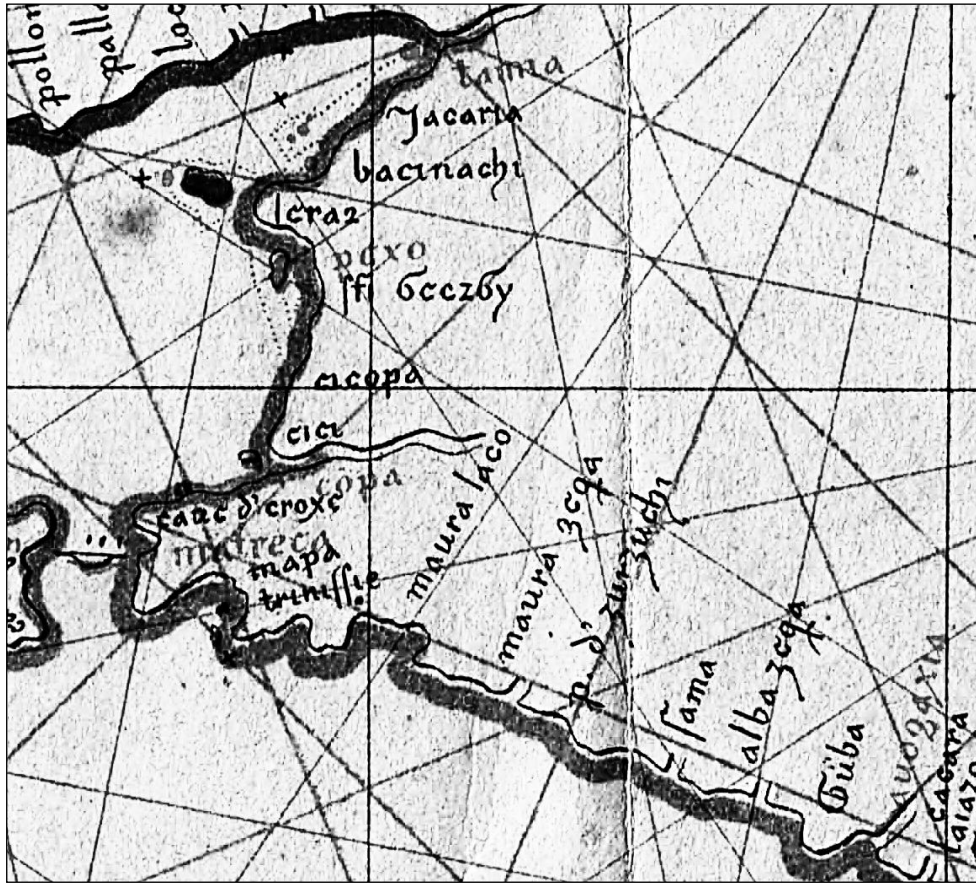
The first map of the Black Sea that adequately reflected the outlines of its shores, was the one established by Genoese Pietro Vesconte in 1311–1318. It contained a number of names of settlements and harbors, which were the main points of the Genoese-Caucasian trade. Instead of the single "country" – Zikhia, the largest ethno-territorial union of the North-West Caucasus during that period, Vesconte pointed two Zikhias – Black Zikhia and White Zikhia. The colour symbolism of the territorial structure of the one space was based on the nature of the relationship with supreme authority of the khan of the Golden Horde. Beside that main criterion there was the criterion of political order: areas under the princes' ruling were considered as white ones, and mountain communities administrating in democratic ways – as black areas. The author proposes a new etymology of the toponym "Anapa", which had been used for the first time in 1479 by Ottoman historian Kemalrashade. Anapa, presumably, was a Turkish distortion of the Italian name "Mapa". That latter form was used in numerous Italian sources of the XIV–XV centuries and quite probably related to the Greek primal word – "emporion" or "Emporion" ("market square", "commercial city") through the Latin (Italic) form "Maparium", which was occasionally used as the full name of Mapa. During the XVI–XVIII centuries Circassians learned the Ottoman form of the toponym and it began to be perceived as the typical for Circassian language compound word due to the full compliance of its morphemic structure to the word formation rules of Circassian language.

Ключевые слова: портолан, Черная Зихия, Белая Зихия, Мапа, эмпорий, Анапа

Keywords: portolan, Black Zikhia, White Zikhia, Mapa, emporium, Anapa

Одним из наиболее важных видов источников, формирующих наше представление об историческом и культурном облике Северо-Западного Кавказа XIV–XV вв., являются географические карты. Практически все существующие памятники такого рода созданы европейскими картографами. Как раз в эту историческую эпоху европейская географическая картография и географическое знание как таковое проделало путь от первых навигационных карт (портоланов) до масштабных и весьма точных географических карт значительных пространств [1, с. 35]. Бассейн Черного моря был изучен достаточно основательно в последней трети XIII в. благодаря тому, что этот регион стал интенсивно осваиваться итальянскими государствами.

Первый из известных портоланов Черного моря, созданный одним из основателей генуэзской картографической школы Пьетро Весконте в 1311–1318 гг., не только правильно очерчивает контур кавказского побережья, но уже содержит целый ряд наименований приморских пунктов. С портоланом Весконте можно ознакомиться в РГБ, где есть итальянское издание в виде небольшого альбома 1871 г. [2]. Альбом состоит из семи снимков, без нумерации страниц или снимков. Черное море представлено вторым снимком. Качество копий в альбоме плохое; может быть, это дефект первоначального фотографического копирования либо дефект типографского воплощения. Тем не менее все надписи можно прочесть. Это именно тот портолан 1318 г., который предложен здесь в виде перерисовки XIX в.

Портолан Петра Весконтe, 1318 г. Фрагмент. Petrus Vessconte d'Janua fecit istas tabulas anno Dom. M. ccc. XVIII. Внизу листа следующая информация: Факсимиле карты Черного моря Петра Весконтe 1318 г. Литография Г. Ульриха. Гравер Ильин. Одесса. № 61.

http://papacoma.narod.ru/maps/portolan_vesconte_1318.htm

На побережье Зихии Весконтe отмечает девять названий: Matreca (Матрика, Матрега, совр. Тамань), Мара (Мапа, Мапарิโอ, Мапариум, совр. Анапа), Trinissie (Триниссия, совр. Цемес), Maura Iaso (Маура Лако, Черное озеро, совр. Геленджик), Maura Zeqa (Мауро Зихия, или Черная Зихия, район Туапсе), р. d'Zurzuchi (порт де Зурзуки, у Фредуче Анконского porto de Susaco), Sama (Sanna, вероятно, указание на р. Цаньк), Alba Zeqa (Альба Зихия, район Сочи), Guba (C. de Cubba у Фредуче, район между Сочи и Хостой). Гагра (Cacara) указана уже в границах Абхазии (Auogaxia).

Различие черных и белых зихов было, по всей вероятности, территориально-ландшафтным и социальным, так как институт княжеской власти, скорее всего, угасал по мере продвижения в горы. Это подразделение на белых и черных зихов нашло отражение в представлении Галонифонтибуса о белых и черных черкесах: «Страна, называемая Зикийей или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда никем не управлялись, и они имеют своих собственных глав. В стране нет городов, равнины там небольшие и горы, которые тянутся до самых Каспийских гор, очень высоки. Здесь живет две группы народов: белые и черные черкесы (в оригинале *tarcasi* – прим. С.Х.). Слово "черный" означает только название народа (фактически, части народа, группы населения – прим. С.Х.), но не говорит о цвете их кожи. Горцы именуются черными, а те, что живут в долинах и на побережье моря, – белыми таркасами» [3, с. 16–17].

Согласно Галонифонтибусу, «черными зихами (черкесами)» считались горцы. В таком случае Белая Зихия должна быть помещена с двух сторон черкесского пространства: первая – на Таманском полуострове и на прикубанской равнине; вторая – в сочи-адлерском районе, где существует значительная приморская низменность, замыкающаяся Гагринским хребтом, за которым начинается еще большая равнинная территория Абхазского княжества.

Разобраться в традиции придания цветовой символики разным частям одной страны помогает работа Г. Диттена. Деление Руси на Белую и Черную, а также еще и Червонную (Красную) определялось тремя основными факторами: географическим расположением (белый цвет – запад или север, черный – юг и восток, красный – юг); формой государственного устройства, когда княжества (Москва, Киев, Ростов) относили к Черной Руси, а Белой Русью считался русский север под управлением аристократической республики Новгорода; но в XIV–XV вв. наиболее определяющим обстоятельством было отношение к верховной власти татарского царя. В этом плане закономерно, что Великое княжество Московское стало считаться Белой Русью, начиная с правления Ивана III [4, с. 64–65].

Можно полагать, что Черная Зихия получила такое название в связи с зависимым от Золотой Орды положением. В таком случае под Черной Зихией надо понимать всю Зихию, кроме ее самой южной части, населенной абазинами и убыхами. Это и есть Альба Зихия (Джикия, бывшая грузинская провинция), которая в силу географической изолированности могла считаться независимой от власти татарского хана. При этом в социокультурном и, надо полагать, военно-политическом отношении она была частью Зихии (Черной Зихии), что очевидно как на материале нарративных, так и археологических источников [5, с. 103–111; 6, с. 30].

Цветовое разделение черкесского пространства стало своего рода картографическим клише в портолановской традиции XIV–XV вв. и эпизодически воспроизводилось в XVI–XVII вв. Так, на карте Жана Шардена (1643–1712), французского путешественника и дипломата, побывавшего в 1672 г., на пути в Иран, в Мегрелии и Имерети, на территории Западной Черкесии отмечено: «Pars Circassiane quae a Turcis dicitur *Cara Cherces* i.e. *Circassia nigra*», так как «Часть Черкесии, называемая турками *Кара Черкес*, т.е. Черная Черкесия». Выше Главного хребта отмечено «*Circassia Septentrionalis*» – «Черкесия Северная». Выше Абхазии отмечено «*Pars Circassia dicta Abcas*», т.е. «Часть Черкесии, называемая Абхазией» [7].

Белая Черкесия вынесена Шарденом за пределы Северного Кавказа. Она помещена им на территорию Украины: «*Circassia Alba*» и «*Pars Poloniae*» («Черкесия Белая» и «Часть Польши» соответственно). Знание о том, что на восточных польско-литовских территориях локализуется некое черкасское население (запорожское украинское казачество, часто именовавшееся в русских источниках черкасами), и факт того, что они, в отличие от черкесов Кавказа, не входят в состав Османской империи (и Крымского ханства), порождает стремление нанести на карту «Белую Черкесию» на Днепре. Такое же представление, но без цветовой нагрузки, оживает у анонимного английского писателя (на которого ссылался Н. Витсен), который подчеркивал, что по Борисфену (Днепру) проживают «вольные черкесы», изгнавшие своих князей [8, с. 90–91].

И.К. Фоменко приводит варианты написания Зихии в различных европейских картах: *Zichia*, *Zechia*, *Zicchia*, *Zychya*, *Zaquia*, *Zega*, *Zaquea*, *Çaguia*, *Cichia*, *Mauro Zichia* (при множестве вариаций, *Mauro Ziquia*, *Maurazica*, «Черная Зихия»), *Alba Zichia* (вар.: *Alba Ziquia*, *Albasequia*, «Белая Зихия») [9, с. 73].

Trinissie Висконте стоит в одном ряду с другими подобными названиями этого отрезка побережья на различных портоланах: *Ternisia*, *Tenegia*, *Teinici*, в которых Ф. Брун усматривал р. Цемес, впадающую в Новороссийскую бухту. Для малопонятного *Zurzuchi* (*porto de Susaco*, *Sussaco*) Брун предлагает параллель в названии Суксу, которое приводит Челеби в XVII в. [10, с. 419–421]. Заметим, что челебиевское Суксу (Соуксу) хорошо подходит к названию р. Шуюк (Шуук), немногим восточнее Туапсе (после Шепси). *Cuba* может быть сопоставлена с топонимом Цуба – наименованием населенного пункта в устье реки Худапс (Кудепста).

Sama указана у И. Потоцкого, работавшего с оригиналом портолана Висконти, как *Sanna*. Кроме того, Потоцкий отмечает, что на всех других известных портоланах отмечена форма *Sanna* [11, с. 57]. Вероятно, это местный гидроним Цанык, поскольку сразу к востоку от Сочи это единственное название с основой цан/сан. Цанык является крупной рекой и главным притоком Мацесты, впадающим в нее недалеко от моря с западной, ближе к Сочи, стороны. Учитывая это обстоятельство, мы должны согласиться с замечанием Потоцкого о том, что Висконте ошибся, когда поместил *Sanna* выше (западнее) Альбы Зихии и что на всех остальных портоланах этот пункт указан сразу за Альба Зихией.

Sanna может отражать местный этноним саниги, который известен с античных времен и еще эпизодически использовался в средневековых источниках. По всей видимости, под санигами следует понимать абазинское общество, вошедшее в состав Джикии (Джигетии, Садза). Так, в 1191 г. в составе войска Вардана Дадияни, министра двора, который описывается как «безраздельный владыка [земли] до Никопсии», фигурируют не только абхазы, но и саниги и кашаги. Дадияни собирался восстановить на престоле Георгия Боголюбского, первого супруга царицы Тамары. В «Истории и восхвалении венценосцев» об этом сообщается таким образом: «Со-

брал [он] всю Сванетию, Абхазию, Саэгро, Гурию, Самокалако, Рачу, Таквери и Аргвети, и, соединив силы санигов и кашагов, заставил вельмож и воинство страны присягнуть на возведение русского [князя] на престол и за признание его царем» [12, с. 51]. По очередности упоминания видно, что саниги и кашаги не являются подданными Дадияни, но могут быть вовлечены, по всей видимости, как наемники, в его политический проект. Саниги должны быть сопоставлены с садзами, а кашаги – с касогами-адыгами [13, 20]. Поскольку речь идет не только о грузинском, но и о мегрельском восприятии региона, то надо вспомнить, что еще в XVII в. Алегуко Шогенуков, старший князь Казыевой Кабарды, воспринимался в Мегрелии как «Кашакский царь» (Кашак-мепе) [14, с. 95].

Интересно, что Висконте не поместил общего названия Зихия, но ограничился двумя локальными – Черная и Белая Зихии. Это можно счесть простым упущением в рамках не слишком внимательного подхода к ситуации внутри континента. Все-таки составителя навигационной карты в основном интересовал контур побережья.

Происхождение названия Анапа. На портолане Висконте 1318 г. на месте Анапы отмечено поселение Мапа (*mapa*). Ф. Брун перечисляет 10 портоланов XIV–XV вв., включая Висконте, на которых отмечено название *mapa* [10, приложение].

В генуэзской переписке XIV–XV вв., как правило, употребляются такие формы, как Мара, и реже – *Maraġium* [15, с. 84]. Таким образом, Мара – это сокращенный вариант от *Maraġium*. Данное название является связующим звеном с исходной формой – латинским (италийским) словом греческого происхождения *emporion* «торговая площадь, рынок, торговый город» [16, с. 282]. Эмпорий (греч. *Emporion*, ἑμπορίον) – торговый центр или порт; место (или местность), служившее складом для товаров, перевозившихся по морю. На месте эмпория часто основывались колонии [17, с. 781]. Для основания Эмпориона или Эмпориума на месте Анапы были весьма внушительные исторические предпосылки в лице античного полиса Горгиппия. А.В. Гадло отмечает процесс деградации бывших античных городов в V–VI вв. в крупные «торжища-эмпории, через которые осуществлялась связь Византии с кочевыми объединениями северокавказской степи и коренным оседлым населением предгорий» [18, с. 200].

Превращение *Эмпориума* в *Мапариум* с последующим сокращением *Мапа* – вполне соответствует другим искажениям римских и греческих названий в средние века.

Форма *Анапа* впервые появляется в последней четверти XV в. в османском отчете об экспедиции в Черкесию в 1479 г.: Кемалпашазаде сообщает о захвате османским десантом двух крепостей в Черкесии – *Кубы* (Копы) и *Анабы* (Мапы) [19, с. 467–468].

Таким образом, название Анапа, согласно предложенной версии, – османское искажение более старого италийского названия, которое, в свою очередь, исказило старое греческое (византийское) наименование. Вполне вероятно, что названием Анаба / Анапа анатолийские турки пользовались задолго до своих походов на Кавказ. Десантная экспедиция снаряжалась не в неизвестность, а для захвата определенных пунктов черкесского побережья. Этих, предшествующих походу, документов у нас нет, но, вполне вероятно, таковые существуют в турецких архивах.

Здесь надо обратить внимание на целый ряд турецких названий городов и самой Анатолии, которые в большинстве своем восходили к греческим топонимам. Так, греческое название Малой Азии – Анатолия (греч. ἀνατολή) – было прочно усвоено в турецкий язык в виде *Anadolu* (тур. *Anadolu*). Ангиря или Анкира (греч. Ἀγκυρα, то есть якорь) – в виде *Ангора* и потом *Анкара* (тур. *Ankara*). *Анталья* (тур. *Antalya*) восходит к греческому *Атталия*, столице царя Пергама *Аттала*. *Амасыя* (тур. *Amasya*) – к греческому топониму Ἀμάσεια. *Антакья* (тур. *Antakya*) – к *Антиохии* (Антиохия-на-Оронте, лат. *Antiochia*).

Адыги на протяжении XVI–XVIII вв. усвоили османскую форму этого топонима, который стал восприниматься как типичное для адыгского языка сложное слово (анэ+пэ «стол+нос/мыс») по причине полного соответствия его морфемной структуры нормам словообразования адыгского языка [20, с. 10].

Учитывая, что –пэ в адыгском языке имеет также значение «устье» и маркировало как нижнюю часть реки, так и часто противоположную ее впадению в другую реку местность, то *Анапэ* внешне полностью соответствовало этой модели образования гидронимов и топонимов. Примеры такого рода весьма многочисленны: *Буупэ*, *Берендуапэ*, *Псезуапэ*, *Лабапэ*, *Афипсип*, *Мыекъопэ*, *Фарзапэ*, и т.п. [21, с. 161; 22, с. 254–255].

Тем не менее в случае с топонимом Анапа у нас нет ни одного нарративного или фольклорного свидетельства в пользу того, что это был изначально гидроним, что существовало название реки Ана (*Анапэ*). Современная речка Анапка названа так не по адыгской основе, а по

названию крепости и города. Адыгское же название реки – Бугур (Бхгур у Хан-Гирея) [23, с. 80; 24, с. 177]. Характерно, что 91-летний шапсуг в ауле Агой (Карповка) в 1929 г. считал Анапу турецким названием, а адыгским – Бугур-кале [21, с. 131].

Выводы. Нарративных источников по истории Северо-Западного Кавказа периода работы П. Висконте (первая треть XIV в.) крайне мало. Это повышает значимость столь точного картографического источника, как портолан Висконте. Он дает представление о территории Зихии, позволяет даже некоторым образом заглянуть во внутреннее устройство этого этнокультурного пространства. Достаточно большая номенклатура наименований вдоль азовского и черноморского побережья, часть которой – итальянская, часть – греческая и кавказская (адыгская и абазинская), свидетельствует об интенсивности торговых связей Генуи с Северо-Западным Кавказом. Привлечение исторических и лингвистических данных, связанных с адыгами и абазинами, позволяет объяснить большую часть наименований, нанесенных Висконте на дистанции зихского (черкесского) лимеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Фоменко И.К.* Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. – М.: Индрик, 2011. – 424 с.
2. *Visconte Pietro.* Fac-simile del portolano di P. Visconte di Genova 1318. Venezia, 1871. Российская государственная библиотека. Отдел картографических изданий. Ku 53/VII-5.
3. *Галонифонтибус И.де.* Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». – Баку: Элм, 1980. – 43 с.
4. *Диттен Г.* Известия Лаоника Халкокондила о России // Византийский временник. – № 46. – 1962. – С. 51–94.
5. *Воронов Ю.Н.* Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар, 1979. – 112 с.
6. *Василиненко Д.Э.* Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху средневековья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009. – С. 27–31.
7. *Joan Chardin.* Ponti Euxini cum Regionibus versus Septentrionem et Orientem. Adjacentibus Nova Tabula. A^o. 1672. Bibliothèque nationale de France. URL: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/83/Jean_Chardin%2C_Anthony_De_Winter._Ponti_euxini_cum_regionibus_versus_sptentrionem_et_orientem_adjacentibus_nova_tabula._1672.jpg
8. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
9. *Фоменко И.К.* Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII–XVII вв. // Причерноморье в средние века / Под ред. С.П. Карпова: Вып. 5. – М., СПб.: Алетей, 2001. – С. 40–94.
10. *Брун Ф.* Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 9. – Одесса, 1875. Отд. III. – С. 410–428. Приложение: Топографическая таблица Восточного берега Черного моря по периплу Безымянного и по компасовым картам в сравнении с нынешними.
11. Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии, составленная графом Иваном Поттоким // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. Изданный Г. Спаским. – М.: В Университетской типографии, 1850. – С. 31–94.
12. Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Пер. и прим. Г.А. Амичба. – Сухум, 1986. – 88 с.
13. *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.
14. *Lamberti Archangelo.* Relatione della Colchide, hoggi detta Mengrellia. Napoli, 1654. 240 p. + 15 страниц без нумерации в начале книги.
15. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. – Т. 3. – С. 72–129.
16. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 846 с.
17. Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XL^A. – СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1904. – 954 с., 2 стр. оглавление приложений и рисунков.
18. *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2004. – 362 с.
19. *Kemal Pasazade Ahmed ibn Süleyman.* Tevârih-i Al-i Osman. VII Defter. (Tenkidli transkripsiyon). – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1957. – 598 s.
20. *Ган К.Ф.* Опыт объяснения кавказских географических названий // Сборник для описания местностей и племен Кавказа. Т. 40. – Тифлис: Типографии: Канцелярии Наместника Его Императорского Величества на Кавказе и К. Козловского, 1909. Отдел III. – С. 1–164.
21. *Джанашиа С.* Черкесские дневники. – Тбилиси: Центр культурных взаимосвязей Грузии «Кавказский дом», 2007. – 266 с.
22. *Бгажба Х.С.* Бзыбский диалект абхазского языка. Исследование и тексты. – Тбилиси, 1964. – 461 с.

23. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
24. Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азгега) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IV. – Тифлис, 1857. Отд. I. – С. 173–193.

REFERENCES

1. Fomenko I.K. The Image of the World on the Ancient Portolans. The Black Sea Region. The end of the XIII–XVII centuries. [Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII v.] M.: Indrik, 2011. 424 p. (in Russ.).
2. Vesconte Pietro. Fac-simile del portolano di P. Vesconte di Genova 1318. Venezia, 1871. Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. Otdel kartograficheskikh izdaniy. Ku 53/VII-5.
3. Galonifontibus I. de. Information about the Caucasian Peoples. From the Text of «Libellus de notitia orbis». [Svedeniya o narodakh Kavkaza (1404 g.). Iz sochineniya «Kniga poznaniya mira»]. Baku: «Elm», 1980, 43 p. (in Russ.).
4. Ditten G. Laonikos Chalkokondyles about Russia. [Izvestiya Laonika Khalkokondila o Rossii]. Vizantiyskiy vremennik – Byzantine Annals. # 46. 1962, pp. 51–94. (in Russ.).
5. Voronov Yu.N. Antiquities of Sochi and Its Surroundings. [Drevnosti Sochi i ego okrestnostey]. Krasnodar, 1979, 112 p. (in Russ.).
6. Vasilinenko D.E. The Funeral Rite of Population Between the Rivers Psou and Shahe During the Middle Ages. [Pogrebal'nyy obryad naseleniya mezhduresh'ya Psou-Shakhe v epokhu srednevekov'ya]. Pyataya Kubanskaya arheologicheskaya konferentsiya. – Fifth Kuban archaeological conference. Krasnodar, 2009, pp. 27–31. (in Russ.).
7. Joan Chardin. Ponti Euxini cum Regionibus versus Septentrionem et Orientem. Adjacentibus Nova Tabula. Ao: 1672. Bibliothèque nationale de France. Available at: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/83/Jean_Chardin%2C_Anthony_De_Winter._Ponti_euxini_cum_regionibus_versus_sptentrionem_et_orientem_adjacentibus_nova_tabula._1672.jpg
8. Adyghes, Balkars and Karachays in Proceedings of the European Authors of the XIII–XIX centuries. Compilation, editorial translation, preamble and introduction to the texts by V.K. Gardanov. [Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII–XIX vv. Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'nye stat'i k tekstam V.K. Gardanova]. Nalchik: Elbrus edition, 1974, 635 p. (in Russ.).
9. Fomenko I.K. Nomenclature of Geographical Names of the Black Sea Region on the Nautical Maps in the XIII–XVII Centuries. [Nomenklatura geograficheskikh nazvaniy Prichernomor'ya po morskim kartam XIII–XVII vv.]. Prichernomor'e v srednie veka. Pod red. S. P. Karpova: Vyp. 5. – The Black Sea region in the Middle Ages. Ed. By S.P. Karpov: Issue 5. M., SPb.: Aleteyya, 2001, pp. 40–94. (in Russ.).
10. Brun F. The Eastern Coast of the Black Sea According to the Ancient Maps. [Vostochnyy bereg Chernogo morya po drevnim perioplam i po kompasovym kartam]. Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities. T. 9. Odessa, 1875. Dep. III, pp. 410–428. Appendix: Topographic chart of the Eastern Black Sea coast [Prilozhenie: Topograficheskaya tablitsa Vostochnogo berega Chernogo morya po periplotu Bezymyannogo i po kompasovym kartam v sravnenii s nyneshnimi]. (in Russ.).
11. The Note on the New Periplus of Euxine Pont, as Well as about the Ancient History of Peoples of Tavrida, Caucasus and Scythia, Composed by Count Ivan Pototskiy. [Zapiska o novom periple Ponta Evksinskogo, ravno kak o drevneyshyey istorii narodov Tavridy, Kavkaza i Skifii, sostavlennaya grafom Ivanom Pototskim]. Archaeological and numismatic collection about Tavrida and Cimmerian Bosphorus. Published by G. Spasskiy. M., 1850, pp. 31–94. (in Russ.).
12. Medieval Georgian Sources about Abkhazia. Trans. and comments by G.A. Amichba. [Soobshcheniya srednevekovykh gruzinskikh pis'mennykh istochnikov ob Abkhazii. Per. i prim. G. A. Amichba]. Sukhum, 1986, 88 p. (in Russ.).
13. Volkova N.G. Ethnonyms and Tribal Names of the North Caucasus. [Etnonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza]. M.: «Nauka», 1973. 208 p. (in Russ.).
14. Lamberti, Archangelo. Relatione della Colchide, hoggi detta Mengrellia. Napoli, 1654. 240 p.
15. Zevakin E.S., Penchko N.A. Essays on the History of the Genoese Colonies in the Western Caucasus in the XIII and the XV centuries. [Ocherki po istorii genuezskikh koloniy na Zapadnom Kavkaze v XIII i XV vekah]. Istoricheskie zapiski. – Historical Records. 1938. Vol. 3, pp. 72–129 (in Russ.).
16. Dvoretzkiy I.Kh. The Latin-Russian Dictionary. [Latinsko-russkiy slovar']. M., 2003. 846 p. (in Russ.).
17. The Encyclopedic Dictionary. Publishers: F.A. Brockhaus, I.A. Efron. T. XL^A. [Entsiklopedicheskiy slovar'. Izdateli: F.A. Brokgauz, I.A. Efron. T. XL^A]. SPb.: Tipografiya aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron, 1904. 954 s., 2 str. oglavlenie prilozheniy i risunkov. (in Russ.).
18. Gadlo A.V. Prehistory of Azov Russia. Essays on the History of Russian Reigning in the North Caucasus. [Predystoriya Priazovskoy Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze]. SPb.: Publishing House of the St. Petersburg University, 2004. 362 p. (in Russ.).
19. Kemal Pasazade Ahmed ibn Süleyman. Tevârih-i Al-i Osman. VII Deffer. (Tenkidli transkripsiyon). Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1957. 598 p.
20. Gan K.F. The Experience of Explaining of the Caucasian Geographical Names. [Opyt ob'yasneniya kavkazskikh geograficheskikh nazvaniy]. Collection of descriptions of places and tribes of the Caucasus. T. 40. Tiflis: Tipografiya: Kantselyarii Namestnika Ego Imperatorskogo Velichestva na Kavkaze i K. Kozlovskogo, 1909, pp. 1–164. (in Russ.).
21. Dzhanchashia S. Circassian Diaries. [Cherkesskie dnevniki]. Tbilisi: Tsentr kul'turnykh vzaimosvyazey Gruzii "Kavkazskiy dom", 2007, 266 p. (in Russ.).
22. Bgashba Kh.S. Bzybian Dialect of Abkhazian Language. Researching and Texts. [Bzybskiy dialekt abkhazskogo yazyka. Issledovanie i teksty]. Tbilisi, 1964, 461 p. (in Russ.).

23. Khan-Girey. Notes about Circassia. Preface and Preparing of Text for Publication by V.K. Gardanov and G.H. Mambetov. [Zapiski o Cherkessii. Vstupitel'naya stat'ya i podgotovka teksta k pechati V.K. Gardanova i G.Kh. Mambetova]. Na'chik: "El'brus", 1978, 333 p. (in Russ.).
24. Lyul'e L.Ya. [General View of the Countries, Occupied by Mountain Peoples Called Circassians (Adige), Abkhazians (Azega) and Other Adjacent to Them]. Obshchiy vzglyad na strany, zanimayemye gorskimi narodami, nazyvaemymi: Cherkessami (Adige), Abkhaztsami (Azega) i drugimi smezhnymi s nimi. Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kn. IV. Notes of the Caucasus Department of the Russian Imperial Geographical Society. Book IV. Tiflis, 1857. Dep. I. pp 173–193. (in Russ.).

Информация об авторе

Information about the author

Хотко Самир Хамидович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел этнологии, Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева,
г. Майкоп, Россия
inalast@mail.ru

Khotko Samir Kh., Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Ethnology Department, Adyghe Republican Institute of Humanitarian Researches named after Kerashev,
Maikop, Russia
inalast@mail.ru

Received:

Получена:

Для цитирования статьи: Хотко С.Х. Этнонимические и топонимические наименования Северо-Западного Кавказа в исторических источниках: на примере портолана Пьетро Весконтте 1318 года. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 121-127.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-121-127

For article citation: Khotko S.Kh. Ethnonymic and toponymic names of the North-West Caucasus in historical sources: on example of portolan (nautical map) of Pietro Vesconte, 1318. [Etnonimicheskie i toponimicheskie naimenovaniya Severo-Zapadnogo Kavkaza v istoricheskikh istochnikakh: na primere portolana P'etro Veskonte 1318 goda]. Krasnodar. Istoričeskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 121-127.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-121-127

**Социологические
и гуманитарные науки**

Sociological and Humanities

УДК 801.73

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-131-134

ГРИШИН Сергей Николаевич,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
храм прп. Серафима Саровского,
г. Липецк, Россия
isgr1974@mail.ru

GRISHIN Sergey N.,
Belgorod State National Research University,
Temple Venerable Seraphim of Sarov,
Lipetsk, Russia
isgr1974@mail.ru

МУЖЕСТВО – ДЕЛО ДУХОВНОЕ (ГЕРМЕНЕВТИКА ХРИСТИАНСКОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ)

COURAGE – A SPIRITUAL MATTER (CHRISTIAN VIRTUE HERMENEUTICS)

В статье раскрывается церковный смысл понятия мужества как доминирующего проявления высших духовных сил человека в его жизнедеятельности. Автор характеризует духовность человека как уникальное состояние бессмертной души, которая по замыслу Творца, по своим возможностям и красоте ценнее и прекраснее всей вселенной потому, что может беспрестанно совершенствоваться. Исходя из этого положения, автор доказывает, что нравственность человека как свойство совершать внешне благородные поступки еще не означает его устойчивой духовной жизненной позиции, которая могла бы свидетельствовать о красоте его души. С точки зрения автора, красота души проявляется в мужественной борьбе человека за свое духовное совершенствование. В связи с этим в статье дается определение понятию мужества как дела духовного. Вместе с тем автор критикует общепринятое представление о мужестве как о физической силе и способности претерпевать страдания и смерть потому, что в любой момент человек может изменить направленность своих героических поступков на противоположные цели, если его жизнедеятельность не основана на духовности. Автор предлагает использовать раскрытый смысл понятия мужества в деле духовно-нравственного воспитания молодежи.

The article deals with the Church the meaning of courage as the dominant manifestation of the higher spiritual powers of man in his life. The author characterizes the spirituality of man as a unique state of the immortal soul, which, according to the Creator's plan, according to his ability, and beauty is more valuable and more beautiful than the whole universe because it can be improved indefinitely. Based on this provision, the author argues that human morality as a property to make seemingly noble deeds does not mean it stable spiritual life position, which could be evidence of the beauty of his soul. From the point of view of the author, the beauty of the soul manifested in the courageous struggle of man for his spiritual perfection. In this regard, the article defines the concept of courage, both to the spiritual. At the same time, the author criticizes the common idea of courage, as physical strength and ability to endure suffering and death because at any time a person can change the direction of their heroic deeds on the opposing goal if its vital functions is not based on spirituality. The author proposes to use the open meaning of courage in the spiritual - moral education of youth.

Ключевые слова: духовность, духовная устойчивость личности, мужество, борьба, нравственность, духовное совершенство человека, замысел Творца, бессмертная душа, красота души, внешняя красота поступков, цель жизни

Keywords: spirituality, spiritual stability of personality, courage, struggle, morals, spiritual perfection of man, Creator's plan, immortal soul, beauty of the soul, external beauty of actions, purpose of life

На протяжении многих столетий люди привыкли отождествлять понятия мужества, нравственности и духовности, считая их общепринятыми и не требующими различия и пояснения. Эти понятия относятся к добродетелям, к качествам личности человека, к его практической деятельности. Поэтому, прежде всего, согласно Библии, необходимо понять, как устроен сам человек, который может быть и мужественным, и духовным.

Вначале нашего рассуждения вспомним, как бытописатель и пророк Моисей, описывая историю грехопадения человека, пересказывает нам слова Бога, обращенные к Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт 3,19) [1, с. 5].

Но Библия свидетельствует нам также и о том, что человеческое тело (прах и пепел) является только орудием для бессмертной души в его добрых или злых делах. Вот как об этом мы читаем в книге Бытия: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни; и стал человек душою живой» (Быт. 2,7) [1, с. 4].

Вместе с тем, Библия говорит и о духе человека. Христианин ходит духом от того, что живет духом (Гал. 5:25) [1, с. 1393], что Дух Божий живет в нем (Рим. 8:9; 1 Кор. 3:16) [1, с. 1353, 1364]; что он стал храмом живущего в нем Духа Святого, напоился Духом (1 Кор. 12:13; Еф. 2:22) [1, с. 1372, 1395]. Христианин способен больше и больше утверждаться Духом Божиим во внутреннем человеке, когда вселяется верою Христос в сердце его (Еф. 3:16) [1, с. 1396].

При этом Слово Божие говорит о грешниках, забывающих Бога, постоянно почти называя их плотскими, редко – душевными, а духовными не только не называя, даже почитая их противоположными таковым.

Еще о первом допотопном мире сказал Бог: «Не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть» (Быт. 6:3) [1, с. 8]. Из этого следует, что преданность плоти погашает в человеке дух и отчуждает его от Бога. У пророка Давида говорится: «Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им» (Пс. 48:13) [1, с. 641], то есть честь богоподобия, отраженную в его духе, заменил скотством, предавшись плоти. А апостол Иуда неверных прямо называет телесными, духа не имущими (ст. 19) [1, с. 1345].

Таким образом, по мнению святителя Феофана Затворника, в составе существа человеческого действуют три части: дух, душа и тело, из которых характер первого – отрешение от чувственного, последнего – погружение в нем, средней же – совместность того и другого. Цель и назначение первого есть общение с Богом и миром духовным, последнего – посредничество в сношении с миром чувственным; средняя должна от чувственного через дух восходить к Богу и одуховляться и от Бога через дух низводить одуховление чувственному [3].

В связи с этим, для различения понятий «мужества», «нравственности» и «духовности», принципиально важно определиться с направлением духа человека, с целью его жизни, его духовным состоянием. Именно это различение позволит нам понять, что такое мужество и духовность человека.

Разумеется, когда человек не думает о цели жизни, он сам себя унижает до уровня животного: жить, чтобы есть и пить. Наоборот, если целью жизни человека является единение с Богом, то нем можно сказать: он живет духовной жизнью. Поэтому в зависимости от выбранной цели жизни человека определяется его духовность и нравственность.

Однако, мало кто знает, что духовность и нравственность – это разные вещи. Правильная духовность обязательно повлечет и правильную нравственность, но правильная нравственность совсем не обязательно предполагает правильную духовность. Поэтому, духовность – это не внешние нравственные поступки, а направленность деятельности духа человека к Богу, который имеет определенную цель в своей христианской жизни. Как говорил прп. Серафим Саровский, в стяжании Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

Духовность, с точки зрения учения Иисуса Христа («Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный (Мф.5,48)» [1, с. 1169], это не выдающиеся возможности души и тела человека, о которых писали античные и современные мыслители, а образ Бога в человеке, подобие человека Богу. Духовность – это причастность человека к источнику его духовной деятельности Духу Божию.

Однако внешне человек может быть нравственным, но не духовным. По выражению святителя Феофана Затворника, человек может быть дрянью, но про себя говорить и видеть в себе только хорошее: «Я не таков, как прочие люди...Притча о мытаре и фарисее. (Лк.18, 9–14)» [1, с. 1250]. Такое его состояние называется «прелестью». Нравственность без духовности – это самообман. Внешний подвиг без внутреннего, духовного может быть губительным для человека. Поэтому нравственность имеет смысл только тогда, когда человек имеет заботу о состоянии своей души, которая должна уподобиться Богу.

В этой связи с точки зрения православной Церкви о духовности и нравственности интересно отметить, как до возникновения христианства мыслители древности выражались о мужестве. Они считали мужеством добродетель, характеризующую нравственную меру в преодолении страха наряду с умеренностью, мудростью и справедливостью. «Кто осмысленно устремляется ради добра в опасность, – говорили древние греки, – тот мужествен и в этом мужество» [2, с. 618]. В качестве типичных и закономерных ситуаций возникновения мужества обычно описывались военные битвы. При этом мужество, как этическая добродетель и война, как общественное отношение взаимно соотносились друг с другом. Однокоренные слова «мужество» и «мужчина» указывали на этический, достойный способ поведения человека в бою и на его способность стойко переносить страдания, прежде всего физическую боль.

Характеризуя мужество человека как качество его личности, необходимо вспомнить, что еще в древности многие люди вполне отчетливо различали мотивы и соответствующие типы поведения человека, которые очень похожи на мужество и часто даже считались таковыми, но тем не менее в прямом смысле им не являются. Например, 1) гражданское мужество, когда

преодоление опасностей войны стимулируется страхом бесчестия или возможного наказания; 2) опытность, когда эффективное поведение в бою вызвано просто умением, квалификацией воина; 3) ярость, когда противостояние опасности является чисто аффективным; 4) самонадеянность, проистекающая часто из-за предыдущих побед и похожая на самонадеянность опьянения; 5) незнание опасности [2, с. 618]. Во всех этих случаях проявления страха смерти обусловлено, несомненно, внешними по отношению к добродетели причинами; они хотя и стимулируют мужественное поведение в некоторых пределах, тем не менее не гарантируют его.

Однако, как видим, подлинное мужество, скрытое внутри человека, непосредственно связано с его духовностью. Внешние нравственные поступки еще не указывают на то, что человек способен укрощать свою душу, превозмогать страдания ради высшей цели – единения с Богом. Подлинное мужество происходит от веры в Бога и поэтому есть дело духовное. Настоящее мужество – это победа духа человека над его плотью, когда человек своим трудом и с Божией помощью становится «новой тварью» и в итоге вселяется в него Христос. Разумеется, в мире, лежащем во зле, где постоянно действуют: похоть плоти, похоть очей, гордость житейская и искушения от дьявола, благочестивый человек, как воин Христов, обязан быть мужествен. Вот о каком мужестве идет речь. Практика добрых дел и единение с Богом открывает человеку такую картину, что он ощущает себя одним из отроков в Вавилонской разожженной печи. Но он не боится этого и твердо убежден жить и не повиноваться злему противнику нашего спасения – дьяволу.

И что особенно важно, по слову святителя Тихона Задонского, к этому мужеству в борьбе за спасение своей души необходимо заранее готовить родителям своих чад. Мы находимся не в раю, и ничего хорошего ждать от этого мира не приходится. Поэтому всякому человеку, хотящему жить благочестиво, необходимо готовиться к терпению и мужеству [4, с. 130]. Христос предупреждал всех нас: «По причине умножения беззакония во многих охладеет любовь (Мф. 24, 12)» [1, с. 1193].

Очень много еще предстоит узнать молодежи об удивительном феномене мужества и духовности, которая лежит в его основе. Остается только надеяться, что священнослужители и преподаватели образовательных учреждений объединят свои усилия для духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

В заключение необходимо отметить, что автором путем сравнения двух разных подходов (церковный и светский) в определении понятия мужества раскрыт новый смысл этого термина. Его суть в том, что мужество – это приобретенное качество человека, выявляющее в его жизнедеятельности высшие духовные способности, которые могут доминировать над душевными и телесными потребностями. Поэтому автор приходит к выводу, что мужество есть дело духовное.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библия Православная. – Российское Библейское Общество, 2006. – 1454 с.
2. Гусейнов А.А. Мужество. // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. / Институт философии РАН, Нац. общ. – науч. Фонд. // Т.2. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.
3. Святитель Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. Часть первая. // Состояние составных частей человеческого естества, его существенных свойств и сил в истинном христианине и человеке-грешнике [Электронный ресурс] - URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/feof_zatv/nachert_hristian1/txt09.html. (Дата обращения 14.03.2016).
4. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям Святителя Тихона Задонского. – М.: Самшит, 2000. – 1180 с.

REFERENCES

1. The Bible Orthodox. The Russian Bible Society, 2006. 1454 p.
2. Huseynov AA Courage. New Encyclopedia of Philosophy in 4 volumes. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, National. Society. Scientific. Fund. V.2. Moscow: Thought, 2010. 634 p.
3. St. Theophan the Recluse. Inscription of Christian morals. Part one. Status of component parts of human nature, essential properties and its strength in the true Christian and a man-sinner. Available at: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/feof_zatv/nachert_hristian1/txt09.html. (accessed: 14/03/2016).
4. Schema-archimandrite John (oil). Symphony for the creations of St. Tikhon of Zadonsk. Moscow: Boxwood, 2000. 1180 p.

Информация об авторе

Гришин Сергей Николаевич, соискатель, кафедра философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, настоятель храма прп. Серафима Саровского, г. Липецк, Россия
isgr1974@mail.ru

Получена: 17.02.2016

Для цитирования статьи: Гришин С.Н. Мужество – дело духовное (герменевтика христианской добродетели). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 131-134
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-131-134

Information about the author

Grishin Sergey N., Competitor, Department of Philosophy and Theology, Belgorod State National Research University, Abbot of the temple Venerable Seraphim of Sarov, Lipetsk, Russia
isgr1974@mail.ru

Received: 17.02.2016

For article citation: Grishin S.N. Courage – a spiritual matter (Christian virtue hermeneutics). [Muzhestvo – delo dukhovnoe (germenevtika khristianskoy dobrodeteli).]. Krasnaya Mysl' = Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 131-134.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-131-134

ГУКАСОВА Мира Михайловна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
mira_1966@mail.ru

GUKASOVA Mira M.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
mira_1966@mail.ru

ПЕРСОНА КАК МЕДИЙНЫЙ ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

PERSON AS A MEDIA PHENOMENON OF SOCIO-CULTURAL PROCESSES

В статье рассматриваются опорные понятия персоны, медийного феномена, социокультурного процесса, раскрываются проблемы персонализации, их решение в антропоцентрическом и социоцентрическом аспектах. На примере деятельности Владимира Спивакова обоснована роль влияния личности на социокультурный контекст. В феномене «Владимир Спиваков» первично многое: и музыкальный талант, и любовь к людям, и уникальный интеллект. Рано выйти в скрипачи мирового уровня означает уже сполна состояться. Создать еще оркестр «Виртуозы Москвы» и вместе с ним стать кумиром мира – более чем достаточно для одного человека. Таким образом, авторитет персоны музыканта помогает решать социокультурные задачи, стоящие перед властью и обществом. Именно в личной инициативе Спивакова и видит опору культуры в его время на его родине. Способностью к персонализации владеют немногие. Она представляет собой совокупность индивидуально-психологических особенностей человека, которые позволяют ему осуществлять социально значимые деяния, преобразующие других людей, обеспечиваются богатством индивидуальности субъекта, разнообразием средств, с помощью которых он может в общении и деятельности осуществлять персонализующее воздействие на социокультурные процессы.

The article discusses a reference concept of a person, a media phenomenon of socio-cultural process, it also finds out problems of personalization and their salvation in anthropocentric and socio-centric aspects. Using the example of Vladimir Spivakov, the role of influence of the personality on a socio-cultural context is grounded. The phenomenon of "Vladimir Spivakov" means ultimately much: musical talent, love of people, and unique intelligence. To turn early world-class violin player means already to actualize oneself to the full. What is more, to create an orchestra "Moscow Virtuosi" and to become world idols more than enough for one person. Thus, the authority of the musician person helps to solve the socio-cultural challenges facing the government and society. In the very personal initiative Spivakov sees the ground of culture of his day in his homeland. Not everyone has the ability of personalization. It is an aggregate of individual and psychological features of the personality, which allows him/her to carry out socially important actions that transforms other people and is provided by wealth of subject individuality, diversity of means, with the help of which via communication and activity he/she can carry out personalizing effect on socio-cultural processes.

Ключевые слова: персона, персонализация, социокультурный процесс, медийный человек, феномен, языковая личность, виртуоз, оркестр, философские афоризмы Спивакова, социокультурные задачи

Keywords: person, personalization, socio-cultural process, media person, phenomenon, linguistic identity, virtuoso, orchestra, philosophical aphorisms of Spivakov, socio-cultural scopes

В процессе творческой деятельности субъекта в ряде случаев идет перерождение (трансформация) субъекта в персону. Понятие *персоны* (лат. *persōna* – «маска, личина; личность») характерно для людей одаренных, самодостаточных, самореализуемых, с мощной мотивацией (широкими потребностями) и неограниченными способностями. Персонификацией обычно завершается процесс социализации, то есть человек впитывает в себя основные, накопленные человечеством знания и опыт и сам становится генератором нового для людей опыта и знаний. Исходной посылкой большинства русских персоналистов было убеждение в существовании субстанциальных деятельных духовных «единиц бытия». Обладая внутренней творческой силой и абсолютной свободой, они творят свою судьбу и особым образом «организуют» бытие, порождают историю и культуру. «Метафизическое понятие личности, открытие метафизической стороны личности (что впервые находим у Платона) определяет и новый взгляд на весь мир, который характеризуется как персонализм, в основе его лежит резкое различие «личности» от «вещи» [1, с. 312].

Несомненно, что каждая персона – это личность, а избранным лишь даровано стать феноменами социокультурного развития общества. *Феномен* (от греч. φαίνόμενον – «являющееся», «явление») – термин, в общем смысле означающий явление, данное в чувственном созерцании. В естественной науке под феноменом понимается наблюдаемое явление или событие. Также *феномен* — необычное явление, редкий факт, то, что трудно постичь. В античной философии термин (греч. φαίνεμεν) встречается у ряда авторов (например, у Эпикура) и означает предмет опытного знания. В философии Платона феноменальное противопоставляется миру идей. Феномен поэтому есть лишь отражение идеи. В философии нового времени феномен перестает рассматриваться как простое отражение идеи. Заслуживает внимание трактовка феномена у Д. Беркли, Д. Юма, Г. Лейбница. У И. Канта феномен – объект, конституированный трансцендентальным субъектом. Феномен выступает в качестве предмета возможного опыта в доступных нам априорных формах чувственного созерцания. Феномен противопоставлен у И. Канта noumenon — непознаваемой вещи самой по себе. Понятие феномена играет важную роль

в философии Brentano. Под феноменом он понимает все, что может быть объектом научного рассмотрения. Так, им выделяются как внутренние (психические), так и внешние, физические феномены. Психические феномены обладают интенциональным существованием. Подлинно доступным для наблюдения может выступать только наш собственный внутренний опыт, который осознается нами. А потому феномен несет в себе все знание о предмете. Решающую роль понятие феномена играет в феноменологии Гуссерля. Феномен у Гуссерля означает не только данные в созерцании качества вещей, но характеризуется единством своих содержаний. Утверждается наличие чистых содержаний сознания, которые могут быть рассмотрены вне их взаимосвязи с физическим миром [2].

Массмедийную коммуникацию необходимо рассматривать прежде всего как целостное социальное явление, представляющее сущностную часть человеческих взаимоотношений, которое, с одной стороны, стремится отображать событийные факты, с другой – само оказывает определяющее влияние на их формирование за счет своеобразной интерпретации [3]. Медиа или «средство коммуникации, – по классическому определению Г.М. Маклюэна, – есть сообщение», сущностью которого в свою очередь «является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела» [4, с. 118-122].

Присутствие человека в медиапространстве означает одновременно и удовлетворение его медиазапросов, и вовлеченность его в процессы потребления, а следовательно, и экономического производства в современном обществе, и усиление процесса медиатизации индивидуального опыта, и его растущую социализацию посредством СМИ как ключевым агентом процесса. В результате, современный человек превращается в «человека медийного» (*homo mediatius*), и это становится сегодня важнейшей особенностью общества. «Человек медийный» – это член общества, бытие которого определяется и в значительной степени формируется содержанием СМИ как продуктом, производимым отдельной отраслью современной экономики – медиаиндустрией, и потребляемым в процессах массовой/социальной коммуникации, а также коммуникационными отношениями и интересами индивида [5].

Проблемам культурного процесса, его формам и социальной организации посвящено множество научных трудов. Сам термин «процесс» по отношению к социокультурным явлениям появился в ряде теоретических сочинений, начиная с 40-х гг. XX в. Большой интерес в этом направлении представляет изданная в тот период книга известного социолога П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика», где автор объясняет значение употребляемого термина «процесс» и подробно рассматривает его составляющие. Под процессом он понимал «любой вид движения, модификацию, преобразование, перестройку или "эволюцию" – любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов» [6, с. 80].

В самом деле, каждое изменение явлений, свойств и отношений не происходит так, что сразу меняется все явление, все его свойства или все отношения, а изменение всегда имеет количественную сторону, способность ее нарастания и, наконец, границу возможного изменения, за которой следует качественное преобразование самого явления. «Действительно, – говорит В.И. Свидерский, – возьмем ли мы случай неорганической природы, область жизненных процессов, социальные явления или сферу познания – везде процесс идет таким образом, что элементы нового качества, постепенно нарастая и усиливаясь, подавляют элементы старого качества и приводят к изменению качественной природы явления. При этом изменение природы элементов данного явления сопровождается преобразованием и самой структуры, объединяющей элементы» [7, с. 94].

Социальные изменения означают многообразные перемены, происходящие в течение определенного времени в обществе как целостной системе, в его социальной структуре, в социальных общностях, группах, институтах и ролях отдельных личностей, в их взаимодействиях между собой и с любыми структурными компонентами общества. Инновационные изменения – это возникновение новых способов и результатов деятельности людей, которых не существовало на предыдущих стадиях общественного развития. Таким образом, социокультурный процесс отражает все направленные и целостные изменения, когда-либо происшедшие в характере взаимосвязи культурных элементов, причем источник этих изменений часто скрыт во внутренних закономерностях развития самой культуры. Культурный процесс содержит в себе взаимодействия, протекающие между культурными элементами в течение всего хода человеческой истории. Если его рассматривать таким образом, то течение культурного процесса видится как

единый процесс, охватывающий все культурные традиции во все периоды и на всех территориях.

Социокультурные процессы – это изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами. Хотя социокультурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий, эти понятия не тождественны. Под культурными процессами имеются в виду типические, универсальные по масштабам распространения в разных культурах и устойчивые в своей повторяемости функциональные процедуры, поддающиеся классификации на основании общих признаков. Культурные же события – это конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов, обладающие уникальными чертами, вариативность которых определяется суммой условий и обстоятельств их протекания [8, с. 260-264].

Внутренние факторы культурных процессов включают в себя также внутреннюю культурную динамику. Культура есть система, исходным принципом которой является саморазвитие. Движущей силой внутреннего саморазвития культуры является способность человека или общества к изменению своего состояния в целях его совершенствования – повышения эффективности, адаптации к изменяющимся условиям окружающей среды. Согласно Марксу, культура – часть надстройки над экономическим базисом общества, и изменения в способе производства, определяя социально-экономическую структуру общества, влияют в конечном счете и на изменения в сфере культуры. Аналогичной точки зрения позже придерживались такие ученые, как Л. Уайт, Дж. Мердок, М. Салинс, В. Чайлд и др. По мнению Л. Уайта, в основе социокультурных изменений лежит развитие технологии, повышающее степень человеческого контроля над энергией, и этот же фактор определяет темпы изменений. Так он формулирует основной закон культурной эволюции: «...культура развивается по мере того, как увеличивается количество энергии, потребляемое в год на душу населения, либо по мере роста эффективности орудий труда, при помощи которых используется энергия» [9, с. 444].

Принцип саморазвития или самоорганизации предполагает чередование состояний стабильности (равновесия или гармонии) и нестабильности (неравновесных состояний) в динамике культурной системы. При этом неравновесные состояния отрицают гармонию системы, но в то же время являются постоянным стимулом к изменению и содержат модели будущей гармонии. Переход от одного состояния к другому осуществляется не линейно (в каком-либо одном направлении), а по разным путям одновременно, и лишь будущее показывает, какой из путей эффективен и предпочтителен. Нелинейность в развитии культуры носит стихийный характер и обусловлена игрой многочисленных случайностей, связанных с проявлением свободы воли отдельных личностей – творцов культуры.

Наглядным примером раскрытия социокультурного процесса может служить выдающаяся медиаперсона. Сюда самым наилучшим образом вписывается жизнь и деятельность Владимира Теодоровича Спивакова. Вряд ли найдутся еще несколько имен подобного интеллектуального, творческого и организационного масштаба, помогающих государству решать одновременно несколько социокультурных задач:

1. Сохранение и пропаганда классической музыки;
2. Проблемы одаренных детей-сирот и детей из малоимущих семей;
3. Социализация этих детей в общество;
4. Создание новых талантливых творческих коллективов, следовательно, и рабочих мест для ветеранов сцены (а то у нас эталонные, в основном это работники культуры и искусства, пенсионеры подчас уходят работать в кочегары или вахтеры);
5. Благотворительная деятельность, помощь больным детям;
6. Пропаганда духовно-нравственных ценностей на государственном уровне;
7. Медийное решение проблем информационной политики страны;
8. Пример личностного роста, образец носителя гуманистических целей и патриотизма.

Человек удивительного энциклопедизма, помимо природного музыкального таланта Владимир Теодорович является хранителем и носителем культуры народа, образцовой языковой личностью. Носителем языкового сознания является языковая личность, то есть человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Изучение языковой личности в отечественной лингвистике по праву связано с именем Ю.Н. Караулова [10], который под языковой личностью понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [11, с. 392].

Подобно ученому-гуманитарию, В. Спиваков определяет, скажем, понятие искусства: «искусство есть способ примирения с жизнью» (по Л. Толстому), «искусство учит вдохновению» (по Пушкину). При этом продолжает: «музыка учит вдохновению, но она имеет и функцию наслаждения».

Главное в своей исполнительской деятельности он передает через многогранный комплекс интеллектуальных, художественно-творческих, профессиональных и чисто человеческих качеств дирижера, которые позволяют установить невидимую посторонним связь с оркестром; врожденные задатки – то, что принято называть талантом: музыкальный слух, память, темперамент, воображение [11, с. 280]; поэтические мысли Поля Элюара: превратить воду в свет, мечту – в явь, врагов в братьев. На вопрос о гедонизме его искусства отвечает: перед десертом (бисами) должно быть более серьезное блюдо, чтобы зритель уходил «под пеплом раздумий» (Михаил Булгаков). Стремясь быть со своей музыкой в самых «горячих точках» – то в Киеве через несколько дней после катастрофы в Чернобыле, то в Ленинкане после армянского землетрясения 1988 года, – вспоминал слова из Екклесиаста «сердце мудрых – в доме плача» и апостола Павла «плачьте с плачущими». С годами его все больше стали влечь истины и откровения христианского Священного Писания: хотел бы зажечь свечу, чтобы отобрать у тьмы часть места, по образцу евангельского – «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [13, с. 6].

Философские афоризмы Спиваков отлично формулирует и сам: «филармония как церковь» [12], «искусство – жизнь в тонкой форме», «музыка – это часть религии», «музыка – религия, не знающая конфессиональных различий», «музыка вызывает в человеке креативное начало», «если духовная мотивация глубока и серьезна, то музыка всегда содержательна и значительна», «если человек добр – это уже Божий дар», «концертный зал – малая родина», «друг – это человек, который помогает тогда, когда его не просят об этом». Столь же отточены и его изречения о концерте: «играть словно обожженными пальцами», «артист на сцене должен оставлять капли собственной крови», «успех для меня – в тишине зала», «сценотерапия», «каждый слушатель – Человек».

В этом случае важнейшим элементом современного медиатекста (особенно в художественно-публицистических жанрах) начинает выступать своеобразный ассоциативный образ, в основе которого лежит проявленный художественно-эстетический характер отображения действительности. Важно, что образы в современных медиатекстах обладают синтетической природой. С одной стороны, в них сильно чувственно-эмоциональное начало, а с другой – логикопонятийное. Окружающий мир в зависимости от стоящих перед коммуникатором творческих задач интерпретируется в той или иной мере. Таким образом, различные представления о реальности, впечатления, эмоции, идеи являются основными источниками возникновения разнообразных мыслительных образов, лежащих в основу медиатекста [14, с. 6].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зеньковский В.В. Психология детства / В.В. Зеньковский. – М.: Школа-Пресс, 1996. – С. 312.
2. Михайлов К.А. Феномен // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Мысль, 2010.
3. Соловьев Г.М. Преобразование медийного феномена как проявление интенциональности // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. – Вып. № 3. – 2012.
4. Костякова Ю.Б. Медиаистория: от понимания к определению сути понятия // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2012. – № 3. – С. 118-122.
5. Абаев М., Ежихина М. «Человек медийный» – новая ступень эволюции или приложение к гаджету? / Беседа с Е.Л. Вартаковой – доктором филологических наук, профессором, деканом факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова // Наука и жизнь. – 03.12.2015. <http://www.nkj.ru/open/27523/>.
6. Свидерский В.И. О некоторых формах противоречивости в объективном мире. – Л., 1968.
7. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Мысль, 2002. – 496 с.
8. Антология исследований культуры. Т. 1. – СПб., 1997.
9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 1989. – 264 с.
10. Витковская Л.В. Языковая личность журналиста и проблемы социокультурного воздействия СМИ // Медийные стратегии современного мира. Материалы 6-й Международной научно-практической конференции (Сочи, 1-3 ноября 2012г.). – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2012. – 596 с.
11. Шимарев К. Жизнь и творческие принципы Ария Моисеевича Пазовского // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. – № 5, ч. 2. – 295 с.
12. Холопова В.Н. Но и мелодия – любовь. Владимир Спиваков. – М.: Альтекс, 2010. – 224 с.
13. Выжупович В. Владимир Спиваков: «Музыка может выразить то, что бессильно выразить слово» // Кубанские новости. – 23.12.2015.

14. Соловьев Г.М. Феномен персонификации в современном медиатексте // Журналистика и литература в социокультурном диалоге современности. Сб. научных трудов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2015. – 254 с.

REFERENCES

1. Zen'kovskij V.V. Psychology of childhood. [Psihologiya detstva]. V.V. Zen'kovskij. M.: «SHkola-Press», 1996. p. 312.
2. Mihajlov K.A. Phenomen. [Fenomen]. New philosophy encyclopedia. In-t filosofii RAN. 2 nd., edition corrected and updated. M.: Mysl', 2010.
3. Solov'ev G.M. Transformation of media phenomenon as a demonstration of intensionality. [Preobrazovanie mediynogo fenomena kak proyavlenie intensionalnosti]. Vestnik of Majkops state tehnology Universitu. Edition № 3. 2012.
4. Kostyakova Y.U. Mediachistory: from to the definition of notion. [Mediaistoriya: ot ponimaniya k opredeleniyu suti ponyatiya]. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. № 3. p. 118-122.
5. Abaev M., Ezhihina M. «Chelovek mediyniy» – New step to the evolution of application to the gadget? [«Chelovek mediyniy» – novaya stupen evolyutsii ili prilozhenie k gadzhetu?]. Conversation with E.L. Vartanovoj – doktor philology, Professor, dean the Journalism faculty Lomonosov Moscow State University. Nauka i zhizn', 3 desember 2015. Available at: <http://www.nkj.ru/open/27523/>.
6. Sviderskij V.I. About some forms of contradiction in the objective world. [O nekotoryih formah protivorechivosti v ob'ektivnom mire]. L., 1968.
7. Flier A.YA. Cultural Studies for culturologists. [O nekotoryih formah protivorechivosti v ob'ektivnom mire]. M.: Mysl', 2002. 496p.
8. Anthology of culture research. [Antologiya issledovaniy kulturyi]. T. 1. SPb., 1997.
9. Karaulov YU.N. Russian language and language person. [Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost]. M.: Izdatel'stvo LKI, 1989. 264p.
10. Vitkovskaya L.V. language person of journalist and problems of sociocultural effects SMI. [Yazykovaya lichnost zhurnalista i problemy sotsiokulturnogo vozdeystviya SMI]. Media strategy of modern worlds. Materials of 6-m International science-practical conference (Sochi, 1-3 november 2012g.). Krasnodar: Kubsu. gos. un-t, 2012. 596p.
11. Shimarev K. Life and creative principls Ariya Moiseevicha Pazovskogo. Historical and social education mind. [Zhizn i tvorcheskie printsipy Ariya Moiseevicha Pazovskogo]. 2015. T. 7. №5. part 2. 295p.
12. Holopova V. N. But the melody is love. Vladimir Spivakov. [No i melodiya – lyubov. Vladimir Spivakov]. M., Alteks, 2010. 224 p.
13. Vyshutovich V. Vladimir Spivakov: «Music can express things which can expressed the word». [Vladimir Spivakov: «Muzyika mozhet vyrazit to, chto bessilno vyrazit slovo»]. Kuban news, 23.12.2015.
14. Solov'ev G.M. Phenomen of personification in the modern media texts. [Fenomen personifikatsii v sovremennom mediatekste]. Journalism and literature in socialcultural dialogue in modernity. Collection of scientific papers. Krasnodar: Kuban State University, 2015. 254 p.

Информация об авторе

Гукасова Мира Михайловна, преподаватель, кафедра рекламы и связей с общественностью, факультет журналистики, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия, mira_1966@mail.ru

Получена: 25.01.2016

Для цитирования статьи: Гукасова М.М. Персона как медийный феномен социокультурного процесса. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 135-139.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-135-139

Information about the author

Gukasova Mira M., Lecturer, Department of Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
mira_1966@mail.ru

Received: 25.01.2016

For article citation: Gukasova M.M. Person as a media phenomenon of socio-cultural processes. [Persona kak mediynny fenomen sotsiokul'turnogo protsesssa]. Krasnodar. Istoriicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 135-139.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-135-139

УДК 316.46.058

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-140-144

ДУХИНА Татьяна Николаевна,
Ставропольский государственный аграрный универси-
тет,
г. Ставрополь, Россия
tatyana.dukhina@mail.ru

DUKHINA Tatiana N.,
Stavropol State Agrarian University,
Stavropol, Russia
tatyana.dukhina@mail.ru

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СТИЛЕЙ РУКОВОДСТВА В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

SELECTING LEADERSHIP STYLES PROBLEM IN MANAGEMENT CULTURE: THEORETICAL ANALYSIS

В статье осуществляется теоретический анализ проблемы выбора стилей руководства коллективом, которое рассматривается как важнейший компонент системы управления, обусловленный содержанием управленческой задачи. В основе индивидуального стиля руководства лежат управленческие идеологии, реализуемые в практике управления через профессиональный опыт руководителя, применяемый руководителем стиль или синтез стилей будут зависеть от конкретных ситуаций и управленческих способностей. Обосновывается, что оптимальный стиль управления как набор деловых и личностных качеств руководителя выступает одним из важных критериев для успешного выполнения задач коллектива и организации в целом. Дается оценка моральной, функциональной и формальной составляющим авторитета руководителя. Отмечается, что формальный или служебный авторитет детерминирован набором властных полномочий и тех прав, которые предполагает занимаемая им должность, и что он обеспечивает не более 60% влияния на подчиненных. Психологический авторитет состоит из элементов морального и функционального авторитетов. Основанием морального авторитета управленца служат нравственные и мировоззренческие качества личности. Управленческие способности руководителя рассматриваются на основе трех критериев: личностного, функционально-деятельностного и структурно-психологического. Проводится анализ демократического, либерального и авторитарного стилей руководства. Делается вывод о дискуссионном характере проблемы.

The article carried out a theoretical analysis of the problem of choosing the team leadership styles, which is regarded as the most important component of the control system, due to the content management tasks. At the basis of individual management style management ideologies are implemented in practice through professional management experience as a manager, supervisor used the style or styles of synthesis will depend on the specific situations and managerial abilities. It is proved that the optimum style of management as a set of business and personal qualities of the head is one of the important criteria for successful completion of the collective tasks and the organization as a whole. The estimation of moral and functional components of the formal authority of the head. It is noted that a formal or official authority deterministic set of powers and the rights that assumes his position and that it provides no more than 60% effect on subordinates. Psychological authority consists of the elements of moral and functional authority. The basis of the moral authority of a manager is moral and ideological qualities of the person. Administrative capacity head examined on the basis of three criteria: personal, functional-activity and structure-psychological. There is analysis of the democratic, liberal and authoritarian leadership styles and the conclusion of the discussion of the problem.

Ключевые слова: социология управления, руководство, руководитель, стиль руководства, коллектив, формальный авторитет, психологический авторитет управленческой деятельности, управленческие способности руководителя, функционально-деятельностный критерий, структурно-психологический критерий

Keywords: sociology of management, leadership, leader, leadership style, team, formal authority, authority of psychological management activity, management ability leader, activity of functional criteria, structural and psychological criteria

Социология управления изучает социальные механизмы, способы управленческих воздействий на общество, его отдельные сферы, социальные группы и организации, на поведение и сознание человека. В проблемное поле социологии управления включаются концепции и теории управленческого процесса, понимаемого как особый тип социального взаимодействия, который обладает устойчивыми и регулярными формами. Выделение социологии управления в отдельную предметную сферу представляло собой сложный и одновременно противоречивый процесс. Об этом пишут представители российской социологии управления: «На протяжении XX века отечественные исследователи предпринимали многочисленные попытки определить "личность" эффективного руководителя, выявить поведенческие характеристики и определить стиль руководства, который следует использовать на предприятиях в процессе управления» [9, с. 31].

Социология управления – довольно молодая отрасль социологического знания, и современные социологи так определяют ее предназначение: «Предмет социологии управления составляет изучение, оценка и совершенствование процессов управления в различных типах общностей, организаций, социальных институтов и общества в целом, каждое из которых представляет собой специфическую систему социальных взаимодействий индивидов и их групп» [1, с. 37]. Как видим, социология управления охватывает широкий спектр явлений, при этом четко маркируя социологические границы по отношению к другим отраслям управленческого знания.

Важнейшим атрибутом, жизненно необходимым в процессе управления, является стиль руководства. Руководство – это важнейший компонент системы управления. Он представляет

собой, как отмечают исследователи, «процесс воздействия, осуществляемый руководителем на основе власти, данной ему группой, и направленный на побуждение подчиненных к активному поведению и деятельности по достижению поставленных целей» [11, с. 44]. Если деятельность руководителя в управленческих дисциплинах можно представить как процесс выполнения управленческих функций и задач в цепочке «человек–человек», то в социологии управления руководитель – это всегда субъект, а объектами управления могут выступать как организации в целом, так и социальные группы, отдельные индивиды.

Выполнение управленческих задач накладывает свой отпечаток на выбор стилей руководства организацией. В процессе трудовой деятельности идет формирование определенного, строго индивидуального «почерка» руководителя, которого можно заменить «хорошим» помощником, но особый стиль и действия практически невозможно повторить в деталях. Индивидуальный стиль может выражаться в ракурсе практического применения руководителем современных принципов управления, использовании основных положений и идеологием управленческих теорий, применении профессиональных навыков и опыта. Опытные управленцы считают, что от выбранного стиля руководства будет зависеть не только эффективность работы и авторитет руководителя. Это может влиять также на атмосферу коллектива и конструировать взаимоотношения между подчиненным и руководителем.

Теоретики социологии, изучающие процессы управления персоналом, считают, что как на пальцах руки нет двух одинаковых папиллярных узоров, так не существует и двух управленцев с абсолютно схожим стилем руководства. Следует помнить, что нельзя определить и все свести к какому-то «идеальному» стилю руководства, пригодному для всех управленческих случаев. Применяемый руководителем стиль или синтез стилей будут зависеть от конкретных ситуаций и управленческих способностей.

Оптимальный стиль управления (как набор деловых и личностных качеств руководителя) стал одним из важных критериев для успешного выполнения задач коллектива и организации в целом. Исследователи считают, что «стиль управления – это относительно устойчивая система способов, форм и методов воздействия руководителя на работников для выполнения производственных и организационных задач» [11, с. 47]. При этом каждый конкретный руководитель не может выбирать только один стиль, это зависит от конкретной ситуации, которая складывается в процессе труда. Индивидуальный стиль должен выражаться в реальном применении руководителем современных принципов управления, использовании профессионального опыта и положений теории управления. Точка зрения ряда исследователей на процессы управления персоналом такова, что универсального, наилучшего стиля управления не существует [7; 10]. Специфика современной ситуации состоит в том, что низкая прогнозируемость общественных процессов, особенно на глобальный период, требует от руководителей адекватной и реальной оценки ситуации, проявления готовности к трансформациям, творческого анализа различных факторов внешнего и внутреннего порядка, а также и возможностей их преодоления.

Сегодняшний день требует от руководителя применения на практике многих разработок управленческой науки наряду с уместным использованием всех качеств личности управленца. Многие исследователи указывают на наличие «тесной связи между стилями руководства, удовлетворенностью работой со стороны сотрудников и социально-психологическим климатом в коллективе» [4, с. 27]. Выделим три, на наш взгляд, важные составляющие, лежащие в основе совокупного портрета руководителя: это особенности личности, стиль руководства и авторитет. Данные составляющие будут влиять на эффективность руководства коллективом в целом и, в конечном итоге, – на процессы формирования психологического климата. Остановимся более подробно на авторитете руководителя. Укажем на три проявления авторитета руководителя: моральное, функциональное и формальное. Моральная и функциональная составляющие образуют психологические свойства авторитета управленца. Формальный авторитет проявляется в должностном авторитете. Формальный или служебный авторитет детерминирован набором властных полномочий и тех прав, которые предполагает занимаемая им должность. В этом отношении возможности руководителей разных рангов в различных организациях, конечно, будут сильно различаться, и диапазон их проявления также будет довольно широк. Исследователи, анализируя уровень возможностей управленцев влиять на своих сотрудников, выяснили, что должностной авторитет руководителя обеспечивает не более 60% подобного влияния; почти стопроцентную отдачу руководитель получает, когда он опирается еще и на силу своего психологического авторитета [3]. Психологический авторитет состоит из элементов морального и функционального авторитетов. Основанием морального авторитета управленца служат нравственные и мировоззренческие качества личности. Ядро функциональных качеств

авторитета состоит в компетентности человека в русле профессиональной деятельности. Возникает вопрос: необходимо ли управленцу кроме его формального авторитета иметь еще и психологический авторитет? Несомненно, психологический авторитет руководителя выступает не только условием его эффективной работы, но одновременно и результирующей его личностных, стилевых и других качеств, проявляемых в коллективе.

Обращаясь к управленческим способностям руководителя, их можно рассмотреть, основываясь на трех критериях. Во-первых, это критерий, указывающий на проявления личности управленца, которые обозначаются понятием «управленческие характеристики». Они, как основа управленческой деятельности, необходимы, так как детерминируют ее успешность. Такие характеристики можно поделить на две группы: первая – это общие социальные, биографические характеристики, характерные для эффективного управленца; вторая – личностные свойства и качества эффективного управленца.

Несомненно, следует учитывать и второй, функционально-деятельностный критерий. Это общеуправленческие или общеорганизационные способности управленца. Они определяют, насколько эффективно данный тип деятельности влияет на результаты труда. Далее идут частные способности личности руководителя, могущие обеспечивать эффективное выполнение отдельных функций, решать конкретные проблемы управления. Однако наряду с названными критериями в социологии управления применяется еще один критерий выделения способностей, обозначим его как структурно-психологический. Согласно ему, основой выделения способностей управленца берется не содержание и структура деятельности, а структура психики. В соответствии с этим «различают: то, как проявляются общие и специальные способности в управленческой деятельности, и то, какие способности должны структурироваться по ряду классов психических процессов – это регулятивные, когнитивные, коммуникативные, мотивационные и волевые классы» [2, с. 115].

Одно из главных условий эффективности руководства – это стиль управления, который может применяться руководителем. Согласно теории управления, «стиль руководства – это стабильно проявляющиеся особенности взаимодействия руководителя с коллективом, формирующиеся под влиянием как объективных, так и субъективных условий управления, личных особенностей руководителя» [8, с. 164]. Теоретики социологии управления считают, что стиль руководства образует «относительно устойчивую, сложившуюся под влиянием ряда факторов (объективных и субъективных) систему способов поведения и действий руководителя в отношениях с работниками, благодаря которой руководитель может организовать и повлиять на межличностные отношения в коллективе, воздействовать на работников с целью достижения поставленных задач и выражать свое собственное понимание принципов и задач управления» [2, с. 117; 6, с. 167]. Стиль отражает грани взаимодействия руководителя с сотрудниками и включает: выбор задач, принятие решений, организацию коллектива и осуществление контроля, установление взаимоотношений с работающими людьми, взаимодействие с другими организациями, подбор методов побуждения, регуляцию поступающей информации, а также налаживание обратной связи коллектива с руководителем.

В публикациях научных периодических изданий в качестве характеристик стиля руководителя предлагаются парные варианты: «единоначалие или коллегиальность в процессах выработки решений, директивный или попустительский характер воздействия, дистанционные либо контактные отношения с подчиненными, наличие или отсутствие обратной связи» [8, с. 170]. Данные характеристики стиля руководства не противоположны друг другу, а сочетаются в разных вариантах, обуславливая степень выраженности определенного стиля. Традиционно выделяют три стиля. Демократический стиль управления реализуется через распределение полномочий, инициатив и ответственности между руководителем и персоналом. Руководитель демократической направленности всегда прислушивается к мнению коллектива по ключевым вопросам производства, старается принимать коллегиальные решения. Он своевременно и регулярно проводит информирование работников организации по важным вопросам. Общение с работниками происходит в форме пожеланий, просьб, советов, рекомендаций, поощрений за оперативную и качественную работу. Руководитель должен отстаивать интересы подчиненных, стимулировать благоприятный климат в коллективе.

Авторитарный стиль характеризуется тем, что возможность для работников внести свой вклад в организационную работу ограничена либо как таковая отсутствует. Все решения принимаются руководителем, который диктует свои методы и условия работы, решение важных задач редко доверяют членам группы. Но у авторитарного стиля есть и некоторые преимущества. В ряде случаев такой стиль может быть полезен, особенно, когда решение должно быть

принято без промедления и долгих дискуссий, то есть быстро. Реализуемым проектам требуется сильный руководитель, и авторитарный стиль только помогает в выполнении заданий. В негативном сценарии авторитарный стиль может породить другие последствия: зависть и недоверие, враждебность, покорность и заискивание. Но в ряде случаев данный стиль приводит к успеху, это, некоторым образом, оправдывает использование его в глазах работников. Авторитарный стиль будет иметь управленческий эффект, например, в спорте или в армии.

Либеральный стиль управления проявляет себя в отсутствии активного участия руководителя в управленческих процессах. Такой руководитель не спешит принять быстрое решение, «плывет по течению», ждет указаний сверху, на него влияет коллектив. Он предпочитает «не высовываться», не рисковать, часто уходит от разрешения назревших конфликтов. Руководитель стремится минимизировать свою персональную ответственность. Работа пускается на самотек и редко им контролируется. Такой стиль руководства предпочитается в коллективах творческих профессий, в которых деятельность построена на реализации элементов и граней творческой индивидуальности. Синонимом либерального стиля в широком смысле может быть попустительский стиль, его развитие имеет (как следствие) низкое качество работы и плохую продуктивность. Если руководитель предъявляет завышенные требования, является приверженцем публичной критики деятельности сотрудников, частых наказаний, редких поощрений, низкой оценки их вклада в совместную работу, ведет себя в соответствии с лозунгом «начальник всегда прав», не прислушивается к мнению подчиненных, невнимателен к их нуждам и интересам, то он формирует нездоровую рабочую атмосферу. «Отсутствие доверия и взаимного уважения заставляет работников занимать оборонительную позицию, сокращается частота контактов, возникают конфликты, коммуникативные барьеры. Источники напряженности и неудовлетворенности в организации сохраняются, и немалую роль в их появлении играет неправильное поведение руководителя» [5, с. 203]. Руководитель, использующий авторитарный стиль управления, может расцениваться как позитивный, если, принимая решение, он учит интересы служащих, объяснит им свой выбор, сделает свои действия понятными и обоснованными, иными словами, станет больше внимания уделять установлению прочной и тесной связи с подчиненными. Очевидно, что стиль руководства следует выбирать, исходя из состояния конкретного коллектива и существующих изначально в нем традиций, ценностей, отношений, норм. Поэтому можно с полной уверенностью констатировать, что не существует «плохих» или «хороших» стилей управления. Вид профессиональной деятельности, ситуации, типичные для конкретного коллектива, личностные интересы и амбиции подчиненных и ряд других факторов создают оптимальную ситуацию выбора преобладающего стиля руководства. Однако большим авторитетом пользуется руководитель, который бывает «жестким» в деле, но «мягким» в отношениях с подчиненными. Он строг и требователен с членами коллектива в рабочей ситуации, но стремится всегда проявить внимание и заботу о них в вопросах личного плана. О таком руководителе говорят: «Строгий, но справедливый». Можно констатировать, что оптимальный стиль управления формируется в результате определенного набора деловых и личностных качеств и свойств руководителя. Он становится одним из важных критериев создания благоприятного климата коллектива, а также успешности выполнения задач организации и коллектива. Таким образом, проблема выбора стиля руководства в социологии управления представляет открытую для дискуссий тему, тем самым отражая стремление научной общественности определить семантические границы исследуемого понятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бабосов Е.М. Социология управления. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 288 с.
2. Локтионова Е.Ю. Стиль руководства и психологический климат в коллективе медицинского учреждения // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2014. – № 7. – С. 114-117.
3. Матасова И.В. Стили руководства на государственных и частных предприятиях: общее и особенное // Вестник РГГУ. Серия «Социология». – 2008. – № 2. – С. 149-150.
4. Нечепоренко О.П. Стиль руководства как фактор социально-психологического климата коллектива и удовлетворенности работой // Вестник Омского университета. – 2013. – №1. – С. 45-53.
5. Патрушев В.Д. Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. – М.: Экономика, 1993. – 203 с.
6. Перфильева М.Б. Социологический подход к оценке стиля руководства // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2010. – № 137. – С. 162-169.
7. Пучкова Т.Е. Стиль управления в инновационном общеобразовательном учреждении // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – С. 71-73.
8. Русалинова А.А. Совершенствование системы взаимоотношений в первичном коллективе // Проблемы промышленной социальной психологии: избранные труды (1964–2008 гг.). – СПб., 2009. – С. 163-172.

9. Тощенко Ж.Т. Социология управления. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
10. Чупров В.И., Осипова М.А. Социология управления. Теоретические основы. – М.: Инфра-М, 2015. – 172 с.
11. Урбанович А.А. Психология управления. – Минск: Харвест, 2007. – 640 с.

REFERENCES

1. Babosov E.M. The Sociology of management. [Sociologija upravljenija]. Minsk, 2006. 288 p. (in Russ.)
2. Loktionova E.Ju. The leadership Style and psychological climate in the staff of the. [Stil' rukovodstva i psihologicheskij klimat v kollektive medicinskogo uchrezhdenija]. Conference proceedings the SPC «Sociosphere»=Sborniki konferencij NIC «Sociosfera». 2014. No 7. Pp. 114-117. (in Russ.)
3. Matasova I.V. Leadership Styles in public and private companies: General and special. [Stili rukovodstva na gosudarstvennyh i chastnyh predpriyatiyah: obshhee i osobennoe]. The Bulletin of RGGU. A Series Of «Sociology»=Vestnik RGGU. Seriya «Sociologija». 2008. No 2. Pp. 149-150. (in Russ.)
4. Necheporenko O.P. Leadership Style as a factor of socio-psychological climate of the team and job satisfaction. [Stil' rukovodstva kak faktor social'no-psihologicheskogo klimata kollektiva i udovletvorennosti rabotoj]. The Bulletin of Omsk University=Vestnik Omskogo universiteta. 2013. No 1. Pp. 45-53. (in Russ.)
5. Patrushev V.D. Job Satisfaction: socio-economic aspects. [Udovletvorennost' trudom: social'no-jekonomicheskie aspekty]. Moscow, 1993. 203 p. (in Russ.)
6. Perfil'eva M.B. A Sociological approach to the evaluation of leadership style. [Sociologicheskij podhod k ocenke stilya rukovodstva]. Proceedings of RGPU of the A. I. Herzen=Izvestija RGPU im. A.I. Gercena. 2010. No 137. Pp. 162-169. (in Russ.)
7. Puchkova T.E. The management Style in the innovative educational institution. [Stil' upravljenija v innovacionnom obshheobrazovatel'nom uchrezhdenii]. Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2011. No 2 Pp. 71-73. (in Russ.)
8. Rusalina A.A. Improving the system of relationships in primary team. [Sovershenstvovanie sistemy vzaimootnoshenij v pervichnoj kollektive]. Problems of the industrial social psychology: selected papers (1964-2008 years)=Problemy promyshlennoj social'noj psihologii: izbrannye trudy (1964-2008 gg.). SPb, 2009. Pp. 163-172. (in Russ.)
9. Toshchenko Zh.T. Sociology of management. [Sociologija upravljenija]. Moscow, 2011. 300 p. (in Russ.)
10. Chuprov V.I., Osipova M.A. Sociology of management. The theoretical foundations. [Sociologija upravljenija. Teoreticheskie osnovy]. Moscow, 2015. 172 p. (in Russ.)
11. Urbanovich A.A. Psychology of management. [Psihologija upravljenija]. Minsk, 2007. 640 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Духина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, кафедра педагогики, психологии и социологии, Ставропольский государственный аграрный университет, г. Ставрополь, Россия
tatvana.dukhina@mail.ru

Получена: 20.02.2016

Для цитирования статьи: Духина Т.А. Проблема выбора стилей руководства в управленческой культуре: теоретический анализ. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 140-144.
 doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-140-144

Information about the author

Dukhina Tatiana N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Education, Psychology and Sociology, Stavropol State Agrarian University, Stavropol, Russia
tatvana.dukhina@mail.ru

Received: 20.02.2016

For article citation: Dukhina T.N. Selecting leadership styles problem in management culture: theoretical analysis. [Problema vybora stiley rukovodstva v upravlencheskoy kul'ture: teoreticheskiy analiz]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 140-144.
 doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-140-144

УДК 314.748

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-145-148

КАСЬЯНОВ Валерий Васильевич,
Институт социально-политических исследований РАН,
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

KASYANOV Valery V.,
Institute of Socio-Political Researches of Russian
Academy of Sciences,
Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

ШАПОВАЛОВ Сергей Николаевич,
Институт социально-политических исследований РАН,
г. Краснодар, Россия

SHAPOVALOV Sergey N.,
Institute of Socio-Political Researches of Russian
Academy of Sciences,
Krasnodar, Russia

ИНТЕГРАЦИЯ ЭМИГРАНТОВ И БЕЖЕНЦЕВ В ПРИНИМАЮЩЕЕ ОБЩЕСТВО: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

INTEGRATION OF MIGRANTS AND REFUGEES IN HOST SOCIETY: EUROPEAN AND RUSSIAN APPROACHES TO THE PROBLEM

Наблюдаемые в настоящее время миграционные волны захлестывают территорию Европейского союза, Ближнего Востока и отчасти Россию. Они приводят к постепенной дестабилизации социально-политической ситуации в районах скопления эмигрантов и способствуют разрушению местных социально-экономических устоев. Сотни тысяч людей покидают свою родину под воздействием разноплановых факторов: военных действий, этнических конфликтов, экономического кризиса, религиозных столкновений. В связи с этим европейскому сообществу жизненно необходим согласованный подход к интеграции современных миграционных потоков. Для этого требуется не только мониторинг ситуации, но и ее научное осмысление, с предложением конкретных инструментов и механизмов регулирования сложившейся ситуации. В представленной статье авторами исследуются каналы эмиграции и их локализация, выделяются условные подходы к интеграции эмигрантов в принимающее общество (на примере украинских эмигрантов в России и ливийских и сирийских – в государствах ЕС). Методика исследования основана на использовании контент-анализа законодательных актов, материалов СМИ и средств коммуникации, освещающих современную миграционную ситуацию.

The migratory waves observed now, overflow the territory of the European Union, the Middle East and partly Russia. They lead to gradual destabilization of a socio-political situation in regions of a congestion of migrants and promote destruction of local social and economic foundations. Hundreds of thousands of people leave the homeland under the influence of versatile factors: military operations, ethnic conflicts, economic crisis, and religious collisions. In this regard to the European community the coordinated approach to integration of modern migration flows is vital. For this purpose it is required not only monitoring of a situation, and her scientific judgment, with the offer of concrete tools and mechanisms of regulation of current situation. In the submitted article authors investigate channels of migration and their localization, conditional approaches to integration of migrants into the accepting society are allocated (on the example of the Ukrainian migrants in Russia and Libyan and Syrian in the states of the EU). The technique of research is based on use of the content analysis of the acts, materials mass media and means of communication covering a modern migratory situation.

Ключевые слова: Ближний Восток, война, Европейский союз, иностранные миграции, миграционный поток, мусульманская община, Россия, Украина, эмиграция

Keywords: Middle East, war, European Union, foreign migrations, migration flow, Muslim community, Russia, Ukraine, emigration

Миграционная ситуация, сложившаяся в период 2012–2016 гг. на Ближнем Востоке, на Украине, в странах Европейского союза и России, в очередной раз демонстрирует всему мировому сообществу, что в условиях глобализации любое необдуманное политическое действие или военный конфликт могут спровоцировать перемещение сотен тысяч людей. В этих масштабных внутренних миграциях и эмиграциях принимают участие представители многих народов и национальностей, которые достаточно сильно дифференцированы по экономическим, политическим, конфессиональным, социально-демографическим и территориальным характеристикам.

В миграционном потоке, который направлен в страны ЕС и Россию, можно условно выделить три канала эмиграции с более или менее четкой территориальной и этнической привязкой. Один из них ливийский. Он преимущественно ориентирован на достижение территории Италии. Через него проходят граждане Ливии, а также соседних африканских государств. Интенсификация ливийского канала эмиграции произошла в 2011 г. после начала в стране военных действий. С этого времени десятки тысяч людей эмигрируют из страны, переплывая через Средиземное море. Достигая Италии, они надеются получить официальный статус – беженец, который дает возможность оформить документы и получить помощь со стороны ЕС.

Следующий канал эмиграции можно условно обозначить как сирийский. Его крайне сложно связать с этническими и территориальными характеристиками. Общеизвестно, что под видом сирийских беженцев и эмигрантов скрываются представители других государств Ближнего Востока. Кроме того, сирийские беженцы используют в качестве плацдарма для попадания в

страны ЕС не только побережье самой Сирии, но и Ливана и Турции. Именно к сирийскому каналу эмиграции приковано в настоящее время внимание всего мирового сообщества.

Сирийский канал эмиграции направлен на территорию Греции. Однако из-за экономического кризиса в этой стране роль Греции в планах эмигрантов и беженцев сведена лишь к временному плацдарму на пути в более обеспеченные и развитые страны ЕС. В отличие от ливийского канала эмиграции, сирийский более молодой и масштабный. Он будет сохранять ведущую роль в миграционном потоке, пока ситуация на Ближнем Востоке не перейдет от стадии перманентного военного конфликта к восстановлению общественно-политической стабильности и социально-экономической определенности.

Еще одним каналом эмиграции остается украинский. Он может быть четко привязан территориально и этнически. Как и ливийский канал, он возник отнюдь не после начала политического кризиса на территории Украины и военных действий на юго-востоке страны. Эмиграция граждан страны в государства Европы и ЕС наблюдалась на протяжении 1990–2000-х гг. В 2010 г. Всемирный банк признал маршрут между Украиной и Россией вторым наиболее крупным в мире коридором нелегальной миграции после мексиканско-американского [1, с. 93].

Социально-политическая нестабильность на территории Украины спровоцировала миграционные процессы вынужденного характера [2, с. 59]. Поток эмигрантов и беженцев значительно возрос после начала боевых действий на Донбассе. В отличие от ливийского и сирийского каналов эмиграции, украинский носит многовекторный характер. В качестве приоритетных направлений потоки эмигрантов и беженцев направляются в Россию, государства ЕС и Белоруссию. По данным за 2012 г., на долю России приходилось 43% от трудовых мигрантов, а Испании – 5% [3].

На основании контент-анализа законодательных актов, материалов СМИ и средств коммуникации нами выделено два подхода к интеграции сирийских и ливийских эмигрантов в странах ЕС и украинских в России. Их условно можно обозначить как российский и европейский подходы.

Российский подход к интеграции украинских эмигрантов в принимающее общество ориентирован на создание максимально доступных условий въезда в страну и получения официальных разрешительных документов на пребывание и занятие легальной трудовой деятельностью. Российские власти не только стремятся узаконить статус прибывающих с Украины людей, но и как можно быстрее интегрировать их в новые социально-экономические условия. Первым шагом на этом пути является легализация эмигрантов и беженцев и наделение их юридическими правами и обязанностями. Наличие документов и разрешений на работу позволяет украинским гражданам занять свою нишу на рынке труда, частично или полностью восстановить свою материальную независимость.

Для этого в России применяется целый комплекс разноплановых мер. К их числу, несомненно, относится упрощение процедуры выдачи разрешительных документов. Для ускорения их оформления были открыты и действуют дополнительные офисы и кабинеты Федеральной миграционной службы России в местах наибольшего скопления граждан Украины. До 1 августа 2015 г. для них действовали преференции по пребыванию в России. После на правительственном уровне было принято решение о продлении на 90 суток после 1 августа срока пребывания в стране граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Украины и прибывших на территорию России в экстренном массовом порядке. Принятые поправки касаются лиц, которые не успели получить в России временное убежище или другой документ о законности пребывания.

Во многих пограничных с Украиной субъектах России был проведен мониторинг рынка труда с целью выявления лакун, которые могли бы заполнить украинские эмигранты и беженцы. Информация о вакансиях и потребностях рынка труда была представлена на официальных сайтах и в общедоступных средствах массовой информации. В процессе решения проблем с расселением украинских эмигрантов были задействованы всевозможные средства: размещение у родственников, друзей и знакомых, в санаториях и гостиницах, в муниципальных строениях и в частном секторе у желающих принять у себя граждан Украины.

На социально-бытовое обустройство украинских беженцев и эмигрантов постоянно выделяются федеральные средства. Последние были ассигнованы 23 марта 2016 г. в размере 736 млн руб. Они распределены между Ростовской областью, Татарстаном, Приморским краем, Адыгеей и Калининградской областью [4].

Резюмируя, мы можем сделать вывод, что российский подход к интеграции украинских эмигрантов в принимающее общество носит целостный и многоаспектный характер. Он

направлен на скорейшую и максимально удобную адаптацию прибывающих в новую политическую, экономическую и правовую реальность.

Европейский подход к интеграции мигрантов в принимающее общество, на наш взгляд, принципиально отличается от российского. Вопреки постоянным заявлениям европейских чиновников и политиков о формировании единого социально-экономического и культурного пространства позиции стран в отношении приема и адаптации мигрантов сильно разнятся. В странах ЕС происходит ужесточение пограничного контроля и миграционного законодательства.

При этом масштаб эмиграции в страны ЕС значительно уступает потоку с территории Украины в Россию. По данным агентства Евросоюза по безопасности внешних границ, за 2014 г. было зарегистрировано 280 тыс. беженцев, а в сентябре 2015 г. эта цифра превысила 500 тыс. [5]. В Европе существует вполне реальная возможность перераспределения эмигрантов и беженцев между наиболее обеспеченными и социально-благоустроенными государствами. Кроме того, во многих странах имеются многочисленные и хорошо организованные мусульманские общины. Они могут быть ключевыми посредниками между европейскими чиновниками и вновь прибывшими благодаря отсутствию языкового и религиозного барьеров.

Однако в последнее время повсеместно наблюдаются лишь ожесточенные дискуссии по вопросам размещения, обеспечения и легализации эмигрантов. Менее развитые в экономическом плане страны пытаются полностью отказаться от них, предоставив заниматься проблемами адаптации мигрантов своим соседям. Неоднозначно к эмигрантам относится население, некоторые местные политические и общественные организации. Серьезные протестные настроения проявляются в Венгрии, Чехии, Словакии, Польше, странах Прибалтики и Германии.

Практически не сдвинут с места вопрос об экономической адаптации эмигрантов. Вместо этого страны ЕС финансируют Турцию, которая не должна допускать беженцев в Европу. Вследствие этого миграционные потоки в государствах ЕС превращаются в дестабилизирующий фактор социального развития, усиливающий маргинализацию местных сообществ и вновь прибывших.

Резюмируя, мы можем заключить, что европейский подход к интеграции мигрантов в принимающее общество носит недостаточно скоординированный и ситуативный характер. Страны ЕС стараются переложить проблему адаптации эмигрантов друг на друга, усугубляя сложившуюся ситуацию, затягивая решение накопившихся проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Толстокорова А.В. Транзитная миграция в Украине // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 15.
2. Шипицина Т.Ю. Современная миграционная политика Российской Федерации в пограничном пространстве с Украиной: особенности, тенденции и влияние на безопасность государства // PolitBook. – 2015. – № 1.
3. Уварова И.С. Международные миграционные процессы в Украине и тенденции их интенсификации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. [Электронный ресурс] // URL: www.science-education.ru/121-17426 (дата обращения: 2.09.2015).
4. Правительство РФ выделило регионам 736 млн руб. на беженцев с Украины. [Электронный ресурс] // URL: <http://rg.ru/2016/03/23/pravitelstvo-rf-vydilo-regionam-736-mln-rub-na-bezhencev-s-ukrainy.html> (дата обращения: 23.03.2016).
5. Евросоюз отчитался о количестве прибывших мигрантов. [Электронный ресурс] // URL: <https://news.mail.ru/politics/23311893/> (дата обращения: 16.09.2015).

REFERENCES

1. Tolstokorova A.V. Transit migration in Ukraine. [Tolstokorova A.V. Tranzitnaya migraciya v Ukraine]. Pskovskij regionologicheskij zhurnal, 2013. No 15, pp. 91–95. (in Russ.).
2. Shipitsina T.Yu. Modern migration policy of the Russian Federation in boundary space with Ukraine: features, tendencies and influence on safety of the state. [Shipitsina T.Yu. Sovremennaya migracionnaya politika Rossijskoj Federacii v pogranchnom prostranstve s Ukrainoj: osobennosti, tendencii i vliyanie na bezopasnost' gosudarstva]. PolitBook, 2015. No 1, pp. 58–69. (in Russ.).
3. Uvarova I.S. The international migratory processes in Ukraine and a tendency of their intensification. [Uvarova I.S. Mezhdunarodnye migracionnye processy v Ukraine i tendencii ih intensivacii]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. Available at: <http://www.science-education.ru/121-17426> (accessed: 2 September 2015).
4. The Government of the Russian Federation has allocated to regions 736 million rubles for refugees from Ukraine (Pravitel'stvo RF vydilo regionam 736 mln rub. na bezhencev s Ukrainy). Available at: <http://rg.ru/2016/03/23/pravitelstvo-rf-vydilo-regionam-736-mln-rub-na-bezhencev-s-ukrainy.html> (accessed: 23 March 2016).
5. The European Union has reported on the number of the arrived migrants (Evrosoyuz otchitalsya o kolichestve pribyvshih migrantov). Available at: <https://news.mail.ru/politics/23311893/> (accessed: 16 September 2015).

Информация об авторе

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, руководитель Северо-Кавказского отдела социальных исследований, Институт социально-политических исследований РАН,
г. Краснодар, Россия
culture@kubsu.ru

Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник, Северо-Кавказский отдел социальных исследований, Институт социально-политических исследований РАН,
г. Краснодар, Россия

Получена: 09.02.2016

Для цитирования статьи: Касьянов В.В., Шаповалов С.Н. Интеграция эмигрантов и беженцев в принимающее общество: российский и европейский подходы к проблеме. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 145-148.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-145-148

Information about the author

Kasyanov Valery V., Doctor of Sociological Sciences, Head of North-Caucasian Department of Social Researches, Institute of Socio-Political Researches of Russian Academy of Sciences, Krasnodar, Russia
culture@kubsu.ru

Shapovalov Sergey N., Candidate of Historical Sciences, Junior Researcher, North-Caucasian Department of Social Researches, Institute of Socio-Political Researches of Russian Academy of Sciences, Krasnodar, Russia

Received: 09.02.2016

For article citation: Kasyanov V.V., Shapovalov S.N. Integration of migrants and refugees in host society: European and Russian approaches to the problem. [Integratsiya emigrantov i bezhentshev v prinyimayushchee obshchestvo: rossiyskiy i evropeyskiy podkhody k probleme]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 145-148.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-145-148

УДК 316.32

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-149-157

ПОКАТОВ Дмитрий Валериевич,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия
dvpokatov@gmail.com

POKATOV Dmitry V.,
Saratov National Research State University named after
N.G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia
dvpokatov@gmail.com

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В САРАТОВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

SOCIOLOGICAL SCIENCE AND EDUCATION IN SARATOV: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

В статье рассматриваются особенности институционализации социологии и социологического образования в Саратове. Определяются этапы институционализации региональной и университетской социологии и рассматриваются их характерные особенности. Особое внимание уделяется первому периоду, связанному с зарождением социологической науки в Саратовском университете, разработкой планов преподавания социологии на действовавших в то время факультетах и отделениях, созданием первых кафедр социологии политико-юридического отделения факультета общественных наук. На основе имеющихся архивных материалов и других источников рассматриваются основные направления деятельности первых кафедр социологии университета, а также некоторые этапы жизненного пути ученых-социологов. Также значительное место отводится становлению социологического факультета Саратовского государственного университета, дается характеристика базовых направлений научных исследований, вклада видных ученых-социологов, работавших в разные годы в университете и регионе.

The article considers the peculiarities of sociology and sociological education institutionalization in Saratov. Regional and university sociology institutionalization stages are being defined and their characteristic peculiarities are being considered. Special attention is being paid to the first period connected with the origin of the sociological science at Saratov University, with the working out of the plans of sociology teaching at the faculties and departments that existed at those times, with the organization of the first sociology chairs at the political and law department of the social sciences faculty. Some basic trends in scientific investigation of the first sociology chairs at the University are being considered on the basis of the existing archives materials and some other sources. And some stages in the lives of, the sociological scientists are being considered, too. And important attention is being paid to the formation of the sociological faculty at Saratov State University. Some basic trends in scientific investigation are being characterized as well as contribution of prominent scientists who worked at different times in the field of sociology at the University and the region.

Ключевые слова: социологическая наука, социологическое образование, регион, региональная социология, традиции, институционализация, генезис, эволюция, университет, факультет

Keywords: sociological science, sociological education, region, regional sociology, traditions, institutionalization, genesis, evolution, university, faculty

За последние двадцать с лишним лет, прошедших с момента возрождения социологии в нашей стране, значительно возросло число публикаций, в которых в той или иной степени затрагиваются различные аспекты становления и развития региональной социологии, а также организации социологического образования в регионах [1]. Это не является случайным и во многом обуславливается своеобразным ренессансом социологической науки, процесс развития которой становится все более динамичным после значительного периода идеологического диктата и фактического запрета ее преподавания. Вместе с тем, как правило, многие из вышедших работ отражают современный этап развития социологической науки и образования. Однако процесс становления социологической науки и образования на региональном уровне имеет достаточно давние традиции, что, по сути, детерминирует несомненную актуальность и значимость его изучения на современном этапе. Цель настоящего исследования заключается в анализе генезиса, эволюции и рассмотрении современного состояния социологической науки и образования в Саратовском регионе. Для реализации целей исследования в работе используются как общенаучные методы анализа и синтеза, так и специально-научные методы, в том числе генетический и сравнительно-исторический.

Рассматривая процесс становления социологии в Саратове, отметим, что ее преподавание ведет свой отсчет с 1918 г., сразу после открытия в Саратовском государственном университете, одном из старейших вузов страны, основанном в 1909 г., историко-филологического и юридического факультетов.

Сам процесс институционализации социологической науки, связанный вначале именно с Саратовским госуниверситетом, по сути, включал в себя ряд этапов: разработка и преподавание теоретических основ социологии (1918–1920 гг.), создание и деятельность первых кафедр социологии политико-юридического отделения факультета общественных наук (ФОН) (1920–1924 гг.), закрытие ФОН и преподавание социологии на ряде факультетов и отделений университета (педагогическом, правовом отделениях факультета хозяйства и права) (1924–1929 гг.), возрождение социологической науки и социологического образования, связанное с созданием кафедр социологии и социологических центров в ряде вузов Саратова и организацией обще-

университетской кафедры социологии (1990–1996 гг.), преобразованной в 1997 г. в кафедру социологии и массовой коммуникации, входившей в состав факультета гуманитарных и социальных наук (ФГСН), создание и деятельность социологического факультета Саратовского государственного университета (с 2000 г. по настоящее время).

Как отмечалось выше, начало процессу преподавания социологии и становлению самой социологической науки в Саратове было положено в первые послереволюционные годы. Общеуниверситетский курс основ социологии, согласно плану преподавания на 1918–1919 гг., первоначально читался на юридическом факультете (вместе с теоретическими курсами по истории философии права, политической экономии, государственному и административному праву) [2, л.1]. В апреле 1919 г. по решению Наркомпроса РСФСР существенно меняется структура гуманитарных факультетов. На базе существовавших до этого юридических, исторических и филологических факультетов создавались факультеты общественных наук (ФОН). Их состав в действовавших тогда университетах значительно различался. Так, Петроградский ФОН включал в себя философское, этнолого-лингвистическое, историческое, филологическое, политико-юридическое и социально-экономическое отделения [3, с. 692].

В Саратовском университете ФОН был создан в составе трех отделений: политико-юридического, экономического и исторического. С созданием в Саратовском университете в мае 1919 г. ФОН был существенно расширен контингент слушателей. Теоретические основы социологии вместе с историей социалистических учений и методологией общественных наук читались теперь для студентов юридического отделения, обучающихся на 1-3-х курсах, студентов 2-го курса экономического и 1-4-х курсов исторического отделений [4, л.1]. Преподаваемый курс основ социологии, согласно действовавшим тогда планам, предусматривал не только лекционные, но и практические занятия. Как отмечал в своей докладной записке о закрытии факультета общественных наук Председатель его Президиума профессор С.В. Юшков, несмотря на весьма неблагоприятные условия первых послереволюционных лет, «в которых находился факультет, помещающийся на окраине города в весьма неудобном, неотапливаемом помещении, ... все семинарские и практические занятия были переполнены до такой степени, что некоторыми руководителями было признано желательным дробление семинаров на особые группы. ...интерес к занятиям так велик, что некоторым руководителям пришлось продолжить занятия и закрыть семинарии позже их срока, указанного в декрете Народного комиссариата по просвещению» [5, л.1].

Активность, проявленная студентами в учебном процессе, дополнялась и их стремлением участвовать в проведении научных исследований, что способствовало организации научного кружка, включавшего в себя целый ряд секций, в том числе историко-юридическую, государственного права и социологии, экономическую, философско-историческую. В состав кружка первоначально входило 60 человек [6, с. 20].

Достаточно важным этапом в становлении социологии в Саратове и Саратовском университете стало открытие новых кафедр. 18 февраля 1920 г. на заседании совета ФОН был утвержден список новых кафедр входившего в него политико-юридического отделения, среди которых были кафедры социологии и истории социально-политических учений и уголовной социологии. Создание профильных кафедр, несомненно, активизировало как учебный процесс, так и научные исследования в различных областях социологии.

Отметим тот факт, что, поскольку социология в Саратовском университете зарождалась в недрах политико-юридического отделения ФОН, а не философского, как в МГУ, и экономического, как в СПбГУ, это накладывало на первых порах свой отпечаток на направленность научных исследований и разработок ученых, внесших свой вклад в становление университетской социологии. Многие из первых университетских ученых, преподававших социологию, были юристами, философами либо историками. В своих трудах они поднимали достаточно важные проблемы предмета, структуры и задач социологии, истории социологии, социально-правовых взглядов отдельных ее представителей, генетической социологии, социологии политики и управления, которые в дальнейшем, после возрождения в 80-е гг. XX в. социологии, стали активно разрабатываться новым поколением университетских социологов.

Среди ученых, работавших в сфере университетской и региональной социологии в первые послереволюционные годы и внесших значительный вклад как в организацию учебного процесса, так и в определение предметной области и задач социологии, особо следует сказать о С.Ф. Кечекьяне, С.Л. Франке, И.П. Разумовском и С.З. Каценбогене.

Достаточно большой вклад в организацию учебного процесса внес магистр права и приват-доцент Московского университета Степан Фёдорович Кечекьян (1890–1967), работавший в

1918–1919 гг. в Саратовском университете, в том числе в должности Председателя Президиума ФОН университета. Он не только читал лекции по социологии на факультете общественных наук, но и заведовал кабинетом, заботясь о его пополнении необходимой новейшей литературой [7, л.50 об.]. Впоследствии, после возвращения в Москву, он защитил докторскую диссертацию «Общественно-политические воззрения Аристотеля», опубликовал монографию «Учение Аристотеля о государстве и праве», ряд статей по истории социологии: «Социологические взгляды Огюста Конта», «Американские социологические теории государства и права» [8, с. 137–138]. Под его научным руководством защитились многие известные ученые, общественные и государственные деятели, в том числе, видный отечественный политический деятель, политолог, профессор Ф.М. Бурлацкий, председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин, известный ученый-правовед В.С. Нерсесянц и др.

Значителен вклад в развитие мировой и отечественной социально-философской мысли и университетского образования первого декана историко-филологического факультета, одного из крупнейших филологов XX века Семена Людвиговича Франка (1877–1950), работавшего в 1917–1921 гг. в Саратовском университете. Как вспоминала впоследствии жена С.Л. Франка, Татьяна Сергеевна, Временное правительство пригласило Семена Людвиговича «организовать в Саратове историко-филологический факультет – там был только медицинский. Так как это был мой родной город, то мы охотно согласились... Уже все разваливалось, поэтому все старались как-то устроиться» [9, с. 183]. В Саратове С.Л. Франк стал не только деканом историко-филологического факультета, но и возглавил кафедру философии, стал организатором фило-софского отделения ФОН университета. Неоценим его вклад в создание Саратовского фило-софско-исторического общества. Являясь выдающимся представителем отечественной и ми-ровой философской мысли, С.Л. Франк внес свой вклад и в разработку проблем общей соци-ологии, стремясь определить задачи обобщающей социальной науки, которые, по его мнению, не должны противопоставлять реальность и идеал, а способствовать их рациональному един-ству и дополнению, что возможно при условии определения новых методологических принци-пов и соответствующих им методов. [10, с. 45]. Также заметное место в его творчестве занима-ют и различные аспекты социологии религии и культуры и политической социологии.

Ещё одним крупным социологом, работавшим в 1921–1925 гг. в Саратовском университе-те, был выпускник исторического отделения университета Сорбонны Исаак Петрович Разумов-ский. В ряде биографических справочников, вышедших в 90-е гг. прошлого века, его очень ча-сто несправедливо отождествляют с другим крупным саратовским ученым – первым ректором Саратовского университета – Василием Ивановичем Разумовским. Исаак Петрович, являясь профессором по кафедре социологии, преподавал теорию исторического материализма и исто-рию социализма на педагогическом отделении ФОН [11, с. 1]. И.П. Разумовский являлся авто-ром одного из первых курсов исторического материализма. Известный российский социолог, представитель классической школы отечественной социологии Н.И. Кареев видел в нем одного из главных (наряду с Н.И. Бухариным и С.А. Оранским) «систематизаторов теории экономиче-ского материализма» [12, с. 324].

Видным представителем марксистского направления в социологии в 20-е гг. являлся за-ведующий (с 1925 г.) кафедрой диалектического материализма факультета права и хозяйства СГУ, ректор (директор) университета (1928–1932 гг.) Соломон Захарович Каценбоген (1889–1946). Сразу после Октябрьской революции 1917 года он активно занимается политической де-ятельностью, являясь, в том числе, заместителем наркома просвещения Белоруссии. В 1921 г. он становится профессором кафедры социологии и первобытной культуры, деканом факульте-та общественных наук и заместителем ректора Белорусского университета. Учившийся в 20-е в Саратовском университете будущий доцент кафедры истории средних веков В.А. Ермолаев вспоминал, что Соломон Захарович достаточно хорошо читал лекции, «имел хорошо подве-шенный язык, большое честолюбие...», «среди университетских партийцев он был авторитет-ной фигурой» [13, с. 129, 140]. Так же, как и И.П. Разумовский, С.З. Каценбоген разрабатывал в основном общесоциологические и общеполитические вопросы, доказывая вслед за Н.И. Буха-риным что социология – это только составная часть философского знания. Наряду с общесо-циологическими работами им был написан ряд статей, в которых рассматривались социально-политические и философские воззрения ряда социальных мыслителей и социологов («Соци-ально-политические воззрения М. Бакунина», «Философские воззрения Н.Г. Чернышевского»). Ряд его исследований был посвящен проблемам генетической социологии и истории первобыт-ной культуры.

Помимо названных выше ученых, внесших значительный вклад в процесс институционализации социологии в Саратове, нельзя не вспомнить также и менее известных представителей смежных областей знания, оказавших влияние на ее развитие в рассматриваемый период. В первую очередь это относится к разрабатывавшему социологические и правовые аспекты преступности профессору кафедры уголовного права факультета права и хозяйства СГУ Герберту Юлиановичу Маннсу (1884–1938) (с 1928 г. являвшемуся также директором Фундаментальной библиотеки Саратовского университета), отечественному правоведу, заведующему кафедрой государственного и административного права правового отделения факультета права и хозяйства университета, автору работ «Положение чиновников в государстве», «Общества чиновников во Франции» Петру Ивановичу Алексею (1889–1942), профессору кафедры государственного права Александру Васильевичу Горбунову, читавшему курс основ социальной политики и автору ряда исследований в области теории и практики управления (в том числе «Методологические основы учения Лоренца Штейна об управлении», «Законность управления и ее необходимые условия»), профессору кафедры статистики экономического отделения ФОН Александру Григорьевичу Ковалевскому (1892–1933), широко известному своими работами в области статистики, демографии и разработки основ теории выборочного метода.

Концентрация на кафедрах социологии и уголовной социологии факультета общественных наук университета значительного научного потенциала, по сути, являлось одной из основ поступательного развития социологического знания не только в университете, но и в целом в Саратове. Вместе с тем быстрое развитие социологической науки, появление значительного числа творческих и самобытных исследований, многие из которых не соответствовали господствовавшим тогда идеологическим приоритетам, не могли не тревожить представителей советской партийно-государственной элиты того времени. Не случайно ещё в 1913 г. известный русский социолог М.М. Ковалевский, говоря о характерном противоречии между социологией и теорией классовой борьбы, писал: «Социалисты с нескрываемой подозрительностью относятся к социологии: наука, проповедующая общественную солидарность, как бы подкапывается под их credo классовой борьбы и уже тем вызывает опасения самых левых течений общественной мысли, что ... не видит возможности обеспечить прогресс и поступательное развитие человечества без прочного общественного порядка. А это уже очевидно идет вразрез с проповедью анархии, хотя бы приходящей к признанию возможности обходиться без правительства» [14, с. 5].

Осознание правящей элитой необходимости большего идеологического единства и придания процессу перевоспитания студенчества желаемой направленности привело 4 марта 1921 г. к изданию постановления СНК РСФСР «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех высших школах РСФСР». Данный минимум включал в себя целый комплекс как общественных, так и естественных дисциплин, в том числе: развитие общественных форм (триместр по 4 ч. в неделю), исторический материализм (триместр по 3 ч.), пролетарская революция (2 триместра по 2 ч.), политический строй РСФСР (триместр по 2 ч.), план электрификации РСФСР (2 триместра по 2 ч.), физика и космическая физика (2 триместра по 2 ч.), химия (триместр по 2 ч.), биология (2 триместра по 2 ч.). Названные выше дисциплины были обязательны для всех факультетов. Позднее к ним добавился еще и курс «История РКП(б)». Общественные дисциплины могли преподавать теперь только лица, стоящие на марксистских позициях [15, Т.1., с. 114].

Поставленные новые задачи партийного и государственного строительства привели к ликвидации в 1924 г. факультетов общественных наук. В Саратовском университете ФОН был реорганизован в факультет хозяйства и права, где вместо кафедр социологии и уголовной социологии появились кафедры политической экономии, диалектического и исторического материализма. Только на педагогическом факультете до конца 20-х гг. оставалась кафедра социологии, на которой в сокращенном виде читались курсы исторического материализма, истории организации и программы коммунистической партии [16, с. 83].

Начиная с конца 20-х гг. прошлого века в Саратовском университете, как и по всей стране, на долгие годы, вплоть до конца 80-х гг. XX в., прекращается преподавание социологии. Однако сама социологическая проблематика присутствовала в трудах представителей философского, исторического знания, отдельных исследователей, разрабатывавших основы теории научного коммунизма и политической экономии.

В 70–80-е гг. коллектив кафедры истории КПСС под руководством заведующего кафедрой, профессора Б.Б. Островского занимался изучением крестьянства, проводились исследования труда, быта и досуга крестьян. Заведующий кафедрой научного коммунизма В.И. Осипов

в течение целого ряда лет читал студентам исторического факультета университета большой спецкурс по методике социологических исследований. В 1971 г. появилась книга первого заведующего кафедрой научного коммунизма университета И.Н. Чихичина и доцента той же кафедры Ю.А. Макарова «Система общественных объединений трудящихся в политической организации советского общества», написанная в плане политической социологии [17, с. 49]. Во многом все это способствовало процессу постепенного возрождения социологии как науки и учебной дисциплины в регионе.

Новый этап в развитии региональной и, в том числе, университетской социологии непосредственно связан с принятием известного Постановления политбюро ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества», принятого 7 июня 1988 г., в котором констатировалось, что социология еще не заняла должного места в творческом развитии марксистско-ленинского обществоведения, формировании научного мировоззрения трудящихся; отстает разработка многих фундаментальных теоретических и методологических вопросов; социологические исследования нередко имеют узкоэмпирический характер, упрощенно толкуют вопросы общественного развития, не содержат научно обоснованных рекомендаций и предложений [18, с. 4]. В Постановлении в числе других важных вопросов определялся перечень 12 высших учебных заведений, в которых должны были быть открыты социологические факультеты и отделения. В их числе назывались Московский и Ленинградский (ныне – Санкт-Петербургский) университеты.

Хотя Саратовский госуниверситет и не был назван в числе вузов, где должны были быть созданы социологические факультеты и отделения, работа по возрождению социологической науки и образования здесь (как и в других вузах региона) также велась достаточно активно. При этом, наряду с Саратовским университетом, стали создаваться кафедры социологии и социологические центры и в ряде других вузов. Как отмечает известный саратовский социолог В.Н. Ярская, возрождение саратовской социологии, вне стен Саратовского университета, в конце 80-х гг. прошлого века началось с промышленной тематики в лаборатории комплексных социально-экономических исследований (ЛКСЭИ) автодорожного института (ныне – Саратовского государственного технического университета (СГТУ) имени Ю.А. Гагарина), где работали «трудовики», накапливавшие опыт полевых работ. Также в 1980-е гг. прошлого века на базе СГТУ был открыт социологический центр, проводивший исследование широкого спектра проблем, в том числе региональных этнических процессов, образования, семьи, занятости. Затем на базе СГТУ были открыты кафедры социологии и социальной работы и социальной антропологии [19, с. 439]. В это же время в Институте социально-экономических проблем АПК (ныне Институт аграрных проблем РАН), организованном профессором В.Б. Островским, а затем и лаборатории социальной структуры и социодинамики активно изучались социальные процессы, происходящие в поволжском селе. Достаточно близко к данной тематике стал работать коллектив созданной в 1990 г. в Саратовском государственном социально-экономическом университете (ныне – Саратовском социально-экономическом институте – филиале Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова) кафедры экономической социологии, возглавляемой профессором А.Н. Кочетовым [20, с. 439].

В Саратовском государственном университете значительный вклад в возрождение социологии внес доцент Геннадий Васильевич Дыльников, чьи многочисленные встречи и консультации с коллегами из других вузов и регионов, ректором университета А.М. Богомоловым, активно поддерживавшим эту идею, сделали возможным саму постановку вопроса о создании новой кафедры социологии. В результате на основании решения Ученого совета СГУ от 20 февраля 1990 г. была организована общеуниверситетская кафедра социологии, которую и возглавил доцент Г.В. Дыльников [21, с. 112].

Возрождение социологического образования в университете проходило, как и в 20-е гг., в условиях отсутствия как необходимой учебно-методической базы, так и профессионально подготовленных кадров социологов. Именно поэтому основное внимание коллектива кафедры было обращено, прежде всего, на подготовку учебно-методических материалов. В результате в 1991 г. была издана «Примерная структура курса и планы семинарских занятий по социологии», через год – «Методические рекомендации по проведению семинарских и практических занятий по социологии», включавшие как тематику лекций и семинарских занятий, так и методические рекомендации по изучению предлагаемых тем. В 1992 г. вышло одно из первых отечественных учебных пособий – «Основы социологии. Опыт разработки лекционного курса». В дальнейшем был издан «Карманный социологический словарь» (1999), библиотека «В помощь изучающим социологию» (в 10 выпусках), «Азбука социологии» (в трех выпусках), а также новый перерабо-

танный курс – «Общая социология. Систематический курс» (1998). С созданием факультета данная практика была с успехом продолжена изданием в 2003 г. фундаментального курса лекций «Основы регионоведения», учебно-методического пособия для самостоятельной работы бакалавров «Социология» (2013 г.). В 2010 г. был создан учебный видеофильм по базовому курсу «Социология».

Одним из важных событий в истории кафедры явилось открытие в 1994 г. специальности «Социология», прием на которую первоначально осуществлялся на историческом факультете, что являлось возрождением традиции 20-х гг. прошлого века, когда кафедры социологии действовали на других гуманитарных факультетах и отделениях университета.

90-е гг. прошлого века явились временем возрождения не только социологического образования, но и социологии как науки. На кафедре социологии Саратовского университета стали активно разрабатываться проблемы истории социологии, социологии образования, местного самоуправления, молодежи, социологии поколений, личности и семьи, социологии элиты.

Значительный импульс для активизации научных исследований придало открытие аспирантуры (1994 г.) и докторантуры (1997 г.), диссертационного кандидатского совета (1995 г.), преобразованного (1997 г.) в совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

В 1996 г. общеуниверситетская кафедра социологии прекращает свою деятельность в связи с созданием в университете факультета гуманитарных и социальных наук (ФГСН). В 1997 г. решением Ученого совета факультета на кафедре социологии ФГСН была открыта новая специальность – «Журналистика». В связи с этим кафедра получает новое название – социологии и массовой коммуникации.

В июле 2000 г. на базе кафедры социологии и массовой коммуникации был создан социологический факультет. Первым деканом был избран его организатор, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Г.В. Дыльников. С 2013 г., после смерти Геннадия Васильевича, деканом факультета является доктор социологических наук С.Г. Ивченков.

С момента своего создания факультет включал три кафедры: теории и истории социологии, прикладной социологии, социологии коммуникаций.

Сегодня в составе факультета – шесть кафедр: истории, теории и прикладной социологии, социологии коммуникаций и управления, социологии регионов, социологии молодежи, социальной информатики, социологии социальной работы.

Факультет располагает также рядом исследовательских центров, в том числе Центром региональных социологических исследований и Научно-методическим центром по работе с молодежью.

В настоящее время на факультете обучаются более 700 студентов на очной, очно-заочной и заочной формах. Обучение ведется по следующим специальностям: «Социология», «Организация работы с молодежью», «Прикладная информатика в социологии», «Государственное и муниципальное управление», «Социальная работа». С 2010 г. на факультете ведется набор студентов для обучения в магистратуре по направлению «Социология», в рамках которой открыты ряд профилей – «Социология политики и международных отношений», «Современные методы и SPSS-технологии в изучении социальных проблем общества», «Социология регионального развития», «Демография», «Социология социальной работы», «Социология молодежной политики», «Социология конфликта». В 2013 г. программа «Социология регионального развития» прошла профессионально-общественную аккредитацию, осуществляемую Ассоциацией классических университетов России (АКУР) и в 2014 г. получила сертификат.

С 2011 г. также ведется обучение студентов по направлениям подготовки бакалавриата: «Социология», «Организация работы с молодежью», «Социальная работа», «Государственное и муниципальное управление», «Прикладная информатика» (профиль – «Прикладная информатика в социологии»), «Бизнес-информатика» (профиль «Социально-информационные системы в бизнесе»).

За прошедшие с момента основания факультета 15 лет сложился высокопрофессиональный коллектив преподавателей и исследователей. Из 48 работающих преподавателей – 13 докторов наук, профессоров и 35 кандидатов наук, доцентов. В действующем ныне диссертационном совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Саратовском государственном университете только за последние пять лет состоялись защиты пяти докторских и более чем 25 кандидатских диссертаций по двум специальностям: 22.00.01 – теория, методология и история социологии и 22.00.03 – экономическая социология и демография. При этом наряду с преподавателями социологиче-

ского факультета университета проходили защиты соискателей из Республики Татарстан, Пензенской, Самарской областей и других регионов.

С момента создания социологического факультета Саратовского университета коллектив преподавателей в своей научно-исследовательской и учебной деятельности стремится не только сохранить, но и преумножить традиции, заложенные многими выдающимися предшественниками-социологами. Как особую дань сложившейся традиции можно рассматривать то, что на факультете продолжает активно изучаться социологическое наследие выдающихся классиков отечественной социологической мысли. В последние годы вышел ряд работ и были защищены диссертации, посвященные творчеству М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина, Г.П. Федотова, Н.Г. Чернышевского, Б.Н. Чичерина и др. Также защищены диссертации, рассматривающие взгляды отечественных мыслителей по широкому спектру важнейших социальных проблем – прогресса, реформирования общества, роли элиты в общественных процессах. В рамках работы по изучению исторического наследия отечественной социологии в 2000 г. был издан сборник «Отечественная социология. История и современность». В 2003 г. увидел свет второй его выпуск.

Сохраняя преемственность в изучении ряда проблем с работавшими в 20-е гг. в университете социологами и социальными мыслителями, ученые факультета развивают и ряд новых направлений как социологического, так и междисциплинарного знания. Одним из них является факультетская тема «Проблемы социально-политического развития современного российского общества», в рамках которой анализируется целый спектр вопросов, в том числе становления и функционирования институтов государственной власти, системы местного самоуправления, взаимодействия органов местного самоуправления с общественными организациями и институтами общественного мнения, особенностей реализации социальной политики в ряде сфер общественной жизни, рекрутирования и функционирования федеральной и региональной политических элит.

Активно разрабатываются проблемы социологии поколений и межпоколенческой динамики в различных общественных системах. В рамках данного направления был проведен ряд конференций, действовал научный семинар «Поколенческая организация современного российского общества: взаимодействие поколений», издан ряд сборников и монографий.

В последние годы учеными факультета активно изучаются и различные аспекты многогранной региональной проблематики, представленные работами по таким важным вопросам, как трансформация моделей управления регионами, управление социальной сферой региона, развитие регионального рынка труда и предпринимательской деятельности в регионе, положение молодежи в региональном пространстве, реализация молодежной политики на региональном уровне, рассмотрение особенностей политической социализации молодежи, молодежного экстремизма и развития молодежных движений.

Еще одним перспективным направлением научных исследований сотрудников социологического факультета университета является разработка проблемы инновационных направлений и подходов в преподавании социологии, ориентированных на изучение инновационных технологий и методов образовательного процесса, используемых в подготовке кадров профессиональных социологов.

После создания в 2012 г. кафедры социологии социальной работы ведутся исследования по таким направлениям, как «Социология, антропология тоталитарных сообществ», «Стареющее общество: традиции и инновации», «Социальная работа в группах риска».

Большое значение для дальнейшего развития социологической науки и продолжения научных исследований имели состоявшиеся в разные годы на социологическом факультете Саратовского государственного университета всероссийские и международные конференции.

В октябре 2004 г. при поддержке Саратовского межрегионального института общественных наук (МИОН) состоялась Международная научная конференция «Социальное расслоение, власть и гражданское общество в современной России», в которой приняли участие более 100 ученых из различных городов России и зарубежных стран (в том числе, Германии, Сербии, США, Франции).

В 2008 г. социологический факультет Саратовского университета совместно с социологическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова провел IV Всероссийскую научную конференцию «Сорокинские чтения: Отечественная социология: обретение будущего через прошлое».

В феврале 2014 г. на социологическом факультете Саратовского университета состоялась первая международная научно-практическая конференция «Дыльновские чтения: повсе-

дневная жизнь россиян: социологический дизайн», посвященная памяти декана-основателя факультета, профессора Г.В. Дыльнова.

Также за последние 25 лет, прошедших с момента создания кафедры, а затем и факультета, его сотрудники ежегодно принимали участие в более чем 100 конференциях различного уровня. Среди них были и такие представительные форумы социологов, как I, II, III и IV Всероссийские социологические конгрессы, состоявшиеся в разные годы в Санкт-Петербурге, Москве, Уфе.

В целом современный этап развития как региональной, так и университетской социологии в силу все возрастающей интенсивности и многоплановости не может ограничиваться рамками одной работы и, несомненно, требует отдельного исследования.

Подводя итог, отметим, что накопленный за последние годы потенциал позволяет социологической науке в Саратове динамично развиваться, творчески сочетая опыт предшественников и инновационные ресурсы и механизмы современного развития, что, без сомнения, позволит в дальнейшем определить новые его перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Добренков В.И., Кравченко А.И., Гутнов Д.А. Социологическое образование в России. – М.: Академический проект; Alma mater, 2009. – С. 504-552.; Социология в Саратовском университете. 2-е изд./ Под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Научная книга, 2005.; Петров В.Н. Из истории социологии на Кубани // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 142-143.; Хохлов А.А. Страницы из развития социологии на Орловщине // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 144-147.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф Р-332. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
3. Добренков В.И., Кравченко А.И., Гутнов Д.А. Социологическое образование в России. – М.: Академический проект; Alma mater, 2009.
4. ГАСО. Ф Р-332. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
5. ГАСО. Ф Р-332. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.
6. Социология в Саратовском университете. 2-е изд./ Под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Научная книга, 2005.
7. ГАСО. Ф Р-332. Оп. 1. Д. 61. Л. 50 об.
8. Графский В.Г. Степан Федорович Кечежян (К 100-летию со дня рождения) // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 137-138.
9. Франк С.Л. Саратовский текст/ Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006.
10. Франк С.Л. О задачах обобщающей социальной науки // Социологические исследования. – 1990. – № 9. – С. 45.
11. Архив Саратовского государственного университета (СГУ). Д. 18. Личное дело № 242. И.П. Разумовского. Л.1.
12. Кареев Н.И. Основы русской социологии. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1996.
13. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. – 564 с.
14. Ковалевский М.М. Социология на Западе и у нас // Новые идеи в социологии. – СПб.: Образование, 1913. – С. 1-10.
15. Аврус А.И., Гапоненков А.А., Данилов В.Н. История Саратовского университета. 1909–2009.: В 2 тт. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2009. Т.1.
16. Саратовский университет (1909–1959). – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1959.
17. Социология в Саратовском университете. 2-е изд./ Под ред. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Научная книга, 2005.
18. Известия ЦК КПСС. – М.: Правда, 1989. – № 4. – С. 15-23.
19. Ярская В.Н. Саратовские опыты // Вехи российской социологии. 1950–2000-е годы. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 439-440.
20. Ярская В.Н. Указ. соч.
21. Памяти учителя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2013. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 111-114.

REFERENCES

1. Dobrenkov V. I., Kravchenko A.I., Gutnov D. A. Sociological education in Russia. [Sociologicheskoye obrazovanie v Rosii]. Moscow: Academic project; Alma mater. 2009. (in Russ.); Sociology at the Saratov university. the 2nd izd. [Sociologiya v Saratovskom universitete. vtoroye izdaniye]. Under the editorship of G.V. Dyl'nov. Saratov: Scientific Book publishing house, 2005. (in Russ.); Petrov V.N. From sociology history in Kuban. [Iz istorii soziologii na Kubani]. Sociologicheskije issledovaniya- Sociological studies, 2008, No. 7., pp. 142-143. (in Russ.); Khokhlov A.A. Pages from development of sociology on Orel region. [Stranitsy iz razvitiya sociologii na Orlovshine]. Sociologicheskije issledovaniya- Sociological studies, 2008. No. 7., pp. 144-147. (in Russ.).
2. State Archive of the Saratov Region (SASR). [Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)]. F. R-332. Inv. 1. D. 78. L. 1. (in Russ.)
3. Dobrenkov V. I., Kravchenko A.I., Gutnov D. A. Sociological education in Russia. [Sociologicheskoye obrazovanie v Rosii]. Moscow: Academic project; Alma mater. 2009. (in Russ.).
4. State Archive of the Saratov Region (SASR). [Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)]. F. R-332. Inv. 1. D. 78. L. 1. (in Russ.).

5. State Archive of the Saratov Region (SASR). [Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)]. F. R-332. Inv. 1. D. 78. L. 1. (in Russ.).
6. Sociology at the Saratov university. the 2nd izd. [Sociologija v Saratovskom universitete. vtoroye izdaniye]. Under the editorship of G.V. Dyl'nov. Saratov: Scientific Book publishing house, 2005. (in Russ.).
7. State Archive of the Saratov Region (SASR). [Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti (GASO)]. F. R-332. Inv. 1. D. 61. L. 50 ob. (in Russ.).
8. Graphsky V.G. Stepan Fedorovich Kechekyan (To the 100 anniversary since birth). [Stepan Fedorovich Kechekyan. K stoletiyu so dnja rozdeniya]. Sovetskoje gosudarstvo i pravo-Soviet state and the right, 1990, No. 10, pp. 137-138. (in Russ.).
9. S.L. Franc. Saratov text / Sost. A.A. Gaponenkov, E.P. Nikitina. [Frank S. L. Saratovskii tekst]. Saratov: Publishing house Sarat. un-that, 2006. (in Russ.).
10. Frank S L. About the tasks of summarizing social science. [O zadachakh obobschajuschei socialnoi nauki]. Sociologicheskiye issledovaniya- Sociological studies, 1990. No. 9., p. 45. (in Russ.).
11. Archive of the Saratov State University (SSU). [Arkhiv Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta]. D. 18. Personal record No. 242. I.P. Razumovsky. L.1.
12. Kareev N. I. Fundamentals of the Russian sociology. [Osnovy ruskoj soziologii]. Sankt-Petersburg: Ivan Limbakh's publishing house, 1996 (in Russ.).
13. Yermolaev V.A. "Without anger and addiction": Notes of the historian. ["Bez gneva i pristrastija". Zapiski istorika]. Saratov: Publishing house Sarat. un-that, 2009. 564 p.
14. Kowalewski M.M. Sociology in the West and at us. [Soziologiya na Zapade i u nas]. New ideas in sociology. Sankt-Petersburg: Obrazovaniye publishing house, 1913, pp. 1-10. (in Russ.).
15. Avrus A.I., Gaponenkov A.A., Danilov V.N. History of the Saratov university. 1909-2009.: In 2 vol. [Istorija Saratovskogo universiteta: v 2 tt.]. Saratov: Publishing house Sarat. un-that, 2009. t.1. (in Russ.).
16. Saratov university (1909-1959). [Saratovskii universitet (1909-1959)]. Saratov: Publishing house Sarat. un-that, 1959. (in Russ.).
17. Sociology at the Saratov university. the 2nd izd. [Sociologija v Saratovskom universitete. vtoroye izdaniye]. Under the editorship of G.V. Dyl'nov. Saratov: Scientific Book publishing house, 2005. (in Russ.).
18. Izvestija CPSU - Izvestiya of the Central Committee of CPSU. Moscow: Pravda publishing house, 1989, No. 4, pp. 15-23. (in Russ.).
19. Yarskaya V.N. Saratov experiences. [Saratovskije opyty]. Milestones of the Russian sociology. 1950-2000th years. Sankt-Petersburg: Publishing house of Aletheia, 2010. pp. 439-440. (in Russ.).
20. Yarskaya V.N. Decree. soch. [Ukazannye sochinenija]. (in Russ.).
21. Memory Teacher. [Pamjati uchitelja]. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija. Soziologija. Politologija. - Izvestiya of the Saratov University. New ser. Ser. Sociology. Politology, 2013, Vol. 13, Iss. 2, pp. 111-114. (in Russ.).

Информация об авторе

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой, кафедра истории, теории и прикладной социологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия
dvpokatov@gmail.com

Получена: 10.02.2016

Для цитирования статьи: Покатов Д.В. Социологическая наука и образование в Саратове: история и современность. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. -149-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-149-157

Information about the author

Pokatov Dmitry V., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Acting as Head of Department, Department of History, Theory and Applied Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia
dvpokatov@gmail.com

Received: 10.02.2016

For article citation:

Pokatov D.V. Sociological science and education in Saratov: history and contemporaneity. [Sotsiologicheskaya nauka i obrazovanie v Saratove: istoriya i sovremennost']. Krasnodar. Istoričeskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. . Pp. -149-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-149-157

УДК 7.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-158-163

СИГИДА Дарья Андреевна,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Краснодарский филиал,
г. Краснодар, Россия
daxer85@bk.ru

SIGIDA Darya A.,
Russian University of Economics named after
G.V. Plekhanov,
Krasnodar Branch,
Krasnodar, Russia
daxer85@bk.ru

ДАНИЛЕНКО Татьяна Валентиновна,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
Краснодарский филиал,
г. Краснодар, Россия
daxer85@bk.ru

DANILENKO Tatyana V.,
Russian University of Economics named after
G.V. Plekhanov,
Krasnodar Branch,
Krasnodar, Russia
daxer85@bk.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСКУССТВА В КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

CHARACTERISTICS OF ART IN CULTURAL- PHILOSOPHICAL DISCOURSE

В статье рассматривается искусство как теоретическое понятие, его характеристика. Анализируется философская природа искусства, о чем писали многие ученые. Так, анализируя понимание духовности в творчестве Канта, Гегеля, с одной стороны, и русских философов, с другой, В. Диденко отмечает, что для первых - духовное есть категориально логическое осмысление бытия, для вторых - это само бытие; дух не только отражает материальную действительность, он её преобразует, создает новую действительность. Философия постмодернизма, которая, имея устойчивую интенцию к расширению своего дискурсивного поля, характеризуется семантическим и категориальным многообразием, обусловленным принципиальным отказом от парадигмального единства. Эта ситуация влияет на развитие современного искусства, представляющего собой содержательно-образующее измерение, поднимающее роль и ценностный статус культуры, создавая в ней активное пространство для формирования художественной картины мира и нового мировоззрения человека, что играет немаловажную роль в самовыражении человека, как духовной ценности в современном информационном обществе. Актуальность статьи обуславливается нарастающим интересом науки к меняющимся ценностям в современном информационном обществе, где искусство является частью культуры, а так же, способом и формой общения с реальностью. Оно отражает весь окружающий мир и формируется в бесконечности содержательных отношений, в объединении, столкновении и появлении новых смыслов, в ассоциациях, в восхождениях и низведениях ценностей иллюзий, в рождении одних идей и в развенчивании других. Сделанные выводы в статье подтверждают что, и реальность, и истина, и ценность указывают на взаимосвязь философии и искусства, так как философское знание включает три взаимосвязанные части: онтологию – учение об объективно-универсальном бытии; гносеологию – учение об универсальных закономерностях познания этой реальности; аксиологию – учение о природе ценностей и общих закономерностях их производства и потребления.

The article deals with art as a theoretical concept, its characteristics. The philosophical nature of art, many scholars wrote about. Thus, analyzing the understanding of spirituality in the works of Kant, Hegel, on the one hand, and Russian philosophers, on the other hand, V. Didenko notes that for the first - the spiritual has categorically logical understanding of being, for the second - it's very being; not only reflects the spirit of the material reality, it transforms it, creates a new reality. The philosophy of postmodernism, which, with a steady intention to expand its discursive field, characterized by semantic and categorical diversity caused by a fundamental rejection of the paradigm of unity. This situation affects the development of modern art, which is a content-forming dimension, the role and value status of culture, creating in it an active space for the formation of the artistic picture of the world and the new human world that plays an important role in the self-expression of the person, as a spiritual value in the modern information society. The relevance of the article is caused by the growing interest in science to the changing values in today's information society, where art is part of the culture, as well as the manner and form of communication with the reality. It reflects the world around and formed into infinity meaningful relationships in the union, the collision and the emergence of new meanings, in associations, in ascents and relegation of illusions values in the birth of some ideas and debunking others. The findings confirm that in the article, and the reality and the truth, and the value indicates the relationship of philosophy and art as philosophical knowledge consists of three interrelated parts: ontology - the doctrine of objective and universal being; epistemology - the doctrine of the universal laws of cognition of this reality; axiology - teaching about the nature of values and general patterns of production and consumption.

Ключевые слова: искусство, культура, философия, постмодернизм, ценности, художественная жизнь, мир-человек, синкретическое ядро, культурфилософия

Keywords: art, culture, philosophy, postmodernism, values, artistic life, world-man, syncretism core, culture-philosophy

В современном мире важное место среди ценностей отводится внутреннему миру человека, его заботе о своем физическом и эмоциональном здоровье, где немаловажную роль играет стремление к самосовершенствованию посредством самовыражения.

Искусство - средство самовыражения человека. Предмет искусства - отношения человека и мира, а так же сам человек во всех его измерениях - психологическом, социальном, нравственном, духовном и бытовом. Искусство говорит с нами на своем особом языке, которому надо научиться, чтобы он стал понятен.

Эстетическое отношение к действительности, содержащееся во всех видах человеческой деятельности стало предметом специального воспроизводства, особым видом человеческой

деятельности, в котором эстетическое, воплотившись в художественное, есть и содержание, и способ, и цель. Это – искусство, которое всегда сопровождало человека, всегда отвечало его потребностям и его идеалу, всегда помогало ему в отыскании этого идеала – рождалось с человеком, развивалось рядом с его исторической жизнью.

Искусство в отличие от всех других видов деятельности есть выражение внутренней сущности человека в ее цельности.

С точки зрения эстетики постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ж. Бодрийар, Ж. Лакан, Ф. Гваттари и др.) искусство находится в одном ряду с другими феноменами культуры.

Культурфилософия – наука, ориентированная на философское постижение культуры как универсального и всеобъемлющего феномена, представляет собой систему метафизических утверждений о ее сущности, генезисе и наиболее общих законах развития, прямо не опирающихся на эмпирические факты. Она сформировалась в конце XVIII – нач. XIX вв., хотя отдельные размышления и интуиции, связанные с культурой, можно проследить на всех этапах развития европейского сознания. Культурфилософская рефлексия рождается на путях осмысления универсалий. Термин «культурфилософия» был использован в начале XIX в. представителем немецкого романтизма А. Мюллером. К этой проблеме возвращались Бергсон, Шпенглер, Виндельбанд, Рикерт. Культурфилософские вопросы нашли место в творчестве Г. Федотова, Вл. Соловьева, Бердяева, Мережковского, К. Леонтьева, Н. Данилевского, Н. Бердяева, Вяч. Иванова, А. Блока и др. В рамках экзистенциализма огромный историко-культурный материал использовал в своих работах Ясперс, выдвинувший концепцию генезиса великих древних культур, осевого времени и т.д. В работах французских экзистенциалистов Камю, Сартра, Г. Марселя разрабатывались проблемы противостояния культуры и человека, контркультурных тенденций. Особую остроту в культурфилософии приобрела проблема кризиса современной культуры [1].

Искусство как важнейший элемент культуры есть способ и форма общения с реальностью. Оно отражает весь окружающий мир и формируется в бесконечности содержательных отношений, в объединении, столкновении и появлении новых смыслов, в ассоциациях, в восхождениях и низведениях ценностей иллюзий, в рождении одних идей и в развенчивании других. Если присмотреться к тому, что происходит внутри искусства, каким образом множатся живые точки его энергии, то можно заметить: здесь все воображаемые, выпущенные на волю метафорически-образные силы играют друг с другом, раскрывают себя друг другу. И часто, как потом оказывается, начинают свой путь вопреки предположениям художника. Все компоненты, все смысловые порождения, смысловые свойства художественной материи становятся в искусстве «субъектами» проснувшегося метафорически-активного игрового процесса, а говоря проще – игроками. Они раскрывают себя, находятся в диалоге с другими, они движутся в поле предоставленной им свободы раскрытия.

Мир, в котором «живет» искусство, представляет собой особое пространство, где все возможности отворены, где часто вопреки внешности вещей и явлений в них начинает раскрываться неразгаданная поначалу сущность. Картина возникающей в произведении искусства художественной вселенной, от реалистической прозы до поэтического иносказания, наполнена рождающимися возможностями смыслов. В искусстве всегда есть присутствие непредсказуемости бытия, ... а значит те самые сущностные философские начала человека [2].

Раскрывая философскую природу искусства, В. Соловьев писал, что «истинную реальность имеет только целостность и целостное явление. Форма без материи имеет общую определенность, но не имеет собственного существования. Материал без формы имеет существование как потенциал или силу, но не имеет никакой определенности. Соединение же их обладает и тем и другим и есть, таким образом, определенное существование или реальность» [3].

Кроме того, он отмечал, что «...всякое ощутительное изображение какого-то бы то ни было предмета и явления с точки зрения его окончательного состояния, или в свете будущего мира, есть художественное произведение. Существующие ныне искусства в величайших своих произведениях, схватывая проблески вечной красоты в нашей текущей действительности и продолжая их далее, предваряют, дают предощущать нездешнюю, грядущую для нас действительность и служат, таким образом, переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни. Понимаемое таким образом искусство перестает быть пустой забавой и становится делом важным и назидательным, но отнюдь не в смысле дидактической проповеди, а лишь в смысле вдохновенного пророчества» [4].

О философской природе искусства пишут многие ученые. Так, анализируя понимание духовности в творчестве Канта, Гегеля, с одной стороны, и русских

философов, с другой, В. Диденко отмечает, что для первых - духовное есть категориально логическое осмысление бытия, для вторых - это само бытие; дух не только отражает материальную действительность, он её преобразует, создает новую действительность. Как продолжатель поисков русских философов, он считает, что искусство – способ творения духовного мира, создающего образы, превосходящие нашу реальность, призванного преобразовать материальное в духовное [5].

Философия, по словам Н. Бердяева, («Смысл творчества») – это искусство, которое принципиально отлично от поэзии, музыки или живописи и является искусством познания, можно рассматривать философский аспект искусства как ядра художественной жизни общества, т.к. именно с философией ее роднит то, что она является творчеством и стихией свободы, а не подчинением «мировой данности», что философия, как и искусство, предполагает одаренность и связана с личностью творца. Изменение образа философии и способов философствования в XX веке, сближение философии с искусством, возрастание синкретизма культуры сделали задачу различения и сравнения философии и искусства весьма сложной.

Философское знание включает три взаимосвязанные части: онтологию – учение об объективно-универсальном бытии; гносеологию – учение об универсальных закономерностях познания этой реальности; аксиологию – учение о природе ценностей и общих закономерностях их производства и потребления. Можно утверждать, что и реальность, и истина, и ценность подтверждают взаимосвязь философии и искусства [6].

Эти феномены объединяют: способы отражения мира, способность влиять на Бытие, свойство отражать в своих произведениях мировоззрение философа, композитора, общую тенденцию синтеза и общий предмет изучения – Миров-Человек.

Размышляя о взаимосвязи искусства и философии, нужно отметить, что их предметом всегда был Миров-Человек. Специфика философского знания состоит в изучении возникновения и развития Мира в целом, в изучении законного места человека в этом мире, его ценностных ориентаций, смысла его Бытия, в изучении развития философской теории познания. Человек - предмет изучения искусства. Все это доказывает, что философия и искусство тесно связаны между собой, что «искусство есть искусство жить» [7].

В качестве теоретической основы культурфилософского дискурса искусства заложен принцип целостности, согласно которому оно изучается в целостности бытия, а не в одной, произвольно выбранной его части.

Человек – прежде всего создание природы, часть бытия, понимаемого как «всё», как качество Вселенной быть и быть целостным. Он возник вместе с бытием, поскольку в бытии разворачивалось лишь то, что было в него заложено. Если природа как сущность человека развивается только в обществе, то само возникновение общества есть следствие природы человека. Взаимосвязи и отношения человека шире социальных, несовпадение социального и общеприродного в нем позволяет опережать развитие существующих общественных отношений и ценностей.

Важно отметить, что только в искусстве культура, подобно организму, активно воспроизводит саму себя; в этом смысле искусство - самосознание культуры, её синкретическое ядро. Целостность культуры «начинается» с искусства как первичного синкрета, из которого «выщепляются» все её специализированные компоненты, и «завершается» искусством как высшим своим синтезом [8].

Э. Сурио в статье «Искусство и философия» (перевод и комментарии К. З. Акопяна) приводит пример из биографии Леонардо да Винчи, различая в нем художника и человека науки и трактует отдельно и последовательно эти два аспекта его духовной жизни и видит в подобном представлении определенную искусственность. Далее он пишет о Гете как поэте, рисовальщике и биологе.

Второй фактор, выделенный Э. Сурио в характеристике выбранных концептов, касается парадигмального вклада искусства в философию. И здесь на примерах из жизни известных ученых он доказывает влияние искусства, а точнее — тех или иных произведений искусства, на сознание философа очень различно в зависимости от индивидуальностей. Но повсюду, где можно его уловить, оно обнаруживается как интимное и глубокое, а также связанное с тем фактом, что любая ключевая тема, введенная в философию благодаря тайному наваждению произведения искусства, проводит в ней свою работу, подспудно и почти постоянно. Также очень

примечательно, что специальное объяснение тематической парадигмы, найденной в искусстве, почти что недостижимо. Приведенные факты имели коллективный и безличный характер.

На философском уровне размышления о сути искусства мы находим в учениях Дж. Вико, К. Гельвеция, И. Гердера, И. Канта, С. Пуфендорфа, Б. Франклина и др. Место искусства в культурфилософском дискурсе обусловлено тем, что бытие, мир, действительность осознавались как двусоставное, включающее в себя природу и искусство. Философия одновременно мыслилась как онтология натурфилософского типа и теория искусства, и понималась как «царство духа», как «мир человека», как совокупность различных форм сознания - нравственного, религиозного, эстетического и т. д.

Нужно отметить, что рационализм Просвещения рассматривал философию выше искусства. По этому поводу Гегель писал, что искусство - это стадия развертывания Абсолютного Духа, соответствующая в логическом отношении чувственно-наглядному выражению сущности, и понимал прекрасное как чувственную видимость идеи, которое обнаруживает ее всеобщность при сохранении индивидуальности содержания и высшей жизненной непосредственности. В истории культуры он различал три стадии развития искусства: символическую, где идея еще не обретает адекватных форм художественного выражения (искусства Древнего Востока); классическую, где форма и идея достигают полной адекватности (искусство греческой классики), и романтическую, где духовность перерастает какие-либо формы конкретно чувственного выражения и освобожденный дух рвется в иные формы самопознания – религию и философию (европейское искусство со средних веков и далее). Именно на этой стадии, по его мнению, начинается закат искусства, как исчерпавшего свои возможности.

Представители романтизма наоборот подчеркивали приоритет нерациональных, иррациональных способов познания и отношения человека к действительности, считая, что именно искусство имеет преимущество перед наукообразной философией. Они осмысливали природу как формирующееся символическое произведение искусства, стирая грань между жизнью, философией, религией, искусством. Так, по Шеллингу, Универсум образован в Боге как вечная красота и абсолютное произведение искусства, поэтому в рукотворном искусстве истина являет себя в более полном виде, чем в философии.

Именно в искусстве, в процессе созерцания, художественного озарения, откровения, духовной интуиции, наиболее полно и целостно выражаются сокровенные основы бытия. Оно является фундаментом религии, философии и всех наук. Шлейермахер утверждал, что эстетический опыт романтизма – это новый религиозный опыт, на основе которого должно осуществиться единение души с Универсумом.

Такая постановка проблемы подтверждает связь искусства со смежными областями человеческой деятельности и, особенно, с культурой и философией. Причем, не только искусство заимствует определенные культурологические и философские идеи, но и культура и философия стремятся овладеть языком искусства.

Многим известна фраза, что философия – острая приправа к искусству и жизни; жить и творить без философии – все равно, что всю жизнь питаться пресной пищей; но посвятить жизнь одной философии, не рассматривая её приложений к науке или искусству, - также странно, как питаться одной приправой.

Таким образом, между вышеуказанными культурой, философией и искусством сформировались своеобразные мутационные процессы, в результате которых сформировалось новое качество искусства, представляющее собой сплав художественных и умозрительных компонентов.

Итак, вышеизложенное доказывает тот факт, что искусство находится в тесной связи с философией и культурой, оказывает на них влияние, благодаря чему эти науки предстают в существенно новом свете, а человеческое общество превращается в шедевр искусства для человека вообще. Эта мысль прошла красной нитью через всю историю философии от Платона, через Платина, Августина, Шеллинга, вплоть до Вл. Соловьева [9] и современных философов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гуревич, П. Культурология. XX век. Энциклопедия. - М., 1998; Кравченко, А. Культурология: Словарь. - М., 2000
2. Ястребова, Н. Человек в игре и искусстве. Теория художественной культуры. Вып. 3. – М., 1999. – С. 91-92, 93, 96
3. Соловьев, В. Философские начала цельного знания. Соч. в 2 томах. Т.2. - М., 1988. – С. 286
4. Соловьев, В. Общий смысл искусства. Соч. в 2 томах. – С. 399
5. Диденко, В. Духовный мир искусства. - М., 1993

6. Бранский, В. Искусство и философия. – Калининград, 1999. – С. 238
7. Новикова, Т. Философия искусства. Эзотерические традиции. – М., 1996. – С. 25-32
8. Эткинд, А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. – М., 1995. – С. 91
9. Бранский, В. Искусство и философия. – Калининград, 1999. – С. 689
10. Сигида Д.А. Искусство в художественной жизни современного российского общества (культурфилософский дискурс) диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук/ Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар, 2012
11. Даниленко Т.В. Человек и его ценности в информационном обществе (методологический аспект). Научно-практический журнал «Сфера услуг: инновации, качество», 2013. №11, стр. 59-69.
12. Даниленко Т.В. Индивидуализм как культурная парадигма российского общества (методологический аспект). Научно-практический журнал «Сфера услуг: инновации, качество», 2013. №13, стр. 1-12.
13. Алексеев О.И. История России глазами современных студентов. Наука в современном обществе: Сбор. Статей V международной научной конференции. – Ставрополь: Логос, 2014. – 166 с. С.56-61.

REFERENCES

1. Gurevich P. Cultural Studies. XX century. Encyclopedia. [kul'turologiya]. M., 1998; Kravchenko A. Cultural Studies: dictionary. [kul'turologiya: slovar']. M., 2000 (in Russ)
2. Yastrebova N. The man in the game, and the arts . The theory of artistic culture. [Chelovek v igre i iskusstve. Teoriya khudozhestvennoy kul'tury]. No.3. M., 1999. P. 91-92, 93, 96 (in Russ)
3. Solovyov V. Philosophical Principles of Integral Knowledge . Writings in 2 volumes. [Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya. Soch. v 2 tomakh. T.2]. M., 1988. pp. 286 (in Russ)
4. Solovyov V. The general meaning of art . Writings in 2 volumes. [Obshchiy smysl iskusstva. Soch. v 2 tomakh.]. pp. 399 (in Russ)
5. Didenko B. The spiritual world of art. [Dukhovnyy mir iskusstva]. M., 1993 (in Russ)
6. Bransky B. Arts and Philosophy . [Iskusstvo i filosofiya]. Kaliningrad 1999. pp. 238 (in Russ)
7. Novikova T. Philosophy of Art . Esoteric traditions. [Filosofiya iskusstva. Ezotericheskie traditsii]. M., 1996. pp. 25-32 (in Russ)
8. Etkind A. Sodom and Psyche: Essays on the intellectual history of the Silver Age. [Sodom i Psikheya: Ocherki intellektual'noy istorii Serebryanogo veka]. M., 1995. pp. 91 (in Russ)
9. Bransky B. Arts and Philosophy . [Iskusstvo i filosofiya]. Kaliningrad 1999. pp. 689 (in Russ)
10. Sigida D.A. Art in the artistic life of the modern Russian society (kulturfilosofskij discourse) the dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. [Iskusstvo v khudozhestvennoy zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva (kul'turfilosofskiy diskurs)]. Krasnodar State University of Culture and Arts. Krasnodar, 2012 (in Russ)
11. Danilenko T.V. The man and his values in the Information Society (methodological aspect). [Chelovek i ego tsennosti v informatsionnom obshchestve (metodologicheskiy aspekt)]. Scientific and practical journal "Services: innovation, quality", 2013. no 11, pp 59-69. (in Russ)
12. Danilenko T.V. Individualism as a cultural paradigm of Russian society (methodological aspect). [Individualizm kak kul'turnaya paradigma rossiyskogo obshchestva (metodologicheskiy aspekt)]. "Scientific and practical journal: Services: innovation, quality", 2013. no13, pp 1-12. (in Russ)
13. Alekseenko O.I. The history of Russia through the eyes of today's college students. [Istoriya Rossii glazami sovremennykh studentov]. Science in the modern society: the Gathering. Articles V international scientific conference. Stavropol : Logos , 2014. 166 p. pp.56-61. (in Russ)

Информация об авторе

Сигида Дарья Андреевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Краснодарский филиал, г. Краснодар, Россия
daxer85@bk.ru

Даниленко Татьяна Валентиновна, кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Краснодарский филиал, г. Краснодар, Россия
daxer85@bk.ru

Information about the author

Sigida Darya A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Krasnodar Branch, Krasnodar, Russia
daxer85@bk.ru

Danilenko Tatyana V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Krasnodar Branch, Krasnodar, Russia
daxer85@bk.ru

Получена: 18.02.2016

Received: 18.02.2016

Для цитирования статьи: Сигида Д.А., Даниленко Т.В. Характеристика искусства в культурно-философском дискурсе. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 158-163. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-158-163

For article citation: Sigida D.A., Danilenko T.V. Characteristics of art in cultural-philosophical discourse. [Kharakteristika iskusstva v kul'turfilosofskom diskurse]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 158-163.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-158-163

УДК 31

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-164-166

ТХОРИКОВ Борис Александрович,
Белгородский государственный национальный исследова-
тельский университет,
г. Белгород, Россия
russia@prescopus.com

TKHORIKOV Boris A.,
Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia
russia@prescopus.com

ПРОБЛЕМЫ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРОЙ

GOAL SETTING PROBLEMS IN THE SOCIAL SYSTEM GOVERNANCE

Вопрос целеполагания при осуществлении управленче-
ского воздействия на общественные отношения доста-
точно подробно исследован, однако все еще остается
неразрешенной ключевая методолого-методическая про-
блема – восприятие цели деятельности государственных
организаций социальной сферы с позиции миссии или
лозунга. Автор дает определение миссии, цели, лозунга,
дает описание этого термина.

Целей у организации может быть множество, в то время
как миссия – только одна. Миссия – глобальна, а цель –
локальна. При постановке целей учитывается временной
фактор, при выборе миссии – нет. По мере достижения
одних целей перед организацией ставятся другие. Изме-
нение миссии невозможно без полного переосмысления
существования организации и ее идеологии. Значение
слова «лозунг» – «призыв, в краткой форме выражающий
руководящую идею, задачи или требования партии в
определенный исторический момент». Содержание и за-
дачи лозунгов определяют их форму. Обращенные к
аудитории, рассчитанные на мгновенное восприятие,
удачные лозунги являются общепонятными, броскими,
краткими и легко запоминающимися. Лозунги содержат в
себе определенные идеологемы, призванные вызвать
симпатии в обществе. Идеологема – это лаконично выра-
женные общественно значимые ценности, призванные
способствовать политической консолидации избирателей
для достижения выборных целей. В работе проводится
сравнительный анализ признаков «миссии», «лозунга» и
«цели»; анализируются цели государственных программ
РФ, выявляются и обосновываются их недостатки.

The issue of goal-setting in the exercise of administra-
tive influence on social relations studied in some de-
tail, but still remains a key unresolved methodological
and methodical problem - the perception of the pur-
pose of the activity of public organizations of the so-
cial sphere from the point of the mission or slogan.
The author defines the mission, goals, slogan, gives a
description of the term. Goals in the organization can
be set, while the mission - only one. Mission is global,
and the goal is local. When setting goals it takes into
account the time factor when choosing a mission -
not. As you achieve certain goals, others are put be-
fore the organization. Mission Change is not possible
without a complete rethinking of the organization and
its ideology. It is meaning of the word "slogan" - "call,
briefly expressing the leading idea, problem or party
demands a certain historical moment". The content
and objectives of the slogans define their shape. Con-
verts to the audience, intended for immediate percep-
tion, successful slogans are widely understood,
catchy, concise and easy to remember. Slogans con-
tain certain ideologies designed to induce sympathy in
society. Ideologema - is succinctly expressed socially
significant values, designed to promote the political
consolidation of the voters in order to achieve elec-
toral aims. In this paper a comparative analysis of the
signs of "mission", "slogan" and "purpose"; analyzes
the objectives of the State Program of the Russian
Federation, are identified and justified by the disad-
vantages.

Ключевые слова: организации социальной сферы, ин-
дикаторы, цели

Keywords: organization of social system, indicators,
targets

ВВЕДЕНИЕ

Главная цель любых управленческих действий – соблюдение общественного интереса. В отличие от частных интересов, которые обеспечиваются рыночными механизмами, общественный интерес формируется с помощью волеизъявления граждан. Государственные органы конкретизируют общественный интерес с помощью политических целей. Для реализации такие цели конкретизируются посредством задач. Последние обычно значительно различаются в зависимости от того, кто их реализует фактически и кто их может (должен) представлять [2; 3].

Перенос подобной практики из политической плоскости в область практического государственного управления предопределяет недостаточно высокие результаты работы организаций в государственном секторе. Государство, как и в случае политического управления, делает определенные заявления, сравнимые с миссией или лозунгом, последующее исполнение которых возлагается на различные общественные институты или отдельные организации через постановку управленческих задач. В современных условиях это проявляется в разработке множества задач по достижению какой-либо цели в формате государственных программ.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Определений понятий «миссия», «лозунг» и «цель» в научной литературе представлено достаточно много, авторами предлагаются различные трактовки, которые во многом схожи между собой.

Миссия – идеал, недостижимая цель, ради которой была создана организация и во имя достижения которой она работает. Философское обоснование деятельности компании остается неизменным на протяжении всего периода существования предприятия или учреждения, одна-

ко может эволюционировать. Миссией также принято считать идеологию организации, ее концептуальный подход к принципам взаимодействия с целевой группой.

Цель – идеальный результат, который может быть достигнут в определенной перспективе. Цели должны быть конкретными, измеримыми, ограниченными во времени и достижимыми. Они бывают основными и промежуточными, а их достижение обязательно подкрепляется ресурсами, без которых воплощение задумок невозможно.

Таким образом, цель – это локальный объект, который может быть достигнут в кратко-, средне- или долгосрочной перспективе. Их у организации всегда несколько, при этом все они разнесены во времени. Миссия – глобальный смысл существования компании. Она может быть только одна, неизменная на протяжении длительного периода времени. Как правило, в качестве миссии избирается идеальная ситуация, получить которую можно либо в отдаленной перспективе, либо никогда. Цели ограничены во времени, поэтому именно их достижение положено в основу оценки эффективности работы организации.

Целей у организации может быть множество, в то время как миссия – только одна. Миссия глобальна, а цель локальна. При постановке целей учитывается временной фактор, при выборе миссии – нет. По мере достижения одних целей перед организацией ставятся другие. Изменение миссии невозможно без полного переосмысления существования организации и ее идеологии.

Значение слова «лозунг» – «призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачи или требования партии в определенный исторический момент». Содержание и задачи лозунгов определяют их форму. Обращенные к аудитории, рассчитанные на мгновенное восприятие, удачные лозунги являются общепонятными, броскими, краткими и легко запоминающимися. Лозунги содержат в себе определенные идеологемы, призванные вызвать симпатии в обществе. Идеологема – это лаконично выраженные общественно значимые ценности, призванные способствовать политической консолидации избирателей для достижения выборных целей.

Наибольшую группу идеологем составляют общечеловеческие ценности: благо, благополучие, благосостояние, богатство, процветание, мир, порядок, достойная жизнь, счастье, прогресс, развитие, национальное согласие, стабильность и прочие [1; 4].

Описанные признаки позволяют сформулировать некоторые ограничения на использование «миссии» или «лозунга» в качестве целеполагающей основы государственного управления, являющиеся следствием отсутствия однозначного представления о состоянии объекта управления в будущем:

1) невозможность обеспечения координированного участия различных субъектов управления и хозяйствующих субъектов в процессах реализации цели, связанного с общей неопределенностью управленческой и производственной роли каждого из них;

2) сложность прогнозирования эффективности влияния различных мероприятий и организационных действий на изменения объекта управления из-за вторичности роли составления плана работ по реализации поставленных задач и их несогласованности с исполнителями и заинтересованными общественными институтами;

3) создание предпосылок для возникновения конфликта интересов различных стейкхолдеров при оценке достигнутых результатов, обусловленных неоднозначностью формулировки результатов, которые необходимо достичь;

4) игнорирование указания точных и обоснованных сроков выполнения цели, затрудняющее планирование поступления и распределения ресурсов, мотивирование субъектов управления и хозяйствующих субъектов, оценку промежуточных результатов, корректировку текущей деятельности и прочее;

5) снижение эффективности текущего контроля, вызванное необходимостью его организации в процессе работы из-за неизвестности на этапе целеполагания и планирования ключевых центров затрат, ответственных субъектов управления и прочего.

С целью подтверждения гипотезы о том, что цели в государственной системе управления по своему содержанию являются миссией или лозунгом, проведен сравнительный анализ целей, закрепленных в пяти государственных программах Российской Федерации, связанных с социальной сферой, на полноту соответствия понятиям «миссия» и «лозунг», который позволил заключить, что все цели данных программ не являются таковыми и по своему содержанию обладают признаками лозунгов. То есть вместо конкретного описания желаемого состояния объекта управления они ограничиваются выражением руководящей идеи и содержат рассмотренные выше идеологемы общечеловеческих ценностей. Счетная Палата Российской Федерации отмечает, что «цели многих госпрограмм абсолютно неконкретны, содержат нечеткие формулировки и недостаточно согласованы с задачами госпрограмм. Типичны ситуации, когда дости-

жение цели не обеспечивается ни одной из задач или задача не направлена на достижение ни одной из целей».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обратим внимание на то, что цели формулируются в конце разработки программы, после выбора модели и оценки последствий на принимаемые решения, а не до начала работы над ее созданием. Следовательно, они не могут иметь окончательной формулировки до начала работ по подготовке эффективного решения. Иное дело итоговый документ, описывающий программу. В нем цели обычно формулируются в самом начале. Это облегчает чтение документа теми, кто будет участвовать в реализации программы. Однако в действительности при разработке государственных программ сформулированная «цель» предвосхищала весь процесс работы, и составители программ были вынуждены «подтягивать» различные задачи и мероприятия, которые, по их мнению, могли повлиять на достижение поставленной «цели».

Подобная практика приводит к снижению общей эффективности работы, в том числе из-за описанных выше ограничений использования миссии и лозунгов в качестве базы целеполагания, что подтверждается также данными Минэкономразвития и Росстата России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Верховский А.М.* Будущее России: проблема понимания. – Екатеринбург. [Электронный ресурс] - URL: http://www.patriotica.ru/religion/verh_bud.html (дата обращения 14.03.2014).
2. *Писарев Е.Л.* Качество государственного управления: проблемы целеполагания: Административное право и процесс. – М.: – 2013. – № 10. – С. 3-10.
3. *Панов М.М.* Оценка деятельности и система управления компанией на основе KPI. – М.: Инфра-М, 2013. – 255 с.
4. *Ярославцева А.Е.* Лозунги нового времени // Вестник Томского государственного университета, 2008. – № 4. – С. 109-115.

REFERENCES

1. *Verhovskij A.M.* Future of Russia: Understanding Problem. [Budushhee Rossii: problema ponimaniya]. Ekaterinburg. Available at: http://www.patriotica.ru/religion/verh_bud.html (date of access 14.03.2014) (in Russ.)
2. *Pisarev E.L.* 2013. Quality of Public Administration: Goal-Setting Problems: Administrative Law And Process. [Kachestvo gosudarstvennogo upravleniya: problemy celepolaganiya: Administrativnoe pravo i process]. Moscow. 2013. № 10. Pp. 3-10 (in Russ.)
3. *Panov M.M.* Assessment of Activity and Control System of the Company on a Basis. [Ocenka deyatel'nosti i sistema upravleniya kompaniej na osnove KPI]. Moscow.: INFRA-M, 2013. 255 p. (in Russ.)
4. *Yaroslavceva A.E.* Slogans of Modern Times: Bulletin of Tomsk State University [Lozungi novogo vremeni: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]/ 2008. № 4. Pp. 109-115 (in Russ.)

Информация об авторе

Тхориков Борис Александрович, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой менеджмента организации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
russia@prescopus.com

Получена: 14.03.2016

Для цитирования статьи: Тхориков Б.А. Проблемы целеполагания в системе государственного управления социальной сферой. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 00 - 00.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-164-166

Information about the author

Tkhorikov Boris A., Candidate of Sociological Sciences, Head of Management Organization Department, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
russia@prescopus.com

Received: 14.02.2016

For article citation: Tkhorikov B.A. Goal setting problems in the social system governance. [Problemy tselepolaganiya v sisteme gosudarstvennogo upravleniya sotsial'noy sferoy]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 00 - 00.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-164-166

УДК 37.013.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-167-171

ШТАНЬКО Александр Алексеевич,
Белгородский университет кооперации, экономики
и права,
г. Белгород, Россия
shurikaa1988@mail.ru

SHTANKO Aleksandr A.,
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
Belgorod, Russia
shurikaa1988@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN CENTRAL BANK DETERMINING PROBLEM

В финансовой и экономической системе Российской Федерации ключевую роль играет Центральный банк Российской Федерации. Полномочия Банка России закреплены в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 10.07.2002 N 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации», а также в Федеральном законе от 02.12.1990 N 395-1 «О банках и банковской деятельности». При всем при этом в законодательстве не определен его правовой статус. Не определено место Центрального Банка Российской Федерации в системе органов государственной власти. В своей статье автор пытается дать определение правовому статусу центрального банка Российской Федерации в ходе анализа мнений ученых. Правовой статус Центрального банка можно определить как его правовое положение, характеризующееся особым порядком наделения Центрального банка определенными полномочиями, а также размером и содержанием данных полномочий. Отсутствие четкого и однозначного ответа на вопрос о правовом статусе Банка России существенно затрудняет регулирование данного института. Важным элементом определения правового статуса Центробанка является юридическая ответственность Банка России. Основываясь на анализе особенностей деятельности Банка России и учитывая достижения современной юридической науки, автор предлагает следующую формулировку: «Банк России – орган государственной власти с особым правовым статусом». Такая формулировка представляется базисом, опорой, от которой необходимо отталкиваться при исследовании данной проблематики. Обладая всеми признаками органа государственной власти, Центральный банк должен получить данный статус на законодательной основе. Необходима корректировка существующего законодательства.

In financial and economic system of the Russian Federation, the key role played by the Central Bank of the Russian Federation. The powers of the Bank of Russia are enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the Federal Law of 10.07.2002 N 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation", as well as in the Federal Law of 02.12.1990 N 395-1 "On banks and banking activity". In all of this, it is not defined the legal status of the legislation. It is not defined the place of the Central Bank of the Russian Federation in the system of public authorities. In his article, the author tries to define the legal status of the Central Bank of the Russian Federation, in the analysis of scientific opinions. The legal status of the Central Bank can determine his legal position, characterized by a special procedure for granting certain powers of the Central Bank, as well as the size and content of these powers. The lack of a clear and unequivocal answer to the question of the legal status of the Bank of Russia makes it difficult to regulate this institution. An important element in determining the legal status of the Central Bank is the legal responsibility of the Bank of Russia. Based on an analysis of the features of the Bank of Russia and taking into account the achievements of modern jurisprudence the author suggests the following language - "Bank of Russia - the public authority with a special legal status" - this wording seems basis, support from which to push off in the study of this problem. With all the attributes of public authority, central bank should receive this status on a statutory basis. It is need to adjust existing legislation.

Ключевые слова: Центральный Банк Российской Федерации, правовой статус, орган государственной власти

Keywords: Central Bank of Russian Federation, legal status of the public authority

В банковской системе государства Банк России определен в качестве главного банка страны и кредитора последней инстанции (англ. «lender of last resort»). Центральный банк является государственной собственностью, и только он выполняет функцию всеобщего регулирования деятельности всех коммерческих банков в условиях функционирования единой денежно-кредитной системы страны. Непосредственно Центральный банк должен обеспечивать осуществление их деятельности в соответствии с единой экономической стратегией. Наряду с этим, Центральный банк выступает в качестве ключевого агента государственной денежно-кредитной политики, является ее апогеем. Со стороны Центрального Банка РФ первоначально применяются экономические методы управления (налоговые, нормативные и корректирующие) и лишь в отдельных исключительных случаях административные (прямые ограничения или запреты в отношении отдельных параметров функционирования банков). Приоритетными целями Банка Росси являются защита и обеспечение устойчивости национальной валюты, развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации, организация эффективного планомерного развития платежной системы государства.

Интерес к определению правового статуса Банка России обусловлен его важным практическим значением. Определение и его четкое закрепление на законодательном уровне может оказать значительное влияние на организационную составляющую функционирования банковской системы и ее эффективность, но также на весь спектр экономических и административных преобразований в Российской Федерации в целом.

Законодательным основанием определения правового статуса Центрального банка служат положения Основного закона государства – Конституции РФ, Федерального Закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», принятого 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ, и иных федеральных законов, прямо или косвенно регулирующих деятельность Банка России.

Правовой статус Центрального банка можно определить как его правовое положение, характеризующееся особым порядком наделения Центрального банка определенными полномочиями, а также размером и содержанием данных полномочий.

На официальном сайте Банка России вопросу определения его правового статуса посвящен отдельный раздел. Правовой статус Центробанка определяется через цели, задачи, функции и свойства.

Согласимся с М.И. Байтиным, что правовой статус Центрального банка представляет собой сложный правовой институт, поскольку «объединяет множество входящих в него простых институтов, имеющих самостоятельное значение» [4, с. 25, 34]. В определение правового регулирования статуса Банка России входят:

- 1) принципы деятельности и функционирования Центрального банка;
- 2) гарантии деятельности Центрального банка;
- 3) полномочия Банка России;
- 4) организационно-правовая форма Центрального банка;
- 5) юридическая ответственность Банка России [14, с. 19].

В определение правового статуса Банка России входят также полномочия, которые прямолинейно не направлены на достижение целей деятельности данного института, а необходимы для управления и организации деятельности Банка России в целом и отдельных его структур. Например, Банк России имеет право получать прибыль от участия в уставных капиталах кредитных организаций, а также прибыль от операций и сделок, проводимых банками. Однако использовать данные доходы Центральный банк имеет право только на реализацию полномочий в качестве государственного органа с особым статусом.

Как уже говорилось выше, важным элементом определения правового статуса Центробанка является юридическая ответственность Банка России. В статье 2 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» говорится о том, что Центральный банк РФ не несет ответственность по обязательствам Российской Федерации, при этом Российская Федерация не отвечает по обязательствам, взятым на себя Банком России. Но из этого правила есть исключение: так, в законе говорится о том, что стороны могут нести обязательства друг за друга, при условии, если они не приняли на себя такие обязательства или если обязательное принятие таких обязательств предусмотрено федеральными законами.

До настоящего времени не удастся с точностью определить правовой статус Центрального банка, ввиду чего остается остродискуссионным вопрос о роли и месте Центрального банка Российской Федерации в механизме государства и структуре органов государственной власти.

На основе анализа действующего законодательства, теоретических разработок, а также анализа судебной практики высказывается множество различных точек зрения относительно правового статуса Центрального банка Российской Федерации. Наиболее распространенными являются следующие: Банк России – это федеральный орган государственной власти, Банк России представляет собой орган государственного управления специальной компетенции, Банк России – это федеральный банк и др.

Во многих современных государствах для центральных национальных банков выделяется специальный правовой статус – банки публичного права. В законодательстве, например, Австрии и Германии банки делятся на коммерческие и публичные. По мнению А.Г. Братко, использование данной классификации вполне приемлемо и в России [5]. Автор говорит о том, что юридические лица публичного права имеют отличия от обычных юридических лиц частного права. Это отличие выражается в том, что они создаются на основе публично-правового акта и их деятельность направлена на достижение публичных (общественных) целей, данный вид банков также всегда наделяется определенными властными полномочиями. Правовой статус рассматриваемых банков определяется нормами публичного, а не частного права, но в качестве субъектов имущественного оборота они приравниваются к юридическим лицам частного права [8, с. 232].

Исходя из данной позиции, правовой статус Центрального банка, с полномочиями по управлению банковской системой, согласуется с названными Е.А. Сухановым признаками юридического лица публичного права. Но проблема заключается в том, что в России отсутствует статус юридического лица публичного права, и это является существенным недостатком отечественного законодательства и довольно существенно сказывается на проблемах определения правового статуса Центрального Банка России, который реально этим статусом обладает.

При исследовании правового статуса Центрального банка стоит обратить внимание на труды авторитетных советских правоведов о правовом статусе Государственного банка СССР, что вполне логично, так как Центральный банк стал правопреемником Государственного банка СССР, а впоследствии – Государственного банка РСФСР. В работах Р.О. Халфиной указано, что «государственный банк – это государственный орган, сочетающий выполнение управленческих и хозяйственных функций» [27, с. 3]. По мнению М.М. Агаркова, Государственный банк СССР «обладает двойственной природой: с одной стороны, он представляет собой учреждение, входящее в структуру органов власти СССР, при этом являет собой предприятие, находящееся на хозрасчете и обладающее собственной юридической значимостью» [2, с. 29].

Близкое к этому определение правового статуса Банка России приводят отдельные современные авторы.

На основании анализа специальной литературы, действующего законодательства можно сделать вывод, что Банк России законодателем не определен как орган государственной власти, однако при этом Банк России обладает всей полнотой признаков, характерных для органа государственной власти:

а) наделен государственно-властными полномочиями, о чем свидетельствуют перечисленные в ст. 4 Закона о Центральном банке функции по осуществлению банковских операций, банковского надзора по проведению расчетов и т.д.;

б) образован в установленном государством порядке 20 декабря 1991 г. после упразднения Государственного банка СССР и передачи всех его активов и пассивов, а также имущества на территории РСФСР в ведение Центрального банка РСФСР (Банку России). Затем банк стал называться Центральным банком Российской Федерации (Банком России);

в) уполномочен государством осуществлять его задачи и функции (ст. 4 Закона о ЦБ РФ);

г) действует в установленном законом порядке. Данное свойство также закреплено в Законе о ЦБ РФ;

д) является звеном системы органов государственной власти. Данное положение закреплено в многочисленных правовых актах и проявляется во взаимоотношениях между Банком России и другими органами государственной власти. Например, Центральный банк во взаимодействии с Правительством РФ разрабатывает и проводит единую государственную денежно-кредитную политику.

Отсутствие четкого и однозначного ответа на вопрос о правовом статусе Банка России существенно затрудняет регулирование данного института. Основываясь на анализе особенностей деятельности Банка России и учитывая достижения современной юридической науки, мы предлагаем следующую формулировку: «Банк России – орган государственной власти с особым правовым статусом». Такая формулировка представляется базисом, опорой, от которой необходимо отталкиваться при исследовании данной проблематики.

Обладая всеми признаками органа государственной власти, Центральный банк должен получить данный статус на законодательной основе. Необходима корректировка существующего законодательства.

В теории права по данному вопросу предлагается по крайней мере три способа разрешения сложившейся ситуации.

Первым способом является включение Центрального банка РФ в систему федеральных государственных органов исполнительной власти. В связи с чем допустимо внесение изменений в Указ Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» № 314 от 09.03.2004 г. с отнесением Центрального банка либо к федеральным министерствам, либо к федеральным службам или федеральным агентствам.

Вторым возможным способом определения правового статуса Центрального банка РФ является изменение редакции ч. 1 ст. 11 Конституции РФ путем дополнения формулировки «и иные органы государственной власти в соответствии с настоящей Конституцией и федеральными законами».

Третьим возможным способом определения правового статуса Центрального банка является использование полномочий Конституционного Суда РФ по толкованию Конституции РФ. Так, рассмотрение Конституционным Судом РФ норм ст. 75 Конституции РФ на предмет их толкования способно скорректировать публично-правовой статус Банка России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Абдуллаев М.И.* Теория государства и права / М.И. Абдуллаев. – М.: Финансовый контроль, 2004.
2. *Агарков М.М.* Основы банковского права / М.М. Агарков. – М., 2005.
3. *Артемова О.Е.* Центральная избирательная комиссия Российской Федерации / О. Е. Артемова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013.

4. Байтин М.И. Система права: к продолжению дискуссии / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Государство и право. – 2003. – № 1.
5. Братко А.Г. Правовое регулирование Банка России [Электронный ресурс] / А.Г. Братко. – Режим доступа: www.bratko.study/poststudent/element.php?ID=1157.
6. Братко А.Г. Центральный банк в банковской системе России / А. Г. Братко. – М., 2001.
7. Гейвандов Я.А. Какой Центральный банк нужен Российской Федерации? / Я.А. Гейвандов // Государство и право. – 1999.
8. Гражданское право : в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
9. Добрынин И.Н. Конституционно-правовой статус Центрального банка России и перспективы его совершенствования / И.Н. Добрынин // Российский юридический журнал, 2008.
10. Иванов С.А. Место нормативных актов Центрального банка в правовой системе России / С.А. Иванов // Законодательство и экономика. – 2002. – N 211.
11. Игнатъева С.В. Право законодательной инициативы и Банк России / С.В. Игнатъева // Законодательство и экономика. – 2008. – N 9.
12. Кутафин О.Е. Компетенция местных советов : учеб. пособие / О.Е. Кутафин, К.Ф. Шеремет. – 2-е изд. – М.: Юридическая литература, 1986.
13. Лазарев В.В. Теория государства и права / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М., 1998.
14. Лунгу Е.В. Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Лунгу. – Тюмень, 2005.
15. Мелехин А.В. Теория государства и права / А.В. Мелехин. – М.: Маркет ДС, 2007.
16. Права человека : уч. для вузов / под. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2001.
17. Романова В.В. Понятие органа государственной власти / В.В. Романова // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2009.
18. Халфина Р.О. Правовое положение государственного банка СССР / Р.О. Халфина // Известия Академии Наук СССР. Отделение экономики и права, 1947.
19. Ямпольская Ц.А. Органы советского государственного управления в современный период / Ц.А. Ямпольская. – М., 1954.

REFERENCES

1. Abdullaev M.I. Theory of State and Law. [Teoriya gosudarstva i prava]. Moscow: Financial control 2004. (in Russ.).
2. Agarkov M. Fundamentals of Banking. [Osnovy bankovskogo prava]. Law M.M. Agarkov. Moscow, 2005. (in Russ.).
3. Artemov O.E. Central Election Commission of the Russian Federation. [Central'naja izbiratel'naja komissija Rossijskoj Federacii]. Herald of Chelyabinsk State University. 2013. (in Russ.).
4. Baytin M.I. rights system: the continuation of the discussion. [Sistema prava: k prodoljeniyu diskussii]. M.I. Baytin, D. Petrov - State and right. 2003. № 1. (in Russ.).
5. Bratko A.G. Legal regulation of the Bank of Russia. [Pravovoe regulirovanie Banka Rossii]. (in Russ.). Available at: www.bratko.study/poststudent/element.php?ID=1157. (in Russ.).
6. Bratko A.G. Central Bank in the banking system Russia. [Centralniy bank v bankovskoy sisteme Rossii]. A.G. Bratko. Moscow, 2001. (in Russ.).
7. Geyvandov J.A. What is the Central Bank of the Russian Federation need? [Kakoy centralniy bank nujen Rossiyskoy Federscii?]. YA Geyvandov - State and right. - 1999. (in Russ.).
8. Civil law. [Grazhdanskoe pravo]: In 4 t / ed. EA Sukhanov. 3rd ed., Revised. and ext. Moscow, 2008. (in Russ.).
9. Dobrynin I. Constitutional and legal status of the Central Bank of Russia and prospects of its improvement. [Konstitucionno pravovoy ststus centralnogo banka Rossii i perspektivi ego sovershenstvovaniya]. JH Dobrynin - the Russian legal magazine. 2008. (in Russ.).
10. Ivanov S.A. Place regulations of the Central Bank in the Russian legal system. [Mesto normativnih aktov centralnogo banka v pravovoy sisteme Rossii]. S.A. Ivanov - the Legislation and economy. 2002. N 211. (in Russ.).
11. Ignatiev S.V. Right of legislative initiative and the Bank of Russia. [Pravo zakonodatelnoi iniciativi I bank Rossii]. S.V. Ignatieff - the Legislation and economy. 2008. N 9. (in Russ.).
12. Kutafin O.E. competence of the local councils: Proc. Benefit. [Kompetenciya mestnih sovetov]. OE Kutafin, KF Shere-met. 2 ed. Moscow: jurid. Lighted., 1986. (in Russ.).
13. Lazarev V.V. Theory of State and Law . [Teoriya gosudarstva i prava]. V.V. Lazarev, S.V. Lipen. Moscow, 1998. (in Russ.).
14. Lungu E.V. Constitutional and legal status of the Central Bank of Russian Federation. [Konstitucionno pravovoy ststus centralnogo banka Rossiyskoy Federscii]: Dis. ... Cand. jurid. Science – E.V. Lungu. Tyumen 2005. (in Russ.).
15. Melekhin A.V. Theory of State and Law .[Teoriya gosudarstva i prava]. A.V. Melekhin. Moscow: Market DS, 2007. (in Russ.).
16. Human rights: a textbook for high schools under. [Prava cheloveka: uchebnik dlja vuzov]. Ed. E.A. Lukashev. Moscow, 2001. (in Russ.).
17. Romanova V.V. Concept of public authority. [Poniatie organa gosudarstvennoiy vlasti]. V.V. Romanov - Vector Science Togliatti State University. 2009. (in Russ.).
18. Khalfina R.O. Legal status of the State Bank of the USSR. [Pravovoe polozgenie gosudarstvennogo banka SSSR]. R.O. Khalfina - Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law. 1947. (in Russ.).
19. Yampolsky C.A. Authorities of the Soviet state administration in modern times. [Organi sovetского gosudarstvennogo upravljenija sovremenniy oeriod]. C.A. Yampolsky. Moscow, 1954. (in Russ.).

Информация об авторе

Штанько Александр Алексеевич, аспирант,
кафедра теории и истории государства и пра-
ва, Белгородский университет кооперации,
экономики и права,
г. Белгород, Россия
shurikaa1988@mail.ru

Получена: 11.02.2016

Для цитирования статьи: Штанько А.А. Про-
блема определения правового статуса Цен-
трального Банка Российской Федерации.
Краснодар: Историческая и социально-
образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1.
Часть 2. с. 167-171
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-167-171

Information about the author

Shtanko Aleksandr A., Postgraduate Student,
Department of Theory and History of State and
Law, Belgorod University of Cooperation, Eco-
nomics and Law,
Belgorod, Russia
shurikaa1988@mail.ru

Received: 11.02.2016

For article citation: Shtanko A.A. Legal status of
the Russian Central Bank determining problem.
[Problema opredeleniya pravovogo statusa
Tsentral'nogo Banka Rossiyskoy Federatsii].
Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-
obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social
Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2.
Pp167-171.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-167-171

***Образование
и педагогические науки***

***Education
and Pedagogical Sciences***

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-175-178

БАШКАТОВ Иван Александрович,
Липецкий государственный педагогический
университет, г. Липецк, Россия
bashkatov_ivan@mail.ru

BASHKATOV Ivan A.,
Lipetsk State Pedagogical University,
Lipetsk, Russia
bashkatov_ivan@mail.ru

МЕЩЕРЯКОВ Виктор Дмитриевич,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской
Федерации, г. Липецк, Россия
Dobrynia48@mail.ru

MESHCHERYAKOV Victor D.,
Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration,
Lipetsk, Russia
Dobrynia48@mail.ru

СИНТЕЗ ПЛАСТИЧЕСКИХ ИСКУССТВ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

SYNTHESIS OF PLASTIC ARTS IN THE MODERN ART-PEDAGOGICAL PROCESS

В статье ставится задача раскрыть образовательные возможности специальных дисциплин рисунок, скульптура и пластическая анатомия с учетом содержания и связей этих учебных предметов с практикой искусства. В связи с этим рассматривается возможность интеграции пластических дисциплин в художественно-педагогическом процессе, проводится параллель с аналогичным процессом, проявляющимся в искусстве. Рисунок, скульптура и пластическая анатомия являются таким стержнем художественно-педагогической школы, который формирует трехмерное видение, дает полное представление о форме и ее изображении. Роль и значение этих дисциплин, как показывает история, постоянно меняется, но и в настоящее время они не нашли должного места, при оптимизации учебного процесса, сокращении часов часто выводятся за сетку обязательных дисциплин. Вполне очевидно, что и сегодня рисунку отводится первостепенная роль при подготовке учителей изобразительного искусства, при этом скульптура и пластическая анатомия не интегрированы в целостный процесс художественного обучения. Зачастую пластическая анатомия в новых учебных планах отделена от практики рисунка и скульптуры и сводится к теоретическому курсу, что значительно понижает эффективность ее в образовательном процессе. В связи с этим сегодня в условиях модернизации высшего образования важно учитывать образовательные возможности пластических дисциплин рисунок, скульптуры и пластической анатомии, основываясь на заложенном в них огромном потенциале изучения формы, конструкции, объема и пространства. Выдвигается концепция интегрирования пластических дисциплин рисунок, скульптура и пластическая анатомия, направленного на более эффективное изучение и изображение формы, конструкции и объема с учетом специфических особенностей выразительных средств рисунка и скульптуры как видов изобразительного искусства.

The article seeks to show the educational opportunities of special disciplines such as drawing, sculpture and plastic anatomy, taking into account the content and links of these subjects to the practice of art. In this connection, there is a possibility of integration of plastic disciplines in the art-pedagogical process. A parallel is drawn with the same process in modern arts. Drawing, sculpture and plastic anatomy are the core of an artistic - pedagogical school, which generates three-dimensional vision, gives a complete picture of the form and its image. The role and importance of these disciplines, as the history shows, are constantly changing, but now they do not find a proper place in the optimization of the educational process, while reducing the studying hours they are often excluded from the net of compulsory subjects. It is obvious that today drawing plays a key role in the training teachers of fine arts, but sculpture and plastic anatomy are not integrated into the whole process of training. Often, plastic anatomy in the new curriculum is separated from the practice of drawing and sculpture and is reduced to the theoretical rate, which significantly reduces its effectiveness in the educational process. In this regard, today in modernization of higher education is important to consider educational opportunities of plastic disciplines of drawing, sculpture and plastic anatomy, based on their inherited enormous potential of studying the form, structure and space. The concept of integrating the plastic drawing, sculpture and plastic anatomy is forwarded. It is aimed to more effective study and image of forms and structures with specific expressive means of drawing and sculpture as the types of fine art.

Ключевые слова: синтез, пластические искусства, интеграция, художественно-педагогический процесс, рисунок, скульптура, пластическая анатомия

Keywords: synthesis, plastic arts, integration, art-pedagogical process, drawing, sculpture, plastic anatomy

Синтез искусств – это операционное понятие эстетики, истории и теории изобразительно-го искусства. Если в истории искусства и в самом историческом процессе синтез искусств связан со стремлением воплотить в искусстве и закрепить средствами искусства идеал гармонически развитой личности, то в художественной педагогике имеет основную цель сохранения реалистической художественно-педагогической системы, в ситуации активной модернизации образования.

В настоящее время, в связи с переходом на многоуровневую систему обучения, высшее образование переживает сложный период. Происходит активная замена существующих учебных планов, при разработке которых большая ответственность ложится на высшие учебные заведения, так как большая часть дисциплин отводится на вариативную часть и курсы по выбору. В условиях подобной вариативности остро встает проблема определения места специальных пластических дисциплин в процессе художественно-педагогического образования.

Рисунок, скульптура и пластическая анатомия являются таким стержнем художественно-педагогической школы, который формирует трехмерное видение, дает полное представление о форме и ее изображении. Роль и значение этих дисциплин, как показывает история, постоянно меняется, но и в настоящее время они не нашли должного места, при оптимизации учебного процесса, сокращении часов часто выводятся за сетку обязательных дисциплин.

Вполне очевидно, что и сегодня рисунку отводится первостепенная роль при подготовке учителей изобразительного искусства, при этом скульптура и пластическая анатомия не интегрированы в целостный процесс художественного обучения. Зачастую пластическая анатомия в новых учебных планах отделена от практики рисунка и скульптуры и сводится к теоретическому курсу, что значительно понижает эффективность ее в образовательном процессе.

В связи с этим сегодня в условиях модернизации высшего образования важно учитывать образовательные возможности пластических дисциплин рисунка, скульптуры и пластической анатомии, основываясь на заложенном в них огромном потенциале изучения формы, конструкции, объема и пространства.

Именно эти дисциплины дают возможность наиболее основательно изучить строение и форму человеческого тела (пластическая анатомия), развить объемно-пространственное понимание формы (скульптура), сформировать умение изображать объемную форму на двухмерной плоскости (рисунок), что в совокупности позволяют дать исчерпывающее понятие о форме объекта изображения.

В процессе специальной художественной подготовки перед высшей художественно-педагогической школой стоит задача развития способности адекватного восприятия и изображения объективной реальности, в основе чего в реалистическом искусстве лежит понимание трехмерной формы, заключающееся в необходимости развития объемно-пространственного мышления, способности выстраивать объемы, сводя их к гармоничному единству. Реализация таких задач выполняется непосредственно на занятиях по рисунку, скульптуре и пластической анатомии, именно этот факт дает возможность интеграции их в единый блок пластических дисциплин.

В отличие от рисунка, где замысел художественного образа передается на двухмерной плоскости, скульптура оперирует реальным объемом. Процесс выполнения работы в непосредственном объеме и профессиональный анализ формы предмета, основанный на развитии скульптурного объемно-пространственного мышления, приносит огромную пользу в обучении трехмерному изображению на плоскости.

Учебные дисциплины рисунок и скульптура соответствуют видам изобразительного искусства, что нельзя сказать о пластической анатомии, которая рассматривается нами как один из связующих компонентов между рисунком и скульптурой, возникающий при изображении человека. Объединяя эти дисциплины в единый интегрированный блок, мы так или иначе говорим о синтезе этих искусств.

Синтез пластических искусств аналогичен с процессом интеграции в образовании.

Интеграция в настоящее время рассматривается как один из самых перспективных путей в образовании. Мысль о необходимости интеграционного подхода пыталась утвердиться не одно столетие. В XVII в. Ян Коменский высказывал идею о том, что все так должно быть соединено между собой, чтобы образовать неразрывное целое.

Под интеграцией подразумевается органичное слияние, объединение содержания образовательных программ, предметов или предметных областей.

Отличительными особенностями интегрированного подхода является мотивированная практическая активность личности, основанная на применении полученных знаний, умений и навыков.

Интеграция наук характерна для настоящего времени и проявляется в стремлении получить как можно более точное представление об общей картине мира. Решение данной задачи невозможно в рамках одной дисциплины, поэтому тенденция к интеграции учебных дисциплин наблюдается в теории и практике обучения, которая позволяет учащимся достигать межпредметных обобщений и приближаться к пониманию общей картины мира.

Ряд современных ученых отмечает, что в процессе интеграции не только происходит объединение ранее разрозненных блоков, но и стираются их границы. Подобную же тенденцию мы можем наблюдать и в синтезе искусств.

Б.А. Соловьёва в своей книге «Искусство рисунка» отмечает, что изобразительные и содержательные возможности каждого вида широки и сближение художественных образов в произведениях разных видов искусства указывает на то, что виды и разновидности искусства с точки зрения их специфики не разделены непреходимыми границами. «Не все художники исполь-

зуют возможности и особенности разных видов искусства, создают в каждом виде произведения, несущие самостоятельный образ со своими чертами» [1, с. 141].

«...Ничто так ярко не характеризует противоположность между старым искусством и искусством нынешним, как единство формы видения в прежние времена и разнообразие этих форм сейчас. Кажется, что самые противоречивые представления способны ужиться друг с другом так, как это никогда не случалось до сих пор в истории искусства. Мечтают о рельефной сцене и в то же время возводят постройки, рассчитанные на впечатление глубины. Пластически-линейное искусство так же значимо, как и живописное, оперирующее одними только зрительными впечатлениями. В каждом художественном листке мы видим осуществленными почти все возможности рисунка. Как незначительны в сравнении с этим отдельные расхождения, наблюдающиеся в прошлом! Только историческая в самом существе своем эпоха могла воспитать эту широту чувства. Но убыль силы современного искусства по сравнению с устремленной в едином направлении мощью прошлых эпох громадна. Прекрасной задачей научной истории искусства является сохранение живым хотя бы понятия о подобном единообразном видении, преодоление невероятной путаницы и установка твердого и ясного отношения взгляда к видимому» [2, с. 5].

В подтверждение этого стоит привести слова Гете, который пишет: «Сами искусства, так же как и их разновидности, родственны друг другу, они имеют известную склонность к соединению, даже к слиянию» [1, с. 141]. Далее он также отмечает, что долг, заслуга, достоинство настоящего художника заключается именно в том, что «он умеет отделить ту область, в которой он работает, от других, обосновать каждое искусство и каждый род искусства на нем самом и по возможности их изолировать» [1, с. 142].

Скульптор Б.Е. Каплянский пишет: «Мы должны найти пути воссоздания природы языком своего искусства, который мы стремимся познать» [3, с. 62].

М. Клингер, впервые определивший «собственную эстетику» графики, писал, что каждому материалу присущи «особый дух и особая поэзия, ... которые ничем нельзя заменить» [4, с. 15]. И это должно стать составной частью подготовки учителя, которому необходимо понимать и уметь донести до своих учеников этот «особый дух, особую поэзию» каждого из видов изобразительного искусства. Именно поэтому при интеграции пластических дисциплин рисунка, скульптуры и пластической анатомии не стоит задача создания новой универсальной объединяющей дисциплины, а выявления и интегрирования их общих задач, направленное на более эффективное изучение и изображение формы, конструкции и объема с учетом специфических особенностей выразительных средств рисунка и скульптуры как видов изобразительного искусства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Соловьёва Б.А. Искусство рисунка. – Л., 1989.
2. Вёльфлин Г. Основные понятия теории искусств. – М.-Л., 1930.
3. Каплянский Б.Е. Записки об искусстве и художниках // Советская скульптура. Вып. 8. – М., 1984.
4. Клингер М. Живопись и рисунок. – СПб., 1908.

REFERENCES

1. Solovyova B.A. The art of drawing. [Iskusstvo risunka]. 1989. (in Russ.).
2. Wolfflin G. Concepts arts theory. [Osnovnyye ponyatiya teorii iskusstv]. 1930. (in Russ.).
3. Kaplyanskiy B.E. Notes about art and artists. [Zapiski ob iskusstve i khudozhnikakh]. 1984. (in Russ.).
4. Klinger M. Painting and Drawing. [Zhivopis' i risunok]. 1908. (in Russ.).

Информация об авторе

Башкатов Иван Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра изобразительного искусства, Липецкий государственный педагогический университет, член союза художников России, г. Липецк, Россия
bashkatov_ivan@mail.ru

Information about the author

Bashkatov Ivan A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Fine Arts, Lipetsk State Pedagogical University, member of the Russian Union of Artists, Lipetsk, Russia
bashkatov_ivan@mail.ru

Мещеряков Виктор Дмитриевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин,

Meshcheryakov Victor D., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences, Russian Presi-

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Липецк, Россия
Dobrynia48@mail.ru

Получена: 02.02.2016

Для цитирования статьи: Башкатов И.А., Мещеряков В.Д. Синтез пластических искусств в рамках современного художественно-педагогического процесса. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 175-178
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-175-178

dential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk, Russia
Dobrynia48@mail.ru

Received: 02.02.2016

For article citation: Bashkatov I.A., Meshcheryakov V.D. Synthesis of plastic arts in the modern art-pedagogical process [Sintez plasticheskikh iskusstv v ramkakh sovremennogo khudozhestvenno-pedagogicheskogo protsessa]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 175-178.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-175-178

УДК. 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-179-185

ВОСКОБОЙНИКОВ Антон Николаевич,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

VOSKOBONIKOV Anton N.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia

ЛЕЙБОВСКИЙ Александр Юрьевич,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

LEYBOVSKY Alexander Y.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia

ПИЛИШИН Николай Александрович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
pilishin82@mail.ru

PYLYSHYN Nikolai A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
pilishin82@mail.ru

**ПОКАЗАТЕЛИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ,
ФИЗИЧЕСКОЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ
ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ
КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА (КУБГУ), ЗАНИМАЮЩИХСЯ
В ПЛАВАТЕЛЬНОМ БАССЕЙНЕ, И ИХ
СООТВЕТСТВИЕ НОРМАТИВНЫМ
ТРЕБОВАНИЯМ**

**INDICATORS OF PHYSICAL DEVELOPMENT,
PHYSICAL AND FUNCTIONAL READINESS
OF KUBAN STATE UNIVERSITY STUDENTS,
TRAINING IN THE SWIMMING POOL, AND
THEIR REGULATORY SPECIFICATIONS**

В статье представлены результаты исследования показателей физического развития, физической и функциональной подготовленности студентов 1–3-х курсов Кубанского государственного университета (КубГУ), занимающихся в плавательном бассейне, и проведен сравнительный анализ полученных данных с нормативными требованиями. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что физическая подготовленность первокурсников находится ниже требований, предъявляемых учебной программой вуза, параметры же их физического развития и функциональной подготовленности в целом соответствуют нормативным данным. Большинство тестируемых компонентов обучающихся на 2-м и 3-м курсах сопоставимы с нормативными требованиями.

The article presents the results of a study of physical development, physical and functional readiness of students of the 1–3-year of the Kuban State University, engaged in the swimming pool, and provides a comparative analysis of the data with regulatory requirements. The experimental results indicate that the physical fitness of 1-year students is below the requirements of the curriculum of the university, the parameters of the development of their physical and functional training are broadly consistent with the regulatory data. Most of the components of the test students in 2nd and 3rd courses are comparable with the regulations.

Ключевые слова: физическое развитие, физическая подготовленность, функциональная подготовленность, студенты, исследование, результаты

Keywords: physical development, physical fitness, functional readiness, students, research, results

Актуальность. За последние десятилетия в России серьезно обострилась ситуация с состоянием здоровья населения, особенно учащейся молодежи. Снижение качества жизни людей, экологическое неблагополучие среды обитания отрицательно сказываются на физическом развитии и физической подготовленности лиц школьного и студенческого возраста. Согласно статистическим данным, 53% детей имеют ослабленное здоровье, 2/3 подростков в возрасте до 14 лет подвержены хроническим заболеваниям, количество обращений старшеклассников в медицинские учреждения выросло на 18%, лишь 10% выпускников школ можно назвать здоровыми [11].

Подобная тенденция наблюдается и в период обучения молодых людей в вузе. Большинство специалистов, изучающих проблемы студенческой физической культуры и спорта, отмечают, что за годы учебы юношей и девушек в высшем учебном заведении наблюдается снижение двигательной активности учащейся молодежи от курса к курсу [1; 3; 4; 7; 9; 11]. Так, анкетный опрос перво- и второкурсников Кубанского государственного технологического университета показал, что численность студентов 2-го года обучения, систематически занимающихся физической культурой и спортом, уменьшилась почти на 10% по сравнению с обучающимися на 1-м курсе (27,5 и 36,8 % соответственно). Отрицательная динамика была выявлена и в показателях таких категорий, как частота и продолжительность занятий физической культурой и спортом второкурсников [5].

Существующее положение актуализировало работу по реализации мониторинговых исследований в сфере физической культуры с целью повышения эффективности процесса физического воспитания учащейся молодежи.

Исследовательская работа, проводимая со студентами Кубанского государственного университета, занимающимися в плавательном бассейне вуза, позволяет посредством тестирования объективно оценивать уровень физической подготовленности обучающихся, вести наблюдения за динамикой физического развития, осуществлять планомерную работу по повышению степени их функциональной подготовленности. Проводимый мониторинг позволит, на наш взгляд, осуществлять в учебно-тренировочном процессе корректирующие мероприятия, направленные на устранение выявленных недостатков физического развития тестируемых.

Цель исследования – выявить соответствие физического развития, физической и функциональной подготовленности студентов основной медицинской группы 1–3-х курсов КубГУ, занимающихся в плавательном бассейне, нормативным требованиям.

Методы и организация исследования. В ходе исследования были использованы следующие методы: анализ научно-методической литературы, антропометрия, физиологические пробы, педагогическое тестирование и методы математической статистики.

Анализ научно-методической литературы подтвердил, что:

- во многих вузах не отлажена система постоянного мониторинга за уровнем физических качеств учащейся молодежи;
- менее 20% юношей и девушек, поступивших на 1-й курс, помимо основных занятий по физической культуре посещают спортивные секции, а на более старших курсах эта цифра снижается;
- наиболее слабым качеством физической подготовленности студентов является показатель общей выносливости.

Оценка уровня физического развития тестируемых проводилась с использованием антропометрических методик [3; 6; 10]. При этом определялись: масса тела (кг), жизненная емкость легких (ЖЁЛ) (мл) и жизненный индекс (мл/кг).

Функциональное состояние студентов оценивалось с помощью общепринятых методик [1; 6; 8]. Определялись: одномоментная функциональная проба с 20 приседаниями за 40 секунд (%), задержка дыхания на вдохе (проба Штанге) (с) и на выдохе (проба Генчи) (с).

Педагогическое тестирование представляло собой комплекс мероприятий, включающих выполнение контрольных упражнений, позволяющих в условиях бассейна выявить уровень развития физических качеств [9; 10]:

- плавание вольным стилем 50 м (с) – скоростно-силовые качества;
- 12-минутное плавание (тест Купера) (м) – выносливость.

Обработка полученных результатов осуществлялась по общепринятым методикам [2]. При этом рассчитывались средняя арифметическая величина (M) и ошибка средней арифметической ($\pm m$). Достоверность различий между нормативными требованиями и полученными результатами не вычислялась, так как в научно-методической литературе отсутствуют показатели стандартного отклонения и ошибки средней арифметической. В данном исследовании сравнивались лишь средние арифметические значения.

Настоящее исследование было проведено в плавательном бассейне физкультурно-оздоровительного комплекса КубГУ «АкваКуб» в сентябре-октябре 2015 г. на учебных занятиях по физической культуре. В нем приняло участие 184 студента основной медицинской группы 1–3-х курсов 16 факультетов вуза (68 юношей и 116 девушек).

Результаты исследования и их обсуждение. Данные, характеризующие показатели физического развития, физической и функциональной подготовленности студентов основной медицинской группы 1–3-х курсов, посещающих плавательный бассейн, а также соответствующие им нормативные требования [1; 6; 10] представлены в таблице.

Показатели физического развития, функциональной подготовленности студентов основной медицинской группы КубГУ, занимающихся в плавательном бассейне, и их соответствие нормативным требованиям

№	Показатели	Нормативные требования		Результаты обследования студентов					
		юноши	девушки	1 курс		2 курс		3 курс	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Физическое развитие									
1	Масса тела (кг)	-	?	66,4±2,33	56,6±1,43	75,1±2,11	58,0±1,66	76,7±1,99	59,7±1,55
2	Жизн. емкость легких (ЖЕЛ) (мл)	3500-4200	2500-3000	5357,1±196,03	3884,7±69,31	5211,4±118,84	3619,7±63,78	5640,1±142,55	3849,8±55,03
3	Жизненный индекс (мл/кг)	65-70	55-60	80,6±3,25	68,6±1,39	69,4±2,56	62,4±1,43	73,6±1,67	64,5±1,43
Физическая подготовленность									
4	Плавание 50м (с)								
	- отлично	40	54						
	- хорошо	44	63						
	- удовлетворительно	48	74	49,8±4,00	73,0±3,23	41,6±2,01	62,3±2,34	38,1±1,09	57,3±2,11
5	- плохо	57	85						
	- очень плохо	б/вр	б/вр						
	Плавание 12 мин (тест Купера) (м):								
	- отлично	>725*(>650)** 650-725(550-650)	>650*(>550)** 550-650(450-550)	415,2±47,69	286,8±13,46	493,3±34,33	351,9±16,14	498,1±25,35	424,2±19,89
6	- хорошо	550-650(450-550)	450-550(350-450)						
	- удовлетворительно	450-550(350-450)	350-450(275-350)						
	- плохо	<450(<350)	<350(<275)						
	- очень плохо								
Функциональная подготовленность									
6	ЧСС в покое (уд/мин)	60-80	60-80	83,1±2,20	85,9±2,77	84,7±2,77	81,2±2,04	80,9±3,63	81,1±1,10
7	Одномоментная функциональная проба с приседанием (%)								
	- отлично	?20	?20						
	- хорошо	21-40	21-40	58,6±10,66	61,4±5,60	47,3±5,69	56,2±4,11	59,3±6,54	51,8±4,25
	- удовлетворительно	41-65	41-65						
8	- плохо	66-75	66-75						
	- очень плохо	?76	?76						
	Проба Штанге (с)	?65	?65	81,3±9,33	65,1±4,33	87,9±5,69	55,4±2,33	72,2±5,51	60,4±3,13
	Проба Генчи (с)	?30	?30	46,8±7,06	48,1±3,75	44,4±4,21	38,3±1,43	42,3±5,18	38,1±2,69

Примечание:

1. Выделенные среднестатистические значения показателей соответствуют норм. требованиям (на оценочном уровне - не ниже "удовлетворительно")
2. *нормативные требования для возрастной категории 13?19 лет (1 и 2 курс)
3. **нормативные требования для возрастной категории 20?29 лет (3 курс)

Анализируя итоги исследования, можно отметить, что физическая подготовленность юношей и девушек, поступивших на 1-й курс, низкая. Лишь в плавании на дистанции 50 м вольным стилем первокурсники показали результат, едва соответствующий оценке «удовлетворительно», юноши же этот тест выполнили на оценку «плохо». Еще слабее выглядели студенты 1-го года обучения при тестировании такого физического показателя, как выносливость: по итогам 12-минутного плавания юноши показали результат $415,2 \pm 47,69$ м, а девушки – $286,8 \pm 13,46$ м, что по оценочной таблице Купера соответствует оценке «очень плохо».

Функциональная подготовленность первокурсников по большинству рассматриваемых параметров соответствует нормативным требованиям и даже превышает их (устойчивость к гипоксии в пробах Штанге и Генчи), за исключением показателя частоты сердечных сокращений в покое (впрочем, повышенная ЧСС характерна и для студентов второго и третьего курсов).

Достоверность высоких показателей (в сравнении с нормативными требованиями) физического развития юношей и девушек 1-го года обучения (как и второ- и третьекурсников) подтверждается свидетельством о проведенной 15 января 2016 г. в Государственном региональном центре стандартизации, метрологии и испытаний в Краснодарском крае поверке № 06-22-004 спирометра, при помощи которого определялась величина ЖЁЛ, а затем вычислялся жизненный индекс испытуемых (приложение).

Исходные показатели физического развития, физической и функциональной подготовленности студентов 2-го и 3-го курсов почти во всех номинациях соответствуют нормативным требованиям и превышают аналогичные параметры первокурсников. Так, юноши-второкурсники более чем на 8 секунд улучшили показатель своих младших коллег в плавании на дистанции 50 м ($41,6 \pm 2,01$ с против $49,8 \pm 4,00$ с), что соответствует оценке «хорошо», а третьекурсники даже «разменяли» 40-секундный рубеж ($38,1 \pm 1,09$ с). На оценку «хорошо» проявили скоростные качества и девушки 2–3-х курсов.

Более высокий результат был достигнут студентами 2-го и 3-го годов обучения в 12-минутном плавании (хотя расстояние, которое преодолели второкурсники в тесте Купера, соответствует оценке «плохо», а третьекурсники – «удовлетворительно») и одномоментной функциональной пробе с приседанием (за исключением показателя юношей 3-го курса). Лишь в таких номинациях, как «жизненный индекс» и пробы с задержкой дыхания на вдохе и выдохе, показатели студентов старших курсов несколько уступают аналогичным данным своих младших коллег, оставаясь тем не менее соответствующими нормативным требованиям (кроме показателей девушек 2-го и 3-го курсов в пробе Штанге).

Впрочем, такое «превосходство» девушек и юношей 2-го и 3-го годов обучения над первокурсниками (особенно в плавательных дисциплинах) можно объяснить, видимо, тем, что они уже в течение одного-двух лет занимались в бассейне на занятиях по физической культуре и накопили, соответственно, более высокий исходный уровень физической подготовленности.

Заключение. Подводя итоги эксперимента, можно констатировать, что физическая подготовленность юношей и девушек, поступивших на 1-й курс КубГУ, посещающих плавательный бассейн, находится ниже требований, предъявляемых учебной программой вузов.

Вместе с тем параметры физического развития и функциональной подготовленности студентов 1-го года обучения в целом соответствуют нормативным данным.

Большинство тестируемых компонентов обучающихся на 2-м и 3-м курсах сопоставимы с нормативными требованиями и превышают соответствующие показатели студентов 1-го курса.

Наиболее слабым из рассматриваемых качеств физической подготовленности студентов является показатель общей выносливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ачкасов Е.Е., Руненко С.Д., Пузин С.Н. и др. / Врачебный контроль в физической культуре. – М.: Триада-Х, 2012. – 130 с.
2. Ашмарин Б.А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании. – М.: Физкультура и спорт, 1978.
3. Епифанов В.А. Лечебная физическая культура и спортивная медицина: Учебник. –М.: Медицина, 1999. – 304 с: ил.
4. Кононова А.П., Иноземцева Е.С. Динамика показателей специальной физической подготовленности студентов, занимающихся плаванием // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Томск. 13-14 ноября 2014.
5. Лейбовский А.Ю., Иванова Н.Г. Мотивы и потребности студентов Кубанского государственного технологического университета в различных видах двигательной активности на занятиях по физической культуре (по результатам анкетного опроса) // Физическая культура и спорт – наука и практика. – Краснодар, 2011. – № 3. – С. 41.
6. Макарова Г.А. Спортивная медицина: Учебник. – М.: Советский спорт, 2003. – 408 с: ил.
7. Постольник Ю.А. Формирование профессиональных компетенций студентов на занятиях плаванием средствами водных видов спорта. Дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2015.
8. Руненко С.Д. Врачебный контроль в фитнесе. – М.: Советский спорт, 2009.
9. Степанова М.С. Обучение плаванию в системе физического воспитания студентов вузов: Метод. пособие. – Оренбург, ГОУ ОГУ, 2003. – 103 с.
10. Физическая культура студента: Учебник / Под ред. В.И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2005. – 448 с.
11. Юречко О.В. Физическое развитие и физическая подготовленность в системе мониторинга состояния физического здоровья школьников // Фундаментальные исследования. –2012. – № 3-2. – С. 324-327.

REFERENCES

1. Achkasov E.E. Runenko S.D. Puzin S.N. Medical control in physical culture. [Vrachebnyj kontrol' v fizicheskoj kul'ture]. M.: Triada-X, 2012. 130 p.
2. Ashmarin, B. A. Theory and methods of pedagogical research in physical education. [Teorija i metodika pedagogičeskix issledovanij v fizicheskom vospitanii.]. M.: Physical culture and sport, 1978.
3. Epifanov V. A. Medical physical culture and sports medicine: Textbook. [Lečebnaja fizičeskaja kul'tura i sportivnaja medicina: Učebnik]. M.: Medicine, 1999. P.304 with illustrations
4. Kononov A. P., Inozemtseva E. S. Dynamics of indicators of special physical preparedness of students engaged in swimming . materials of the VIII all-Russian scientific-practical conference with international participation.[Dinamika pokazatelej special'noj fizičeskoj podgotovlennosti studentov, zanimajushhhsja plavaniem // Materialy VIII Vse-rossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem].Toms. November 13-14, 2014.
5. Labowski A. Yu., Ivanova N. G. The motives and needs of students of Kuban state technological University in different types of physical activity on the physical training (results of questionnaire). Physical culture and sport – science and practice. [Motivy i potrebnosti studentov Kubanskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta v razlichnyh vidah dvigatel'noj aktivnosti na zanjatijah po fizičeskoj kul'ture (po rezul'tatam anketnogo oprosa). Fizičeskaja kul'tura i sport – nauka i praktika.] Krasnodar, 2011. No. 3. p. 41.
6. Makarova G. A. Sports medicine: Textbook. [Sportivnaja medicina: Učebnik]. M.: Soviet sport, 2003. – 408 with: ill.
7. Postolnik Y. A. Formation of professional competences of students in the classroom means diving water sports. Dis. ... candidate. PED. Sciences. [Formirovanie professional'nyh kompetencij studentok na zanjatijah plavaniem sredstvami vodnyh vidov sporta. Dis. ... kand. ped. Nauk]. Moscow, 2015.
8. Rudenko S. D. Medical follow-up in fitness. [Vrachebnyj kontrol' v fitnese]. M.: Soviet sport, 2009.
9. Stepanov S. M. the Teaching of swimming in system of physical education of University students: Method. allowance. [Obuchenie plavaniju v sisteme fizičeskogo vospitanija studentov vuzov: Metod. Posobie]. Orenburg, GOU OGU, 2003. – 103 S.
10. Physical education student: Textbook. Under the editorship of V. I. Ilinich.[Fizičeskaja kul'tura studenta: Učebnik / Pod red. V.I. Il'inicha]. M.: Gardariki, 2005. 448 p.
11. Urecco O. V. Physical development and physical training in the system of monitoring the health of pupils. [Fizičeskoe razvitie i fizičeskaja podgotovlennost' v sisteme monitoringa sostojanija fizičeskogo zdorov'ja shkol'nikov.]. Fundamental research. -2012. No. 3-2. – S. 324-327.

**Федеральное бюджетное учреждение
"Государственный региональный центр стандартизации,
метрологии и испытаний в Краснодарском крае"**
Регистрационный номер аттестата аккредитации RA.RU.311441

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОВЕРКЕ № 06-22- 004

Действительно до 15 января 2017 г.

Средство измерений Спирометр ССП, №5247-76
наименование, тип, идентификация, регистрационный номер в Федеральном информационном

файле по обеспечению единства измерений, (перечень и заводские номера эталонных блоков (при наличии))

отсутствует
серия и номер знака предыдущей поверки (если такие серия и номер имеются)

заводской номер (номера) 2819

поверено в соответствии с описанием типа СИ
наименование, диапазон, на которых поверено средство измерений (если предусмотрено АИП)

поверено в соответствии с МИ 124 -77
наименование документа, на основании которого выполнено поверка

Методика поверки спирометров и спирографов

с применением эталонов: Установка поверочная ЭСПИРО №16644
наименование, тип, заводской номер (регистрационный номер (при наличии))

разряд, класс или погрешность эталона, применяемого при поверке

при следующих значениях влияющих факторов: Температура окружающего
привести перечень влияющих

воздуха, °С- 21,5, влажность - 56%, атмосферное давление- 101 кПа
факторы, нормированные в документе на методику поверки, с указанием их значений

и на основании результатов первичной (периодической) поверки признано соответствующим установленным в описании типа метрологическим требованиям и пригодным к применению в сфере государственного регулирования обеспечения единства измерений.

Знак поверки

703813

Начальник отдела 6
должность руководителя подразделения

Поверитель

П.Л.Баюсов
инициалы, фамилия

И.М.Медяник
инициалы, фамилия

Дата поверки 15 января 2016 г.

Информация об авторе

Воскобойников Антон Николаевич, преподаватель, кафедра физического воспитания, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Лейбовский Александр Юрьевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физического воспитания, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Пилишин Николай Александрович, преподаватель, кафедра физического воспитания, Ку-

Information about the author

Voskoboinikov Anton N., Science Employee, Department of Physical Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Leybovsky Alexander Y., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical Education, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Pylyshyn Nikolai A., Science Employee, Department of Physical Education, Kuban State University,

Краснодарский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
pilishin82@mail.ru

Krasnodar, Russia,
pilishin82@mail.ru

Received: 13.02.2016

Получена: 13.02.2016

Для цитирования статьи: Воскобойников А.Н., Лейбовский А.Ю., Пилишин Н.А. Показатели физического развития, физической и функциональной подготовленности студентов Кубанского государственного университета (КубГУ), занимающихся в плавательном бассейне, и их соответствие нормативным требованиям. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 179-185
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-179-185

For article citation: Voskoboinikov A.N., Leybovsky A.Y., Pylyshyn N.A. Indicators of physical development, physical and functional readiness of Kuban State University students, training in the swimming pool, and their regulatory specifications. [Pokazateli fizicheskogo razvitiya, fizicheskoy i funktsional'noy podgotovlennosti studentov Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta (KubGU), zanimayushchikhsya v plavatel'nom bassejne, i ikh sootvetstvie normativnym trebovaniyam]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp179-185.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-179-185

УДК 378.147:378.018.43

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-186-190

ГРЕБЕННИКОВ Олег Владимирович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

GREBENNIKOV Oleg V.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

РОМАНОВ Дмитрий Александрович,
Кубанский государственный технологический
университет,
г. Краснодар, Россия
romanovda1@rambler.ru

ROMANOV Dmitry A.,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
romanovda1@rambler.ru

ПОРТФОЛИО В СТРУКТУРЕ МОНИТОРИНГА ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТУДЕНТА

PORTFOLIO INVOLVED INTO STUDENT'S PERSONALLY-PROFESSIONAL DEVELOPMENT MONITORING

Современная оценочная деятельность в образовании ориентируется на личные достижения студентов, которые могут быть отражены в различных вариантах портфолио. В статье обосновываются преимущества диагностики компетенций и личностно-профессиональных качеств студентов на основе аутентичного репрезентационного портфолио. Показано, что портфолио является методом диагностики компетенций студентов, технологией управления учебно-профессиональной деятельностью студентов и фактором пополнения электронных образовательных ресурсов информационно-образовательной среды вуза. С точки зрения авторов, применение портфолио, как метода оценки компетенций и технологии управления учебно-профессиональной деятельностью студента, позволяет решать многие дидактические задачи. Важнейшими из них являются поддержка обучающегося в личностно-профессиональном самоопределении и формирование регулятивного компонента социально-профессиональной компетентности, так как именно он детерминирует готовность обучающегося к успешному управлению своими знаниями и умениями, к постоянному личностно-профессиональному росту и т.д. Ведение портфолио неразрывно связано с учебно-исследовательской, научно-исследовательской и научно-практической работой студентов (УИРС, НИРС и НПРС), поскольку исследовательская работа студентов интегрирует в себя творчество, аналитику, саморегуляцию, самостоятельность, самоорганизацию собственной познавательной деятельности, умение ставить цели и задачи, а также вырабатывать приемы их решения. Их количественная оценка – важная научная и прикладная задача. Достижения студента в УИРС, НПРС или НИРС является практическим критерием оценки сформированности его знаний, компонентом исследовательской компетентности студента и показателем индивидуальных достижений студента (ИДС) в исследовательской деятельности. Разработанный способ оценки студента как творчески самостоятельной саморегулирующейся личности может быть использован в технологии портфолио для интегрированного оценивания индивидуальных образовательных результатов. Таким образом, технология портфолио соответствует требованиям компетентностного подхода и может быть использована как компонент мониторинга качества образования, т.к. позволяет диагностировать эффективность управления учебно-профессиональной деятельностью и результативность педагогической поддержки студента в личностно-профессиональном самоопределении.

Ключевые слова: портфолио, студент, мониторинг, личностно-профессиональное развитие

Modern evaluation activity in education is oriented to students personal achievements that's may be reflected in different portfolio variants. In article we show the advantages of student personally-professional abilities and competencies assessment based on authentic representative portfolio. We show that the portfolio is students competencies assessment method, students learning-vocational activity control technology and higher educational establishment informational-educational environment learning resources increasing factor. To accordance of author's opinion, the portfolio using allowed to solve many didactical problems, as student competencies evaluation method and learning-vocational activity control technology. The most important is students support in personally-professional self-determination and socially-professional competence regulative component formation, because this component is determined the students preparedness to skills and knowledge's successful management, and to permanent personally-professional improving etc. The portfolio formation interrelated with learning-investigate, scientific-investigate and scientific-practical students activity, because the students investigate activity integrated the creativity, analysis, self-control, independence, personal cognitive activity self-organization, skills of purposes and problems formation, generating of its solving methods. Its quantity evaluation is important scientific and applied problem. The students achievements in learning-investigate, scientific-investigate and scientific-practical students activity is practical criterion of his knowledge's completeness, students investigate competence components and parameter if students individual achievements in investigate activity. The elaborated students' evaluation method as creative independent self-controlled persona may be used in portfolio technology for individual educational results integrated evaluation. However, the portfolio technology is accorded to competence oriented approach requirements and may be used as education quality monitoring component, because its allowed the assessment of learning-vocational activity control efficiency and students support in personally-professional self-determination productivity.

Keywords: portfolio, student, monitoring, personally-professional development

В современных условиях проблема управления качеством профессионального образования приобрела особую значимость [1, с. 28]. Конкурентоспособный выпускник вуза должен быть носителем общекультурных и профессиональных компетенций, быть готовым к перманентному личностно-профессиональному росту. Целевой ориентир и результат профессиональной подготовки – социально-профессиональная компетентность обучающегося – не сводится к знаниям и умениям, представляя собой, прежде всего, способность (готовность) к управлению этими знаниями и умениями [2, с. 101]. Это обуславливает сложность социально-педагогической пробле-

мы (формирования компетенций обучающихся), а также метрологической задачи (диагностики сформированности компетенций) [3, с. 76].

Диагностика компетенций (тем более интегрального личностно-профессионального качества – социально-профессиональной компетентности) нередко вызывает затруднения. Если для диагностики знаний, умений и мотивов применяют традиционные виды диагностического инструментария (тесты, контрольно-измерительные материалы, анкеты, опросники и т.д.), то для диагностики эффективности управления этими знаниями и умениями необходимы принципиально иные методы, средства и технологии [4, с. 354]. В настоящее время в вузах применяют контрольно-компетентностные оценочные материалы, а также инновационные методы и технологии обучения, содействующие целостному формированию компетенций студентов и их объективной оценке [5, с. 178]. Это позволяет реализовать идею дуального педагогического управления на основе использования инновационных методов и технологий обучения: кейс-метод (ситуационные задачи); портфолио (оценка собственных достижений); метод развивающейся кооперации (групповое решение задач с распределением ролей); проектный метод (научные, учебные, производственные и рекламные проекты); ролевая и (или) деловая игра (приближение к реальной производственной ситуации); метод «Дельфи» («мозговая атака») [6, с. 145].

Диагностические комплексы современного типа должны обеспечивать организационную и содержательную целостность оценки компетенций на различных этапах педагогического контроля и аттестации студентов [7, с. 195].

Информационно-методическое обеспечение современного типа – электронные образовательные ресурсы – также должны включать в себя задания, обеспечивающие целостную оценку компетенций [8, с. 190].

Современные исследователи едины во мнении, что формирование конкурентоспособных выпускников невозможно без эффективного управления образовательным процессом и личностно-профессиональным развитием обучающихся, а оно, в свою очередь, невозможно без налаженной системы мониторинга качества образования [9, с. 105].

Согласно современным воззрениям, психолого-педагогический мониторинг – эффективный информационный механизм управления качеством образования, который можно рассматривать как систему (в широком понимании) и технологию (в узком понимании). В настоящее время обосновано, что система психолого-педагогического мониторинга включает его технологии, критериально-диагностический аппарат для оценки объекта управления, всевозможные модели (в том числе математические) объекта управления, а также аппаратно-программное, информационное и методическое обеспечение. С психолого-педагогическим мониторингом неразрывно связана поддержка обучающегося в личностно-профессиональном самоопределении, которая включает не только помощь в выборе жизненно-профессионального пути и формирование готовности к самоопределению, но своевременное устранение «пробелов» в профессиональной подготовленности, препятствующих реализации выбора [10, с. 99].

С точки зрения современных специалистов, именно портфолио – способ формирования и оценивания компетенций и личностно-профессиональных качеств, отвечающий всем современным требованиям [11, с. 112]. Портфолио рассматривают как систематически и специально организованный сбор доказательств, который служит способом фиксирования, накопления материалов и оценки процесса обучения, способом системной рефлексии на собственную деятельность и представления ее результатов; как диагностический конструктор, составляющие которого подбирают в зависимости от вида портфолио и решаемой дидактической задачи. Портфолио включает аналитические составляющие: материализованные результаты учебно-профессиональной деятельности, сопроводительные материалы и документальные свидетельства результатов, причем компоненты относительно независимы. При формировании портфолио учитывают, какие компетенции обучающегося будут диагностировать.

Анализ научно-методической литературы и практики подготовки студентов показал, что современная оценочная деятельность в профессиональном образовании характеризуется следующими тенденциями: увеличение доли и повышение значимости оценок; ориентация на личностные достижения студентов; обучение студентов самооценке результатов учебной деятельности; отказ от формализованной оценки работ творческого характера. Однако по-прежнему не в достаточной мере разработаны методы диагностики компетенций как способностей к управлению знаниями, а также технологии управления личностно-профессиональным развитием обучающихся, направленные на реализацию компетентностного и личностно ориентированного подходов. Налицо противоречие между необходимостью реализации компетентностного подхода в образовании и недостаточной разработанностью механизмов его реализации.

С точки зрения авторов, применение портфолио как метода оценки компетенций и технологии управления учебно-профессиональной деятельностью студента позволяет решать многие дидактические задачи (см. таблицу). Как видно, важнейшими из них являются поддержка обучающегося в личностно-профессиональном самоопределении (обязательная составляющая гуманизации образования, помимо создания толерантной безопасной образовательной среды),

и формирование регулятивного компонента социально-профессиональной компетентности, так как именно он детерминирует готовность обучающегося к успешному управлению своими знаниями и умениями, к постоянному личностно-профессиональному росту и т.д.

Таблица 1 Дидактические задачи, решаемые благодаря портфолио
Table 1. Didactic problems solved through portfolio

№	Задача	Возможность ее решения благодаря портфолио
1.	Формирование компетенций, связанных с преподаваемой учебной дисциплиной	Портфолио позволяет фиксировать результаты учебной и профессиональной деятельности студента. Такая фиксация будет стимулировать обучающегося к систематическому учебному труду, повышению его результативности, ориентировать его не просто на овладение знаниями и умениями, а на повышение эффективности управления ими для успешного решения учебных, социальных и профессиональных задач
2.	Формирование информационной компетентности (входящих в нее общекультурных компетенций)	В условиях информатизации образования ведение портфолио связано с применением информационных технологий (шаг вперед по сравнению с бумажной фиксацией результатов). Оперативный и поведенческий компоненты информационной компетентности формируются благодаря применению ЭВМ при решении задач, фиксации результатов, работе с электронными образовательными ресурсами, мотивационный – благодаря тому, что обучающийся видит преимущества е-портфолио перед бумажным
3.	Формирование готовности к исследовательской деятельности	Благодаря портфолио возможно фиксировать результаты УИРС, НИРС и научно-практической деятельности. Ведение портфолио позволит повысить организационную и методологическую культуру будущего инженера, умения применять методы и средства для решения поставленных задач, в том числе исследовательских. Кроме того, достижения обучающегося в исследовательской работе (награды и т.д.) также фиксируются в портфолио
4.	Массовое вовлечение обучающихся в УИРС и научно-практическую деятельность	Научно-исследовательской работой занимается не более 10-20% студентов. Промежуточным этапом между УИРС и НИРС является научно-практическая деятельность, отличающаяся преемственностью результатов на разных этапах образовательного процесса. Фиксация ранее полученных результатов и их использование в дальнейшем позволит более результативно проводить исследования, иметь необходимый «задел»
5.	Поддержка обучающегося в личностно-профессиональном самоопределении	Анализ содержимого портфолио позволит выявить склонности студента, его интересы, потребности, сферы наилучшего применения его знаний и умений. Благодаря анализу портфолио возможно также определить пробелы в профессиональной подготовленности, препятствующие реализации выбора жизненно-профессионального пути
6.	Повышение эффективности учебно-экспериментальной деятельности	Креативный потенциал и аксиологические аспекты учебного лабораторного эксперимента проявляются только в том случае, если обучающийся поставлен не в положение пассивного наблюдателя, а активного исследователя явлений. Портфолио позволяет фиксировать результаты учебно-экспериментальной деятельности, которые со временем могут стать базой для УИРС или научно-практической деятельности
7.	Повышение эффективности самостоятельной работы	Ведение портфолио позволит фиксировать результаты не только аудиторной, но и самостоятельной работы, которая в современных условиях занимает большую часть времени. Опора на ранее полученные результаты, зафиксированные в портфолио, не только повысит эффективность самостоятельной деятельности, но позволит также педагогу или обучающемуся оценивать соотношение между результативностью аудиторной и самостоятельной работы, следовательно, эффективность последней
8.	Формирование рефлексии студентов, регулятивного компонента социально-профессиональной компетентности, умений профессиональной самоорганизации	Фиксация результатов учебной, исследовательской и профессиональной деятельности позволит обучающемуся производить самоконтроль своей деятельности и самоанализ ее результатов, выявлять недостатки в своей профессиональной подготовленности, предвидеть предстоящие затруднения, искать новые пути решения учебных, профессиональных и социальных задач, более эффективные варианты деятельности

Ведение портфолио неразрывно связано с УИРС, НИРС и научно-практической работой студентов. Именно исследовательская работа студентов интегрирует в себе творчество, аналитику, саморегуляцию, самостоятельность, самоорганизацию собственной познавательной деятельности, умение ставить цели и задачи, а также вырабатывать приемы их решения. Их количественная оценка – важная научная и прикладная задача.

Нами разработан способ оценки студента как творческой самостоятельной саморегулирующейся личности. Исходными данными являются показатели индивидуальных достижений студента (ИДС) в исследовательской деятельности. Достижения студента в УИРС, НИРС или НИРС – практический выход от его знаний, от уровня обученности как результата усвоения знаний, накопленных обществом. Под достижениями студента в ИДС будем понимать как его участие в мероприятиях исследовательского характера, так и его результативность.

Вместе с тем очевидно, что успешность ИДС зависит от накопленных им знаний и умений, предусмотренных учебным планом, от операционного компонента готовности к исследовательской деятельности (знаний методов исследования и умения их применять), накопленного им опыта исследовательской деятельности (поведенческого компонента). В рамках предложенной проблемы повышение креативности и совершенствование механизмов ИДС находится в зависимости от объема и уровня исследовательской деятельности в прошлом.

Таким образом, реализация компетентностного и личностно ориентированного подходов ставят перед системой профессионального образования сложнейшие задачи, решение которых немислимо без применения инновационных дидактических технологий, к которым относится и портфолио. Анализ и обобщение результатов исследования позволили сделать следующие выводы:

1. Актуальность проблемы поиска методов диагностики и технологий управления личностно-профессиональным развитием студентов обусловлена несоответствием между необходимостью реализации компетентностного подхода в образовании и недостаточной разработанностью механизмов его реализации.

2. В процессе профессиональной подготовки портфолио – способ фиксирования, накопления и интегрированного оценивания индивидуальных образовательных результатов субъекта в определенный период учебно-профессиональной деятельности. Технология портфолио полностью соответствует (адекватна) компетентностному подходу, так как позволяет диагностировать управление сформировавшимися знаниями и умениями по результатам деятельности, а также стимулирует к эффективному применению знаний и умений в учебно-профессиональной деятельности.

3. Технология портфолио неразрывно связана с мониторингом качества образования, поддержкой обучающегося в личностно-профессиональном самоопределении, самостоятельной работой, различными видами исследовательской деятельности и т.д.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Горбунова Т.В. Диагностический комплекс оценки качества профессиональной подготовки как имплицитно-апикальная структура // Среднее профессиональное образование. – № 9. – 2014. – С. 27-29.
2. Петьков В.А., Филоненко В.А. Мониторинг развития компетенций будущих специалистов в процессе реализации образовательных программ иноязычной подготовки // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. – 2014. – С. 101-104.
3. Гребенникова В.М., Гребенников О.В. Компетентностный подход в образовании // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 6 (22). – С. 75-78.
4. Гребенникова В.М., Никитина Н.И., Романова Е.Ю. Качество дополнительного специального образования специалистов смежных профессий и математические методы его оценки // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 6. – С. 354.
5. Стрелкова Н.Е., Петьков В.А., Романов Д.А. Взаимосвязь становления языковой компетенции и социально-профессиональной компетентности студентов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 5 (123). – С. 177-181.
6. Андрущенко С.И., Петьков В.А. Организация инновационной среды образовательного учреждения // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2012. – № 1. – С. 145.
7. Филоненко В.А., Петьков В.А. Моделирование процесса формирования умений профессиональной самоорганизации у будущих педагогов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. Вып. 3 (143). – 2014. – С. 93-99.
8. Черных А.И., Хорошун К.В., Романова М.Л. Квалиметрическая оценка электронных образовательных ресурсов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – № 12 (82). – 2011. – С. 186-194.
9. Петьков В.А., Филоненко В.А. Самоорганизация как условие профессионального роста конкурентноспособного специалиста // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. Научный ежегодник по материалам конференции, проходившей в Армавирском институте социального образования (филиале) РГСУ 2014. – С. 104-107.

10. Матвейчук Л.В., Романов Д.А., Шапошникова Т.Л. Технологии разработки новых образовательных инструментов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – № 12 (94). – 2012. – С. 97-102.
11. Мусина В.П. Диагностика профессиональной активности // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – № 2 (84). – 2012. – С. 111-115.

REFERENCES

1. Gorbunova T. Diagnostic complex evaluation of the quality of training as implicitly, the apical structure //Secondary vocational education no. 9, 2014. Pp. 27-29.
2. Petkov V.A., Filonenko V.A. Monitoring competence development of future specialists in the process of realization of educational programs of foreign language training// Bulletin of the Institute of social education in Armavir (affiliate)RGSU. 2014. Pp. 101-104.
3. Grebennikova V.M., Grebennikov O.V. competence approach in education//Historical and socio-educational thought. 2013. No. 6 (22). Pp. 75-78.
4. Grebennikova V.M., Nikitina N.I., Romanova E.Y. Quality additional special education professionals helping professions and mathematical methods its evaluation//contemporary problems of science and education. 2015. No. 6. P. 35.
5. Strizhakova N.E., Petkov V.A., Romanov D.A. Relationship formation of language competence and socio-professional competence of students//Scholars note. P.f. Lesgaft. 2015. No. 5 (123). Pp. 177-181.
6. Andruschenko S.I., Petkov V.A. Organization of innovative educational institution Wednesday//New Slender Anddygejskogo Staterstvennogo University. Series 3: pedagogy and psychology. 2012. № 1. P. 145.
7. Filonenko V.A., Petkov V.A. Modelling of the process of formation of skills of professional self-organization in future teachers//Herald of the Adyghe State University. Series 3: pedagogy and psychology. Issue 3 (123). 2014. Pp. 93-99.
8. Black A.I., Khoroshun K.V., Romanova M.L. Kvalimetričeskâ score of electronic educational resources//Scientists note P.f. Lesgaft University-No. 12 (82), 2011. Pp. 186-194.
9. Petkov V.A., Filonenko V.A. Self-organization as a condition for a competitive career specialist // Bulletin of the Institute of social education in Armavir (affiliate)RGSU. 2014. Pp. 104-107.
10. Matveichuk I.V., Romanov D.A., Shaposhnikova T.I. Technology development of new educational tools // Scientists note P.f. Lesgaft University-No. 12 (94), 2012. Pp. 97-102.
11. Musin V.P. Professional activity/Diagnostics/Scientists note P.f. Lesgaft University No. 2 (84), 2012. Pp. 111-115.

Информация об авторе

Гребенников Олег Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра технологии и предпринимательства, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
vmgrebennikova@mail.ru

Романов Дмитрий Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра информационных систем и программирования, Кубанский государственный технологический университет, г. Краснодар, Россия
romanovda1@rambler.ru

Получена: 19.02.2016

Для цитирования статьи: Гребенников О.В., Романов Д.А. Портфолио в структуре мониторинга личностно-профессионального развития студента. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 186-190.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-186-190

Information about the author

Grebennikov Oleg V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Technology and Business Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia
vmgrebennikova@mail.ru

Romanov Dmitry A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Information Systems and Programming, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
romanovda1@rambler.ru

Received: 19.02.2016

For article citation: Grebennikov O.V., Romanov D.A. Portfolio involved into students personally-professional development monitoring. [Portfolio v strukture monitoringa lichnostno-professional'nogo razvitiya studenta]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 186-190.

doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-186-190

УДК378

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-191-195

ДВОРКОВАЯ Марина Васильевна,
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия
marinadvorkovaya@yandex.ru

DVORKOVAYA Marina V.,
Moscow Region State University,
Moscow, Russia
marinadvorkovaya@yandex.ru

КУРЕНКОВА Евгения Алексеевна,
Московский государственный областной университет,
г. Москва, Россия
kurenkovagane@mail.ru

KURENKOVA Evgeniya A.,
Moscow Region State University,
Moscow, Russia
kurenkovagane@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА КАК СОВРЕМЕННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

EDUCATIONAL GAME AS THE MODERN DIRECTION OF DEVELOPMENT OF ACTIVE LEARNING

Образовательная игра – форма ознакомления с новыми знаниями и закрепление профессиональных компетенций. Это наиболее широкое понятие, которое объединяет все игровые формы интерактивного обучения. Целью статьи является рассмотреть формы образовательных игр, их функции. Деловая игра воспринимается как востребованная форма интерактивного обучения в целом и образовательной игры в частности. В ее рамках могут реализовываться такие методы обучения, как метод конкретных ситуаций, метод инцидента, метод мозговой атаки, челночный метод, метод погружения. Образовательная игра как интерактивное обучение стала одним из современных направлений развития активного обучения. Говоря об отличиях активного и интерактивного обучения, ученые подчеркивают организацию взаимоотношений, обучающихся между собой: взаимодействие преобладает над воздействием. Образовательные игры предполагают изменение коммуникационного поля «преподаватель – обучающийся». Приоритетным становится принцип равного участия акторов познавательного процесса. На смену непререкаемому авторитету преподавателя приходит исподволь моделирующая роль тьютора – сопровождающего. Использование компетентностного подхода в современном высшем образовании усиливает акцент на результатах обучения. Включение образовательных игр в учебный процесс поможет смоделировать конкретные профессиональные ситуации и подготовить будущего специалиста к возможным вариантам их решения.

Educational games are a form of familiarization with new knowledge and the consolidation of professional competences. It is the broadest concept that brings together all forms of interactive learning games. The aim of the article is to consider the form of educational games and their function. The business game is perceived as popular forms of interactive learning in general, and educational games, in particular. Within its framework can be implemented such teaching methods as a method of specific situations, the incident method, brainstorming, the shuttle method, immersion method. Educational game as interactive teaching has become one of the modern trends in the development of active learning. Speaking about the differences between active and interactive learning, the researchers emphasize the organization of relationships between students are: interaction predominates over the influence. Educational games involve changing the communication field «teacher - student». The priority becomes the principle of equal participation of actors of the cognitive process. In place of the indisputable authority of the teacher comes gradually modeling the role of tutors - accompanying. The use of competency approach in modern higher education strengthens the focus on learning outcomes. The inclusion of educational games in the learning process will help to simulate specific professional situation and to prepare the future specialist to the possible solutions.

Ключевые слова: игровые методы обучения, деловая игра, образовательная игра, компетентностный подход, интерактивное обучение

Keywords: game teaching methods, business game, educational game, competency approach, interactive training

Одним из видов интерактивного обучения является образовательная игра. Образовательная игра – это форма ознакомления с новыми знаниями и закрепление профессиональных компетенций. Это наиболее широкое понятие, которое объединяет все игровые формы интерактивного обучения [12]. Ключевой здесь становится цель получения новых знаний. Это и автоматизированное знание – навык, и компетенция как «знания, опыт в той или иной области» [14]. Отличие образовательной игры от деловой, на наш взгляд, заключается именно в получении обучающимися новых знаний, в то время как деловая игра является формой воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирования систем отношений, характерных для данного вида практики.

В образовательном процессе используют занимательные, театрализованные, деловые, ролевые, компьютерные игры. Г.К. Селевко выделяет следующие образовательные игры: «предметные, сюжетные, ролевые, деловые, игры-драматизации». Основным критерием данной классификации является игровая методика. Например, деловая игра является формой воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирования систем отношений, характерных для конкретного вида практики. Обычно используются различные модификации деловой игры, такие как «имитационные, операционные, ролевые, деловой театр, психо- и социодрама» [15, с. 142].

Деловая игра воспринимается как востребованная форма интерактивного обучения в целом и образовательной игры в частности. В ее рамках могут реализовываться такие методы обучения, как: метод конкретных ситуаций, метод инцидента, метод мозговой атаки, челночный

метод, метод погружения [16, с. 5]. Деловая игра отвечает всем методическим требованиям преподавания политических дисциплин.

Деловая игра как разновидность образовательной игры представляет собой содержание практических занятий. Она полностью раскрывает основные функции практического занятия. Опыт, приобретаемый в процессе образовательных игр, характеризуется личной включенностью, высокой эмоциональной составляющей, что позволяет активно усваивать новые знания по предмету [17]. Она дает возможность моделировать рабочие ситуации, при которых политологу необходимо сформулировать четкие рекомендации по разрешению сложных общественно-политической головоломки.

Обучающая функция реализуется через организацию активного творческого изучения практических и теоретических вопросов. В рамках игрового пространства будущие политтехнологи формируют активную гражданскую позицию, предполагающую алгоритм политического самообразования и самообразования.

Воспитывающая – через осуществление связи теоретических и практических знаний, формирование навыков поведения, отстаивания своей точки зрения по обсуждаемым политическим вопросам.

Проверка уровня подготовленности обучающихся к занятиям, к будущей практической деятельности, а также оценка качества их самостоятельной работы соотносится с контролирующей функцией практического занятия [7].

Образовательная игра, как интерактивное обучение, стала одним из современных направлений развития активного обучения. Говоря об отличиях активного и интерактивного обучения, ученые подчеркивают организацию взаимоотношений обучающихся между собой: взаимодействие преобладает над воздействием. Образовательная игра как активная форма проведения занятий имеет ряд преимуществ перед пассивными формами [13]. В основе лежит эмоционально окрашенное общение обучающихся друг с другом и преподавателем. Знания добываются через поиск и не выступают в виде непреложной истины. Весь процесс познания строится как цепь учебных ситуаций. Задачи, поставленные в ходе образовательной игры, решаются в результате совместной деятельности преподавателя и студента, таким образом, студент учится общаться и выстраивать поисковую деятельность вместе со своей группой [10, с. 48]. По сути, мы можем моделировать конкретные рабочие ситуации, что обеспечит нам максимальную эффективность в подготовке специалистов.

Интересно, что при использовании игровых методов обучения задействован достаточно большой разрыв между теоретической и практической деятельностью, имитирующий реальность и тем самым помогающей вписать учебный процесс в контекст современной жизни обучающихся. Имитационные активные методы обучения – это формы проведения занятий, в которых учебно-познавательная деятельность построена на имитации профессиональной деятельности. «Мы предлагаем не информацию о деятельности плюс немного деятельности, а имитируем деятельность, основываясь на информации» [6, с. 15]. Деловая игра, как разновидность образовательной, может характеризоваться как активный метод обучения, позволяющий в игровой обстановке имитировать характерные жизненные ситуации, в ходе которых участникам необходимо найти правильную линию поведения, выработать и принять цепочку решений с проверкой их на оптимальность [8, с. 3].

Образовательные игры предполагают изменение коммуникационного поля «преподаватель – обучающийся». Приоритетным становится принцип равного участия акторов познавательного процесса. На смену непререкаемому авторитету преподавателя приходит исподволь моделирующая роль тьютора – сопровождающего [3]. Иным становится функциональная нагрузка преподавателя. Взаимодействие между обучаемыми и преподавателем строится на прямых и обратных связях. В его обязанности входит не только постановка цели и задач будущего занятия, подготовка необходимого учебного арсенала, но и формирование самостоятельного образовательного пространства обучающихся [2]. Преподаватель в данной ситуации должен чутко реагировать на внутренние процессы политических изысканий и мягко их направлять, а также корректировать в случае непредвиденного сбоя. Таким образом, создается поле для освоения активного исследовательского начала учащихся.

Необходимо помнить о том, что организация игрового образовательного пространства предполагает свои принципы работы. Занятие – это место совместной учебной деятельности, участники которой равны. Каждый вправе представлять, продвигать и отстаивать свое мнение по любому возникающему вопросу. Важно помнить, что критике может быть подвержена только идея. Только идея и любое слово может и должно рассматриваться как повод к коллективному размышлению [9]. На игровых занятиях студент даже помимо своей воли включается в образовательный процесс, причем в течение длительного времени. Образовательная игра связана с

четким распределением и осознанием ролей между обучающимися. Наиболее точная и выверенная ролевая партитура проводимого занятия позволит создать атмосферу свободного высказывания собственных мыслей учеников, творческого осмысления предлагаемых ситуаций и подготовки участников игры к отстаиванию своей позиции в теоретическом споре. Азарт поиска оптимального решения поставленной задачи становится мощным мотивационным началом в выработке коллективных алгоритмов, подтверждающих или опровергающих первоначальные индивидуальные идеи [1].

Использование компетентностного подхода в современном высшем образовании усиливает акцент на результатах обучения. Компетенция представляет собой готовность человека к мобилизации знаний, умений и внешних ресурсов для эффективной деятельности в конкретной жизненной ситуации. Сравнивая различные определения понятия «результаты обучения», можно выделить, что во всех случаях речь идет о письменной формулировке того, что успешный студент, как ожидается, будет делать по итогам обучения. Общим во всех определениях является один ключевой аспект: стремление к большей точности рассмотрения того, что именно (в терминах знаний, умений и (или) компетенций) приобретает обучающийся при успешном завершении некоторого отрезка обучения. Важно, что результаты обучения связаны с достижениями обучающегося, а не с намерениями преподавателя, выражением которых являются цели обучения.

Таким образом, в современном российском образовании осуществляется переход от традиционных способов измерения и отражения результатов обучения, для которых характерна сфокусированность «на входе» (количество учебных часов или набор дидактических единиц), к методам, ориентированным «на выход» (использующим результаты обучения и компетенции, которые должны быть сформированы). Иными словами, происходит перенос акцента с содержания (что преподают педагоги) на результат (что студент будет в состоянии делать) [5, с. 102]. В этом заключается одно из центральных изменений в образовательном процессе, связанное с введением компетентностного подхода. Образовательная игра в данном случае является современным направлением развития активного обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Killi K., Lainema T., de Freitas S., Arnab S. Flow framework for analyzing the quality of educational games // *Entertainment Computing*, Volume 5, Issue 4, December 2014. – Pp. 367-377.
2. Killen R. *Effective Teaching Strategies: Lessons from Research and Practice*. – South Melbourne, Vic.: Thompson Social Science Press, 2007. – 336 p.
3. Samir Najdi, Randa El Sheikh. Educational Games: Do They Make a Difference? // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Volume 47, 2012. – Pp. 48-51.
4. The Place of Assessment in the Curriculum: Constructive Alignment. Assessment Resource Centre [Электронный ресурс] <http://www.polyu.edu.hk/assessment/arc/assessment/place.htm> - (дата обращения 09.12.2014).
5. Адам С. Использование результатов обучения. Болонский процесс: середина пути / Под науч. ред. В.И. Байденко; Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов; Рос. Новый ун-т. – М., 2005. – С. 102.
6. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: уч. пособие / Сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.
7. Аргунова Е.Р., Жуков Р.Ф., Маричев И.Г. Активные методы обучения: Уч.-метод. пособие / Под ред. Н.В. Кузьминой. Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. – М., 2005. – 106 с.
8. Дворковой В.Я. Методические указания по деловой игре «Организация работы и управление использованием отряда дорожных машин на сооружении земляного полотна». – М., 1991. – 72 с.
9. Кругликов В.Н., Платонов Е.В., Шаранов Ю.А. Деловые игры и другие методы активизации познавательной деятельности. – СПб.: П-2, 2006. – 189 с.
10. Куренкова Е.А. Использование образовательных игр в преподавании историко-культурологических дисциплин. Обучение и воспитание: методики и практика 2013/2014 учебного года: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. – С. 46-50.
11. Лефрансуа Г. Прикладная педагогическая психология. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 416 с.
12. Околелов О.П. Современные технологии обучения в вузе: сущность, принципы проектирования, тенденции развития // *Высшее образование в России*. – 1994. – № 2. – С. 45-50.
13. Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения. – М.: Академия, 2008. – 176 с.
14. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
15. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии / Уч. пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
16. Сорокина Е.Н. Дискуссионные вопросы изучения истории России XX века. 10-11 классы. – М.: ВАКО, 2014. – 224 с.
17. Фокин Ю.Г. Теория и технология обучения: деятельностный подход. Уч. пособие для студ. высш. уч. заведений. – М.: Академия, 2008. – 240 с.

REFERENCES

1. Kiili Kristian, Lainema Timo, Sara de Freitas, Sylvester Arnab. Flow framework for analyzing the quality of educational games. *Entertainment Computing*, Volume 5, Issue 4, December 2014, Pp. 367-377.
2. Killen R. *Effective Teaching Strategies: Lessons from Research and Practice*. South Melbourne. Vic.: Thompson Social Science Press, 2007. 336 p.
3. Samir Najdi, Randa El Sheikh. Educational Games: Do They Make a Difference? *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, Volume 47, 2012, Pp. 48-51.
4. The Place of Assessment in the Curriculum: Constructive Alignment. Assessment Resource Centre. Available at: <http://www.polyu.edu.hk/assessment/arc/assessment/place.htm> (accessed: 09.12.2014.)
5. Adam S. Using learning outcomes. The Bologna process: the middle of the road. [Ispol'zovanie rezul'tatov obucheniya. Bolonskiy protsess: seredina puti]. Under the editorship Baidenko V.I.; Research. center of problems of quality of specialists' training; ROS. Nuyun-Moscow, 2005. P. 102.
6. Active and interactive educational technologies (forms of training) in high school: training manual. Compiled by T.G. Mukhin. N. Novgorod: NNGASU, 2013. 97 p.
7. Argunova E.R., Zhukov R.F., Maric I.G. Active learning methods. [Aktivnye metody obucheniya]. The training guide. Under the editorship of N.V. Kuzmin. Issled. center of quality problems of specialists training. Moscow, 2005. 106 p.
8. Dvorcevoy V.J. Guidelines for the business game «Organization of work and control of the use of squad cars on the road construction of subgrade». [Metodicheskie ukazaniya po delovoy igre «Organizatsiya raboty i upravlenie ispol'zovaniem otryada dorozhnykh mashin na sooruzhenii zemlyanogo polotna»]. Moscow, 1991. 72 p.
9. Kruglikov V.N., Platonov E.B., Sharanov Y.A. Role-play and other methods of enhancing cognitive activity. [Delovye igry i drugie metody aktivizatsii poznavatel'noy deyatel'nosti]. St. Petersburg: P-2, 2006. 189 p.
10. Kurenkova E.A. the Use of educational games in teaching historical and cultural disciplines. [Ispol'zovanie obrazovatel'nykh igr v prepodavanii istoriko-kul'turologicheskikh distsiplin]. Training and education: methodology and practice 2013/2014 school year: proceedings of the XIII International scientific-practical conference. Ed. by S.S. Chernov. Novosibirsk: Publishing house CRNS, 2014. Pp. 46-50.
11. Lefrancois G. Applied pedagogical psychology. [Prikladnaya pedagogicheskaya psikhologiya]. St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2005. 416 p.
12. Okolelov O.P. Modern technologies of training in higher education: the nature, design principles, development trends. [Sovremennye tekhnologii obucheniya v vuzе: sushchnost', printsipy proektirovaniya, tendentsii razvitiya]. Higher education in Russia. 1994. No. 2. Pp. 45-50.
13. Panina T.S., Vavilova L.N. Modern ways of enhancing learning. [Sovremennye sposoby aktivizatsii obucheniya]. Moscow, Academy, 2008. 176 p.
14. Psychology. Dictionary. Under the General editorship of V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky. 2-e Izd., Rev. Moscow: Politizdat, 1990. 494 p.
15. Selevko G.K. Modern educational technologies. [Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii]. Training manual. Moscow: National education, 1998. 256 p.
16. Sorokina E.N. Discussion the study of the history of Russia XX century. [Diskussionnye voprosy izucheniya istorii Rossii KhKh veka]. 10-11. Moscow: WACO, 2014. 224 p.
17. Fokin Yu.G. Theory and technology of instruction: activity approach. [Teoriya i tekhnologiya obucheniya: deyatel'nostnyy podkhod]. Textbook.a manual for students. the high. proc. Institutions. Moscow, Academy, 2008. 240 p.

Информация об авторе

Дворковая Марина Васильевна, кандидат исторических наук, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия
marinadvorkovaya@yandex.ru

Куренкова Евгения Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия
kurenkovagane@mail.ru

Получена: 05.02.2016

Для цитирования статьи: Дворковая М.В., Куренкова Е.А. Образовательная игра как со-

Information about the author

Dvorkovaya Marina V., Candidate of Historical Sciences, Department of History of Russian Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University, Moscow, Russia
marinadvorkovaya@yandex.ru

Kurenkova Evgeniya A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Russian Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University, Moscow, Russia
kurenkovagane@mail.ru

Received: 05.02.2016

For article citation: Dvorkovaya M.V., Kurenkova E.A. Educational game as the modern direction of development of active learning. [Obra-

временное направление развития активного обучения. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 191-195
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-191-195

zovatel'naya igra kak sovremennoe napravlenie razvitiya aktivnogo obucheniya]. Krasnodar. Istoričeskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 191-195.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-191-195

УДК 37.01

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-196-200

КУЖЕКОВ Андрей Юрьевич,
Владимирский юридический институт Федеральной
службы исполнения наказаний,
г. Владимир, Россия
akuzhekov33@mail.ru

KUZHEKOV Andrey Yu.,
Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service,
Vladimir, Russia
akuzhekov33@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ
ОБОСНОВАНИЕ ПРОЦЕССА
ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ
КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ**

**THEORETICAL-METHODOLOGICAL
SUBSTANTIATION OF THE PROCESS OF
FORMATION OF CIVIL POSITION OF CADETS
OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF
RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE**

Статья посвящена рассмотрению нравственно-правового воспитания курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России как основного инструмента для формирования у них устойчивой гражданской позиции. Автором затрагиваются исторические аспекты рассматриваемой проблемы, делается вывод о том, что традиционные средства воспитания подавляли личность, будучи основанными на авторитарном характере педагогических отношений. Констатируется, что своевременное осознание обучающимися сущности единства содержания морали и права, происходящее на эмоциональном и рациональном уровнях, способствует соединению отдельных разрозненных знаний и представлений в комплекс нравственно-правовых убеждений. Автор отмечает, что результативность процесса формирования гражданской позиции достаточно эффективно раскрывается через стратегические (соблюдение правил взаимодействия преподавателей, курсантов, родителей по вопросам гуманизации жизни в образовательной организации, обеспечение их совместной нравственно-правовой деятельности, практическую организацию жизнедеятельности курсантов) и особенно тактические цели (выполнение курсантами обязанностей в вузе и вне его, охрану их прав и свобод; практическую организацию совместной деятельности в диаде «педагог–курсант», анализ их взаимодействия в организации мероприятий по правовому воспитанию; соблюдение установленных правил и нормативов при разработке традиций вуза; пути преодоления стереотипа недоверия) нравственно-правового воспитания курсантов. Автор приходит к выводу, что представленная теоретико-методологическая структура исследования позволит обеспечить необходимый эмпирический базис исследования и будет являться залогом его эффективности и полноценности.

The article is devoted to the moral and legal education of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia as the main tool for shaping their sustainable citizenship. The author touches upon the historical aspects of the problem, it is concluded that the traditional means of education suppressed personality, being based on the authoritarian nature of the pedagogical relationship. It is stated that the timely realization of studying the essence of the unity of the content of morality and law, what is happening on the emotional and rational levels, contributes to the disparate mix of individual knowledge and understanding of the complex moral and legal convictions. The author notes that the effectiveness of the process of formation of civil position effectively revealed through strategic (compliance with the rules of interaction of teachers, students, parents on the humanization of life educational organization, ensuring their joint moral and legal activities, the practical organization of students of life) and especially tactical objectives (performance cadets duties at the university and outside it, the protection of their rights and freedoms, the practical organization of joint activities in the dyad "teacher-student", their interaction analysis in the organization of events on legal education, compliance with the established rules and standards in the development of university traditions, ways to overcome the stereotype of no confidence) moral and legal education of cadets. The author concludes that the presented theoretical and methodological structure of the study will provide the necessary empirical basis of research and will be a guarantee of its effectiveness and usefulness.

Ключевые слова: курсанты, образовательные организации ФСИН России, гражданская позиция, нравственно-правовое воспитание, гуманизация, образовательный процесс, ценностные ориентации, правовые нормы, теоретико-методологическое обоснование, стратегические и тактические цели

Keywords: students, educational institutions of Russian Federal Penitentiary Service, citizenship, moral and legal education, humanization, educational process, values, rule of law, theoretical and methodological studies, strategic and tactical object

Современное состояние российского образования детерминировано достаточно высоким уровнем инновационной деятельности, освоением новых образовательных технологий и программ. Переосмысливаются фундаментальные дидактические основы, приоритетные направления, общие целевые установки, методы и средства их достижения. Необходимость такого переосмысления определяется экономическим и социальным прогрессом современного общества, его интеграцией в постиндустриальную эпоху [1, с. 120]. Учитывая возросшую актуальность идеи свободы и справедливости, стремления общества к реализации прав человека, мы видим важность преодоления в нравственно-правовом воспитании учащейся молодежи чувства конформизма и манипулирования их поведением. Полагаем, что это является одним из условий свободного самовыражения и осуществления человеком самостоятельного выбора поступков в конкретной ситуации. Осуществление такого подхода к проблеме исследования даст возможность избежать опасности формирования у обучающихся унифицированных форм поведения.

С этой точки зрения процесс гуманизации системы нравственно-правового воспитания в образовательной организации мы рассматриваем как альтернативу авторитарной системе воспитания, которая являлась государственной и была распространена на территории СССР, включая и Россию. Известно, что в рамках этой системы воспитание рассматривалось как средство подготовки детей к жизни в обществе, выполнения ими определенных социальных ролей. При этом, на наш взгляд, к сожалению, обычно предпочтение отдавалось таким средствам воспитания, которые подавляли личность, ибо они были основаны на авторитарном характере педагогических отношений, в которых обучающиеся оставались пассивными лишь как объект педагогического воздействия. Исходя из вышесказанного, мы пришли к выводу, что односторонний акцент только на государственные формы воспитания во многом принижает роль семьи и самовоспитания детей.

Изучение этого аспекта проблемы привело нас к убеждению в том, что данная система воспитания тем более становится авторитарной, чем более авторитарны государство и общество. В этом контексте особое значение приобретает тезис, который утверждает, что содержание нравственного воспитания, будучи продуктом современной эпохи и ее духовным носителем, способствует формированию правовых знаний личности, признанию ее высшей ценностью и в то же время акцентирует внимание на ее ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбы других людей. Обобщение образовательной практики показало, что нравственное содержание правового воспитания определяет ценностные ориентации индивида, его отношение к природе, обществу и самому себе [2; 3]. Ценностные ориентации – ступени перевода ценностей в деятельность. Они – опосредующее звено между объективной для человека социальной средой и его индивидуальным сознанием [4, с. 1055]. Именно поэтому от морального выбора личности будет зависеть выбор цели, форм и методов правового воспитания.

Таким образом, на основе исследования избранной проблемы нами была выявлена взаимосвязь содержания нравственного и правового воспитания, образующая перспективное направление педагогической деятельности: нравственно-правовое воспитание, которое интегрирует в себя в целостном виде сущность и содержание нравственных требований, заключенных в правовой норме.

По нашему глубокому убеждению, любая правовая норма есть в то же время и нравственная. В данной связи считаем, что правовое воспитание без соединения с нравственным сводится лишь к правовому просвещению. Вместе с тем отношение к различным юридическим фактам часто определяется степенью нравственной воспитанности обучающихся. В этих случаях они, с одной стороны, не осознав нравственного смысла права, зачастую не могут понять сущности правового регулирования различных общественных отношений и процессов, усвоить и осмыслить обязательность выполнения требований закона. С другой стороны, следует иметь в виду, что правовые знания и представления углубляют и конкретизируют взгляды обучающихся на вопросы нравственности, помогают им сделать правильный моральный выбор. Весьма символичны в данной связи слова К.Д. Ушинского, констатирующего, что «влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще» [5, с. 191]. Особенно важно то, что своевременное осознание обучающимися сущности единства содержания морали и права, происходящее на эмоциональном и рациональном уровнях, способствует соединению отдельных разрозненных знаний и представлений в комплекс нравственно-правовых убеждений. Этот переход, на наш взгляд, должен играть ключевую роль в нравственно-правовом воспитании курсантов образовательных организаций ФСИН России. Доказательством тому явился целенаправленно организованный нами процесс нравственно-правового воспитания курсантов, который помог им четко определить для себя границу, не допускающую выхода личности за пределы безнравственного поведения. В этом мы видим проявление объективной взаимосвязи нравственного и правового воспитания курсантов образовательных организаций ФСИН России.

Однако в настоящее время, в период интенсивной разработки законодательных основ всех сфер жизни демократического общества, не только выпускники вузов гражданского типа, но и выпускники образовательных организаций, имеющих отношение к силовым структурам, проявляют элементарную правовую безграмотность [6]. Нравственное воспитание, основанное на аксиологическом переосмыслении, не только предопределяет содержание правовых явлений, но и закрепляет поведение обучающихся и особенно в так называемых ситуациях риска, обуславливающих срыв этого поведения. Следует отметить, что реализация идеи гуманизации воспитания и ее ориентация на создание таких педагогических условий обучения в образовательных учреждениях ФСИН России, при которых воспитанник как субъект собственного развития имеет возможность выбора самостоятельной линии поведения, являются основой организации процесса формирования гражданской позиции курсантов образовательных учреждений ФСИН России в системе нравственно-правового воспитания в инновационных условиях. Такой

подход позволил нам в теоретико-методологическом обосновании содержания процесса формирования гражданской позиции курсантов образовательных учреждений ФСИН России акцентировать внимание на исследование мотивов, цели и условий этого вида нравственно-правовой деятельности. Важной опорой в воспитательной деятельности является формирование устойчивых витальных тенденций индивида, связанных с выбором и освоением будущей профессии [7, с. 117]. Полагаем, что целью формирования гражданской позиции курсантов образовательных учреждений ФСИН России должно выступать формирование законопослушной личности, добровольно выполняющей и отстаивающей в жизни гуманные нормы общения и взаимодействия, как будущий полноценный сотрудник уголовно-исполнительной системы. Для реализации этой цели определяется направление педагогической деятельности – создание оптимальных условий функционирования системы гуманистических и демократических отношений в образовательных учреждениях системы ФСИН. Вполне закономерно, что нравственно-правовое воспитание, возникая из общественной потребности и являясь составным компонентом системы современного воспитания, обеспечивает обучающимся личный опыт реализации прав и выполнение ими обязанностей в межличностных взаимоотношениях. Это позволяет предупредить асоциальное поведение в ситуациях риска, нарушающих полноту отношений обучающихся с окружающей их социальной действительностью.

Важно отметить, что специфика нравственно-правовых отношений курсантов определяется прежде всего учетом психологических новообразований, возникающих в период ранней и поздней юности. Она выражается в том, что на их воспитание оказывает существенное влияние формирование гражданской позиции – отношение к законам как установленной в обществе социальной ценности. Существенно и другое. Взаимовлияние нравственной и правовой позиции личности как социальной ценности предопределило формирование социально положительных отношений курсантов, которые выражаются в личностном выборе актов поведения в ситуациях риска, основанных на их субъективной оценке, что и демонстрирует модель формирования гражданской позиции курсантов образовательных учреждений ФСИН. Необходимо отметить, что критерием достижения частных целей, то есть воспитания отдельных качеств личности курсантов, является реализация более общих целей – воспитание нравственно-правовых отношений и как конечной цели – формирование активной гражданской позиции личности. Выявление педагогических условий, обеспечивающих становление гражданской позиции у субъектов нравственно-правовых отношений субъектов общественной жизни в сочетании с личной мотивацией педагогов, обусловленной социально значимой целью – охраной прав личности обучающегося – служит предпосылкой развития отдельных воспитательных мероприятий в целостную систему формирования нравственной позиции личности.

Осознание социального содержания личного мотива побуждает субъектов нравственно-правовых отношений к профессиональному самосовершенствованию, создает практическую основу для гуманизации условий воспитательного процесса в образовательных учреждениях ФСИН России. В этом случае реальность преодоления педагогами личных недостатков в общении, культуре поведения, проведении ими критического анализа педагогических ошибок, участии в повышении квалификации существенно возрастает и всемерно способствует установлению гуманных и демократических отношений в системе межличностных взаимодействий в диаде «педагог–курсант».

Качественные критерии, показывающие результативность процесса формирования гражданской позиции, раскрывались нами через стратегические и особенно тактические цели работы по нравственно-правовому воспитанию курсантов. К стратегическим целям мы отнесли охрану (соблюдение) правил взаимодействия преподавателей, курсантов, родителей по вопросам гуманизации жизни в образовательной организации, обеспечение их совместной нравственно-правовой деятельности, практическую организацию жизнедеятельности курсантов. Качественные критерии в работе системы нравственно-правового воспитания показывали результативность включения педагогов, курсантов и родителей в процесс правового регулирования их отношений, характер выполнения ими обязанностей и охраны прав, гуманность поставленных целей и методов взаимодействия в диаде «педагог–курсант» [8, с. 89-91]. Одним из таких результатов в работе образовательной организации явилось принятие программных документов по нравственно-правовому воспитанию, установление нормативного характера отношений ответственной зависимости, гуманизация их взаимоотношений. Это привело к значительному снижению числа дисциплинарных нарушений среди курсантов [8, с. 90]. К тактическим целям мы отнесли выполнение курсантами обязанностей в вузе и вне его, охрану их прав и свобод; практическую организацию совместной деятельности в диаде «педагог–курсант», анализ их взаимодействия в организации мероприятий по правовому воспитанию; соблюдение установленных правил и нормативов при разработке традиций вуза; пути преодоления стереотипа не-

доверия, разрушение смысловых барьеров, мешающих установлению конструктивных отношений, психологическую подготовку к ним; выработку ключевых направлений по разрешению конфликтных ситуаций в процессе воспитания.

Изложенное дает основание заключить, что представленная теоретико-методологическая структура нашей работы позволит обеспечить необходимый эмпирический базис исследования и в конечном итоге будет способствовать освоению курсантами социально-положительных способов деятельности и поведения, их индивидуализации; проявлению самостоятельности в выборе форм и содержания общественно полезной деятельности; добровольности участия, повышению ответственности курсантов в работе по расширению характера межличностного общения; формированию на уровне личных ценностей и идеалов пониманию гражданственности, социальной солидарности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Овчинников О.М. Реализация ценностно-ориентированного компонента в процессе формирования правового образования дезадаптированных старшеклассников // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 1 (17). – С. 120-122.
2. Капшунова И.К. Генезис нравственно-правового воспитания студентов юридических вузов : Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – СПб., 2007. – 174 с.
3. Сакулин М.Г. Нравственно-правовое воспитание курсантов в военно-экономическом вузе : Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ярославль, 2001. – 214 с.
4. Фортova Л.К., Овчинников О.М. Культура личности курсантов как задача эагогики // Молодой ученый. – 2015. – № 8. – С. 1055-1057.
5. Ушинский К.Д. О нравственном элементе в русском воспитании. [Текст]. /К.Д. Ушинский // К.Д. Ушинский. Избранные труды в 4-х книгах. Кн. 1. – М.: Дрофа, 2005. – 386 с.
6. Шапиева О.Г. Нравственно-правовая социализация личности : дис. д-ра юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 1997. – 376 с.
7. Овчинников О.М. Профилактика подростковой дезадаптации как психолого-педагогическая проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6. – С. 117-119.
8. Кужиков А.Ю. Принципы и закономерности воспитания гражданской позиции курсантов образовательных учреждений ФСИН России. Инновационные направления в научной и образовательной деятельности : Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х частях. – Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2015. – С. 89-91.

REFERENCES

1. Ovchinnikov O.M. Realization of the value-oriented component in the process of legal education formation of maladjusted senior students. [Realizacija cennostno-orientirovannogo komponenta v processe formirovaniya pravovogo obrazovaniya dezadaptirovannyh starsheklassnikov]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2013. no. 1 (17). Pp. 120-122 (in Russ.).
2. Kapshunova I.K. The genesis of the moral and legal education of law students. [Genezis нравstvenno-pravovogo vospitanija studentov juridicheskikh vuzov] : diss. kand. ped. nauk : 13.00.08 : Sankt-Peterburg, 2007. 174 p. (in Russ.).
3. Sakulin M.G. The moral and legal education of cadets in the military-economic high school. [Nравstvenno-pravovoe vospitanie kursantov v voenno-jekonomicheskom vuzе] : Dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.08 : Jaroslavl', 2001. 214 p. (in Russ.).
4. Fortova L.K., Ovchinnikov O.M. The culture of the individual students as a problem of pedagogy. [Kultura lichnosti kursantov kak zadacha jegagogiki] Molodoj uchenyj = Young scientist. 2015. №8. Pp. 1055-1057. (in Russ.).
5. Ushinskij K.D. About the moral element in the education of Russian. [O нравstvennom jelemente v russkom vospitanii] Tekst. K.D. Ushinskij. K.D. Ushinskij. Izbrannye trudy v 4-h knigah = Selected works in 4 books. Kn. 1. M.: Drofa, 2005. 386 p. (in Russ.).
6. Shapieva O.G. Moral and legal socialization of personality. [Nравstvenno-pravovaja socializacija lichnosti] : diss. d-ra jurid. nauk : 12.00.01. Sankt-Peterburg, 1997. 376 p. (in Russ.).
7. Ovchinnikov O.M. Teenage maladaptation prevention as psycho-educational problem. [Profilaktika podrostkovoj dezadaptacii kak psihologo-pedagogicheskaja problema]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2012. № 6. Pp. 117-119. (in Russ.).
8. Kuzhekov A.Ju. The principles and laws of citizenship education of cadets of educational institutions FSIN Russia. Innovative directions in research and educational activities. Collection of scientific papers on the materials of the International scientific-practical conference: in 3 parts. [Principy i zakonomernosti vospitanija grazhdanskoj pozicii kursantov obrazovatel'nyh uchrezhdenij FSIN Rossii. Innovacionnye napravlenija v nauchnoj i obrazovatel'noj dejatel'nosti.

Sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3-h chastjah]. Smolensk. "NOVALENKO". 2015. Pp. 89-91. (in Russ.).

Информация об авторе

Кузечков Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра государственно-правовых дисциплин, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, Россия
akuzhekov33@mail.ru

Получена: 18.02.2016

Для цитирования статьи: Кузечков А.Ю. Теоретико-методологическое обоснование процесса формирования гражданской позиции курсантов образовательных организаций ФСИН России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 196-200
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-196-200

Information about the author

Kuzhekov Andrey Yu., Candidate of Law, Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia
akuzhekov33@mail.ru

Received: 18.02.2016

For article citation: Kuzhekov A.Yu. Theoretical-methodological substantiation of the process of formation of civil position of cadets of educational institutions of Russian Federal Penitentiary Service. [Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie protsessa formirovaniya grazhdanskoy pozitsii kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy FSIN Rossii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 196-200.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-196-200

УДК 1'373.612.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-201-204

НЕМЫКА Анна Анатольевна,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
annemyka@yandex.ru

NEMYKA Anna A.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
annemyka@yandex.ru

СХАЛЯХОВА Саида Шамсудиновна,
Майкопский государственный технологический
университет,
г. Майкоп, Россия

SKHALYAKHOVA Saida Sh.,
Maykop State Technological University,
Maykop, Russia

ХАЧЕМИЗОВА Мира Азнауровна,
Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия

KNACHEMIZOVA Mira A.,
Adyghe State University,
Maykop, Russia

МЕТАФОРА КАК ОБЩИЙ ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТОВ

METAPHOR AS A COMMON ELEMENT OF SCIENTIFIC AND FICTIONAL TEXTS

Статья посвящена изучению метафоры как термину метаязыка лингвистики и ее способности выступать общим элементом не только научного, но и художественного текстов. Актуальность темы обусловлена тем, что в последнее время специальные термины очень широко употребляются не только в научных текстах, но также и в художественных. Проблема состоит в том, что до недавнего времени в научных исследованиях термину предписывалось быть строго однозначным, ему отказывали в таких свойствах, как коннотативность, эмотивность, прагматичность, оценочность, антропоморфность. И если по отношению к терминам ряда отраслей в этом плане уже создаются научные исследования, утверждающие обратное, то по отношению к терминам метаязыка лингвистики таких исследований существует еще недостаточное количество для того, чтобы проблема считалась разрешенной, аргументированной и доказанной. В статье приводятся мнения лингвистов, опирающихся на положения когнитивной науки и представления о роли термина в познании мира и метафоры как орудия познания, этапы формирования термина. На основании изучения такого термина метаязыка лингвистики, как метафора, а также терминов – названий единиц производства речи обосновывается тот факт, что термины способны быть полноправными членами не только научного языка, но и художественного, что термины метаязыка лингвистики могут обретать в художественном тексте многозначность, оценочность, а слова общей лексики способны метафоризироваться и выступать в функции лингвистических терминов.

The article is dedicated to the study of metaphor as a term of metalanguage and to its ability to serve as a common element of both scientific and fictional texts. Topicality of the article is grounded by the fact that nowadays special terms are widely used not only in scientific but also in fictional texts. The problem consists in the fact that so far the scientific term has been regarded as unambiguous and such its properties as connotative character, emotivity, pragmatism, evaluative character and anthropomorphic character have been neglected. As concerns the special terms of some domains scientific researches affirming an opposite idea are being created when the amount of studies investigating the terms of linguistic metalanguage is still insufficient to consider this problem to be solved. In the article the opinions of different linguists are given. These opinions rest upon propositions of cognitive science and on reception of metaphor as a tool of world cognition. The article also dwells upon stages of term formation. On the ground of study of such a term of linguistic metalanguage as metaphor and of different terms that serve as units of speech production the idea is affirmed that terms can be full members not only of scientific language but also of fictional one. The terms of linguistic metalanguage may become polysemantic and evaluative in fictional texts when colloquial words are liable to metaphorization and may perform functions of linguistic terms.

Ключевые слова: метаязык, термин, терминологизация, метафора, метафоризация, художественный текст, единицы производства речи

Keywords: metalanguage, term, terminology, metaphor, metaphorization, fictional text, units of speech production

Цель данной статьи – выявить точки пересечения научного и художественного типов текста, для чего рассматриваются особенности терминосистемы и метаязыка лингвистики. Источниками послужили научные работы, посвященные терминам и метафоре как термину, а также художественные тексты, включающие метафорическое употребление терминов метаязыка лингвистики, в частности произведения С.Д. Довлатова.

Терминосистема, в том числе лингвистическая, не есть строго закрытый, «кастовый», никогда не понимаемый для непосвященных лексикон. Многие ее элементы либо терминологизировались, придя из языка общеупотребительного, либо сами перешли в широкое всеобщее употребление и понятны многим, не только специалистам. А.А. Брагина показывает, что у термина могут сохраняться коннотации, поскольку термин является элементом общелитературного языка, строится по его же законам, тем самым тесно связан с лексической системой языка [1]. Поэтому вполне естественно, что некоторые лингвистические термины способны полноценно и полноправно функционировать как в научном, так и в художественном дискурсах. Наиболее яркий и активный (и, может быть, наиболее понятный для нелингвистов) среди этих терминов – метафора: «...использование метафор и терминов (и метафорических терминов) имеет свою специфику в научной и литературной сферах» [2, с. 198]. Во многом это обусловлено тем, что метафоры широко распространены в любом типе речи, являются и способом языка, и способом

познания, а также тем, что «термины-метафоры, с одной стороны, обладают всеми свойствами термина, а с другой стороны, имеют форму метафоры, т.е., согласно общепринятым в лингвистике представлениям о структуре метафоры, это двуплановые образования с выраженным категориальным сдвигом» [3, с. 483]. Метафора представляет собой этап образования термина [3, с. 482], поскольку «метафора знаменует собой лишь начало мыслительного процесса», что она «орудие, а не продукт мыслительного процесса» [4, с. 10]. И хотя метафоротворчество считается, как правило, прерогативой художественных текстов, однако экспрессия, образность, эмоциональность необходимы не только языку художественной литературы, но и научному тексту [5, с. 193].

Вопрос о том, как уживается метафора с наукой, когда по многим параметрам она дисгармонизирует с языком науки, исследовался рядом авторов. Существует большое количество работ, посвященных метафоре научного текста (Н.Д. Арутюнова, Г.С. Баранов, Г.Г. Кулиев, С.С. Гусев, Е.О. Опарина), научно-популярного текста (Л.С. Билоус, В.Ф. Крюкова, Н.В. Позднякова), текстов средств массовой информации (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, М.Р. Желтухина, Е.И. Чепанова, Т.А. Ширяева). Среди лингвистических исследований последних лет о метафоризации терминов в различных науках особого внимания, на наш взгляд, заслуживают работы С.Л. Мишлановой, С.Г. Дудецкой о метафоре в медицинском дискурсе, диссертационная работа М.А. Бурмистровой, посвященная изучению когнитивной метафоры в научном тексте, и диссертационная работа М.Л. Мотько, посвященная метафоре в языке лингвистики, выполненная на материале английского языка, а также работы Е.О. Шибановой, В.В. Антимировой, Ю.Е. Калугиной, Е.М. Антоновой.

В.В. Петров, рассматривая роль метафоры в научном тексте, отмечает, что прежде чем текст, художественный или научный, появляется на бумаге, он создается в сознании человека. А мышление нельзя загнать в какие-либо практические рамки, мышление характеризуется образностью, художественностью. Для того чтобы выразить новую идею, новое понятие, которое еще не приобрело своей номинации, ученые часто прибегают к метафоре. Следовательно, можно сделать вывод о том, что метафора способствует продвижению науки вперед, открывает новые горизонты исследований и служит средством объяснения нового научного знания, используя язык уже известных и понятных номинаций [6, с. 204]. Наиболее полно, на наш взгляд, семантическое обоснование метафоризации термина представила в ряде своих работ Л.М. Алексеева.

Присутствие метафоры в научном тексте, как отмечает М.Л. Мотько, становится максимально лимитированным нормами стиля, и в фокусе исследователя находятся лишь живые, авторские метафоры и номинативные метафоры, используемые при терминопорождении с целью заполнить брешь в словаре, тем не менее процессы научного познания и метафоризации связаны глубоко и неразрывно [7, с. 87, 93]. Это обусловлено следующим. За метафорой скрыт образ, следовательно, специфика метафорической номинации заключается в том, что она есть иконический знак (по Рикёру), обуславливающий стереоскопическое, многомерное «видение» познаваемого объекта реального или умопостигаемого мира. «Именно в этом заключается способность метафоры синтезировать потенции понимания и объяснения, в этом ее диалогизм, в этом ее прагматика. Метафора обеспечивает возможность при минимуме языковых средств передать максимум информации, а ее способность создавать "умозрительные" образы делает эту информацию убедительной, что естественным образом способствует успешности коммуникации (в том числе и научной)» [7, с. 94]. М.Л. Мотько приходит к выводу о том, что роль метафоры в научном познании заключается в ее способности сводить воедино мир человека и мир порожденного им абстрактного теоретического конструкта, формирующегося в процессе научного познания, рационального в своей представленности (понятия, теории, концепции), но метафорического в своем основании [7, с. 96].

Среди терминов-метафор метаязыка лингвистики ученые рассматривают, например, такие как *языковая агрессия — языковое насилие — языковой террор — речевое убийство, языковое манипулирование — языковое зомбирование, речевое мошенничество — речевое воровство — речевое хулиганство, языковой нигилизм, лингвоцинизм* и т.д. Современный этап в изучении метафорической номинации в терминологии обусловлен когнитивным подходом. Метафоры — ключ к познанию.

Обратимся к художественным текстам. В следующем контексте лингвистический термин «метафора» (хотя на самом деле речь идет не о нем, а о близком ему — сравнении) становится оценочным — ему еще придается наукообразное определение: «восходящая метафора», если сравнение делается с положительной, поэтической оценкой, и «нисходящая» — если с отрицательной, грубой: «Помню, Иосиф Бродский высказывался следующим образом: — Ирония есть нисходящая метафора... — Объясняю, — сказал Иосиф, — вот послушайте. "Ее глаза как бирю-

за" – это восходящая метафора. А "ее глаза как тормоза" – это нисходящая метафора» (С. Довлатов. Записные книжки).

Лингвистические термины однозначны, стилистически и оценочно нейтральны, но как единицы литературного произведения они могут становиться многозначными, обретать коннотативность, разноплановую оценочность, могут становиться антропоморфными, метафоризироваться. Пример: «У Лимонова плоть – слово. А надо, чтобы слово было плотью. Этому вроде бы учил Мандельштам» (С. Довлатов. Записные книжки).

Метафорами в функции терминов метаязыка лингвистики могут становиться и буквы, причем очень своеобразными метафорами – употребляясь в своем прямом значении. Люди записывают речь, мысли, действительно, буквами, но в определенном контексте требование писать буквами означает необходимость писать просто и ясно, на понятные и близкие всем темы: «Борис Бахтин провозглашал: "Не пиши ты эпохами и катаклизмами! Не пиши ты страстями и локомотивами! А пиши ты, дурень, буквами - А, Б, В..."» (С. Довлатов. Ремесло). Довлатов, раздумывая о том, как представить поэта Уфлянда в своей книге, делится с читателем размышлениями: «Может, вылепить его из парадоксов? Веселый мизантроп... Тщедушный богатырь...» (С. Довлатов. Записные книжки). Здесь снова оценочной и смыслообразующей текстовой единицей является метафора (вместо «описать» – «вылепить»).

Таким образом, становится очевидным, что термины способны быть полноправными членами не только научного языка, но и художественного.

Поэтому значимость знания специальной, в том числе лингвистической, лексики в настоящее время возрастает, кроме прочего, также в связи с тем, что она употребляется не только в научной литературе, но и в иных дискурсах – в публицистической, художественной литературе. Наиболее показательна в этом плане метафора – и как явление, и как средство познания, и как термин, и как этап образования термина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Брагина А.А. Значение и оттенки значения в термине // Терминология и культура речи. – М.: Наука, 1981. – С. 37-47.
2. Барина Е.Е. Научный термин в современной художественной литературе (А. Битов, Н. Байтов, Л. Улицкая) // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 197-207.
3. Мишланова С.Л. Анализ восприятия медицинских метафорических терминов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. Т. 12. – № 3 (2). – С. 482-486.
4. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5-32.
5. Черкащенко И.С. Особенности перевода метафорических терминов лингвистического дискурса // Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки. – 2004. – № 4 (63). – С. 188-193.
6. Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск, 1985. – С. 196-220.
7. Мотко М.Л. Метафора в метаязыке лингвистики: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2007.

REFERENCES

1. Bragina A.A. Meaning and shades of meaning in terms. [Znachenie i ottenki znachenija v termine]. Terminologija i kultura rechi – Terminology and Culture of Speech. Moskva, 1981, pp. 37-47. (inRuss.)
2. Barinova E.E. The scientific term in modern fiction (A. Bitov, N.Bajtov, L. Ulickaja). [Nauchnyi termin v sovremennoj hudozhestvennoj literature (A. Bitov, N. Bajtov, L. Ulickaja)]. Kritika i semiotika – Critic and Semiotic, 2011, no. 15, pp. 197-207. (inRuss.)
3. Mishlanova S.L. Analysis of perception of medical metaphorical terms. [Analiz vosprijatija meditsinskikh metaforicheskikh terminov]. Izvestija Samarskogo nauchnogo tsentra rossijskoi akademii nauk – News of Russian Academy of Sciences. 2010. T. 12. № 3 (2). pp. 482–486. (inRuss.)
4. Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse. [Metafora i diskurs]. Teorija metafor – Theory of Metaphor. Moskva, 1990. pp. 5–32. (inRuss.)
5. Cherkashchenko I.S. Peculiarities of Translation of Metaphorical Terms of Linguistic Discourse. [Osobennosti perevoda metaforicheskikh terminov lingvisticheskogo diskursa]. Vestnik sumskogo derzhavnogo universiteta. Serija filologicheskije nauki – News of Sumy State University. Humanities. 2004. № 4 (63). pp. 188-193. (inRuss.)
6. Petrov V.V. Scientific Metaphors: Nature and Mechanism of Functioning. [Nauchnye metafor: priroda i mekhanizm funktsionirovanija]. Filosofskie osnovanija nauchnoi teorii. Novosibirsk – Philosophical Grounds of Scientific Theory. Novosibirsk. 1985. pp. 196-220. (inRuss.)
7. Motko M.L. Metaphor in linguistic metalanguage: on the basis of English language: author. dis. ... cand. philol. sciences. [Metafora v metajazyke lingvistiki: na material anglijskogo jazyka]. Gorno-Altaysk, 2007. (inRuss.)

Информация об авторе

Немыка Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия,
annemyka@yandex.ru

Схаляхова Саида Шамсудиновна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Россия

Хачемизова Мира Азнауровна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия

Получена: 21.02.2016

Для цитирования статьи: Немыка А.А., Схаляхова С.Ш., Хачемизова М.А. Метафора как общий элемент научного и художественного текстов. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 201-204
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-201-204

Information about the author

Nemyka Anna A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
annemyka@yandex.ru

Skhalyakhova Saida Sh., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Maykop State Technological University, Maykop, Russia

Khachemizova Mira A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of English Philology, Adyghe State University, Maykop, Russia

Received: 21.02.2016

For article citation: Nemyka A.A., Skhalyakhova S.Sh., Khachemizova M.A. Metaphor as a common element of scientific and fictional texts. [Metafora kak obshchiy element nauchnogo i khudozhestvennogo tekstov]. Krasnodar. Istoriicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 201-204.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-201-204

УДК 378.1:371

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-205-208

ОЧИРОВ Гомбожап Дугарнимаевич,
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Россия
gombo71@mail.ru

OCHIROV Gombozhap D.,
Buryat State University,
Ulan-Ude, Russia
gombo71@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ
НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ СРЕДСТВАМИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ**

**FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF THE FUTURE TEACHERS
OF INITIAL CLASSES BY STUDENT
TEACHING MEANS**

Статья является результатом теоретико-практического исследования роли педагогической практики в формировании основ профессиональной компетенции студентов в системе высшего профессионального образования. Современное высшее профессиональное образование выдвигает задачи по формированию широкого спектра профессиональных компетенций выпускников, и вузы страны заинтересованы готовить конкурентоспособных специалистов, востребованных на современном рынке труда. Выпускники вузов – будущие специалисты в своей области – за время учебы должны приобрести не только знания, умения и навыки, необходимые для успешной самореализации в профессиональной сфере, но и развить, воспитать в себе новые профессионально значимые качества. Для достижения этой цели используется весь комплекс педагогических средств, в том числе педагогическая практика, в процессе которой обучающимся присваиваются качества, соответствующие квалификационным требованиям. Организация такой системы профессиональной подготовки будущих педагогов, будет способствовать формированию профессиональной компетенции. В процессе педагогической практики это придает особую актуальность созданию необходимых условий для формирования профессиональной компетенции у студентов педагогических вузов, совершения ими осознанного выбора профессии в соответствии с собственными способностями, достигнутым уровнем подготовки и личностной мотивацией. Все это свидетельствует об актуальности вопроса формирования основ профессиональной компетенции в современной высшей школе.

Article grows out of theoretic-practical research of a role of student teaching in formation of bases of the professional competence of students in system of the higher vocational training. Modern higher vocational training puts forward problems on formation of a wide spectrum professional competencies graduates, and country high schools are interested to prepare the competitive experts claimed on a modern labour market. Graduates of high schools - the future experts in the area - during study should get not only knowledge, the skills necessary for successful self-realisation in professional sphere, but also to develop, bring up in themselves new professionally significant qualities. For achievement of this purpose all complex of pedagogical means, including student teaching in which process by the trained the qualities corresponding to qualifying requirements are appropriated is used. The organisation of such system of vocational training of the future teachers, will promote formation of the professional competence. In the course of student teaching it gives a special urgency to creation of necessary conditions for formation of the professional competence at students of pedagogical high schools, fulfilment of the realised choice of a trade by them according to own abilities, the reached level of preparation and personal motivation. All it testifies to an urgency of a question of formation of bases of the professional competence of the modern higher school.

Ключевые слова: студент, профессиональная компетенция, профессиональная компетентность, профессиональная деятельность, учитель начальных классов, педагогическая практика, виды, организация, общая цель, система

Keywords: the student, the professional competence, professional competence, professional work, the teacher of initial classes, student teaching, kinds, the organisation, an overall aim, system

В современных условиях стал актуальным вопрос повышения уровня профессиональной компетентности будущего учителя, который непринужденно и деятельно мыслит, моделирует воспитательно-образовательный процесс, самостоятельно придумывает и реализовывает новые идеи и технологии обучения и воспитания. Во-первых, профессионально компетентный учитель оказывает позитивное влияние на формирование творческих способностей обучающихся в процессе учебно-воспитательной работы; во-вторых, добивается лучших результатов в своей профессиональной деятельности; в-третьих, умеет реализовать собственные профессиональные возможности. Условия образовательной среды стали новыми, изменяется содержание образования, формы и методы обучения, к качеству знаний возрастает требование, усложняется структура урока – все это требует повышения профессиональной компетентности и формирования готовности будущего учителя к выполнению профессиональной деятельности.

Профессиональная компетентность педагога – сложное индивидуально-психологическое образование на основе интеграции опыта, теоретических знаний, практических умений и значимых личностных качеств. Для приобретения компетенций обучающийся должен стать субъектом данной осознанной деятельности. «Компетенция не может быть изолирована от конкретных условий ее реализации. Она одновременно связывает мобилизацию знаний, умений и поведенческих отношений, настроенных на условия конкретной деятельности» [1, с. 83]. Быть компетентным означает: умение мобилизовать в данной ситуации полученные знания и опыт.

Таким образом, широкий круг исследований, посвященных изучению профессиональной компетентности, особенностей ее развития позволяет утверждать, что данная проблема явля-

ется значимой для современной педагогической науки и практики, представляет интерес для исследователей.

Для формирования определенных компетенций необходимы соответствующие условия, в которых они проявляются. Компетенция развивается, обогащается, расширяется или укрепляется, отталкиваясь от начального уровня. При этом педагогический профессионализм связан с высоким уровнем самореализации индивидуальных особенностей, с индивидуальным почерком, индивидуальным стилем деятельности.

Специфической особенностью работы учителя начальных классов является многопредметность. В отличие от учителей-однопредметников он должен владеть методикой преподавания русского языка, литературного чтения, математики, изобразительного искусства, музыки, технологии, окружающего мира и других образовательных дисциплин. Все это требует более пристального внимания к практической подготовке учителя начальных классов, формированию его индивидуальных творческих возможностей, которые позволили бы ему в дальнейшем успешно осуществлять учебно-воспитательную деятельность с младшими школьниками в современных образовательных учреждениях различного типа.

В профессиональной подготовке будущих учителей начальных классов педагогическая практика занимает особое место. Она является связующим звеном между теоретической и практической подготовкой будущих специалистов, важнейшим условием повышения качества их обучения, так как практика проводится в условиях, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности, в ходе которой успешно интенсифицируется процесс формирования профессиональной компетенции. Также педагогическая практика является важным звеном системы «педагогический вуз – школа», обладает большими возможностями для органического их взаимодействия в совершенствовании профессионально-педагогической подготовки будущих учителей, с одной стороны, и повышения качества учебно-воспитательной деятельности в самой школе, с другой стороны.

Система педагогической практики в начальной школе убедительно показала свою целенаправленность, обеспечивая довольно высокий уровень профессионально-педагогической подготовки будущих учителей начальных классов. В структуре этой системы выделяются разные виды педагогических практик, которые решают свои конкретные цели и задачи и определены государственными стандартами высшего профессионального образования Российской Федерации для специальности «Педагогика и методика начального образования», а именно:

- первые дни ребенка в школе;
- организация внеклассной воспитательной работы;
- учебно-педагогическая практика;
- производственная практика.

Данные виды педагогической практики имеют свои особенности по форме и содержанию и проводятся в соответствии с соблюдением основных принципов ее организации: связь практики с жизнью, соответствие содержания и организации требованиям, предъявляемым к современной школе и современному учителю; систематичность, непрерывность, усложнение ее содержания и методов организации от курса к курсу; связь с теоретическими курсами; комплексный характер, предусматривающий единство учебной и внеклассной воспитательной работы студентов в школе, которые обеспечивают последовательность содержания практики, смену и усложнение видов деятельности студентов, направленных на постепенную выработку у них в начале простейших педагогических приемов и действий, которые в последующем усложняются и объединяются (интегрируются) в более сложные педагогические умения и навыки. Так, начиная с младших курсов предусматривается формирование таких педагогических качеств, как умения наблюдать и анализировать поведение и деятельность младших школьников, осуществлять диагностику их воспитанности, учитывать в процессе обучения и воспитания возрастные и индивидуальные особенности развития младших школьников, умения планировать и осуществлять учебно-воспитательную работу, которые в конечном итоге формируют обобщенную педагогическую способность – умение осуществлять учебно-воспитательную работу с младшими школьниками.

Общая цель педагогической практики – применение студентами теоретических знаний на практике, формирование основных представлений о конкретных видах преподавательской работы в системе образования, развитие профессиональных умений и навыков, овладение основными компетенциями, составляющими суть профессиональной компетентности будущего учителя.

Особенностью всех видов педагогической практики является то, что студенты вводятся в

круг реальных проблем профессионального труда учителя-воспитателя, знакомятся с реальным содержанием и объемом его работы. Таким образом, каждый студент включается во все основные виды деятельности учителя школы. Он проводит, во-первых, учебно-воспитательную работу с учащимися по всем направлениям: в качестве классного руководителя изучает психолого-педагогические особенности учащихся и коллектива, организывает различные виды деятельности с коллективом учащихся, работает с родителями, педагогами данного класса; в качестве учителя проводит уроки, внеурочную работу по предметам и интересам; а также занимается методической и исследовательской работой. Практическая деятельность студента в период практики по характеру ее содержания и методике организации соответствует деятельности современного учителя, учителя-профессионала.

Таким образом, при определении содержания вышеназванных видов педагогической практики в педагогическом институте за основу было взято положение о единстве теоретической и практической подготовки будущих учителей начальных классов. Овладение психолого-педагогическими знаниями осуществляется на протяжении всего периода обучения в вузе. На практических и лабораторных занятиях по педагогике и частным методикам при использовании активных методов обучения (анализа конкретных педагогических ситуаций, решения педагогических задач, проведения деловых игр и т.д.) происходит формирование у студентов профессиональных компетенций.

Итак, по каждому виду педагогической практики определены профессиональные компетенции, которыми должны овладеть студенты в процессе подготовки к практике и в ходе ее прохождения. Предлагаемые задания по педагогической практике не только отражают содержание теоретической подготовки будущих учителей начальных классов, но и направлены на ее углубление и расширение, формирование и совершенствование профессиональной компетенции.

В заключение можно отметить, что при целенаправленной организации педпрактики у студентов появляется возможность постоянно общаться с младшими школьниками и проводить за ними наблюдения, познакомиться с организацией и проведением учебно-воспитательной деятельности в различных образовательных организациях (адаптироваться к режиму работы современного учителя начальных классов), наблюдать и анализировать деятельность учителя; самостоятельно готовить и проводить уроки, внеурочную и воспитательную работу. Такая система организации и проведения педагогической практики студентов позволяет им познакомиться с научно-методической лабораторией учителя начальных классов и овладеть опытом профессионально-педагогической деятельности. Описанная система педпрактики в педагогическом институте формирует профессиональную компетентность будущих учителей начальных классов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции : сб. науч. тр. Вып. 4 / Федер. агентство по образованию; Рос. гос. проф.-пед. ун-т ; Рос. акад. образования, Ур. отд-ние , 2006. – 571 с.
2. Жуйкова Т.П. Формирование профессиональной направленности у студентов педагогического колледжа средствами педагогической практики / Т.П. Жуйкова // Молодой ученый. – 2013. – № 9. – С. 365-368.
3. Шилова М.И., Белых И.Л. Формирование конкурентоспособности выпускника вуза // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. – Вып. 4. – С. 39-45.

REFERENCES

1. Professionalnaia pedagogica: categorii, poniatia, definicii. [Professional pedagogics: categories, concepts, definitions]: sb. nauch. tr. Vip. 4 / Feder. Agency by training; Dews. roc. The prof.-ped. Un y; Dews. akad. Formations, Ur. otd-nie, 2006. 571 p.
2. Zhujkova T.P. Formirovanie professionalnoi napravlenosti u studentov pedagogicheskogo colledga sredstvami pedagogicheskoi praktiki. [Formation of a professional orientation at students of teacher training college student teaching means]. The Young scientist. 2013. №9. Pp. 365-368.
3. Shilova M. I., White I.L. Formirovanie konkurentosposobnosti vipusknika vuza. [Formirovanie of competitiveness of the graduate of high school]. Vestn. Tomsk State Ped. University. 2010. - Vyp. 4. Pp. 39-45.

Информация об авторе

Очиров Гомбожап Дугарнимаевич, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра педагогики начального и дошкольного образования, Бурятский государственный университет,

Information about the author

Ochirov Gombozhap D., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Primary and Pre-School Education Pedagogy, Buryat State University,

г. Улан-Удэ, Россия,
gombo71@mail.ru

Ulan-Ude, Russia,
gombo71@mail.ru

Получена: 28.01.2016

Received: 28.01.2016

Для цитирования статьи: Очиров Г.Д. Формирование профессиональной компетентности будущих учителей начальных классов средствами педагогической практики. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 205-208. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-205-208

For article citation: Ochirov G.D. Formation of professional competence of the future teachers of initial classes by student teaching means. [Formirovanie professional'noy kompetentnosti budushchikh uchiteley nachal'nykh klassov sredstvami pedagogicheskoy praktiki]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 205-208. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-205-208

УДК 796.422.14

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-209-212

ПАНОВА Ольга Сергеевна,
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

PANOVA Olga S.,
Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs,
Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

КУЗЬМИН Валерий Витальевич,
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

KUZMIN Valery V.,
Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs,
Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛОЧНО-МОДУЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА БЕГУНОВ НА СРЕДНИЕ ДИСТАНЦИИ В ГОДИЧНОМ МАКРОЦИКЛЕ ПОДГОТОВКИ

BLOCK-MODULAR TECHNOLOGY EFFECTIVENESS OF CONSTRUCTION OF TRAINING PROCESS OF MIDDLE DISTANCE RUNNERS IN THE ANNUAL TRAINING MACRO CYCLE

Бег на средние дистанции является одним из наиболее популярных и массовых видов легкой атлетики. Статья посвящена особенностям организации тренировочного процесса бегунов на средние дистанции в годичном цикле подготовки. Современные исследования показывают, что дальнейшее совершенствование процесса подготовки должно быть связано с эффективной его организацией в различных мезоциклах круглогодичной тренировки. В результате анализа специальной литературы, бесед с компетентными специалистами, анализа практической деятельности нами были выявлены варианты организации тренировочного процесса в годичном тренировочном цикле подготовки бегунов на средние дистанции. Нами проведен эксперимент, в котором приняли участие девушки и юноши – бегуны на средние дистанции. Спортсмены контрольной и экспериментальной групп тренировались по двум вариантам организации тренировочного процесса: блочном и классическом. В результате проведенного эксперимента нами были выявлены основные тренировочные средства подготовки и их организация на протяжении годичного цикла. При блочном построении тренировочного процесса однонаправленные, концентрированные по объему и интенсивности тренировочные воздействия вызывают более выраженную адаптационную реакцию, больший прирост результативности в рассматриваемых показателях у представителей экспериментальных групп по сравнению с контрольными группами. Проведенное нами исследование позволяет констатировать, что блочное построение тренировочного процесса в годичном тренировочном цикле обеспечивает более высокий прирост показателей силовой, скоростно-силовой, скоростной и технико-физической подготовленности, что проявляется в реализации накопленного потенциала в улучшении результативности соревновательной деятельности выше, чем у представителей, использующих традиционный комплексный вариант построения тренировочного процесса.

Middle-distance running is one of the most popular and mass kinds of athletics article is devoted to the peculiarities of the organization of the training process of runners on average distances in a year cycle of preparation. Recent studies show that further improvement of the preparation process should be linked to its effective organization in various meso-cycles year-round training. The analysis of literature, interviews with relevant experts, the analysis of practice we have options for organizing the training process have been identified in the annual training cycle training middle distance runners. We conducted an experiment, which was attended by boys and girls, middle-distance runner. Athletes control and experimental groups were trained in two variants of organization of the training process: block and classic versions. As a result, we conducted an experiment identified the main training means training and organization throughout the annual cycle. When you block the construction of the training process, unidirectional, concentrated in volume and intensity of training effects because more pronounced adaptive response, greater efficiency gains in these indicators among representatives of experimental groups compared with control groups. Our study proves that the block construction of the training process in the annual training cycle provides higher growth rates of power, speed-strength, speed and technical and physical fitness, which is manifested in the implementation of the accumulated potential to improve the effectiveness of competitive activity higher than that of the representatives, using traditional building complex version of the training process.

Ключевые слова: эффективность, блок-модуль, бегуны на средние дистанции, годичный макроцикл

Keywords: efficiency, power module, middle-distance runner, annual macro-cycle

Бег на средние дистанции является одним из наиболее популярных и массовых видов легкой атлетики. Современные исследования в области теории и практики спорта показывают, что дальнейшее совершенствование процесса подготовки должно быть связано с эффективной его организацией в различных мезоциклах круглогодичной тренировки [1]. В настоящее время одним из действенных вариантов организации тренировочной нагрузки в годичном цикле подготовки признается подход, связанный с концентрацией тренировочных нагрузок различной преимущественной направленности на определенных этапах [2; 3].

Данная форма организации тренировочного процесса предъявляет новые требования к построению мезоцикла, где необходимо рационально распределять по микроциклам объем тренировочной нагрузки при оптимальном объединении этих микроциклов в единую систему с учетом квалификации спортсмена и периода подготовки.

Основываясь на вышесказанном, мы считаем, что на данном этапе развития бега на средние дистанции поиск и обоснование эффективности новых идей организации тренировочного процесса бегунов на средние дистанции является актуальной проблемой.

Нами был проведен анализ организации тренировочного процесса квалифицированных спринтеров Волгоградской области на протяжении последних пяти лет нами было выявлено, что нагрузка в годичном цикле организована по двум основным вариантам: традиционный («классическая модель»), блочный вариант распределения нагрузки. Нашему анализу подверглись тренировочные дневники девушек и юношей-бегунов на средние дистанции 18-19 лет. Для дальнейшего исследования было отобрано 24 человека, которые были поделены на четыре группы: две контрольные и две экспериментальные. В контрольную группу вошли спортсмены, тренирующиеся по традиционной модели, а в экспериментальную – по блочной. Статистический анализ исходной результативности испытуемых контрольной и экспериментальной групп позволил заключить, что статистически достоверных отличий выявлено не было.

В течение годичного тренировочного цикла подготовки, после изучения уровня исходной результативности мы проводили анализ организации объемов тренировочных нагрузок по мезоциклам подготовки. Характерной особенностью блочной системы построения годичного цикла подготовки являются: двухцикловое планирование подготовки к зимнему и летнему соревновательному сезонам; разделение каждого полугодичного цикла на двухнедельные нагрузочные и недельные разгрузочные блоки-модули подготовки; систематизация и распределение по блокам-модулям подготовки, в соответствии с задачами каждого из них, для создания однонаправленных воздействий; постоянное совершенствование технического мастерства.

Анализируя особенности организации годичного тренировочного цикла экспериментальных групп мы выявили, что максимальный объем беговой нагрузки алактатно-аэробной направленности (бег на отрезках до 80 м со скоростью 100–96%) у спортсменов экспериментальных групп планируется в соревновательном мезоцикле (декабрь – 10,9%, январь – 13,6%, февраль – 10,9%, в летнем соревновательном мезоцикле в мае – 14%, июне – 13,6%, июле – 10,2%), в «функциональном» блоке подготовки (сентябрь, март) бег с высокой интенсивностью планируется в небольших объемах в разгрузочных блоках. Объем беговой нагрузки аэробно-гликолитической направленности (бег на отрезках 100–300 м со скоростью 91–100%) постепенно увеличивается от сентября (4,4%), в октябре (4,4%), в ноябре достигая максимума (13%), и постепенно снижается к концу зимнего соревновательного периода (в феврале – 7,3%). В весенне-летнем периоде подготовки максимальный объем бега на отрезках 100 – 300 м со скоростью 91–100% приходится на апрель (13%) и май (16,9%). Основной объем беговой нагрузки анаэробно-аэробной направленности (бег 100–300 м со скоростью 90–81%) выполняется в «функциональном» и «силовом» блоке подготовки, максимальный объем нагрузки приходится на сентябрь и март и составляет 13 и 16 % соответственно. Основной объем беговой нагрузки аэробной направленности (бег свыше 300 м со скоростью менее 80%) выполняется в «функциональном» блоке подготовки в сентябре–октябре (36,7%), и марте–апреле (31%), в остальных блоках, кроме блока «моделирования соревновательной деятельности», нагрузка данной направленности используется для поддержания необходимого уровня аэробных возможностей организма. Основной объем упражнений с отягощениями у бегунов на средние дистанции экспериментальных групп выполняется в «силовом» и «скоростно-силовом» блоке подготовки. Максимальный объем силовых упражнений с отягощениями приходится на октябрь–ноябрь (31,7%) и март–апрель (33,7%), в соревновательном периоде силовые упражнения используются в поддерживающем режиме от 8,2 до 3,4 %. Максимальный объем прыжковых упражнений приходится на «силовую» и «скоростно-силовую» блоки подготовки. Максимальный объем аэробной направленности (кроссовый бег на отрезках 2000–8000 м со скоростью менее 60%) экспериментальных групп приходится на «функциональный» блок и в сентябре и марте составляет по 23,6%, в остальных блоках равномерно распределяется. Нагрузка аэробно-гликолитической направленности (бег на отрезках от 600–800 м) в целом равномерно распределена, однако в «функциональном» и блоке «моделирования соревновательной деятельности» наблюдается превышение среднегодовой нагрузки на 5%.

По окончании годичного тренировочного цикла были проанализированы результаты соревновательной деятельности спортсменов контрольных и экспериментальных групп. Средний результат в беге на 800 м у девушек контрольной группы вырос на 0,54% и составил $142,28 \pm 0,03$ сек. У девушек экспериментальной группы результат в беге на 800 м вырос на 3,98% и составил $136,37 \pm 0,06$ сек. Средний результат в беге на 800 м у юношей контрольной группы вырос на 0,31% и составил $125,3 \pm 0,06$ сек. В экспериментальной группе юноши улучшили результат в среднем на 3,87%, что составило $121,12 \pm 0,04$ сек. В результате статистической обработки материала было выявлено, что у девушек и юношей-бегунов на средние дистанции

контрольных групп уровень прироста результатов до и после эксперимента достоверно не изменился. В экспериментальных группах было выявлено, что уровень прироста результатов достоверно изменился на уровне значимости $\alpha=0,01$.

Таким образом, нами было выявлено, что наибольший прирост спортивных результатов произошел у спортсменов, тренирующихся по блочной системе подготовки. Рациональным вариантом распределения основных нагрузок в годичном цикле для бегунов на средние дистанции является вариант сосредоточения тренировочных нагрузок различной преимущественной направленности на определенных этапах годичного цикла. Данная концепция позволяет спортсменам показывать наивысшие спортивные результаты на протяжении всего соревновательного периода. При блочном построении тренировочного процесса однонаправленные, концентрированные по объему и интенсивности тренировочные воздействия вызывают более выраженную адаптационную реакцию, больший прирост результативности в рассматриваемых показателях по сравнению с контрольной группой, который сохраняется практически до завершения полугодового тренировочного цикла. Проведенное нами исследование позволяет констатировать, что блочное построение тренировочного процесса в годичном тренировочном цикле обеспечивает более высокий прирост показателей силовой, скоростно-силовой, скоростной и технико-физической подготовленности, что проявляется в реализации накопленного потенциала в улучшении результативности соревновательной деятельности выше, чем у представителей, использующих традиционный комплексный вариант построения тренировочного процесса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гареев Д.Р. Оценка специальной физической подготовки спортсменов, специализирующихся в беге на средние дистанции на этапе спортивного совершенствования / Д.Р. Гареев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 3 (109). – С. 59-64.
2. Панова О.С. Эффективность блочно-модульной технологии тренировочного процесса квалифицированных спринтеров в годичном цикле подготовки / О.С. Панова, А.С. Юдин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3-2. – С. 136-141.
3. Панова О.С. Условия и критерии эффективности инновационной деятельности в системе подготовки спортивного резерва российских легкоатлетов / О.С. Панова // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 1 (1). – С. 145-148.

REFERENCES

1. Gareev D.R. (2014) Evaluation of special physical preparation of athletes specializing in the women's middle distance on the stage of sports perfection. [Ocenka special'noj fizicheskoj podgotovki sportsmenov, specializirujushhihsja v bege na srednie distancii na jetape sportivnogo sovershenstvovaniya .]. Scientific notes University by P.F. Lesgaft. № 3 (109). Pp. 59-64.
2. Panova O.S. (2015) The effectiveness of block-modular technology of training process of the qualified sprinters in the annual cycle of training. [Jeffektivnost' blochno-modul'noj tehnologii trenirovochnogo processa kvalificirovannyh sprinterov v godichnom cikle podgotovki]. Actual problems of the humanities and natural sciences. № 3-2. Pp. 136-141.
3. Panova O.S. (2015) Conditions and criteria for the effectiveness of innovation in the training of sports reserve Russian athletes. [Uslovija i kriterii jeffektivnosti innovacionnoj dejatel'nosti v sisteme podgotovki sportivnogo rezerva rossijskih legkoatletov]. Innovative technologies in science and education. № 1 (1). Pp. 145-148.

Информация об авторе

Панова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, преподаватель, кафедра физической подготовки, Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

Кузьмин Валерий Витальевич, преподаватель, кафедра физической подготовки, Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

Получена: 20.03.2016

Information about the author

Panova Olga S., Candidate of Pedagogical Sciences, Lecturer, Department of Physical Training, Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

Kuzmin Valery V., Lecturer, Department of Physical Training, Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs,
Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

Received: 20.03.2016

For article citation: Panova O.S., Kuzmin V.V.

Для цитирования статьи: Панова О.С., Кузьмин В.В. Эффективность блочно-модульной технологии построения тренировочного процесса бегунов на средние дистанции в годичном макроцикле подготовки. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 209-212
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-209-212

Block-modular technology effectiveness of construction of training process of middle distance runners in the annual training macro cycle. [Effektivnost' blochno-modul'noy tekhnologii postroeniya trenirovochnogo protsessa begunov na srednie distantsii v godichnom makrotsikle podgotovki]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 209-212.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-209-212

УДК 378.14

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-213-216

ПРЯХИН Андрей Сергеевич,
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

PRYAKHIN Andrey S.,
Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs,
Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

ПРИЛЕПИН Евгений Петрович,
Волгоградская академия МВД России,
г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

PRILEPIN Evgeniy P.,
Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs,
Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

COMPETENCY APPROACH USING IN THE ORGANIZATION OF EMPLOYMENT ON PHYSICAL PREPARATION OF CADETS AND STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Образовательные организации высшего образования предъявляют высокие требования приобщения курсантов и слушателей к ценностям мировой и отечественной культуры, формирования у них навыков эффективного социального взаимодействия, личностного развития и самосовершенствования. Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел является определяющим фактором их эффективной профессиональной деятельности. В этой связи определение основных подходов, которые необходимо использовать при организации занятий по физической подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, является приоритетной задачей. В данной работе рассматриваются основные подходы, используемые при организации занятий по физической подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Особое место в данной системе уделяется компетентностному подходу. Обоснована его значимость в процессе организации занятий по физической подготовке профильного вуза. В работе представлены основные рекомендации по организации физической подготовки в образовательных организациях МВД России. Реализация современных требований к профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России предполагает достижение интегрированного конечного результата образования, в качестве которого может рассматриваться сформированность у выпускника профессионально значимых компетенций как единства обобщенных знаний и умений, универсальных способностей и готовности к решению больших групп задач – от личностных до социальных и профессиональных. Доказано, что применение компетентностного подхода к процессу организации физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России позволяет повысить эффективность общей подготовки будущих специалистов органов внутренних дел.

Educational institutions of higher education have high demands of familiarizing of cadets and listeners to the values of world and national culture, the formation of skills of effective social interaction, personal development and self-improvement. Physical training of police officers is a determining factor for their effective professional activity. In this regard, the definition of the main approaches to be used in the organization of employment on physical preparation of cadets and students of educational institutions Ministry of Internal Affairs of Russia is a priority. This paper examines the main approaches used in the organization of employment on physical training of cadets and students of educational institutions Ministry of Internal Affairs of Russia. A special place in this system is given the competence approach. In article substantiates the importance competence approach in the organization of employment on physical preparation of the profile of the university. The paper presents the basic guidelines for the organization of "physical training" in educational institutions Ministry of Internal Affairs of Russia. The implementation of modern requirements for training of cadets and students of educational institutions MIA of Russia assumes the achievement of an integrated end result of education, for which can be seen Maturity graduates of professionally significant competences as the unity of generalized knowledge and skills, universal capacity and preparedness to address large groups of tasks - from personal to the social and professional. It is proved that, to use the competency approach to the process of the organization of physical training of cadets and students of educational institutions Russian Ministry of Internal Affairs improves the efficiency of the overall training of the future professionals of the Interior.

Ключевые слова: компетентностный подход, курсанты и слушатели, физическая подготовка, высшее образование

Keywords: competence approach, cadets and students, physical training, higher education

Органы внутренних дел Российской Федерации осуществляют не только юридическую, но и силовую, вооруженную защиту закона. Владение навыками самообороны, а также силового пресечения противоправных действий и задержания преступников и правонарушителей является оперативно-служебной необходимостью в деятельности сотрудников органов внутренних дел (ОВД), которым все чаще приходится сталкиваться с такими обстоятельствами, где без силового вмешательства невозможно выполнить поставленные задачи. Естественно, что в такой ситуации значение физической подготовки полнотенности полицейских является определяющим фактором их эффективной профессиональной деятельности. Основной целью физической подготовки сотрудников ОВД является формирование необходимой физической, психологической готовности для успешного выполнения оперативно-служебных и служебно-боевых задач в соответствии с их предназначением, умения применять физическую силу, боевые приемы борь-

бы, специальные средства при пресечении различных действий правонарушителями, а также обеспечивать высокий уровень работоспособности рядового и начальствующего состава в процессе служебной деятельности.

Одной из важнейших задач организации физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России является определение основных подходов, которые необходимо использовать в связи с современными процессами реформирования высшей школы. В этой связи, на наш взгляд, наиболее значимыми подходами являются: системный, деятельностный, личностно-ориентированный, культурологический, компетентностный [1].

Новый социально-государственный заказ, процессы информатизации в обществе предъявляют более высокие требования к организации профессиональной подготовки будущих специалистов на основе компетентностного подхода. Данный подход становится основным при разработке и обновлении образовательных стандартов, современной модели выпускника вуза, в том числе и в образовательных организациях МВД России. Ведущей функцией данного подхода является акцентирование внимания на результаты образования, то есть способность специалиста действовать в различных практических ситуациях грамотно и компетентно. Для этого человеку необходимо не только обладать некоторой совокупностью знаний, умений и навыков, но и целым рядом личностных и профессионально-значимых качеств, быть способным к присвоению новых знаний и опыта, быть готовым все это реализовывать на практике, где высоко ценится способность самостоятельного принятия решений и творческий подход к их воплощению. Компетенция характеризуется сложной социально-дидактической структурой личности, которая основывается на ценностных ориентациях, знаниях, опыте, приобретенных как в процессе обучения, так и вне его. Она выражается в степени проявления личностью полученных знаний, умений, поведенческих отношений в изменяющейся ситуации для решения разнообразных задач, в том числе с высоким уровнем сложности и неопределенности. В структуру компетенции входит сформированность у личности внутренней мотивации, психологической и практической готовности к достижению более качественных результатов в своей профессиональной деятельности, социальной жизни [2; 3].

Реализация компетентностного подхода на занятиях по физической подготовке курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД предусматривает, что в результате освоения дисциплины выпускник будет способен: организовывать свою дальнейшую жизнь в соответствии с социально-значимыми представлениями о здоровом образе жизни, применять различные методы физического воспитания в целях повышения адаптационных резервов организма и укрепления здоровья, поддержания на высоком уровне физической подготовленности, которая необходима для обеспечения социальной активности и полноценной профессиональной деятельности; осуществлять действия по силовому пресечению правонарушений, использовать специальные средства, оружие, специальную технику для решения профессиональных задач; выполнять профессиональные задачи в особых условиях, чрезвычайных ситуациях, чрезвычайных обстоятельствах, в условиях военного времени и режима чрезвычайного положения; оказывать первую медицинскую помощь; обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан в процессе решения оперативно-служебных задач.

Комплексное формирование общекультурных и профессиональных компетенций возможно только при эффективно организованных занятиях по физической подготовке, основанных на соблюдении основных принципов, методов, средств подготовки, применении современного инвентаря и оборудования.

Основной целью занятий по физической подготовке является формирование у курсантов и слушателей социально-профессиональных компетенций, которые определяют степень владения профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, а также позволяют использование разнообразных средств физической культуры, спорта и туризма для сохранения и укрепления здоровья, психофизической подготовки и самоподготовки к будущей профессиональной деятельности.

Организуя процесс физической подготовки курсантов и слушателей, необходимо использовать совокупность методов, способствующих успешной реализации поставленных задач:

- строго регламентированного упражнения, заключающегося в твердо предписанной программе движений, в возможно точном нормировании нагрузки и управлении динамикой по ходу упражнения, а также в нормировании интервалов отдыха и строго установленном чередовании их с фазами нагрузки;

- в структуре «круговой тренировки», представляющей серийное повторение нескольких видов физических упражнений, подобранных и объединенных в комплекс в соответствии с определенной упорядочивающей схемой;

— игрового и соревновательного методов, характеризующихся отсутствием жесткой регламентации действий, вероятностными условиями их выполнения, широкими возможностями для самостоятельного проявления творческих сил, моделированием эмоционально насыщенных межличностных и межгрупповых отношений.

Таким образом, реализация современных требований к профессиональной подготовке курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России предполагает достижение интегрированного конечного результата образования, в качестве которого может рассматриваться сформированность у выпускника профессионально значимых компетенций как единства обобщенных знаний и умений, универсальных способностей и готовности к решению больших групп задач – от личностных до социальных и профессиональных. Сформированность у курсанта соответствующих компетенций является главным критерием качества образования в образовательных организациях МВД России и показателем его профессионального становления. В этой связи актуализируется проблема определения путей и условий развития у курсантов компетенций и встает задача разработки содержательно-технологических и организационно-управленческих основ самостоятельной работы курсантов как важнейшей составляющей образовательного процесса, обеспечивающей формирование соответствующих компетенций. Таким образом, применение компетентностного подхода к процессу организации физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России позволяет повысить эффективность общей подготовки будущих специалистов органов внутренних дел. В этом случае подготовка компетентных, мобильных и способных к конкуренции выпускников соответствует современному социально-государственному заказу по обеспечению реального сектора экономики и социальной сферы кадрами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шепель Д.Н.* Компетентностный подход к организации учебного процесса в образовательных учреждениях МВД России / Д.Н. Шепель // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 6 (49). – С. 41-42.
2. *Панова О.С.* Эффективность блочно-модульной технологии тренировочного процесса квалифицированных спринтеров в годичном цикле подготовки / О.С. Панова, А.С. Юдин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 3-2. – С. 136-141.
3. *Панова О.С.* Условия и критерии эффективности инновационной деятельности в системе подготовки спортивного резерва российских легкоатлетов / О.С. Панова // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 1 (1). – С. 145-148.

REFERENCES

1. *Shepel D.N.* Competence approach to the organization of educational process in educational institutions of the Russian Interior Ministry. The world of science, culture and education. 2014. No. 6 (49). Pp. 41-42.
2. *Panova O.S.* The effectiveness of block-modular technology of training process of the qualified sprinters in the annual cycle of training. Actual problems of the humanities and natural sciences. 2015. No. 3-2. Pp. 136-141.
3. *Panova O.S.* Conditions and criteria for the effectiveness of innovation in the training of sports reserve Russian athletes. Innovative technologies in science and education. 2015. No. 1 (1). Pp. 145-148.

Информация об авторе

Пряхин Андрей Сергеевич, старший преподаватель, кафедра физической подготовки, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

Прилепин Евгений Петрович, старший преподаватель, кафедра физической подготовки, Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Россия
Kole235@mail.ru

Получена: 20.02.2016

Для цитирования статьи: Пряхин А.С., Прилепин Е.П. Применение компетентностного подхода при организации занятий по физической подготовке курсантов и слушателей образова-

Information about the author

Pryakhin Andrey S., Senior Lecturer, Department of Physical Training, Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

Prilepin Evgeniy P., Senior Lecturer, Department of Physical Training, Volgograd Academy of Russian Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russia
Kole235@mail.ru

Received: 20.02.2016

For article citation: Pryakhin A.S., Prilepin E.P. Competency approach using in the organization of employment on physical preparation of cadets and students of educational institutions of Rus-

тельных организаций МВД России. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 213-216
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-213-216

sian Ministry of Internal Affairs. [Primenenie kompetentnostnogo podkhoda pri organizatsii zanyatiy po fizicheskoy podgotovke kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 213-216.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-213-216

УДК 378.016

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-217-222

СИДОРОВ Олег Владимирович,
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал Тюменского государственного университета),
г. Ишим, Россия
sidorov197014@mail.ru

SIDOROV Oleg V.,
Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov
(Branch of Tyumen State University),
Ishim, Russia
sidorov197014@mail.ru

ГОФЕРБЕРГ Александр Викторович,
Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова
(филиал Тюменского государственного университета),
г. Ишим, Россия
goferberg@mail.ru

GOFERBERG Alexander V.,
Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov
(Branch of Tyumen State University),
Ishim, Russia
goferberg@mail.ru

О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ТЕХНОЛОГИИ

ON IMPROVING THE QUALITY OF VOCATIONAL AND TECHNOLOGICAL TRAINING OF FUTURE TEACHERS OF TECHNOLOGY

Статья посвящена проблеме совершенствования содержания профессионально-технологической и методической подготовки будущих учителей технологии. В статье автор рассказывает о технологии обучения студентов электрофизическим и электрохимическим методам обработки конструкционных материалов, предусматривающей использование интеграции естественнонаучных, технических и технологических дисциплин, с использованием разработанного комплекта действующих учебно-лабораторных установок. Установки позволяют студентам изучить сложные физические процессы экспериментально исследуемой проблемы. В работе так же показана особенность организации проведения лабораторного практикума в форме учебно-исследовательской работы студентов, чтобы научить их выполнять объем самостоятельной работы с помощью теоретических научных методов и экспериментальных исследований. Роль этих методов важна для развития творческого мышления студентов, формирования проектно-конструкторских знаний, умений и навыков, а также навыков самостоятельной исследовательской работы, что обеспечивает, в свою очередь, высокую познавательную и творческую активность студентов. Автор представляет результаты проведенного им педагогического эксперимента. Таким образом, при внедрении УИРС в учебный процесс происходит вовлечение студентов в научно-исследовательскую работу, которое становится важной составной частью в процессе подготовки исследований, вооружает их методологией научно-технического мышления, развивает интерес к творчеству, способствует получению ими глубоких знаний, умению применять их на практике. Научно-исследовательская работа студентов включает в себя исследовательскую деятельность не только в рамках учебного процесса, но и участие в кружках кафедры, в научной работе лаборатории.

The article is devoted to improving the content of vocational and technological and methodical preparation of the future teachers of technology. The author tells the technology training of students of electro-physical and electrochemical methods of processing of construction materials, which utilizes the integration of natural sciences, engineering and technological disciplines, developed using the existing set of teaching and laboratory facilities. Settings allow students to study the complex physical processes experimental study of the problem. The paper also shows a feature of the organization of a laboratory practical work in the form of educational and research work of students, to teach them to perform the volume of independent work using scientific methods of theoretical and experimental studies. The role of these methods is important for the development of creative thinking of students, forming engineering design knowledge and skills, as well as the skills of independent research, which provides, in turn, higher cognitive and creative activity of students. The author presents the results of his pedagogical experiment. Thus, the introduction in the educational process UIRS going involvement of students in research work, which becomes an important part in the preparation of research methodology equips their scientific and technical thinking, develops an interest in creativity, it helps provide them with in-depth knowledge, and the ability to apply them in practice. The research work of students includes research activities not only in the educational process, but also to participate in the circles of the department in the scientific work of the laboratory.

Ключевые слова: исследовательская деятельность, учитель технологии, прогрессивная техника, технология

Keywords: research activities, teacher of technology, advanced equipment, technology

В современных социально-экономических условиях влияние научно-технического прогресса на содержание обучения технологической подготовке студентов педвуза по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование по профилю «Технологическое образование» позволило сделать вывод, что объем знаний, умений и навыков для работы в современных условиях по новым технологиям резко возрастает. При этом труд становится более разнообразным, интеллектуальным, творческим, рабочий получает большую самостоятельность в управлении технологическим процессом.

Осваивая профессии, обучаемые развивают внимание, память, умение копировать действия других, доводить сформированные умения до автоматизма и т.п. Это позволит им поступать в какой-либо привычной деятельности по раз и навсегда установленному правилу или шаблону, иногда даже машинально. Однако в процессе трудовой деятельности приходится сталкиваться с нестандартными ситуациями. В реальной жизни условия, режим труда, требования, предъявляемые к профессии, часто претерпевают изменения, где необходимо творчески

подойти к решению данной задачи. Диапазон творческих задач необычайно широк по сложности – от нахождения неисправностей в механизме, эффективного технологического процесса обработки детали до изобретения новой машины или научного открытия, но суть их одна: при их решении происходит творческая деятельность, находится новый путь для решения поставленной задачи, где требуются особые качества ума, такие как наблюдательность, умение сопоставлять, анализировать, комбинировать, находить связи и зависимости, закономерности и т.д. – то есть то, что в совокупности и составляет творческие способности [1].

Таким образом, все эти факторы имеют большое значение при формировании любых навыков, поэтому их необходимо учитывать во всех случаях при выборе методов теоретического и практического обучения [2].

Наиболее отвечающим задачам нашего исследования в профессиональной подготовке учителей технологии мы считаем исследовательско-поисковый метод в форме лабораторных занятий.

В профессиональном обучении лабораторные работы занимают промежуточное положение между теоретическим и производственным обучением и служат одним из важных средств осуществления взаимосвязи теории с практикой. При этом, с одной стороны, достигается закрепление и совершенствование знаний обучаемых, с другой – у них формируются определенные профессиональные умения, которые затем применяются в процессе практического обучения.

Беря за основу содержание лабораторных работ, можно выделить следующие их виды:

- наблюдение и анализ (описание) различных технологических явлений, процессов, предметов труда (свойств материалов, сырья, конечных продуктов); устройства и работы орудий и средств труда (машин, механизмов приборов, аппаратов, инструментов);
- исследование количественных и качественных зависимостей между технологическими явлениями, величинами, параметрами, характеристиками, определение оптимальных значений этих зависимостей;
- изучение устройства и способов использования контрольно-измерительных средств;
- диагностика неисправностей, регулировка, наладка, настройка различных технических объектов; изучение способов их обслуживания.

По дидактическим целям лабораторные работы разделяются на иллюстрированные и исследовательские; по способам организации – на фронтальные и нефронтальные.

Руководство лабораторной работой преподаватель осуществляет в форме инструктирования (вводного и текущего), основной задачей которого является создание у обучаемых ориентировочной основы деятельности для наиболее эффективного выполнения заданий.

При проведении нефронтальных, а также сложных по содержанию и задачам фронтальных работ применяется письменное инструктирование в форме задания-инструкций. В таких инструкциях формулируются тема и цель работы; кратко излагаются теоретические сведения, связанные с работой, приводится перечень оборудования для ее выполнения; описывается весь ход работы и указываются меры безопасности, которые нужно при этом соблюдать, даются рекомендации по обработке и оформлению результатов работы [3].

Лабораторные занятия рассматриваются нами не только как обеспечивающие применение полученных знаний, умений и навыков, но и для того, чтобы позволить повысить качество технологической подготовки и уровень развития познавательной деятельности студентов в условиях реализации межпредметных связей с физикой и химией.

Преимущество лабораторных занятий перед другими видами аудиторной работы заключается в интеграции теоретико-методологических знаний и практических навыков студентов в процессе научно-исследовательской деятельности. Лабораторный практикум должен служить творческой иллюстрацией к разработанным нами материалам лекций курса «Электрофизические и электрохимические методы обработки конструкционных материалов» [4]. Для этого нами был разработан и изготовлен целый комплекс лабораторных установок (электроискровая, высокочастотная электроискровая, закалка металлов токами высокой частоты), которые позволяют студентам изучить сложные физические процессы экспериментально-исследуемой проблемы. На перечисленные выше названные лабораторные установки получен патент на полезную модель [5; 6; 7]. Лабораторно-исследовательский эксперимент требует от студента творческой инициативы, самостоятельности в принимаемых решениях, знакомства с методикой выполнения экспериментальных исследований, приобретения опыта использования теоретических знаний на практике, получение навыков обращения с различной аппаратурой, измерительными приборами и силовыми системами, изучение конструктивных особенностей и назначения опытно-экспериментальных установок. Наряду с этим формируются умения исследования физических процессов энергетического воздействия на твердое тело, анализа, сопоставления резуль-

татов испытаний, вырабатываются навыки обобщения материала, внедрения конкретных рекомендаций и т.д. и т.п.

В энергетических установках основным направлением исследования является изучение физических процессов (тепловых, механических – удара, электрических и др.), которые происходят в определенных условиях эксплуатации. При проведении лабораторного практикума студент особое внимание должен уделять рассмотрению сущности физических и химических процессов, анализу их количественных и качественных характеристик по выявлению оптимальных режимов обработки в зависимости от рабочей среды энергоблока, закономерностям изменения отдельных параметров (электрических, термических, механических напряжений и т.п.).

Только таким образом студенты могут узнать сущность современных способов обработки конструкционных материалов.

Наибольшей эффективностью лабораторный практикум будет обладать, если при его проведении использовать элементы учебно-научно-исследовательской работы. Такой практикум нацелен на развитие у студентов заинтересованности в освоении методов научного исследования при значительной доли их самостоятельной работы. Нами были разработаны методические рекомендации к лабораторному практикуму по обработке конструкционных материалов методами электроискровой, высокочастотной электроискровой, ультразвуковой обработки и токами высокой частоты, в котором предусматривается использование поисково-исследовательского метода с применением учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов (УИРС и НИРС).

Важным здесь является фактор создания такого варианта модели установки, на котором можно точно воспроизвести динамику основных физических процессов, с целью более глубокого познания студентами базовых разделов читаемой лекции курса и выработки на этой основе конкретных рекомендаций по повышению экологичности, экономичности и надежности установки. Такой лабораторный практикум способствует интеграции технических дисциплин с физикой, химией [9].

В процессе проведения лабораторного практикума студентам предлагается на основе повторения физических свойств явления (процессов), на котором основан принцип действия перечисленных выше установок, провести научно-исследовательский эксперимент, при соблюдении основного дидактического принципа – связи теории с практикой. Это означает, что каждый студент должен достаточно четко понимать цель лабораторной работы и отчетливо представлять назначение, принцип работы и основные характеристики исследуемой установки, устройство прибора. Поэтому перед выполнением каждой работы необходима предварительная подготовка, в процессе которой студенты повторяют необходимый для выполнения лабораторной работы теоретический материал по физике, химии, технологии конструкционных материалов, изучают устройство установки, предназначенной для обработки материалов, после чего они проводят экспериментальное исследование.

В одной из лабораторных работ, в которой используется установка для электроискровой обработки конструкционных материалов, студентам предоставляется возможность исследовать влияние рода рабочей диэлектрической среды (керосин, дистиллированная вода, минеральное масло и т.п.) на качество обрабатываемой поверхности детали при неизменных параметрах: величины искрового промежутка между инструментом и обрабатываемой деталью, величины подаваемого на инструмент и обрабатываемую деталь напряжения. Установка позволяет изменять электрические параметры технологического процесса (величины электрического напряжения между инструментом и обрабатываемой деталью). Сопоставив время обработки заготовки (сверление отверстия) с использованием традиционного механического способа сверления с временем обработки заготовки (пробивки отверстия) методом электроискровой обработки при использовании заготовок из алюминия, меди, конструкционной углеродистой и легированной стали и др., студенты выясняют, для каких заготовок целесообразно воспользоваться механическим способом сверления отверстий, а для каких – электроискровым. Для оценки качества обрабатываемых изделий (шероховатость поверхности) предлагается использовать микроинтерферометр.

Вместо микроинтерферометра можно воспользоваться металломикроскопом или даже лупой.

Студенты выясняют также, при каких условиях износ электрода-инструмента будет большим и из какого материала целесообразнее его изготовить.

При использовании установки для ультразвуковой обработки конструкционных материалов студенты после ознакомления с ней исследуют влияние величины зерен в абразивной суспензии (дистиллированная вода + абразивные зерна) на скорость и качество обрабатываемой заготовки.

Подвергая ультразвуковой обработке плоские заготовки из алюминия, меди, стали (конструкционная, углеродистая и легированная), пластмассы, стекла, пластика и другие одинаковые толщины, студенты выявляют эффективность воздействия этого метода при обработке заготовок из различных материалов (пластичный, хрупкий, твердый) по сравнению с механической обработкой.

Приборы и оборудование для оценки качества обработанной заготовки используются те же, что и при электроискровом методе обработки.

Изучая принцип действия и устройство электротермической установки для поверхностной закалки заготовок с помощью индукционных токов высокой частоты, студенты, поместив в индуктор установки образцы, изготовленные из конструкционной углеродистой и легированной стали и варьируя время выдержки их, определяют температуру нагрева образца. Согласно температуре нагрева образца студенты определяют структурные составляющие фазовых превращений по диаграмме железо-углерод, которые происходят в этих образцах при их нагреве.

Помещая нагретый образец в закалочную среду (вода, трансформаторное масло, керосин и др.), студенты, используя методы измерения твердости по Бринеллю, Роквеллу, Виккерсу, практически определяют глубину закаленного слоя и величину частоты индукционного тока, между которыми существует обратно пропорциональная зависимость, теоретически оценивают (имея паспортные данные о величине частоты индукционного тока) величину, глубину закаленного слоя. В заключение студенты делают вывод о том, какие стали лучше всего подвержены поверхностной закалке токами высокой частоты. Студентам также предлагается решить вопрос об использовании указанной выше установки для сушки древесины, увидеть преимущество этого метода сушки перед традиционным и т.д.

Таким образом, подобный способ подвода тепла позволяет не только резко увеличить количество тепловой энергии, сообщаемой нагреваемому изделию, но одновременно создает такой температурный градиент по сечению изделия, который в значительной степени устраняет опасность возникновения при быстром нагреве больших внутренних напряжений. Конструкции названных выше установок таковы, что обеспечивается электрическая, экологическая (в смысле влияния возникающих при работе установок излучений) безопасность.

Участие студентов в опытно-экспериментальном исследовании является средством практического приложения усвоенных знаний и умений. Таким образом, он является связующим звеном между теорией и практикой в профессионально-технологической подготовке студентов [8].

На этом этапе были сформированы две группы студентов: экспериментальная и контрольная. Студенты как в контрольных, так и в экспериментальных группах изучали содержание разработанного курса «Электрофизические и электрохимические методы обработки конструкционных материалов».

В экспериментальных группах, в отличие от контрольных, студенты при выполнении лабораторных работ использовали комплект разработанных и изготовленных нами учебно-лабораторных установок (электроискровая, высокочастотная электроискровая, поверхностная закалка металлов токами высокой частоты) на основе поисково-исследовательского метода с применением учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы студентов (УИРС и НИРС) и метода проектов. В методических рекомендациях к лабораторному практикуму на проведение учебно-научной работы, заключавшейся в изучении принципов их работ, конструкции установок, обработке режимов реальных процессов различных материалов, предлагались задания по объяснению производственных процессов с точки зрения физики и химии, оценки структурных изменений и механических свойств при поверхностной закалке металлов токами высокой частоты (материаловедение). Кроме того, студентам предлагались для разработки проекты заданий по усовершенствованию установок, по разработке предложений проектирования других установок с использованием законов физики и химии. По окончании изучения студентами курса проводился диагностический инструментарий (тесты) для выявления уровня усвоения знаний и умений осуществлять интегрирование их при изучении различных учебных дисциплин, умения решать творческие задачи.

Оказалось, что в тех контрольных группах, где вместо лабораторного практикума проводились практические занятия с использованием специальной литературы, знания, умения, навыки и способность к решению творческих задач оказались на 42% ниже (по разным параметрам).

Так, умения интегрировать знания из различных учебных дисциплин на 20% оказались выше у студентов экспериментальных групп, их проектировочно-конструкторские знания выше на 39%. Все студенты экспериментальных групп оказались готовы к решению творческих задач, в контрольных группах количество таких студентов составляет 60%. Аналогичная картина

наблюдается и при оценке уровня овладения умениями и навыками самостоятельной работы с различным оборудованием и приборами, с учебной литературой. В экспериментальных группах все студенты занимались научными исследованиями – у них наилучшие показатели по умению анализировать результаты самостоятельных исследовательских поисков, делать выводы.

По результатам в контрольных экспериментальных группах можно сделать вывод, что использование в экспериментальных группах разработанного и изготовленного нами комплекта учебно-лабораторных установок (электроискровая, высокочастотная электроискровая, ультразвуковая обработка, поверхностная закалка металлов и сплавов токами высокой частоты) позволяет реализовать интеграцию естественнонаучных с общетехническими и технологическими дисциплинами, развивать конструкторско-технологические навыки, освоить метод проектов, овладеть навыками самостоятельной и учебно-научно-исследовательской работы и в конечном счете способствует повышению качества профессионально-технологической подготовки студентов по сравнению с контрольными группами, в которых этот комплект учебно-лабораторных установок не применяется.

На основе полученных данных в контрольной и экспериментальной группах был рассчитан коэффициент эффективности применяемой методики (η), равный отношению средних коэффициентов усвоения основных понятий курса в этих группах по формуле:

$$\eta = K_{\text{эксп}}/K_{\text{конт}},$$

где, $K_{\text{эксп}}$ – коэффициент, полученный в экспериментальной группе = 0,78;
 $K_{\text{конт}}$ – коэффициент, полученный в контрольной группе = 0,62.

Применяемая методика проведения занятий в экспериментальной группе будет более эффективной по сравнению с традиционной методикой в контрольной тогда, когда $\eta > 1$. В нашем случае коэффициент эффективности применяемой методики в экспериментальной группе – $\eta = 1,26$.

Сравнение полученных результатов до и после экспериментального обучения в контрольной и экспериментальной группе позволяет нам определить общие средние результаты изменения коэффициента эффективности применения учебно-лабораторных установок, которые в экспериментальных группах выше по сравнению с традиционной методикой в контрольных группах.

Итоги опытно-экспериментальной работы, проведенной на факультете математики, информатики и естественных наук со студентами по направлению Технологическое образование, где надежность обеспечивается применением математических методов обработки, подтвердили, что внедрение в учебный процесс разработанного дидактического обеспечения для обучения будущих учителей технологии электрофизическим и электрохимическим методом обработки конструкционных материалов на специально сконструированных и изготовленных учебно-лабораторных установках (электроискровая, высокочастотная электроискровая, ультразвуковая обработка материалов, поверхностная закалка металлов токами высокой частоты) позволяет реализовать интеграцию естественно-научных, общетехнических и технологических дисциплин, способствует повышению качества профессиональной технологической подготовки будущего учителя образовательной области «Технология».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Атутов П.Р., Бабкин Н.И., Васильев Ю.К. Связь трудового обучения с основами наук. – М.: Просвещение, 1983. – 128 с.
2. Краевский В.В. Основы обучения. Дидактика и методика: Уч. пособие для вузов.- 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2008. – 352 с.
3. Загвязинский В.И., Емельянова И.Н. Общая педагогика: Уч. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 2008. – 391 с.
4. Сидоров О.В., Тихонов А.С. Электрофизические и электрохимические методы обработки конструкционных материалов: Уч. пособие. - 2-е изд., ипр. и доп. – Ишим: Изд-во ИГПИ, 2009. – 184 с.
5. Сидоров О.В., Тихонов А.С., Ростовцев А.Н. Установка для исследования термической обработки металлов и сплавов токами высокой частоты. Патент на полезную модель RUS 93538 14.12.2009.
6. Сидоров О.В., Тихонов А.С., Ростовцев А.Н. Учебно-лабораторная установка для электроискровой обработки металлов в жидких средах. Патент на полезную модель RUS 93568 11.01.2010.
7. Сидоров О.В., Тихонов А.С., Ростовцев А.Н. Учебно-лабораторная установка для исследования процесса обработки токопроводящих материалов в жидких средах с помощью высокочастотного электроискрового разряда. Патент на полезную модель RUS 102122 02.07.2010.
8. Сидоров О.В. Методика проведения педагогического эксперимента и результаты опытно-экспериментальной работы // Политематический журнал научных публикаций «Дискусия». – 2014. – № 11(52). – С. 159-168.
9. Гриценко Л.И. Теория и практика обучения: интегративный подход: Уч. пособие для вузов. – М.: Академия, 2008. – 240 с.

REFERENCES

1. Atutov, R. P., Babkin, N. A., Vasiliev, J. K. the Relationship of career education with the basic Sciences. [Svyaz' trudovogo obucheniya s osnovami nauk]. Moscow: Publishing house. Education. 1983. 128p.
2. Kraevskij, V. V. foundations of learning. Didactics and methodology. [Osnovy obucheniya. Didaktika i metodika]. Textbook for high schools. 2-e Izd., revised. Moscow: publishing house of the Academy, 2008. 352 p.
3. Zagvyazinsky, V. I., Emelyanova, I. N. General pedagogy. [Obshchaya pedagogika]. Textbook for high schools. Moscow publishing house of the Higher. Sch., 2008. 391 p.
4. Sidorov, O. V., Tikhonov, A. S. Electrophysical and electrochemical methods of processing of constructional materials. [Elektrofizicheskie i elektrokhimicheskie metody obrabotki konstruktsionnykh materialov]. Training manual. 2-e Izd., IPE. and extra Ishim: Publishing house of IGPI, 2009. 184p.
5. Sidorov, O. V., Tikhonov, A. S., Rostovtsev, A. N. Installation for research of heat treatment of metals and alloys by high frequency currents. [Ustanovka dlya issledovaniya termicheskoy obrabotki metallov i splavov tokami vysokoy chastoty]. Patent for useful model 93538 ENG 14.12.2009.
6. Sidorov, A., Tikhonov, A. S., Rostovtsev, A. N. Training and laboratory installation for electric-spark treatment of metals in liquid media. [Uchebno-laboratornaya ustanovka dlya elektroiskrovoy obrabotki metallov v zhidkikh sredakh]. Patent for useful model ENG 93568 11.01.2010.
7. Sidorov, O. V., Tikhonov, A. S., Rostovtsev, A. N. Training and laboratory installation for studying the process of machining electrically conductive materials in a liquid medium using high-frequency electric spark discharge. [Uchebno-laboratornaya ustanovka dlya issledovaniya protsessa obrabotki tokoprovodyashchikh materialov v zhidkikh sredakh s pomoshch'yu vysokochastotnogo elektroiskrovogo razryada]. Patent for useful model ENG 102122 02.07.2010.
8. Sidorov, O. V. Methodology of the pedagogical experiment and results the experimental work. [Metodika provedeniya pedagogicheskogo eksperimenta i rezul'taty opytно-eksperimental'noy raboty]. Polythematic journal of scientific publications «Discussion». 2014. №11(52). S. 159 to 168.
9. Gritsenko, L. I. Theory and practice of education: an integrative approach. [Teoriya i praktika obucheniya: integrativnyy podkhod]. Textbook for high schools. Moscow: publishing house of the Academy, 2008. 240p.

Информация об авторе

Сидоров Олег Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физико-математических дисциплин и профессионально-технологического образования, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал Тюменского государственного университета), г. Ишим, Россия
sidorov197014@mail.ru

Гоферберг Александр Викторович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физико-математических дисциплин и профессионально-технологического образования, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал Тюменского государственного университета), г. Ишим, Россия
goferberg@mail.ru

Получена: 03.02.2016

Для цитирования статьи: Сидоров О.В., Гоферберг А.В. О повышении качества профессионально-технологической подготовки будущих учителей технологии. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с Рр. 217-222
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-217-222

Information about the author

Sidorov Oleg V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Mathematical Disciplines and Professional and Technological Education, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (Branch of Tyumen State University), Ishim, Russia
sidorov197014@mail.ru

Goferberg Alexander V., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Mathematical Disciplines and Professional and Technological Education, Ishim Pedagogical Institute named after P.P. Ershov (Branch of Tyumen State University), Ishim, Russia
goferberg@mail.ru

Received: 03.02.2016

For article citation: Sidorov O.V., Goferberg A.V. On improving the quality of vocational and technological training of future teachers of technology. [O povyshenii kachestva professional'no-tekhnologicheskoy podgotovki budushchikh uchiteley tekhnologii]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 217-222.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-217-222

ТИМИЖЕВ Хамиша Тарканович,
Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
г. Нальчик, Россия
kbigi@mail.ru

TIMIZHEV Khamisha T.,
Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia
kbigi@mail.ru

ЧЕРКЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРЕЦКОГО ПРОЗАИКА О. СЕЙФЕДДИНА

CHERKESSK MOTIVES IN THE WORKS OF TURKISH PROSE WRITER O. SEYFEDDIN

В статье рассматриваются вопросы влияния адыгских (черкесских) народных мотивов в творчестве талантливого турецкого писателя, потомка черкесских махаджиров Омера Сейфеддина. Автор устанавливает закономерности взаимодействия литературных традиций, включая турецкую и черкесскую. В работе с другого ракурса делается попытка анализировать произведения прозаика, выявляется, что творческая индивидуальность О. Сейфеддина связана с характером и психологией черкесского этноса, который выработал свое мировидение, менталитет, особый взгляд на окружающую среду, людей, без которых невозможно в полной мере понять художественное своеобразие писателя. Обращается внимание на такие проблемы, как этнокультурная идентификация автора, языком творчества которого стал турецкий, место литературы диаспоры в истории и современном состоянии адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур. В статье делается вывод о многообразии творческих подходов писателя к проблемам историзма и психологизма, о роли яркой творческой личности в эволюции художественного сознания, месте исследуемых произведений в современном состоянии черкесской художественной словесности. Результаты анализа произведений О. Сейфеддина могут быть использованы в разработке частных вопросов национального литературоведения, они значительно облегчат поисковый путь исследователям.

This article discusses the impact of the Adyghe (Circassian) people's motives in the works of talented Turkish writer, a descendant of the Circassian Muhajirs Ömer Seyfeddin. The author establishes the laws of interaction of literary traditions, including the Turkish and Circassian. In the work from a different perspective is an attempt to analyze the works of writer, reveals that the creative individuality O. Seyfeddin related to the character and psychology of the Circassian ethnic group, which has developed its vision of the world, the mentality, a special look at the environment, the people, without which it is impossible to understand fully the artistic originality of the writer. Attention to issues such as ethno-cultural identity of the author, the language of art which was the Turkish Diaspora literature place in the history and current state of the Adyghe (Adyghe, Kabardian, Circassian) literatures. The article concludes that the writer's creative diversity of approaches to the problems of historicism and psychology, on the role of a bright creative personality in the artistic evolution of consciousness, place the test pieces in the current state of the Circassian art literature. Results of the analysis of works of O. Seyfeddin can be used in the development of private matters of national literature; they will greatly facilitate the search path to the researchers.

Ключевые слова: культура восточных народов, литература черкесской диаспоры, литературный процесс, фольклорные мотивы, художественное мировидение, новелла, метод, стиль, идентификация, нравственность, этика

Keywords: Eastern peoples culture, Circassian Diaspora literature, literary process, folkloric motifs, artistic vision of the world, story, method, style, identity, morality, ethics

Турецкий писатель, родившийся и выросший в семье военнослужащего из числа черкесских переселенцев, Омер Сейфеддин (черк. – Умар Хатко, 1884–1920) был наделен необыкновенным талантом. И хотя прошло уже около века со дня его смерти, творчество классика турецкой литературы до сих пор вызывает много споров и дискуссий. Турецкие литературные критики обвиняли его в том, что он «не видит ничего, кроме объектов высмеивания» [2, с. 176], не поняли его и соплеменники, обвиняя художника «в пособничестве националистам» [3, с. 67]. Черкесы-махаджиры не пытались вникнуть в то, что говорил их соотечественник эзоповым языком. Они увидели только то, что лежало на поверхности, и многие даже обвинили О. Сейфеддина в отсутствии мужества. Иначе и быть не могло. В начале 20-х гг. XX в. творческие силы Турции все еще находились в упадке. Черкесы-переселенцы, оказавшиеся в тяжелейших условиях из-за войны и национально-освободительных движений, тратившие все силы в борьбе за выживание, просто не разглядели в произведениях соплеменника особенности мировидения этноса и мотивы народных сказаний.

В начале Первой мировой войны О. Сейфеддин понял, как глубоко заблуждался, и решил отмежеваться и от «пантюкистов», и от «панисламистов». Однако некоторые советские литературоведы (например, Н.А. Айзенштейн, Л.О. Альяева, Г.В. Сорокоумовская, В.С. Гарбузова и др.) видят в произведениях прозаика, особенно в «балканских рассказах», «горячий пар национализма» [1, с. 37]. Отдавая должное усилиям этих ученых по ознакомлению российских читателей с творчеством талантливого писателя, нельзя не отметить и то, что они не до конца раскрыли глубину мыслей автора, заложенных в его произведениях. А их невозможно понять, не принимая в расчет судьбу 250 тысяч черкесов [11, с. 24], поселенных первоначально на Балканах, потом вынужденных вслед за отступающей турецкой армией снова отправляться в путь, ведущий в неизвестность. Не более счастливая судьба выпала и на долю черкесов, поселившихся в Анатолии и по берегам Черного, Мраморного и Эгейского морей. Одним словом, как поется в народной песне-плаче о Мазане Дуге, «черкесские юноши уходили на войну, оставляя своим невестам только надежду» [7, с. 12-13]. Без осмысления этих фактов невозможно понять суть и содержание твор-

чества Омера Сейфеддина, направленность его сатиры, которая, по словам турецких критиков, «обжигает».

Главным героем многих произведений О. Сейфеддина является сам автор. Писатель умел мастерски обнажать в мелочах глубокие социальные противоречия, существующие в обществе. В подавляющем большинстве своих рассказов он занимает активную социальную позицию, пытается внушить читателю определенную идею, пробудить в нем патриотизм. В творчестве писателя причудливым образом переплелись истории тысяч человеческих судеб, непохожих друг на друга, несущих в себе и зло, и добро, иногда в одном лице одновременно. То есть писатель стремится разобраться в лабиринтах человеческой психологии и психики, природных качествах и поведенческих мотивах. Вот почему он, пропуская через решето своих мыслей многочисленные сцены человеческой жизни, советовал «не слишком увлекаться чем-либо в этой жизни» [9, с. 153] – она многолика, многогранна и весьма обманчива. Именно такое воззрение писателя на мир и человека породило разночтение в критике его творчества. Оно давало простор для разного рода мнений и оценок.

Необходимо отметить, что черкесам писатель не посвятил отдельные художественные произведения, как это сделал другой классик турецкой литературы Ахмед Мидхат. И это одна из причин, почему черкесы были им недовольны. А. Мидхат никогда не скрывал, что он родом с Кавказа. О. Сейфеддин же не последовал примеру товарища по перу. Да ему и не позволили бы сделать это – над страной пылало пламя националистического костра пантюркистов, и молодой художник, оказавшийся в самом его пекле, мог говорить только на эзоповом языке.

Своеобразный язык писателя, намеренно маскирующий мысль автора, на наш взгляд, не был до конца понят отдельными турецкими и западными литературоведами. «Такой необычный стиль письма, подачи мыслей не воспринимается всерьез некоторыми исследователями. Вот почему появляются критики, дающие не совсем объективную оценку творчеству Умара Хатко (О. Сейфеддина), – пишет адыгейский ученый А. Схалыхо. – Главная причина непонимания отдельных моментов творчества писателя литературоведами заключается в незнании ими своеобразия художественного мышления народа, к которому принадлежит сам писатель» [8].

Во многих рассказах писатель отдает явное предпочтение комическому жанру. Ирония, юмор, чаще сатира выступают в качестве сильных средств, помогающих ему оттенить отрицательные качества определенного типа или общественного явления, подчеркнуть их пагубное влияние на интересы общества. Его едкая ирония направлена, прежде всего, против пройдох и наглецов типа Эфруз-бея (повесть «Эфруз-бей»). Своеобразным художественным приемом писателя был повтор одного и того же действующего лица. Таков Эфруз-бей – человек без родины и национальности, без принципов, и руководит им одно всепоглощающее желание: «выплыть наверх». Писатель проводит своего комического героя через ряд новелл, «сквозь позорный строй различных ситуаций, в которых каждый раз раскрывается еще одно неприглядное качество этого действующего лица» [9, с. 157]. Эфруз-бей – образ собирательный, пародия на современных автору политиков. Этот наглый тип ради достижения своей цели может играть и на национальных чувствах людей.

Образ Эфруз-бея, в первую очередь, напоминает тех мусульманских священнослужителей, которых использовали в качестве агитаторов, призывавших черкесов поехать на «поиски счастья в благодатной земле единоверцев». Да, «эфрузбеи» – неплохие ораторы, они хитры, умеют манипулировать чувствами людей, привлекать их на свою сторону. «Объединяйтесь, любите друг друга. А ну-ка, братья, обнимитесь!...» – обращается к собравшимся людям лектор-османист Эфруз-бей. Услышав такой призыв, «жители Стамбула – турки, греки, арабы, евреи, армяне, болгары, албанцы – бросились друг друга обнимать. Только черкесы остались невозмутимыми, они не последовали примеру других...» [5, с. 285]. Было чего остерегаться этому народу. Безмерна боль черкесов, переживших трагедию – Кавказскую войну, раскол, махаджирство. Народ, который своим «великолепным мастерством может восхитить людей других национальностей так, чтобы они посчитали за честь называться черкесами» [6, с. 98], в этом мире заслуживает большего. Такую оценку дал своему этносу О. Сейфеддин в рассказе «Ремень» [6, с. 95-98]. Он входит в цикл сатирических рассказов, где автором высмеиваются неумелые правители, доведшие некогда могущественную империю до развала, а народ – до нищеты и обездоленности.

Черкесы издавна славились на Кавказе своей высокой культурой, прекрасным этикетом (адыгэ хабзэ), удивительными мастерами народных ремесел. Теперь они остались «без родины, без будущего. Ни один народ в мире не видел такого горя, какое испытали адыги» [6, с. 97]. Вот почему турок Махмуд-бей, герой рассказа «Ремень», добровольно поменявший свою национальность на черкесскую, собирает деньги, чтобы отдать тому, кто «лучше напишет историю черкесского народа».

Рассказ написан в любимом стиле писателя – диалога между автором и его собеседником. Двадцать лет назад, когда Махмуд-бей был еще подростком и учился в лицее, его друг-черкес подарил ему мужской черкесский ремень. «Великолепен был ремень – темно-синий,

весь украшенный серебром и драгоценными камнями...» [6, с. 98]. С этого дня с Махмудом случилось нечто невероятное: перестал он признавать своих «турок-шароварников», вместе с ними есть, играть, а чуть позже вообще отказался говорить по-турецки. Юноша выучил черкесский язык и «паспорт достал, где написано, что он черкес по национальности...». Все его стали называть Махмуд-черкес. Правда, однокурсники хотели этим «только разозлить юношу, а он, наоборот, благодарил их». По сюжету далее Махмуд-бей оказывается на Кавказе и женится на черкешенке; снова возвращается в Стамбул и начинает заниматься проблемами этого этноса. Где бы ни оказывался, он говорил только на черкесском языке. Восхвалял этот народ, восхищался адыгским этикетом, взаимоотношениями между его людьми и т.д. Короче говоря, «подаренный когда-то другом ремень сделал то, чего не добьешься ни силой, ни страхом, ни жестокостью – переменял до неузнаваемости человека. Махмуд-бей без принуждения, добровольно решил стать черкесом...» [6, с. 97].

Писатель-сатирик видел пороки общества лучше, чем кто-либо, поэтому под огонь его критики попадают представители самых разнообразных слоев населения. В цикле рассказов, посвященном псевдопатриотам, он высмеивает людей, забывающих о своих корнях, национальной самобытности, если они не приносят сиюминутной выгоды, и готовы преклоняться перед чужой культурой, укладом жизни. Махмуд-бей тоже один из этих человеческих типов, но не это главное в рассказе. Главное – сила, которая исходит от народа, «обладающего искусством великолепного ремесла». Этот мужской черкесский ремень – символ возрождения народа. За столько лет он не потерял ни красоты, ни блеска: «Махмуд-бей встал из-за стола и позвал официанта расплатиться. В этот момент из приподнятого подола рубахи показался серебряный ремень, когда-то привезенный ему из Карамурсала. Он очаровывал своим великолепием...» [6, с. 98].

Писатель жалеет турок, которых сделали османистами, исламистами и прочими, лишенными своей национальной культуры, ремесла, которыми можно было гордиться так же, как и «этим великолепным черкесским ремнем». Этими словами Омер Сейфеддин говорит всему миру, что черкесы – народ с богатейшей культурой и историей – не должны исчезнуть с лица земли. Не Махмуд-беи, Эфруз-беи и Садри должны стать лидерами, не они и им подобные возродят народ и «напишут правдивую историю черкесов». Остерегайтесь их, не следуйте за ними – их путь ведет в никуда. Вот что хочет сказать своим соплеменникам мудрый прорицатель О. Сейфеддин.

В последние годы жизни писателя происходит перелом в его взглядах. Видя огромные человеческие жертвы, экономическую разруху, принесенные войной, О. Сейфеддин делает вывод: политика пантюркистов, пытающихся объединить все тюркоязычные народы в одно государство, – это миф, и не более того. Через решето своей жесткой критики писатель пропускает политику иттихадистов, которые с идеями пантюркизма, реванша за поражения на Балканах и Кавказе втянули страну в Первую мировую войну. Они оставили Турцию, по О. Сейфеддину, беззащитной страной, разоренной европейскими державами. «Твоя страна не знает своего имени, своего языка, – читаем в рассказе «Вечер свободы». – Время идет, а ты все еще спишь. Враги, которых она считает друзьями, разграбили все ее богатство, отняли все ее счастье. Твоя страна – нищая, она у себя самой пленница, рабыня» [4, с. 101]. Теме патриотизма посвящены рассказы «После Чанаккалы», «Очень большой человек», «Очаги знаний» и т.д.

О. Сейфеддин осознал и то, что чрезмерное увлечение несбыточными идеями политика-нов было ошибочным (цикл рассказов «Очаги знаний»). Вот почему нужно искать компромисс, отменяя обвинения в поощрении национализма, часто звучащие в адрес писателя со стороны его соплеменников. Как совершенно обоснованно отметил профессор А. Схаляхо, главный смысл произведений О. Сейфеддина – защитить малые народы, уберечь их «от ассимиляционного процесса». «Кто поймет и пропустит через душу ту тревогу, которая преследовала писателя всю его жизнь? Кто услышит зов его сердца?» – спрашивает литературовед. И отвечает: «У черкесов есть пословица – "если сердце не смотрит, то глаза не видят", точно так же, если сердце глухо, уши не услышат. Зов сердца, мысли писателя услышат и поймут только те люди, которым безразлично будущее своего народа» [8].

У О. Сейфеддина есть еще ряд произведений, как бы соединенных одной идеей. Среди них особенно выделяются рассказы нашего соплеменника о своем детстве, согретые душевным теплом автора. Писатель не пытался приукрасить детские годы. Иначе и быть не могло. Семья махаджиров, где он родился и вырос, с большим трудом обустроилась на новом месте и пережила немало неприятных событий. Поэтому детские рассказы О. Сейфеддина остались такими «грустными» («Скребница», «Фалака», «Завистник», «Клятва» и т.п.). Именно в его детских рассказах можно найти особенности черт характера черкесского народа, из которого вышел сам писатель. Что может быть лучше для мальчиков, чем помощь старшим в уходе за лошадьми? Лирический герой рассказа «Скребница» и его младший брат больше всех других игр и развлечений «любили наполнять овсом кормушки, подбрасывать в ясли траву, подметать конюшню, убирать навоз. Но особое удовольствие доставляла работа скребницей, для чего нужно

было взобраться на спину лошади и водить железным "скребнем"» [9, с. 161].

Черкесы с малых лет учили мальчиков умению кормить, поить лошадей, ездить на них. Поэтому неудивительно, что мальчики, растущие в семье кадрового офицера, больше всего любили «помогать конюху Дадаруху в уходе за лошадьми». Герой рассказа тайком забирается в конюшню, крадет новую скребницу Дадаруха и, испортив, бросает ее в сухой заброшенный колодец. Свою вину он сваливает на младшего брата Хасана. Мальчик решился признаться в содеянном лишь тогда, когда узнал о том, что Хасан «заболел какой-то страшной болезнью...» [9, с. 162].

Совсем другой герой встречается в рассказе «Клятва». Мистык не такой трус, как персонаж «Скребницы», который из-за боязни перед наказанием свалил свою вину на родного брата. Мистык – настоящий герой, который борется с бешеной собакой, чтобы спасти от нее своего друга. А в рассказе «Фалака» описываются монотонные, однообразные будни учеников мусульманского медресе, неумная фантазия, которая помогла им избавиться от малограмотного устаза Ходжи-эфенды, строившего обучение своих подопечных на бесконечной зубрежке и жестоких наказаниях.

В этих произведениях четко отображены условия, в которых воспитывалось молодое поколение и учились дети. А рассказ «Фалака» несет в себе еще и критический заряд, направленный против системы образования, которая с ее зубрежками и физическими наказаниями калечила детские души, воспитывая в них неискренность, страх перед наказанием, лень ума.

От зорких глаз писателя-сатирика не ускользают и проблемы чисто бытового характера. Он обличает богатых невежд, высмеивает неумных аристократов, жуликоватых торговцев и судей, хитрых слуг. По своей тематике эти рассказы объединены в так называемый цикл «высоких каблуков». Как и А. Мидхат, писатель «выводит» на узкие улочки Стамбула и на побережье прототипов героев черкесского фольклора Куйцука-хитреца, Ходжи-озорника, муллу-стяжателя, судью-взяточника, богача-наглеца и т.п. Нетрудно догадаться, кто является прототипом судьи в рассказе «Кисет», который разрешает спор в пользу Мистыка в надежде на мзду с его стороны. Или вспомним торговца Мистыка («Привычка»), который задумал обдурить муллу-стяжателя. Прототипом героев названных рассказов является Куйцук – непревзойденный хитрец и озорник в фольклоре. Персонажи черкесских народных сказаний встречаются и в рассказах «Высохшие деревья», «Чудо», «Петух», «Три совета», «Оплошность», «Вероотступник» и т.д. В произведениях, входящих в этот цикл, очень много пословиц, поговорок, фразеологических оборотов, встречаемых только в черкесском языке.

У О. Сейфеддина есть и произведения, где с большой любовью рассказывается о простых тружениках, беззаветно преданных своему ремеслу. С такими запоминающимися образами встречаемся мы в рассказах «Выкуп», «Мраморный верстак», «Три совета», «Клятва», «Незловивый» и т.п. Главные герои этих рассказов – простые ремесленники, крестьяне, наделенные автором высокими нравственными качествами. Когда писателя упрекали за «жестокость смеха», за то, что он «видит только предлог для высмеивания», тот всегда удивлялся: «Почему вы так несправедливы? Разве я не влюблен в мастера Али в "Мраморном верстаке"? Разве я не люблю Мистыка в "Клятве", но, помилуйте, как я могу любить Эфруз-бея?» [9, с. 154].

Наше исследование показывает, что творческая индивидуальность О. Сейфеддина тесно связана с характером и психологией черкесского народа, который выработал свое мировоззрение, свой менталитет, свой взгляд на окружающую среду, на людей, в художественном преломлении «показал приметы национальной культуры и воссоздал образ горца – честного и целеустремленного» [10, с. 178]. Без учета этих основополагающих принципов невозможно в полной мере понять художественное своеобразие творчества писателя. Неоспорим тот факт, что все произведения Омара пронизаны стремлением к высшей нравственности и духовному оздоровлению и обогащению народа.

У писателя есть и другие произведения, где он с особой нежностью отзывается о своих соплеменниках, семье, друзьях, над переводами которых работает целая группа черкесских литераторов. Это очень важно, ибо, как говорит критик А. Схалыхо, в произведениях О. Сейфеддина нужно видеть в первую очередь «боль души писателя за страдания своих соплеменников» [8]. Своим творчеством О. Сейфеддин открыл нам, живущим на исторической родине, другой мир – жестокий и беспринципный, в котором по воле судьбы оказались черкесы-махадзирцы, вынужденные бороться за сохранение национальной самобытности. Без этого мира невозможно создать и осмыслить целостную картину развития адыгских (адыгейской, кабардинской, черкесской) литератур, а О. Сейфеддин – лучший летописец событий вековой давности.

Всю свою короткую жизнь он искал правду. О. Сейфеддин испытывал глубокое разочарование, когда идеи, казавшиеся ему еще вчера неизблемыми и надежными, чистыми и справедливыми, вдруг разбивались при первом же их столкновении с «жизненными айсбергами». В таких случаях писатель считал себя крайне несчастным, глубоко сожалел о своих ошибках и все начинал сначала. О. Сейфеддин однажды признался своему другу Али Джанибу Ёнтому, что он

«жил совсем в одиночестве... и не проводил время в праздности» [9, с. 165]. Умер он 14 марта 1920 г. после непродолжительной болезни. Писатель прожил очень короткую жизнь, но его глубоко содержательное творчество нашло путь к сердцам миллионов читателей, а его имя стало в один ряд с великими мастерами художественного слова, составляющими цвет мировой литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Айзенштейн Н.А. Из истории турецкого реализма. – М., 1968. – 176 с.
2. Ahmet Hamdi Tanpınar. Turk edebiyatı tarihi. – Ankara, 1989. – P. 416 (*Ахмет Хамди Танпинар. История турецкой литературы.* – Анкара, 1989. – 176 с.).
3. İzzet Aydemir. Muhaceretteki cerkes aydınları. – Ankara, 1993. – P. 182 (*Иззет Айдемир. Известные черкесские деятели.* – Анкара, 1993. – 182 с.).
4. Сейфеддин О. Вечер свободы // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
5. Сейфеддин О. Эфруз-бей // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
6. Сейфеддин О. Скребница // Наследие. – Нальчик, 2004. – 590 с.
7. Песня-плач о Мазане Дуге // Мир махаджиров. – Нальчик, 2001. – 252 с.
8. Скаляхо А. Знаменитый сын, гордость народа // Адыгэ макъ, – 1999. – № 36.
9. Тимизев Х.Т. Историческая поэтика и стилистические особенности литературы адыского зарубежья. – Нальчик, 2006. – 360 с.
10. Хаежикова Л.Б. Поэтический мир Хабаса Бештокова. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. – 192 с.
11. Чамсо Г. Зов Родины. – Майкоп, 1993. – 24 с.

REFERENCES

1. Ajzenshtejn N.A.. From the history of Turkish realism. [Iz istorii tureckogo realizma]. M., 1968. 176p.
2. Ahmet Hamdi Tanpınar. Turk edebiyatı tarihi. Ankara, 1989. 416 P.
3. İzzet Aydemir. Muhaceretteki cerkes aydınları. Ankara, 1993. P. 182
4. Seyfeddin O. Night of freedom. the Heritage. [Vecher svobody. Nasledie]. Nalchik, 2004. 590 p.
5. Seyfeddin O. Afros Bay. Legacy. [Jefruz-bej. Nasledie.]. Nalchik, 2004. 590 p.
6. Seyfeddin O. The Horse Comb. Legacy. [Skrebница . Nasledie.] Nalchik, 2004. 590 p.
7. Song-cry of Mazan Arc. World of Muhajirs.[Pesnja-plach' o Mazane Duge. Mir mahadzhirov.] Nalchik,2001.252.p.
8. Skaljaho A. Famous son, the pride of the nation.[Znamenitij syn, gordost' naroda.] Адыгэ макъ,1999.No.36.
9. Timizhev Kh. T. Historical poetics and stylistic features of literature odeskogo abroad. [Istoricheskaja pojetika i stilevyje osobennosti literatury adyskogo zarubezh'ja.]. Nalchik, 2006. 360p.
10. Havzhokova L.B. Poetic world of Habasha Beshtokov. [Pojeticheskij mir Habasa Beshtokova.]. Nalchik: Publishing House. Department KBIGI, 2012. 192 p.
12. Chamso G. The Call Of The Homeland. [Zov Rodiny]. Maikop, 1993. 24 p.

Информация об авторе

Тимизев Хамиша Тарканович, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом адыгской филологии, Институт гуманитарных исследований, Кабардино-Балкарский научный центр РАН, г. Нальчик, Россия
kbigi@mail.ru

Получена: 09.02.2016

Для цитирования статьи: Тимизев Х.Т. Черкесские мотивы в творчестве турецкого прозаика О. Сейфеддина. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 223-227
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-223-227

Information about the author

Timizhev Khamisha T., Doctor of Philological Sciences, Professor, Chief of Adyghe Philology Department, Institute of Humanitarian Researches, Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
kbigi@mail.ru

Received: 09.02.2016

For article citation: Timizhev Kh.T. Cherkessk motives in the works of Turkish prose writer O. Seyfeddin. [Cherkesskie motivy v tvorchestve turetskogo prozaika O. Seyfeddina]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 223-227.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-223-227

УДК 37.022

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-228-232

УКОЛОВА Татьяна Викторовна,
Сочинский государственный университет,
Центр дополнительного образования «Хоста»,
г. Сочи, Россия
netsky2002@mail.ru

UKOLOVA Tatiana V.,
Sochi State University,
Center of Additional Education "Khosta",
Sochi, Russia
netsky2002@mail.ru

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГУМАНИТАРНЫМ ПРЕДМЕТАМ

ASSESSMENT OF STUDENT READINESS FOR CULTUROLOGICAL INTERPRETATION WHILE TEACHING HUMANITIES AT SECONDARY SCHOOL

В статье на основе практики обосновывается модель процесса формирования готовности к культурологической интерпретации школьников в условиях преподавания гуманитарных предметов. Культурологическая интерпретация рассматривается как важный технологический элемент практики преподавания гуманитарных предметов в школе. Автор выделяет ряд признаков культурологической интерпретации и педагогических условий ее внедрения в практику. Исследователем описывается эксперимент, целью которого было выявление уровня готовности учащихся 10–11-х классов к культурологической интерпретации. Автор отмечает, что именно в этом возрасте важно начать формировать навыки культурологической интерпретации гуманитарных знаний. Анкетирование проводилось в соответствии с базовыми характеристиками культурологической интерпретации, такими как эстетическая, нравственная, мировоззренческая, аксиологическая, личностная (субъективная), диалогичная и другими. Согласно этим характеристикам были выделены основополагающие критерии, которые применялись для оценки уровня культурологических и интерпретационных знаний и умений учащихся. В статье приводятся результаты эксперимента, подтверждающие значимость разработки модели формирования культурологической интерпретации в практике обучения гуманитарным предметам в старшей школе. Эксперимент показал, что большинство учащихся осознают важность интерпретации для их личностного развития и усвоения знаний и навыков по гуманитарным предметам.

In the article the formation process model of preparedness for culturological interpretation at school while teaching humanities is proved in real terms. Culturological interpretation is considered to be one of the important technological elements of teaching practice of humanity subjects at school. The author emphasizes the number of signs of culturological interpretation and pedagogical conditions of its practical application. Pedagogical experiment is described, whose target is to identify the reading level of 10-11th-graders of Russian school for the culturological interpretation. The author notices that precisely at this age it's extremely important to start forming culturological interpretation skills of humanitarian subjects. Questioning was carried out in accordance with the basic characteristics of the culturological interpretation such as esthetic, moral, philosophical, valuable, personal, and dialogical ones and others. According to these characteristics some fundamental criteria to estimate culturological and interpretational students' knowledge and skill level have been revealed. In the article the results of the experiment confirm the importance of the culturological interpretation forming model in the practice of teaching humanitarian subjects at Secondary School. The experiment has revealed that most students understand importance of humanitarian subjects for their personal development, acquisition of knowledge and skills.

Ключевые слова: культурологическая интерпретация, субъект, межпредметная интеграция, диалогичность, преподавание гуманитарных предметов

Keywords: culturalological interpretation, subject, inter-subject integration; dialogueness, teaching of humanitarian subjects

Интерпретация – одно из ключевых понятий герменевтики – науки об искусстве истолкования текстов. Понятие интерпретации является одним из центральных в культуре и во многих гуманитарных дисциплинах. Появление интерпретации как явления обусловлено многозначностью и многомерностью текстов, явлений культуры и искусства. Интерпретация тесно связана с пониманием – основой любого действия и взаимодействия, в том числе и педагогического процесса. Развитие любого человека как существа мыслящего возможно только посредством культуры. Вот почему так важна интерпретация, в чьей природе заложен потенциал, способный найти пути диалога между жизнью, образованием и культурой. Посредством культурологического контекста интерпретация способна открыть в любом произведении искусства глубинные культурные смыслы и представления, каждое из которых увеличивает пространство понимания, что позволяет говорить о существовании *культурологической интерпретации*.

Одной из целей обучения гуманитарным предметам является выработка культурологических умений у учащихся. По нашему мнению, ключевым инструментом в этом процессе выступает культурологическая разновидность интерпретации, которая раскрывает скрытый смысл текстов, фактов культуры, явлений, служит важным элементом познания, выступает способом становления и самоидентификации личности [1].

Формирование готовности к культурологической интерпретации (КИ) – сложный междисциплинарный педагогический процесс. Оценка его необходимости и эффективности требует, прежде всего, оценки уровня обучения школьников гуманитарным предметам, культурологиче-

ских способностей и интересов самих учащихся.

Изучение школьной практики преподавания гуманитарных предметов проводилось в гимназии № 8, СОШ № 14 и гимназии № 15 им. Белоусова г. Сочи и МБУ ДО Центр дополнительного образования «Хоста» г. Сочи. Сбор и анализ материала осуществлялся в ракурсе оценки эффективности преподавания гуманитарных предметов и уровня культурологического развития учащихся.

Прежде всего, целью эксперимента было выявление уровня готовности учащихся 10–11-х классов к культурологической интерпретации. Мы пришли к выводу, что наиболее рационально формировать умения культурологической интерпретации, а также использовать инструментарий КИ в практике преподавания гуманитарных предметов, именно у учащихся старших классов, так как они уже имеют определенные навыки культурологических ассоциаций, реминисценций, аллюзий, а также общий культурно-эстетический кругозор [2]. В этом возрасте учащийся уже самостоятельно начинает интерпретировать текст, основываясь на своем культурологическом «бэкграунде», который теперь имплицитно будет влиять весь интерпретационный процесс.

Для оценки уровня культурологического развития учащихся была разработана специальная анкета, вопросы которой соответствуют характеристикам культурологической интерпретации: эстетическая, нравственная, мировоззренческая, аксиологическая (ценностная), рефлексивная, социоцентрическая, дидактическая, личностная (субъективная), диалогичная, антропоцентричная.

Согласно этим характеристикам удалось выделить *основополагающие критерии*, которые и применялись для оценки уровня культурологических и интерпретационных знаний и умений учащихся: 1) способность анализировать (распознавать, оценивать) и сопоставлять знания различных гуманитарных дисциплин; 2) рефлексия (самоанализ) процесса культурологической интерпретации, ее результатов и самооценка уровня собственных культурологических знаний и умений; 3) готовность к культурологической интерпретации.

Анкетирование охватило 178 учащихся. Рассмотрим результаты, полученные после обработки анкет.

1. Способность анализировать (распознавать, оценивать) и сопоставлять знания различных гуманитарных дисциплин

Учащимся было предложено указать, как часто на одном из уроков гуманитарного цикла им требуются знания из других предметов. Подавляющее большинство (73%) ответили, что эти знания требуются им иногда, 19% – часто. Лишь 4% указали, что эти знания им не требуются, еще 4% школьников затруднились ответить.

Важно было также выяснить, испытывают ли учащиеся затруднения при использовании знаний из разных гуманитарных предметов в своей учебной деятельности. В итоге 71,5% ребят испытывают затруднения в отдельных случаях, 5,5% испытывают часто или регулярно. 23% указали, что не испытывают таких затруднений.

На вопрос, как часто ты используешь свои культурные знания, полученные на предметах гуманитарного цикла в школе, при объяснении и трактовке различных жизненных ситуаций, 47% старшеклассников признались, что используют их часто, 46% – редко, но используют. 5% применяют их всегда. И лишь 2% высказались, что не используют культурологические знания в жизни.

И, наконец, мы попросили школьников проранжировать типичные, наиболее распространенные затруднения, которые они испытывают на уроках гуманитарного цикла по 11-балльной шкале, где высший балл – 11.

Ответы учащихся распределились следующим образом: при трактовке метафор, культурных знаков, символов, значений – 87%; при установлении параллелей между различными текстами, жизненными ситуациями, культурными фактами и явлениями – 79%; при актуализации своего культурного кругозора – 70%; при установке связей между различными предметами гуманитарного цикла – 62%; при отделении истинных высказываний от ложных – 56%; при выявлении скрытого смысла текстов, фактов, явлений – 43%; при использовании полученных знаний в жизненных ситуациях – 35%; при аргументации своей позиции, своего отношения к жизненной ситуации, тексту, факту или явлению культуры – 21%; при формулировании своего отношения, понимания текста, культурного факта или явления – 15%; при выработке собственного, личностного отношения к жизненной ситуации, тексту, факту или явлению культуры – 11%; при понимании текста, культурного факта или явления – 8%.

2. Рефлексия процесса культурологической интерпретации, ее результатов и самооценка уровня собственных культурологических знаний и умений

Важно проследить умения учащихся анализировать и адекватно представлять собственные знания и способности. Так, мы спросили ребят, испытывают ли они трудности при трактов-

ке различных текстов, культурных фактов и явлений. Ровно половина опрошенных (50%) признались, что испытывают трудности в отдельных случаях; 7% испытывают их часто. 32% отметили, что не испытывают затруднений. 11% затруднились с ответом.

Аналогичные результаты мы получили по вопросу о трудностях при аргументировании своей точки зрения, используя культурологические знания и умения. Так, 58% школьников испытывают трудности в некоторых случаях. 3% испытывают их постоянно. 33%, напротив, их не испытывают. 6% затруднились ответить.

Мы попросили учащихся конкретизировать недостатки своих культурологических знаний. Так, у старшеклассников наблюдается наибольший недостаток исторических знаний (39%), ощутим также и недостаток текстовых знаний (24%). Еще 10% испытывают недостаток эстетических знаний и 6% – социологических. Однако 21% опрошенных испытывают комплексную потребность в культурологических знаниях. Один из ребят дописал в анкете собственную строчку: «Не хватает религиозных знаний».

Так как для культурологической интерпретации важна не только текстовая и смысловая компетентность, но и эстетическая, мы попросили ребят оценить собственные способности ориентироваться в произведениях изобразительной, художественной и музыкальной культуры. Большинство ребят (41%) оценивают свои способности хорошо, чуть меньше (36%) – средне, 8% – высоко. А 15% указали, что оценивают невысоко, так как испытывают трудности в этой области.

Чтобы конкретизировать затруднения, возникающие у школьников при трактовке текстов, жизненных ситуаций, культурных фактов и явлений, учащимся было предложено самим сформулировать, чем они вызваны. Таким образом, учащиеся сами называют причины таких типичных затруднений, как необходимость сопоставлять знания или факты различных гуманитарных дисциплин, трактовать метафоры, культурные знаки, символы, значения, выявлять скрытый смысл текстов или других художественных произведений.

Так, довольно часто учащиеся жалуются на *малый, ограниченный словарный запас*, нехватку лексики, используемой в той или иной сфере (10%): «Иногда бывают затруднения, когда не понимаю какое-нибудь слово, теряю весь смысл, т.к. имею небольшой запас слов»; «Мне кажется главным, что мне мешает в трактовке текстов это ограниченный словарный запас, т.е. трудности при высказывании». Таким образом, учащиеся старших классов осознают, что ограниченный словарный запас не позволяет им до конца оформить мысль, закончить высказывание, то есть в любом случае нарушает полноту мысли и, как следствие, понимания. Это касается как учебных, так и иных жизненных ситуаций.

Еще одна трудность – *в подборе наиболее уместных для данной коммуникативной и учебной ситуации слов*, когда ребенок теряется в поиске, что так же нарушает целостность его высказывания, завершенность мысли, не позволяет выразить себя (6%): «Мне трудно выбрать нужные и подходящие слова»; «Я не могу правильно подобрать слова, хотя смысл у меня правильный»; «Иногда сложно подобрать нужные слова, чтобы выразить свои мысли»; «Затрудняюсь в подборе нужных слов или выражений при высказывании своего мнения» и т.п.

Реже возникают затруднения с построением и высказыванием какой-то мысли (5%): «Я очень часто не могу правильно сформулировать предложения. Понимаю, но затрудняюсь при их выборе слов»; «Я не могу связать предложения в один текст».

Осознают школьники и *недостатки* своих *школьных знаний* в той или иной области (14%): «Порой затруднения в трактовке культурных фактов и явлений я испытываю из-за недостатка знаний в этих отраслях»; «Скупость познаний, наличие малого жизненного опыта, нехватка времени для более глубоких познаний»; «Недостатком познаний, неимением за спиной большого жизненного опыта, иногда нежеланием». Некоторые из учащихся конкретизируют, что им не хватает знаний именно по гуманитарным дисциплинам: «Основные затруднения возникают у меня из-за недостатков знаний в различных гуманитарных науках, жизненных ситуаций»; «Затруднения вызваны недостатком знаний в различных гуманитарных дисциплинах, жизненных ситуациях». Высказываются учащимися и более радикальные мнения: «Я считаю, что основные затруднения, которые возникают при трактовке текстов, жизненных ситуаций, культурных фактов и явлений, вызваны недостаточным количеством предметов гуманитарного цикла в школе».

Есть и те, кому не хватает знаний в отдельных отраслях гуманитарного знания – исторических, текстовых, социологических знаний: «В недостаточности знаний фактов в истории, в некоторой ограниченности кругозора»; «Мои основные затруднения, которые возникают при трактовке текстов, жизненных ситуаций, культурных фактов и явлений, это плохое знание исторических фактов». То есть сами учащиеся осознают, что недостатки гуманитарных знаний создают основной барьер для интерпретации, понимания и усвоения информации как таковой.

Сетуют учащиеся на незнание точных терминов, иных данных, скрытых фактов или самого текста, который необходимо интерпретировать.

Очень серьезной причиной затруднения интерпретации становится просто *непонимание* некоторых *текстов* (или его частей) или, что случается реже, *ситуаций* в силу сложности или других факторов (7%): «Основные затруднения происходят от непонимания и невникания в свою ситуацию».

Кроме того, серьезным барьером для интерпретации становятся трудности при усвоении материала на уроке, работе с текстом учебника или первоисточника (9%): «Непонятные учебники, иногда учителя сами до конца не понимают или непонятно объясняют»; «Основные затруднения вызваны долгим изучением текста, поиска основной мысли, идеи, понимания точки зрения автора».

Также сами учащиеся осознают, что затруднения при интерпретации возникают и вследствие недостатка чтения (3%): «Мне кажется, это связано с тем, что я мало или недостаточно читаю. Нечасто расширяю свой кругозор. Или, узнав что-то новое, не стремлюсь запомнить».

Кроме того, учащимися были высказаны и следующие интересные мнения, которые также необходимо учитывать при построении модели формирования культурологической интерпретации.

Грищенко Александр (Гимназия № 15, 11«С» класс): «У меня возникают затруднения при поиске более правильной трактовки текстов, жизненных ситуаций и т.п., так как мнение на все это у меня одно, которое я считаю правильным, а по школьной программе оно может оказаться неточным или неправильным».

Васильев Антон (Гимназия № 15, 11«С» класс): «У меня много мыслей, которые кажутся мне достаточно разумными, но я не всегда могу стройно и понятно их изложить, из-за этого предпочитаю держать их при себе. Не совсем этим доволен».

Ученица 10«А» класса СОШ № 14: «Скорее всего, затруднения вызваны тем, что я не уверена в правильности своих высказываний, в том, что публика не поймет меня, ей будет неинтересно меня слушать, боюсь забыть текст, боюсь позора».

При этом 34% испытывают трудности при интерпретации, однако затрудняются сформулировать, чем же они вызваны. 12% указали, что не испытывают затруднений.

3. Готовность к культурологической интерпретации

Важным показателем данной готовности является потребность самих учащихся в культурологической интерпретации. Поэтому прежде всего важно узнать, нуждаются ли сами учащиеся в объяснении текстов, жизненных ситуаций, культурных фактов и явлений. 64% заявили, что испытывают эту потребность при изучении отдельных произведений и текстов, 10% – постоянно, 16% не испытывают такой потребности, и 14% затруднились ответить.

Далее мы попросили ребят конкретизировать, что же они вкладывают в понятие интерпретации и, исходя из своего представления, проранжировать приведенные характеристики по степени важности (высший балл – 10, низший – 1). Итак, по мнению учащихся, интерпретация: раскрывает скрытый смысл текстов, фактов, явлений – 89%; отражает внутренний мир и жизненную позицию интерпретатора – 71%; помогает становлению личности и самовыражению интерпретатора – 68%; неразрывно связана с применением гуманитарных знаний – 56%; отражает систему ценностей интерпретатора – 48%; содержит культурологические обобщения – 45%; расширяет количество смыслов текста, факта, явления – 27%; ключевой инструмент познания – 24%; отражает нравственные позиции интерпретатора – 19%; изменяет смысл текста, факта, явления – 11%.

Выяснилось, что 38% учащихся хотели бы ты усовершенствовать свои интерпретационные умения и навыки, так как испытывают в этом потребность. Еще 39% хотят усовершенствовать их, если это необходимо для учебы; 10% – если потребует учитель. 6% не испытывают такой потребности, и 7% затруднились с ответом.

36% ребят указали, что испытывают потребность в помощи по формированию умений интерпретации со стороны учителей. При этом не испытывают 35%; затрудняются ответить 29%.

22% старшеклассников уверены, что интерпретация поможет им в самостановлении; 68% считают, что умение интерпретации в какой-то степени окажет влияние на их развитие и становление как личности. И лишь 4% думают, что в процессе их личностного формирования интерпретация не обязательна. 6% затруднились с ответом.

Примечательно, что 20% ребят отметили постоянную потребность регулярно пополнять свои знания в разных областях культуры вне учебных программ. 63% испытывают эту потребность время от времени. Только 10% указали, что не испытывают ее, и 7% затруднились ответить.

Обобщая полученные данные, можно констатировать, что в большинстве своем учащиеся осознают важность интерпретации для их личностного развития, однако в практике обучения

гуманитарным предметам эта потребность редко находит выражение в ходе урока. Чаще всего учащиеся не обладают необходимым инструментарием для осуществления умений культурологической интерпретации. Анкетирование доказало, что культурологическая интерпретация способна быть и показателем степени культурологической компетентности и, одновременно, ключевым механизмом формирования культурологических умений и социокультурной ориентации. Результаты эксперимента подтверждают значимость разработки модели формирования культурологической интерпретации в практике обучения гуманитарным предметам в старшей школе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Герменевтика: история и современность: (критические очерки). – М.: Мысль, 1985. – 303 с.
2. *Маранцман В.Г.* Возрастные и индивидуально-типологические различия восприятия школьниками художественных текстов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/855/855054.htm>

REFERENCES

1. Hermeneutics: history and present day: critical essays. Moscow. 1985. 303 p.
2. *Marantsman V.G.* Age-related individual and typological differences between students' perception of fictional texts. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1985/855/855054.htm>

Информация об авторе

Уколова Татьяна Викторовна, преподаватель, Сочинский государственный университет, педагог дополнительного образования, Центр дополнительного образования «Хоста», г. Сочи, Россия
netsky2002@mail.ru

Получена: 17.02.2016

Для цитирования статьи: Уколова Т.В. Оценка готовности старшеклассников к культурологической интерпретации при обучении гуманитарным предметам. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 228-232
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-228-232

Information about the author

Ukolova Tatiana V., Lecturer, Sochi State University, Additional Education Specialist, Center of Additional Education "Khosta", Sochi, Russia
netsky2002@mail.ru

Received: 17.02.2016

For article citation: Ukolova T.V. Assessment of student readiness for culturological interpretation while teaching humanities at secondary school. [Otsenka gotovnosti starsheklassnikov k kul'turologicheskoy interpretatsii pri obuchenii gumanitarnym predmetam]. Krasnodar. Istoriicheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 228-232.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-228-232

УДК 94 (470/67)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-233-236

ЭМИРОВА Маги Нурмагомедовна,
Дагестанский государственный педагогический
университет,
г. Махачкала, Россия
jiji-llll@rambler.ru

EMIROVA Magi N.,
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia
jiji-llll@rambler.ru

АБДУСАЛАМОВА Раисат Албуриевна,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Россия

ABDUSALAMOVA Raisat A.,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

ГАМИДОВА Наида Хизриевна,
Дагестанский государственный педагогический
университет,
г. Махачкала, Россия
ljuma78@yandex.ru

GAMIDOVA Naida Kh.,
Dagestan State Pedagogical University,
Makhachkala, Russia
ljuma78@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ДАССР В 1946-1955 гг.

SOME ASPECTS OF ACADEMIC SCIENCE DEVELOPMENT IN DASSR IN 1946-1955

В статье изложен краткий обзор задач, поставленных перед Дагестанской базой АН СССР и вузами республики в конце 40-х – первой половине 50-х гг. XX в. Обоснована необходимость создания академического научного центра в Дагестане в послевоенный период. Показано, что его создание и работа послужили основой для формирования и увеличения числа научных учреждений и подъема уровня научных исследований. Выявлена роль ученых и преподавателей из крупных научных и учебных центров страны в работе на начальном этапе становления и развития академического учреждения. Охарактеризованы успехи в деятельности ученых различных институтов и отделов ДагФАН СССР, а также значение проведенных в ДАССР исследований для социально-экономического и культурного развития региона.

The article provided a brief overview of the tasks of Dagestan base of the USSR Academy of Sciences and the Universities of the Republic at the end of 40s - the first half of the 50s of the XX century the necessity of creating an academic research center in Dagestan in the post-war period. It is shown that its establishment and operation was the basis for the formation and increase of the number of scientific institutions and the rising level of scientific research. The role of scientists and educators from major research and educational centers of the country in the early stage of formation and development of academic institutions. Characterized the successes of scientists from different institutes and departments of Dagestan Academy of Sciences of the USSR and the value held in DASSR research for socio-economic and cultural development of the region.

Ключевые слова: наука, филиал, научные достижения, Дагестан, научные институты, вузы, особенности развития

Keywords: science, branch of science, Dagestan scientific institutes, Universities, peculiarities of development.

Наука является важным видом специализированной деятельности, в этой связи особую значимость приобретает проблема формирования, укрепления научного потенциала, создания рациональной системы его функционирования и воспроизводства. Обращение к опыту развития науки в историческом прошлом имеет большое научно-практическое значение. Становление науки в Дагестане в рамках Академии наук начинается с 30 октября 1945 г., с постановления СНК СССР № 2780, согласно которому президиум АН СССР 13 июня 1946 г. принял решение об организации научно-исследовательской базы АН в Дагестане и утвердил ее структуру [1, с. 4]. Учитывая масштабность задач, поставленных перед базой АН СССР в 1949 г., возрастание роли науки в системе общественного производства, а также необходимость в наиболее эффективном использовании богатства природы в интересах народного хозяйства, Правительство Союза ССР в сентябре 1949 г. приняло постановление о реорганизации базы АН в Дагестанский филиал АН СССР [2, л. 4-12]. Основой для его формирования послужили достигнутый к этому времени уровень научных исследований и увеличение числа научных учреждений.

Дагестанский филиал АН СССР являлся объединением научно-исследовательских учреждений, изучающих и всемерно содействующих развитию природных богатств, истории, экономики и культуры, способствующих скорейшему внедрению в практику народнохозяйственного комплекса республики новейших научных и технических достижений. Первым председателем президиума Дагестанского филиала АН СССР был назначен выдающийся лингвист, академик И.И. Мещанинов, которого в середине 1950 г. на этом посту сменил известный ученый-физик, академик АН Азербайджана Х.И. Амирханов. С его именем связано дальнейшее развитие академической науки в республике. По его инициативе были созданы лаборатория физики, секторы геологии, энергетики [3, с. 64].

С самого начала Дагестанский филиал АН СССР сформировался как комплексное академическое учреждение, выполняющее фундаментальные исследования в естественнонаучных и

гуманитарных направлениях и представляющее единую научную инфраструктуру. Основным направлением развития науки Дагестана в этот период явилось приближение всей академической научной работы к нуждам развивающегося народного хозяйства республики. Продолжая широкие научные исследования, филиал АН СССР должен был принять активное участие в осуществлении планов развития экономики Дагестана. Решение Правительства о приближении академической научной работы к промышленности и сельскому хозяйству ускорило перестройку ее структуры [4, с. 11].

Становление науки Дагестана неразрывно связано с Академией наук СССР. Дагестанский филиал АН СССР превратился в мощный штаб науки в республике, научные учреждения Дагестанского филиала АН СССР осуществляли широкий круг исследований во многих областях естественных наук. Структура филиала постоянно изменялась и совершенствовалась. Президиум АН СССР утвердил следующую структуру.

Научные учреждения:

1. Институт животноводства с секторами:
 - a) крупного рогатого скота;
 - b) овцеводства и козоводства;
 - c) кормодобывания и кормопроизводства;
 - d) ветеринарии;
 - e) экспериментальная база;
 - f) лаборатория кормления и переработки молочных продуктов.
2. Институт истории, языка и литературы с секторами:
 - a) истории народов Дагестана;
 - b) археологии и этнографии;
 - c) языков Дагестана с группой словарей;
 - d) литературы и фольклора;
 - e) библиотека с рукописным фондом.
3. Сектор геологии и нефти с лабораториями – 1) геохимической; 2) микропалеонтологической.
4. Сектор энергетики.
5. Сектор зоологии и паразитологии с лабораториями:
 - a) ихтиологии;
 - b) энтомологии;
 - c) паразитологии.
6. Сектор растениеводства.
7. Сектор почвоведения.
8. Ботанический сад.
9. Химическая лаборатория.
10. Лаборатория физики.
11. Издательство и типография.
12. Библиотека [5, с. 231].

Филиал совместно с научными учреждениями ДАССР приступил к разработке проблем, имеющих большое значение для народного хозяйства республики. В этой работе филиалу была оказана помощь Институтом морфологии животных АН СССР (директор – Г.К. Хрущев), Энергетическим АН СССР (директор – Г.М. Кржижановский) и другими центральными научными учреждениями АН СССР [6, л. 31-32].

В соответствии с указанием Совета филиалов Академии наук СССР от 29.07.1950 г. № 31-7, в целях унификации существующих структурных подразделений филиала, были переименованы: сектор почвоведения – в отдел почвоведения; сектор энергетики – в отдел энергетики; сектор растениеводства – в отдел растениеводства; сектор геологии и нефти – в отдел геологии и нефти; сектор зоологии и животноводства – в отдел зоологии и животноводства.

В 1950 г. сектор зоологии и животноводства филиала был реорганизован в Институт животноводства при Дагестанском филиале АН СССР. За 1951–1955 гг. работа института велась по разрешению ряда практических задач животноводства, кормодобывания и ветеринарии. Институтом была изучена и установлена биологическая, экономическая и организационно-хозяйственная эффективность раннего окота овец в условиях отгонного животноводства республики. Был разработан новый метод искусственного осеменения овец на открытом воздухе, изобретен и сконструирован походный пункт искусственного осеменения овец. Институт животноводства Дагестанского филиала АН СССР являлся крупным научно-исследовательским

учреждением по животноводству в республике. В институте работало четыре доктора и 17 кандидатов наук [6, л. 17-20].

В годы послевоенной пятилетки научные работники института С.И. Гусейнов, В.А. Ближиченко, А.И. Гаджиев в сотрудничестве с овцеводами-практиками колхоза им. Омарова-Чохского Гунибского района И. Исламовым и О. Пакаловым вывели новую высокопродуктивную породу овец «дагестанская горная», за что им в 1950 г. была присуждена Государственная премия. Трем другим ученым – А.В. Потаниной, Н.А. Золотареву и А.М. Ибашеву – были присуждены премии Президиума АН СССР и Министерства сельского хозяйства СССР [7, с. 371]. Институтом было завершено выведение новой породной группы крупного рогатого скота «Дагестанская бурая», которая дает до 2 500 кг молока (с 4% жира), имеет живой вес 380–400 кг. Продуктивность новой породы коров была в 3-4 раза, а живой вес в 2 раза больше, чем у местного горского скота.

Институт животноводства успешно осуществлял научное шефство над животноводческими колхозами им. Сталина Гунибского района, «Красное знамя» Лакского района, изучал рыбные ресурсы внутренних водоемов республики и разрабатывал мероприятия по увеличению их запасов. Научными работниками института были разработаны новые организационно-зоотехнические мероприятия по предупреждению массового заболевания и гибели ягнят от паралича. Разработанные институтом мероприятия по улучшению кормовой базы, в том числе агротехнику получения высоких урожаев кукурузы, суданской травы, многолетних трав в условиях плоскостного Дагестана, были переданы Министерству сельского хозяйства ДАССР для внедрения в практику народного хозяйства [8, с. 65].

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 года № 253 институт животноводства объединился с дагестанской государственной сельскохозяйственной опытной станцией. Совет Министров ДАССР 10 мая 1956 года отвел институту к имеющимся 1 060 га земли еще 2 311 га земли госфонда [9, с. 74]. В тематических планах института особое внимание уделялось оказанию научно-агрономической и зоотехнической помощи колхозам по повышению продуктивности животноводства [10, с. 106].

Научные институты в 50-е гг. XX в. начали вести изучение нефтяных и газовых месторождений республики, выявили новые нефтегазоносные участки, дагестанские ученые разработали метод для малоуглубинной терморазведки нефтегазовых месторождений. В 1952 г. при президиуме ДагФАН СССР была организована физическая лаборатория, где разрабатывалась методика экспериментального определения теплоемкости жидкостей и газов и теплопроводности жидкостей, газов, твердых тел и их расплавов, исследовались проблемы физики полупроводников. В рассматриваемый период успешно трудился коллектив Института истории, языка, литературы ДагФАН СССР, издавались «Ученые записки», был подготовлен сборник «Материалы к оценке движения Шамиля» и др. В 1951 г. начались археологические работы и экспедиции собственно Института ИЯЛ. Под руководством М.И. Пикуль была проведена первая археологическая разведка в Северном Дагестане, положившая начало самостоятельным полевым исследованиям Дагестанской археологической экспедиции. Расширение археологических работ в 50-е гг. было связано с охранными работами археологов при строительстве гидроэлектростанций в Дагестане.

Для развития науки в ДАССР большое значение имело создание Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР (1946), затем Филиала АН СССР (1949). В республике шел поступательный и успешный процесс развития науки, выросло число научно-исследовательских институтов, кадров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Дагестанский научный центр на полувековом рубеже. 1946–1996 гг. – Махачкала, 1998.
2. Научный архив Дагестанского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
3. Лысенко Ю.М. Становление и основные аспекты деятельности Дагестанской научно-исследовательской базы – Дагестанского филиала академии наук СССР в 1946–1959 гг. // Вестник ДНЦ РАН. – 2015. – № 56. – С. 63-70.
4. Камилов И.К. Российская академия наук и наука Дагестана. – Махачкала, 2001.
5. Институт истории, археологии и этнографии, институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924-2014 гг. К 90-летию со дня основания. Документы и материалы. – Махачкала, 2014.
6. Государственный архив РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 6721.
7. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. – М.: Наука, 1971.
8. Каймаразов Г.Ш. Россия и прогресс культуры народов Дагестана (40–70-е годы XX века). – Махачкала, 2011.
9. Наука и высшая школа в Дагестане: документы и материалы. Т. II. 1941–2001 гг. Ч. 1. 1941–1965 / сост.: Г.И. Какагасанов, Н.Д. Чекулаев. – Махачкала, 2008.
10. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941–1977 гг.: сб. док. Т. 2. – Махачкала, 1988.

REFERENCES

1. Dagestanskij nauchnyj centr na poluvekovom rubezhe. 1946–1996 gg. [Dagestan Scientific Center at the turn of the half-century. 1946-1996]. Mahachkala, 1998.
2. Nauchnyj arhiv Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. F. 1. Op. 1. D. 3.
3. *Lyzenko Yu.M.* Stanovlenie i osnovnye aspekty dejatel'nosti Dagestanskoj nauchno-issledovatel'skoj bazy - Dagestanskogo filiala akademii nauk SSSR v 1946-1959 gg. Vestnik DNC RAN. [Formation and basic aspects of the Dagestan scientific research base - the Dagestan branch of the Academy of Sciences of the USSR in 1946-1959 gg. Bulletin of DSC RAS]. 2015. № 56. Pp. 63-70.
4. *Kamilov I.K.* Rossijskaja akademiya nauk i nauka Dagestana. [Russian Academy of Sciences and the Science of Dagestan]. Mahachkala, 2001.
5. Institut istorii, arheologii i jetnografii, institut jazyka, literatury i iskusstva im. G.Cadasy. 1924-2014 gg. K 90-letiju so dnja osnovanija. Dokumenty i materialy. [The Institute of History, Archaeology and Ethnography, Institute of Language, Literature and Art. G.Cadasy. 1924-2014 years. On the 90th anniversary of its founding. Documents and materials]. Mahachkala, 2014.
6. Gosudarstvennyj arhiv RF. F. A-259. Op. 7. D. 6721.
7. *Kajmarazov G.Sh.* Oчерки istorii kul'tury narodov Dagestana. Ot vremeni prisoedinenija k Rossii do nashih dnei. [Essays on the history of culture of the peoples of Dagestan. From the time of accession to Russia to this day]. Moscow, 1971.
8. *Kajmarazov G.Sh.* Rossiya i progress kul'tury narodov Dagestana (40–70-e gody XX veka). [Russia and the progress of culture of the peoples of Dagestan (40-70s of XX century)]. Mahachkala, 2011.
9. Nauka i vysshaja shkola v Dagestane: dokumenty i materialy. T. II. 1941–2001 gg. Ch. 1. 1941–1965. sost.: G.I. Kakagasanov, N.D. Chekulaev. [Science and Higher Education in Dagestan: documents and materials. T. II. 1941-2001 years. Part 1. 1941-1965]. Mahachkala, 2008.
10. Kul'turnoe stroitel'stvo v Dagestanskoj ASSR. 1941–1977: sb. dok. [Cultural Construction in the Dagestan ASSR. 1941-1977]. T. 2. Mahachkala, 1988.

Информация об авторе

Эмирова Маги Нурмагомедовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории России, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала, Россия
jjj-llll@rambler.ru

Абдусаламова Раисат Албуриевна, кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Гамидова Наида Хизриевна, кандидат биологических наук, доцент, кафедра ботаники, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала, Россия
ljuma78@yandex.ru

Получена: 03.02.2016

Для цитирования статьи: Эмирова М.Н., Абдусаламова Р.А., Гамидова Н.Х. Некоторые аспекты развития академической науки в ДАССР в 1946-1955 гг. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. том 8. № 1. часть 2. с. 233-236
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-233-236

Information about the author

Emirova Magi N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Russian History Department, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia
jjj-llll@rambler.ru

Abdusalamova Raisat A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Gamidova Naida Kh., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Botany, Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia
ljuma78@yandex.ru

Received: 03.02.2016

For article citation: Emirova M.N., Abdusalamova R.A., Gamidova N. Kh. Some aspects of academic science development in DASSR in 1946-1955. [Nekotorye aspekty razvitiya akademicheskoy nauki v DASSR v 1946-1955 gg.]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 233-236.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-233-236

Рецензии

УДК 94(470)

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-237-240

БАРАНОВ Андрей Владимирович,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

BARANOV Andrey V.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

**АКТУАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЗАЧЬЕГО
ЗАРУБЕЖЬЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
О.В. РАТУШНЯКА «КАЗАЧЕСТВО В
ЭМИГРАЦИИ (1920 – 1945 гг.)» КРАСНОДАР:
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, 2013. 246 с.)**

**ACTUAL STUDY OF COSSACKS IN EXILE
(REVIEW OF THE MONOGRAPH BY O.V.
RATUSHNYAK "COSSACKS IN EXILE (1920 –
1945). KRASNODAR: KUBAN STATE
UNIVERSITY, 2013. 246 P.)**

В рецензии проведен анализ монографии О.В. Ратушняка о донских, кубанских и терских казаках в эмиграции (1920–1945 гг.). Определена актуальность исследования. Установлена источниковая основа монографии и новизна комплекса документов, впервые вводимых в научный оборот. Раскрыты особенности методологии и методов исследования. Проведено сравнение положений и выводов монографии О.В. Ратушняка с таковыми современных исследований по данной теме. Дан обзор причин и путей исхода казаков с Юга России за рубеж. Выявлена численность казаков в зарубежье на различных этапах эмиграции. Оцениваются процессы реэмиграции в 1920–1945 гг. Определены социально-экономические, политические, культурные проявления жизни казачества в эмиграции. Установлена специфика его пребывания и адаптации в различных странах. Дана оценка дискуссионных проблем участия казаков в зарубежье во Второй мировой войне.

The review analyzes the monograph of O.V. Ratushnyak about Don, Kuban and Terek Cossacks in exile (1920–1945). It is defined actuality of this study. The sources' foundation of the monograph and the novelty of complex documents, for the first time introduced into scientific circulation, are established. The features of the methodology and research methods are discovered. A comparison of the provisions and the conclusions of the monograph of O.V. Ratushnyak with those of current research on the topic is realized. A review of the causes and ways of the outcome of the Cossacks from South of Russia abroad is done. There is revealed the number of Cossacks in foreign countries at different stages of emigration. Evaluate the process of re-emigration in 1920–1945. It is determined socio-economic, political and cultural manifestations of the Cossacks living in exile and established the specificity of his tenure and adaptation in different countries. The estimation of controversial problems of Cossacks foreign participation in World War II is done.

Ключевые слова: рецензия, монография, казачество, Юг России, эмиграция, 1920–1945 гг

Keywords: review, monograph, Cossacks, South Russia, emigration, 1920–1945

Монография кандидата исторических наук, доцента Кубанского государственного университета О.В. Ратушняка [1] выполнена по актуальной теме российской истории. Процессы возрождения казачества сделали особенно актуальными вопросы преемственности экономической, социальной, культурной жизни в России и диаспоры в странах зарубежья. История казачьего зарубежья 1920–1945 гг. представляет интерес для познания не только тенденций адаптации казачества в принимающих обществах, но и обратных процессов самоизоляции диаспоры, ее частичной репатриации. Кроме этого, на изучаемом интервале 25 лет казачье зарубежье претерпело сложные перемены. Как показал автор, донские, кубанские и терские казаки, а также сторонники контрастных политических течений – «единонеделимцы», автономисты, федералисты, сепаратисты проявляли себя в эмиграции различно.

Выбор предмета исследования объясняется тем, что донцы, кубанцы и терцы составляли подавляющее большинство казаков России. По своему происхождению, культуре, быту они были наиболее близки друг другу [1, с. 4]. География боевых действий Гражданской войны привела к исходу казаков Юга России преимущественно в Турцию, на Балканы и в Западную Европу. Хронологические пределы работы оправданны, поскольку массовая эмиграция казаков начинается именно в 1920 г., а завершение Второй мировой войны кардинально изменило судьбы казачьего зарубежья.

Автор занимается исследованием казачьего зарубежья на протяжении более чем 20 лет, работая в архивах и библиотеках США, Чехии и других стран, принявших российских эмигрантов. В отличие от своей предыдущей монографии [2], О.В. Ратушняк качественно расширил географические и хронологические рамки исследования. Из десяти разделов рецензируемой книги два посвящены анализу источников и историографии казачьего зарубежья. Работа снабжена обширным библиографическим списком.

Характеристика источников по истории казачьего зарубежья [1, с. 9-20] самостоятельна и обладает новизной. Внимание уделено, в первую очередь, неопубликованным архивным источ-

никам. Автор отмечает ценность фондов отдела Русского заграничного исторического архива (РЗИА) – «Пражского архива» при Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Наибольший интерес в РЗИА при ГАРФ представляют материалы Донского казачьего архива (в т.ч. - Канцелярии атамана Всевеликого войска Донского), частей Русской армии П.Н. Врангеля, Русского общевойскового союза. Ценную группу фондов образуют документы организаций зарубежья: Союза возрождения казачества, Казачьего союза, Общеказачьего сельскохозяйственно-го союза в Чехословацкой Республике и др. Полезные сведения содержатся в документах личных фондов казачьих деятелей: Ф.Ф. Абрамова, И.Ф. Быкадорова, И.П. Тимошенко и мн. др. Кроме этого, автор монографии перечисляет ценные документы Народного архива и Славянской библиотеки в г. Прага (Чехия), архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США), Русского архива при Колумбийском университете и др. Детально излагаются обстоятельства возвращения на Родину и передачи в Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) материалов музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США) и личного архива атамана зарубежного кубанского казачества В.Г. Науменко. Также представляют интерес фонды Г.В. Чичерина и В.М. Молотова в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

Среди опубликованных источников наиболее ценными автор считает: сборник «Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества» (1928 г.) – по сути, материалы экспертного опроса казаков зарубежья; сборник писем эмигрантов «Крестная ноша»; воспоминания; казачьи периодические издания 1920–1980-х гг. Мы в 1993–1996 гг. обобщали сведения о тех источниках казачьего зарубежья из фондов Российской государственной исторической библиотеки, которые характеризовали общественные настроения в казачьих областях Юга России в период НЭПа, когда они ещё были малоизвестны [3, с. 34-41; 4]. Поэтому полагаем, что О.В. Ратушняк сформулировал новый, самостоятельный ракурс источниковедческого исследования. Источниковая основа его монографии репрезентативна.

Историографический раздел монографии О.В. Ратушняка [1, с. 21-41] построен традиционно, в хронологической последовательности. Вместе с тем, автор «перекрестно» выделяет тематические комплексы работ: о событиях Гражданской войны, о российской эмиграции в целом, о казачьем зарубежье. Оценивая первые произведения советской историографии 1920-х–начала 1930-х гг. о казачьей эмиграции, О.В. Ратушняк выявляет разнообразие оценок, приоритетные темы, интерес к психологическим и идеологическим различиям в стане эмиграции. Позже, до 1986 г. советская историография упоминает казачье зарубежье лишь бегло, не акцентируя его особенности внутри эмиграции. Научная литература второй половины 1980-х – 1990-х гг. расценивается О.В. Ратушняком как единый этап развития историографии, что обладает новизной. Уделено внимание созданию институциональных форм анализа зарубежья (групп и кабинетов в институтах РАН), расширению тематики исследований. Отмечаются заслуги зарубежных историков и представителей самого казачьего зарубежья [1, с. 31, 38-40]. Обращено внимание на важное обстоятельство: только в начале XXI в. работы о казачьем зарубежье начинают выполняться на основе архивных источников, а не преимущественно периодической печати. Наиболее детально оценивается современный этап (с 2000 г.) развития историографии.

О.В. Ратушняк обоснованно указывает на нерешенные и спорные проблемы истории казачьего зарубежья: вопросы адаптации и ассимиляции, взаимоотношения казаков-эмигрантов с другими представителями российского зарубежья и обществами принимающих стран, взаимоотношения между поколениями и «волнами» казаков – эмигрантов и др. [1, с. 31, 38, 41].

Теоретическая и методологическая основа рецензируемой монографии оправданно включает в себя принцип историзма, диалектический метод, историко-генетический и сравнительный анализ, диахронный анализ, ретроспективный подход, интуитивный метод.

В третьем разделе (с. 42-68) автор определяет обстоятельства завершающего этапа Гражданской войны на Юге России, повлиявшие на масштабы казачьей эмиграции и политическое позиционирование казачьих организаций. Оцениваются такие факторы общественного мнения на Дону, Кубани и Тереке, как земельный вопрос, взаимоотношения казаков и иногородних, размежевания в среде самого казачества по вопросам будущего государственного строя и своей идентичности. Освещаются сложные изменения позиций казачьих войск в Гражданской войне 1917–1920 гг., противоречия между командованием Добровольческой армии и казачьими правительствами на Дону и Кубани. Важно, что сепаратистские тенденции Кубанского края и Всевеликого войска Донского в 1919 г. оцениваются в монографии с опорой на новые источники [1, с.56; 5]. Уточнена численность военнотружущих и гражданского населения, эвакуированного в марте 1920 г. из Новороссийска в Крым, а также сдавшегося в Новороссийске и Сочи победившей Красной армии, эвакуированного из Крыма в Константинополь в ноябре 1920 г.

Четвертый раздел монографии (с. 69-84) посвящен проблеме размещения и численности казаков за рубежом в 1920–1929 гг. О.В. Ратушняк опирается как на документы из фондов ГАРФ, так и периодику казачьего зарубежья, отчеты о деятельности казачьих правительств и общественных объединений. Впервые обобщены сведения об эмиграции казаков не только с территории Юга России, но и попавших за рубеж через советско-польский фронт, советско-финскую границу и т.д. Всего, по мнению О.В. Ратушняка, из России выехали более 35 тыс. донских казаков, около 20 тыс. кубанцев, не более 2 тыс. терцев. Только за первый год эмиграции в РСФСР вернулись почти 10 тыс. донцов, около 5 тыс. кубанцев и не более 300 терцев [1, с. 72]. К 1929 г. за рубежом оставались не более 14,5 тыс. донцов, около 11 тыс. кубанцев и не более 1 тыс. терских казаков. Позже репатриация почти сошла на нет [1, с. 84]. Репатриация изучена системно, выявлено ее этапы и проявления неравномерности в странах изгнания.

Пятый и шестой разделы монографии содержат материал о хозяйственной, социально-политической и культурной жизни казаков Юга России в Чатаджинских лагерях и на о. Лемнос (с. 85-104), в странах Европы (с. 105-144). Раскрыты: состав казачьих воинских формирований, их дислокация и различия в тяжести положения. С 1922 по 1924 гг. почти 50% всех казаков Юга России в зарубежье стали сосредоточены в Болгарии и Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) [1, с. 105], позже география казачьего изгнания стала очень сложной: Франция, Германия, Чехословакия, Бразилия, Австралия, США и др. О.В. Ратушняк детально выясняет профессиональные занятия и размещение каждой из групп казаков. Перечислены учреждения культуры и социальной помощи, созданные казачьими войсками. Оцениваются причины конфликта между правительством А. Стамболийского в Болгарии и казаками в 1922–1923 гг. Кроме достаточно известных историкам центров казачьей эмиграции, проанализировано положение казаков в Польше, Румынии, Грузии, Финляндии. Автор монографии отмечает роль казачьих периодических изданий, образовательных и научных учреждений в сохранении казачьего самосознания, в преодолении социальных проблем и конфликтов.

Наибольший интерес, по нашему мнению, имеют седьмой – десятый разделы монографии (с. 145-216). В них определены идейно-политические воззрения основных организаций зарубежных казаков: Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, Казачьего союза, Общеказачьего сельскохозяйственного союза, Союза возрождения казачества, вольно-казачьих группировок. Установлена их предыстория периода Гражданской войны. Детально прослежена на основе программных и уставных документов, отчетов, резолюций организационная структура, причины размежеваний и преобразований группировок. Важно, что политическая история казачьих эмигрантских организаций оценивается в монографии не изолированно, а в контексте развития российского зарубежья в целом, исторического контекста стран пребывания. В завершающем разделе (с. 202-216) достаточно полно изучена активность донских, кубанских и терских эмигрантов-казаков в годы Второй мировой войны. Но, полагаем, следовало уделить внимание участию ряда казаков в движении антифашистского Сопротивления. Нам встречалось, например, упоминание в эмигрантском «Казачьем словаре-справочнике» (издании, не страдающем симпатиями к СССР) фактов сотрудничества сына генерала М.А. Фостикова с югославскими партизанами-коммунистами [6, т. III, с. 233]. Оценка подобных фактов сделала бы десятый раздел монографии системным и более объективным.

Таким образом, историческая наука получила в виде монографии О.В. Ратушняка важное исследование актуальной темы. Положения и выводы данной работы будут полезны в преподавании региональной истории и культуры студентам-историкам, а также при сравнительном анализе адаптации различных групп эмигрантов из России за рубежом, при создании обобщающих научных трудов по истории российского зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920–1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. 246 с.
2. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1997. 164 с.
3. Баранов А.В. Российская государственность и Северный Кавказ: критика идеологии «самостийности» // Кентавр. М., 1993. № 6. С. 34-41.
4. Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921–1929 гг.). СПб.: Нестор, 1996. 354 с.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6473. Оп. 1. Д. 196. Л. 84-85.
6. Казачий словарь – справочник: В 3 т. / сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов. Сан Ансельмо (Калифорния, США): Б.и., 1970. Т. III. 341 с.

REFERENCES

1. Ratushnyak O.V. Cossacks in emigration (1920 – 1945). [Kazachestvo v emigratsii (1920–1945 gg.)]. Krasnodar, Kuban State Univ., 2013. 243 p. (in Russ.).
2. Ratushnyak O.V. Don and Kuban Cossacks in emigration (1920 – 1939). [Donskoe i kubanskoe kazachestvo v emigratsii (1920–1939 gg.)]. Krasnodar, Kuban State Univ., 1997. 164 p. (in Russ.).
3. Baranov A.V. The Russian Statehood and Northern Caucasus: criticism of "separatist" ideology [Rossiiskaya gosudarstvennost' i Severnyi Kavkaz: kritika ideologii "samostiinosti"]. Kentavr – Centaurus. Moscow, 1993, no 6, pp. 34-41. (in Russ.).
4. Baranov A.V. The Social and Political Development of Northern Caucasus in the conditions of New Economic Policy (1921–1929). [Social'noe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyah novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1929 gg.)]. Saint Petersburg: Nestor Publ., 1996. 354 p. (in Russ.).
5. State Archive of Russian Federation. [Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)]. F. 6473. I. 1. I. 196. P. 84-85. (in Russ.).
6. Cossack Dictionary-Directory. [Kazachiy slovar'-spravochnik: V 3 t.]. Compil. by G.V. Gubarev, ed. by A.I. Skrylov]. San Anselmo (California, USA): S.I., 1970. Vol. III. 341 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Баранов Андрей Владимирович, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
baranovandrew@mail.ru

Получена: 21.02.2016

Для цитирования статьи: Баранов А.В. Актуальное исследование казачьего зарубежья (рецензия на монографию О.В. Ратушняка «казачество в эмиграции (1920 – 1945 гг.)». Краснодар: Кубанский государственный университет, 2013. 246 с.). Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 2. с. 237-240.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-237-240

Information about the author

Baranov Andrey V., Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor, Political Science and Political Management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia
baranovandrew@mail.ru

Received: 21.02.2016

For article citation: Baranov A.V. Actual study of Cossacks in exile (review of the monograph by O.V. Ratushnyak "Cossacks in exile (1920 – 1945). Krasnodar: Kuban state university, 2013. 246 p.). [Aktual'noe issledovanie kazach'ego zarubezh'ya (retsenziya na monografiyu O.V. Ratushnyaka «kazachestvo v emigratsii (1920 – 1945 gg.)]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 2. Pp. 237-240.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-237-240

РЕЦЕНЗИЯ
на книгу ЦЗИНЬ ЛИ
«КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ: ВОСТОК И ЗАПАД»

Цзинь ЛИ
Культурные основы обучения: Восток и Запад
М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 464 с.

Книга известного исследователя Цзинь Ли «Культурные основы обучения: Восток и Запад» имеет колоссальное теоретико-методологическое, мировоззренческое и прикладное значение. Масштабные трансформационные процессы, затронувшие образовательное пространство, стимулируют размышления не именно об эффектах изменений в системе образования, а о самой сущностной природе феномена образования. Специалистам в области истории педагогики и образования все чаще приходится констатировать отсутствие широкого интереса у интеллектуально ориентированной целевой аудитории. К сожалению, учителя в школах и профессорско-преподавательский состав в университетах не готовы затратить немалое количество временных, интеллектуальных и других видов ресурсов на изучение историко-образовательных проблем, так как сегодня они заняты решением задач совсем иного рода. Однако, изучив книгу Цзинь Ли, читатель осознает важнейшую роль, которую в процессах обучения играют социокультурные, историко-антропологические и феноменологические аспекты.

Автор книги обозначает некий собственно-исследовательский манифест: смысловое различие между восточной и западной образовательными системами заключается в том, что первая обращена к познанию человеком самого себя с опорой на добродетель, а вторая – на познание внешнего мира с опорой на разумно-рациональный фундамент. Так, Цзинь Ли пишет: «Эта книга концентрируется на общих культурных ориентациях образования, а не на индивидуальных различиях в пределах Восточной Азии и Запада. В мои намерения не входит распространение культурных ориентаций на каждого индивида в этих культурах»¹.

Исследование социокультурных особенностей обучения основывается на анализе христианской интеллектуальной традиции и конфуцианской интеллектуальной традиции. Особенную ценность, по нашему мнению, представляет раздел «Образовательные процессы в западной и китайской культурах», где Цзинь Ли описывает типичное для каждого типа культуры вовлечение учащихся в образовательный процесс. Фиксируя процессы обучения западных учащихся, автор книги выделяет следующие важные элементы: активное вовлечение, изучение и исследование, мышление и критическое мышление, а также самовыражение и коммуникацию. При анализе учебного процесса, ориентированного на добродетель, в Китае/Восточной Азии, исследователь обращает свое аналитическое внимание на пять ключевых добродетелей: серьезность/искренность, усердие/самоотдача, стойкость перед лицом трудностей, упорство и концентрация. Следует отметить, что описанный выше исследовательский подход является абсолютно инновационным.

В завершение масштабного исследования Цзинь Ли пишет: «Для успешного воспитания и образования детей в нашем ускоряющемся глобализованном мире необходимо проводить больше исследований культурных учебных моделей, детских учебных установок и сопутствующей социализации. Глобализация скорее увеличивает, чем уменьшает необходимость понимания культурных различий. Несомненно, на более общем уровне такие исследования смогут обеспечить важной информацией те культуры, которые решают, что ценить и сохранять, а что реформировать и отвергать, чему учиться у других, а что создавать самим. Вовлечение в такие

¹ Ли Ц. Культурные основы обучения: Восток и Запад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 19.

дискуссии может позволить культурам не только найти для себя оптимальные способы ориентироваться и развиваться в глобализованном мире, но и избежать роковых ошибок и непоправимого ущерба»¹. Данные финальные умозаключения Цзинь Ли крайне актуальны для российской образовательной модели: мы перестали быть *советскими*, но стали ли мы полноценно *болонскими*? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, совсем не очевиден – по данному вопросу крайне необходима научная дискуссия национального масштаба. Однако можно с полной уверенностью заявить, что подобные социокультурные исследования будут наиболее востребованными и актуальными в силу абсолютной важности конструирования собственно российской идентичности граждан, эффективность которого будет зависеть именно от состояния образовательного пространства посткризисной России.

ШТУРБА Виктор Александрович,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии,
факультет педагогики, психологии и коммуникативистики,
Кубанского государственного университета,
главный редактор,
научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»,
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

¹ Там же. С. 431.

Хроника, события, факты

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/2-243-253

Состоялась презентация и обсуждение фундаментального исследования русской власти и бюрократического государства

МАКАРЕНКО Виктор Павлович,

доктор политических и философских наук, профессор,
академик Национальной академии педагогических наук Украины,
заслуженный деятель науки России,
директор Центра политической концептологии
Высшей школы бизнеса Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
Vpmakar1985@gmail.com

26 февраля 2016 г. в Южном федеральном университете состоялось второе заседание теоретического семинара по проблемам русской мысли и политики. Руководителем семинара является В.П. Макаренко, автор более 400 научных работ, в том числе 30 индивидуальных и коллективных монографий. Заседание было посвящено презентации и обсуждению фундаментального исследования под руководством В.П. Макаренко, выполненного по гранту Южного федерального университета «Разработка методов и организационных форм политической концептологии в контексте центрo-периферийных проблем постсоветской трансформации России № 213-01-24/2013-180»¹.

Фундаментальное исследование посвящено применению разработанной В.П. Макаренко теории бюрократии для анализа связи между русской властью и бюрократическим государством, группами интересов и правительством современной России. Корпоративные, клиентельные и парантельные отношения групп интересов с госаппаратом не отражают общие интересы населения страны и не являются правовым взаимодействием между системой социальных интересов и властью. Государственный аппарат тоже не выражает общие интересы. Поэтому общие интересы населения страны не выражаются и в российском законодательстве. Таков парадокс постсоветской трансформации в России: вмешательство правительства в социальную жизнь увеличивает стремление групп интересов изменить перераспределительную политику в свою пользу, одновременно увеличивая сферу неправового взаимодействия групп интересов с госаппаратом и социальную роль правительства. Эта тенденция усилилась на протяжении 2000-х гг. В двухтомнике описаны различные проявления данного парадокса.

После приветствий руководства Южного федерального университета участникам конференции и рассказа В.П. Макаренко об этапах реализации и структуре исследовательской программы развернулась дискуссия. Ее открыл доктор экономических наук, профессор В.В. Вольчик (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) докладом **«Ловушки и тупики института власти-собственности»**. Он показал, что исследования института власти-собственности получили значительное распространение на фоне масштабных институциональных изменений последних нескольких десятилетий. Власть-собственность в отличие от абсолютной частной собственности является условной собственностью. Получить, эффективно использовать и защитить власть-собственность можно только в том случае, если субъект собственности имеет

¹ См.: Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1. Ростов-на-Дону, Март, 2013, 649 с.; Русская власть и бюрократическое государство. Часть 2. Коллективная монография. Отв.ред. В.П. Макаренко. Ростов-на-Дону, изд. ЮФУ, 2015, 625 с. Книги размещены в РИНЦ, а также на сайте журнала «Политическая концептология»

http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_1.pdf

http://polittheory.narod.ru/Makarenko/Russian_Power_2.pdf

Рецензия на часть 1 см: Тимофеева Л.Н. Русская власть и бюрократическое государство по В.П. Макаренко // Полис (Политические исследования). 2015, № 3
<http://www.politstudies.ru/files/File/2015/3/2015-3-TIMOFEEVA.pdf>

власть или аффилирован с властными структурами. Институт власти-собственности характерен для экономических порядков, обладающих признаками «экономики современного меркантилизма». Согласно Э. Сото, «...современный меркантилизм есть... вера в то, что экономическое процветание государства может быть гарантировано лишь правительственным регулированием националистического типа». В меркантилистической экономической системе всегда существует опасность потерять преференции государства, эксплуатация и функционирование объектов собственности будут вестись хищническими методами и, следовательно, всегда неэффективно в долгосрочном периоде. Институт власти-собственности показывает свою относительную эффективность в периоды мобилизационного, нестабильного развития общества, ведения войн и расширения территории государства. Однако в более спокойные периоды функционирование института власти-собственности не приводит к формированию стимулов к накоплению и инвестированию в объекты собственности, которые возникают при абсолютной частной или индивидуализированной собственности.

В российской экономике институт власти-собственности доминирует на протяжении нескольких веков. Замыкание российской экономики на институте власти-собственности произошло вследствие возрастающей отдачи от внедрения данного института, так как, согласно подходу Б. Артура, в случае возрастающей отдачи возникновение эффекта блокировки и закрепление субоптимальных институтов возможно с высокой вероятностью.

Для формирования эффективной системы собственности в результате институциональных реформ, необходимы стимулы. Эти стимулы должны соотноситься со всеохватывающими общественными интересами, но роль групп со всеохватывающими интересами при классическом и современном меркантилизме незначительна, что и определяет устойчивость и относительную стабильность функционирования меркантилистической экономики. В российской экономике доминирование института власти собственности происходит на фоне глубоко закрепившегося в общественном мнении отрицания необходимости широкого распространения частной собственности на землю и крупные промышленные объекты. Большинство россиян (52%) считают, что в основе современного типа экономической системы должно лежать государственное распределение и планирование, что также способствует сохранению власти-собственности как институциональной ловушки. Поэтому исследования В.П.Макаренко были и остаются крайне актуальными.

Доктор философских наук, профессор В.Н. Порус (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва) сделал доклад на тему **«Бюрократия как феномен культуры»**. Название доклада не должно вводить в заблуждение. В.Н. Порус разделяет эмоции В.П. Макаренко, который обрушивает на российскую бюрократию инвективы: «социальный организм-паразит на всем протяжении своего исторического существования», «класс властителей-собственников», извлекающий из своего социального положения колоссальные выгоды за счет фактической эксплуатации населения и продлевающий свое вредное существование с помощью монополии на насилие, корпорация «бесящихся с жиру» оккупантов, на каждом шагу преступающих законы, которые «не для них писаны». Продолжить этот ряд не трудно, для этого достаточно «глянуть окрест себя». Но в таком случае можно ли говорить о бюрократии как о культурном феномене? В.Н. Порус полагает, что можно, и обосновывает это утверждение.

Культурная ценность – это вовсе не что-то безусловно хорошее и привлекательное. Это определенный для данной культуры принцип, служащий универсальным ориентиром всякого социально значимого действия (в том числе и мыслительного). Этот принцип обладает властью особого рода. Она удерживается до тех пор, пока значимое большинство людей, относящих себя к данной культуре, признает ее над собой и подчиняется ей. Причины признания и подчинения могут быть различными, но одна заслуживает особого упоминания. Это – приемлемая степень согласования между собой витальных (стихийных, природных) устремлений индивида и ограничений на эти устремления, накладываемых необходимостью сохранения и упрочения общественных связей ради достижения всеобщих целей. До тех пор, пока такое согласование возможно и дает удовлетворительные (успешные) результаты, власть культурных ценностей не встречает массового сопротивления. Если признания и подчинения нет, их власть слабеет и падает, хотя до поры может все же держаться с помощью насилия, применяемого специальными институтами (без каковых не обходится ни одна власть).

В этом смысле культура – незримая узда, наброшенная на человеческое своеволие, сдерживающая человеческое своеволие, его дикие и свирепые проявления. Она позволяет людям уживаться друг с другом даже тогда, когда их совместная жизнь оказывается вне надзора со стороны Левиафана – до тех пор, пока желание сбросить эту узду не оказывается сильнее страха перед аннигиляцией противоположных волей (об этом – роман-аллегория У. Голдинга «Повелитель мух»). Если власть культуры по каким-то причинам слабеет и падает, ее функции

какое-то время может выполнять цивилизация: люди, пока их жизнь контролируется цивилизацией, живут так, *как будто* они культурны, но едва контроль ослабевает или исчезает вовсе, культура сходит с них, как макияж после бани. Тогда культурные ценности становятся симулякрами (в смысле Ж. Бодрийера).

В.Н. Порус считает, что бюрократия – это феномен, воплощающий в своем существовании ценности культуры. Он получил предельное выражение у Платона, воспевшего власть мудрецов, подчиняющих общественное устройство принципам общего блага. Эти принципы – вечные и абсолютные истины, отклонение от которых есть опасное заблуждение или строго караемое преступление. Бюрократия, по М. Веберу, – идеальный тип, в котором отражен культурный смысл исторической эпохи, знаменуемой торжеством рациональности в первую очередь в сфере хозяйства. Рациональность у Вебера – *принцип культуры, первенствующий в системе культурных универсалий*. Культурные феномены, будучи подчинены принципу рациональности, должны вобрать его действие в себя. К ним относится и феномен бюрократии.

Следовательно, симптоматика отчуждения (например, нарастание неразрешаемых противоречий между властью и обществом), которую детально исследует В.П. Макаренко, свидетельствует о том, что, во-первых, *мы имеем дело не с бюрократией*, но с ее варварским суррогатом, а во-вторых, что ценность рациональности не превалирует в системе жизненных ориентаций людей.

Отсюда два направления критики (по отношению к бюрократии). Первое – общество должно преодолеть негативные последствия господства бюрократии и перейти в иное состояние, в котором бюрократия будет под эффективным контролем общества. К этому, как мне кажется, склоняется В.П. Макаренко. Он возлагает надежду на демократические преобразования, выстраивание демократических институтов. Это распространенная позиция. Однако она вызывает сомнения у В.Н. Поруса.

Сама по себе идея демократии не является панацеей. В определенных исторических условиях (чудовищное имущественное расслоение общества, уродливо перекошенная экономика, отсутствие элементарного правосознания и традиций самоуправления, травматический исторический опыт, идеологический вакуум, криминализация практически всех сфер жизни) строительство демократических институтов оказывается возведением декораций и ширм, за которыми бюрократия продолжает свое паразитарное существование. Исторический опыт свидетельствует, что демократические институты могут порождать людоедские режимы власти, по сравнению с которыми нынешняя российская бюрократия выглядит вполне невинно.

Второе направление – критика бюрократии есть *par excellence* критика культуры. Просто говоря, наша бюрократия есть порождение нашей культуры. Пока культура такова, какая есть, иной бюрократии быть не может. Нужно менять культуру.

Преобразовывать культуру намного труднее, чем критиковать бюрократию. Ясно, что гипертрофированная варварская бюрократия есть вопиющий симптом неблагополучия культуры. Но как лечить болезнь, а не ее симптомы? Призывы к культурным преобразованиям воспринимаются с меньшим энтузиазмом, чем лозунги борьбы с бюрократическими извращениями. В обществе всегда найдутся сторонники немедленных и решительных действий («огонь по штабам», вспоминается этот маоистский призыв, в свое время обернувшийся трагедией в Китае), но попробуйте найти подвижников, способных посвятить себя культурной работе, даже не надеясь при этом увидеть плоды своих трудов при жизни. Кроме того, в ситуации культурного кризиса – дефицит новых культурных идей, которые могли бы найти массовую поддержку. Добавить, что новое далеко не всегда лучше старого – и мы получаем не слишком оптимистический прогноз перспектив культурного развития.

Общий вывод В.Н. Поруса таков: путь политической мысли, исследующей феномен российской бюрократии и способы борьбы с ним, должен пролегать через пространство философии культуры. Эти сферы исследования проникают одна в другую, а понятия и концепты, используемые в каждой из них, сопряжены по смыслу. Концепт «бюрократия» – один из них, равно принадлежащий обоим.

Доктор философских наук, профессор А.В. Лубский (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) в докладе **«Русская власть и нормативная модель социального поведения в России»** показал, что русская власть – это концепт, с помощью которого интеллектуалы пытались осмыслить своеобразие исторического пути России и специфику государственной в ней власти. В дискурсивных практиках существуют различные трактовки Русской власти, наиболее значимыми из которых были предложены В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым. Общим в этих трактовках, которые основаны на идее «насилия», является то, что Русской власти придается метафизический характер и ее содержание подается в метафорической упаковке. Различия заключаются в следующем: в основе трактовки Русской власти В.П. Макаренко лежит идея «власти-собственности», а в основе трактовки Русской власти Ю.С. Пи-

воваровым и А.И. Фурсовым – идея «властечентричности» русского мира. Концепт «Русская власть» позволяет целостно осмыслить неформальную институциональную матрицу российской государственности, формирующую неосознанные структуры ментальной программы социального поведения и сконструировать его нормативную модель в российском обществе. Нормативную модель социального поведения в российском обществе можно выразить такими метафорами дискурсивного мышления, как «человек политический», «человек авторитарный», «человек иоанновский».

Доктор политических наук, профессор С.П. Поцелуев (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) в докладе **«Политическая концептология и политическое кабаре: неслучайные параллели»** подчеркнул, что многие авторы не без основания указывают на *метафорический* характер термина «русская власть», введенный в научный оборот рядом наших отечественных ученых (Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов, В.П. Макаренко). Критики этого выражения (В.А. Дубовцев., Н.С. Розов, А.В. Лубский и др.) отмечают возможность прочтения данного выражения в *метафизическом* смысле. Действительно, прямое использование термина «русская власть» в научном дискурсе чревато спекуляциями в духе концепции «особого пути». Причем «особого» как в смысле мифа о вечной «азиатской ущербности» России, так и в смысле «высшей божественной миссии» русского народа. Но для работ В.П. Макаренко в целом не характерен серьезный метафизический смысл «русской власти». Это выражение, скорее, сопряжено с политическим комизмом и имеет *кабаретистский контекст*. Чтобы понять специфику «русской власти» у В.П. Макаренко, надо иметь в виду общий контекст развиваемой им *политической концептологии*, а само выражение «русская власть» толковать именно как политический *концепт* с его особой связью с художественным творчеством.

По мнению С.П. Поцелуева, политическая концептология – это вообще метадисциплинарный концептуальный аналог политического кабаре. Под «политическим кабаре» вслед за немецким ученым П.-М. Айншпорном С.П. Поцелуев понимает кабаретистский дискурс, который производит социально-политическую сатиру с использованием художественных средств, типичных для кабаретистского жанра. При этом главная функция политического кабаре – не столько развлекать публику, сколько образовывать на равных с ней своеобразный культурный анклав, окруженный системой социального господства, признаваемого в качестве несправедливого и анахроничного. Эта установка полностью совпадает с установкой политической концептологии вообще и концепта русской власти в частности. Отсюда вытекает одна из главных функций политического кабаре: используя средства развлечения, выражать *эстетическую* (шире – идеологическую) *делегитимацию власти*.

Далее, политическое кабаре не действует в качестве самостоятельного политического актора или пропагандистского инструмента какого-либо политика или политической организации. Оно реагирует, прежде всего, на политическую эстетику существующего политического режима, включая вульгарно-порнографические формы его проявления. Аналогично действует и политическая концептология: сохраняя дистанцию к партийной политике, она не просто критикует какую-то отдельную политическую (политологическую) концепцию, но отвергает сам стиль господствующего мышления, идеологические, интеллектуальные моды, причем в разных сферах. Отсюда проистекает универсально-синтетический характер кабаретистской сатиры, которая не исчерпывается только политическими сюжетами, но включает моральную и художественную, одним словом, социальную критику. И это тоже вполне отвечает метадисциплинарным претензиям политической концептологии. К примеру, немецкие политические кабаре 20-х гг. были сатирой не только на политическое угнетение в кайзеровской Германии, но также на двойную мораль бюргерства, на его идеологическую индоктринацию посредством церкви, школы и государства. И это как раз те сюжеты, которые можно сегодня встретить в работах В.П. Макаренко, посвященных «русской власти».

Кандидат философских наук, доцент А.А. Кириллов (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) сделал доклад на тему **«Кратос vs знание: феномен оппозиционной науки»**. Он считает, что в многообразной и разноплановой исследовательской сюжетике профессора В.П. Макаренко на протяжении длительного периода четко и однозначно просматривается базовая теоретическая пропозиция – анализ феномена избыточности власти в ее «русской» локализации. Феномен «русской власти» рельефно проступает на фоне анализа типологии организационных структур и научной политики, исследовании теории бюрократии и политических элит, при рассмотрении методологических оснований и ключевых аналитических приемов политической концептологии, то есть всех тех сюжетов, которые организуют пространство современной политической философии.

Подобная организация логики политического исследования, производство критической аналитики о кратических ипостасях и философского видения природы «русской власти» не мо-

жет не затронуть проблемную линию понимания статуса концепта «русской власти» сквозь призму другого, сопутствующего первому, но часто «теневому» концепту – «русская наука». Последнее вдвойне интересно, так как в 2016 г. концепт «русская наука» приобрел юбилейный статус, 9 февраля исполнилось 70 лет с памятного обращения генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина к советским ученым с призывом догнать и превзойти в ближайшее время научно-технические достижения ученых зарубежных стран. Именно данное обращение послужило лейтмотивом к написанию в 1947 г. академиком С.И. Вавиловым статьи «Советская наука на службе Родине», которая, будучи опубликованной, предвляла эмблематическое издание 1948 г. «Люди русской науки». Базовая формула генеалогии советского научного знания, артикулированная И.В. Сталиным и реализованная академиком С.И. Вавиловым, выглядит так: советские ученые – это наследники и продолжатели всего лучшего, что оставила творческая мысль великих русских ученых, советские ученые развивают и умножают славные традиции прошлого русской науки.

Описательный концепт «русская наука» в данном монументальном издании приобретает не только свои особенные генеалогические корни и родословные титулярии, не только актуальную возвышенную идеологическую контекстуальность, но и однозначно проманифестированный академиком Вавиловым принципиальный оппозиционный статус природе «русской власти». Важно и интересно то, что «оппозиционный» статус «русской науки» академиком Вавиловым выведен в ее яркое и неотъемлемое качество. «Вследствие такого естественного классового отбора среди русских ученых определилась ясно выраженная демократическая прослойка, с ее, правда, робкой и скрытой, но все же **несомненной и постоянной оппозицией классово-враждебному правительству**, не понимавшему вдобавок роли и перспектив науки».

Исследование «оппозиционного» статуса «русской науки» представляет большую перспективу и интерес с точки зрения не только историко-научной, но и анализа актуальной статуса современного политического сюжета, где пропозиция «русская власть» и «русская наука» все больше приобретает политизированную формулу «кратос vs знание». Тематические блоки и дискурсивные стратегии «оппонирования» советской и постсоветской науки (русской науки) могут быть прослежены на протяжении многих последних десятилетий: от «антисоветской» литературности творческой технической и поэтической интеллигенции 60-70-х (ярко представленной в работах П. Вайля, А. Гинеса, Ю. Слѣзкина) до версии «сетевой общественной экспертизы и критики» вольного сетевого сообщества экспертов, исследователей и репортеров «Диссернет». Возникновение и научная «оппозиционная» деятельность подобных сообществ вдвойне интересна, так как их исследования имеют не только осознанную гностическую ориентацию, но и явную кратическую претензию – исследования и разоблачения «Диссернета», где в равной мере затрагивают различные категории граждан России: профессиональных ученых либо людей, бесосновательно именующих себя таковыми, а также политических и общественных деятелей, попытавшихся улучшить свою репутацию и приобрести дополнительное уважение сограждан путем защиты диссертаций и получения официальных дипломов о кандидатских и докторских степенях. Поэтому труды В.П. Макаренко, по мнению А.А. Кириллова, можно рассматривать в контексте гностической ориентации и кратической претензии, которая с каждым годом приобретает не только отчетливую модельную математическую наглядность, но и визуальную «научную оппозицию» сетевого солидаритета по отношению к «русской власти».

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник М.Ю. Барбашин (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону) в докладе «**Институты и проблемы развития современного государства**» отметил, что в двухтомнике «Русская власть и бюрократическое государство» рассматривается несколько взаимосвязанных сюжетов, раскрывающих социально-политическую природу государства. Прежде всего, речь идет о существующем в современном социально-гуманитарном знании бинарном отношении к государству. Традиционно в либеральной философии государство рассматривается либо как «необходимое зло», либо как «зло, исторически сложившееся» – аморальный механизм, обеспечивающий подавление и насилие над населением. В качестве примера приводятся многочисленные исторические факты негативного влияния. Однако методологическая амбивалентность заключается в проблеме агрегации: на основании отдельных случаев сложно сделать заключение об имманентной природе государства.

М.Ю. Барбашин полагает, что при таком подходе ситуации позитивного государственного регулирования (например, в социальной области или в сфере экономической политики) либо недооцениваются, либо реинтерпретируются в негативном русле. Например, развитие атомной энергетики связывают с военными потребностями государства, а не со стремлением человечества получить дешевый источник энергии (интерес физиков к атому проявился за десятилетия до того, как появилась инженерная возможность сконструировать ядерное оружие). Обвинения в сторону государства носят идеологический и не всегда логичный характер. Автор книги под-

черкивает: никто не доказал преобладание пользы государства от издержек на его создание и функционирование. Но обратное утверждение также верно: никто не доказал, что вред от государства превосходит пользу. Подобной математической формулы не существует. Вполне возможно, что очевидная польза от государства для многих социальных слоев, по всей видимости, перекрывает «вред» для немногочисленных анархистов.

В противоположность школе философов-«моралистов» историки и экономисты подчеркивают функционально-эволюционную важность государственного механизма. В соответствии с логикой «реализма» они указывают на положительные экстерналии («непредвиденные последствия») государственной деятельности, даже если заявленные цели и используемые средства были сомнительными. Внутривосточные войны способствовали активизации торговли посредством переплавки военной добычи (в частности, церковной утвари) в золотые и серебряные слитки, а колониальные захваты стимулировали развития капитализма в покоренных странах посредством распространения демократических институтов и европейских практик.

Можно проследить очевидную корреляцию между низким уровнем жизни и отсутствием (или слабостью) государства: Афганистан, Сомали, Ирак, Сирия, Украина и пр. Государство, как объяснял Д. Норт, снижает транзакционные издержки, создавая общие «правила игры». Рынки, в которых отсутствует возможность легального государственного вмешательства, нестабильны: экономические агенты сталкиваются с рисками приобретения «лимона» вместо качественного товара.

В теории контроль и мониторинг за соблюдением правил поведения могут взять на себя негосударственные агенты. На практике в постсоветской России за четверть века банки и брокеры на рынке «Форекс» так и не смогли самоорганизоваться. Схожая ситуация наблюдается на внесударственных рынках интернет-торговли (буксы, репосты, лайки, комменты и пр.), МЛМ, финансовых пирамид и т.п. В аксиологическом измерении критика современного государства исходит из идеализации примордиальных догосударственных структур. Считается, что автономные индивиды могут каким-то образом организовать свою жизнь без государственного вмешательства (и при этом сэкономить). В этом отношении оппоненты государственной модели (описываемые в книге как «анархисты») тесно пересекаются с критиками рыночной экономики, общества потребления, современных технологий, глобализации и пр. групп, которые убеждены в существовании в прошлом «золотого века». Они также убеждены в неизбежном крахе современного государства. Правда, этот крах постоянно откладывается, напоминая вечно сдвигающиеся прогнозы религиозных проповедников о «конце света».

В мире нет успешных примеров горизонтальных коллективных структур, которые удовлетворяли бы потребности всех членов. Теорема К. Эрроу о невозможности подчеркивает: такую структуру нельзя построить даже в виртуальном мире. Мнения людей невозможно объединить логически непротиворечивым способом. Решения всегда должен принимать диктатор (в рыночном обществе таковым выступает потребитель).

В соответствии с «законами Паркинсона» любая организация (неважно, носит ли она анархистский или бюрократический характер) сталкивается с изоморфными вызовами распределения власти и полномочий (в институциональной экономике это называется проблемой агента и принципала), ответственности, внутренними процессами бюрократизации, масштабирования и пр. Если индивиды, работающие в государственных структурах, занимаются коррупцией, волокитой, служебными злоупотреблениями, то почему в общественных организациях они должны вести себя по-другому? Как говорил И. Кант, «из такого кривого полена, как человек, ничего прямого не выстругаешь».

Отказ от государства меняет одну неэффективность на другую, одного чиновника на другого, пусть даже вместо бюрократа появляется общественный активист.

Критика государства в построениях анархистов представлена гораздо подробнее и убедительнее, чем возможные версии «нового мира» и необходимые социальные реформы. Как правило, активисты ограничиваются общими рассуждениями о недопустимости насилия, бюрократизации социума, о необходимости ответственного отношения к природе и пр.

На практике многочисленные сообщества, провозглашающие своей целью построение справедливого социума спонтанной гармонии, либо быстро разваливаются, либо превращаются в тоталитарные секты. Они создают бюрократию, службы внутреннего контроля, институты безопасности и даже частные тюрьмы. Общественные и религиозные лидеры, провозглашающие необходимость отказаться от государственного подавления, постоянно воспроизводят самые худшие институциональные образцы бюрократии и насилия, подавления личности и свободы. Свобода от государственного регулирования часто превращается в свободу от правовых и социальных норм.

Часто антигосударственная риторика становится стилем общественного поведения, символическим инструментом, с помощью которого индивид может указать на принадлежность к

элитарной интеллектуальной тусовке: понимающее «меньшинство» стремится противопоставить себя необразованной «массе».

Демонизация советского государства привела к девальвации большей части советских государственных и полугосударственных институтов, включая системы образования и здравоохранения. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Советском Союзе начинается ренессанс антигосударственного дискурса, включая распространение альтернативной музыки и контркультуры, религиозных сект и утопических коммун и пр. Борьба диссидентов против «карательной» советской медицины привела к росту альтернативных медицинских практик, которые, как считалось, могут вылечить организм без врачебного вмешательства. Распространились новые непроверенные лекарственные препараты, лечение с помощью продуктов животного и растительного происхождения, восточные практики, гомеопатические лечебные процедуры. Многие родители стали осознанно отказываться от вакцинации детей. Другие под влиянием моды стали заниматься самолечением, избегая врачебной помощи даже в ситуациях, когда она необходима (например, популярностью стали пользоваться «домашние роды»).

Значимые позиции в диссидентском движении получили «ВИЧ-диссиденты», ставящие под сомнение само существование ВИЧ-инфекции. Политическое и общественное давление на государственную психиатрию привело фактически к ее развалу. В результате люди с пограничной психикой не только не получали соответствующего лечения, но и часто оказывались на свободе.

Схожие институциональные вызовы подорвали советскую систему образования. В диссидентском движении школы и вузы рассматривались как элементы карательного механизма. Критике подвергались не только учебные программы, но и система распределения выпускников, и даже школьная форма. Необходимость увеличить объем гуманитарных дисциплин (учебники и учебные пособия по которым часто издавались за счет западных фондов) привела к кризису в области естественных и точных наук.

Для многих представителей гражданского общества и академических структур критика государства является источником психологической самореализации и социального самопозиционирования, а иногда – и инструментом заработка в виде получения грантов и контрактов на исследования от фондов либеральной направленности.

Взгляд на антигосударственный протест как на занятие для неудачников является довольно распространенным. Не менее распространенным является отношение к протесту как к бизнесу. Говоря институциональным языком, это один из основных механизмов расширения рынков и формирования новых экономических ниш. Многие первоначально недовольные социумом анархисты, хиппи, музыкальные коллективы, выступающие в контркультурных стилях хард-рок, гранж, хип-хоп и т.п., со временем переходят от подпольного существования к формированию настоящих бизнес-империй. Они фактически «продают» своих приверженцев как аудиторию, потенциально доступную рекламодателям и спонсорам. Неважно, насколько сильно индивид ненавидит государство – всегда найдется продавец, который предложит ему «сопутствующие товары». Например, майку или бейсболку с соответствующим лозунгом.

Признание искренности антигосударственного протеста и идейной вовлеченности его участников вызывает новые вопросы. Не секрет, что в составе анархистских и радикальных движений много лиц с пограничной психологией. Что происходит, если стирается грань между девиацией и протестом? Можно ли считать выступление Pussy Riot гражданским протестом или это просто нарушение закона?

Некоторые институциональные особенности государственной структуры заменить просто невозможно. Речь идет о преимуществе, которое в институциональной экономике называется «низкой ставкой дисконтирования». Поскольку государство обычно существует дольше, чем отдельный человек, фирма или коллективное сообщество, власти могут привлекать кредитные средства под более низкий процент, гарантируя их своевременный возврат.

Именно государство может (и должно) спонсировать проекты, выгода от реализации которых носит долговременный характер (например, фундаментальная наука или экология). Сложно побуждать людей добровольно выделять средства на развитие технологий, отдача от создания которых возможна только в будущем. Только когда государство создаст большой финансовый и технологический задел для возникновения нового рынка, могут появиться частные компании (в США так происходило в сфере хай-тека, космических запусков и пр.).

Кандидат политических наук, доцент М.С. Константинов (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) выступил с докладом **«Патология: бюрократия и апокрифические беды России»** и проанализировал ключевые проблемы российской истории, поставленные в трудах В.П. Макаренки: превалирование вертикальной организации социального взаимодействия и бюрократия. Делая выбор между двумя «парадигмальными» направлениями исследований бюрократии (концепциями М. Вебера и раннего К. Маркса в

интерпретации В.П. Макаренко), М.С. Константинов показал, что для изучения двух указанных проблем более адекватной является концепция К. Маркса-В.П. Макаренко. Он подробно рассмотрел три ключевых положения этой концепции (бюрократическое отношение, государственный формализм, политический рассудок), специально останавливаясь на анализе форм бюрократического мышления, которое склонно к формализму, нормативизму, фетишизации государства, вертикальным иерархическим отношениям и т.д.

М.С. Константинов поставил вопрос: является ли бюрократия проблемой сама по себе или же ее дисфункции коренятся в социальной институциональной организации? Он полагает продуктивным дальнейшее развитие концепции бюрократии К. Маркса-В.П. Макаренко с учетом новых исследований в области форм бюрократического мышления, в частности работ известного американского антрополога Джеймса Скотта, который представляет государственные управленческие структуры в виде тотального планирующего органа, склонного к упрощению сложной социальной действительности, к абстракции, стандартизации, калькулируемости, статичной безличности и т.д. М.С. Константинов называет эту склонность государственного мышления «патологией» (от греч. «πάθος» – страсть, болезнь, и «логика» как способ мышления, обусловленный этой болезненной страстью). И главную проблему видит не в самом государстве как инструментальном институциональном комплексе, а в модернистской идеологии, предполагающей неограниченную пользу государственной проектной деятельности (фетишизации властно-управленческой деятельности, в терминологии К. Маркса-В.П. Макаренко) и недоразвитость горизонтальных связей в рамках гражданского общества.

Кандидат политических наук, доцент Т.А. Подшибякина (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) представила доклад **«Либеральная бюрократия: "неидеальный тип" веберовской рациональной бюрократии»**. Понятие «либеральная бюрократия» в научной литературе употребляется, как правило, в исторической ретроспективе для характеристики той части государственной бюрократии, которая отвечала за проведение реформ в российском государстве в XIX – начале XX в. в контексте процесса модернизации. В политическом дискурсе понятие «либеральная бюрократия» часто используется в связи с концепцией бюрократии М. Вебера и непосредственно связана с его работами, посвященными буржуазно-демократической революции в России 1905 г. М. Вебер выявил тенденцию бюрократизации в зарождающихся элементах гражданского общества вследствие введения всеобщего равного избирательного права. Земства будут переданы в руки совершенно необразованных и безграмотных людей, – ссылается он на распространенное мнение среди демократов. Но эта бюрократия, или «пролетарская интеллигенция», служащая на земских должностях, по мнению Вебера, наиболее достойная уважения из всего того, что имеет дать теперешняя Россия, как единственно «в народе и с народом» живущая категория служащих, готовая к пожертвованию. Создав систему «мнимого конституционализма» в России, либеральная бюрократия затем начинает постепенно «рационализироваться», утрачивая ценностную ориентацию.

«Неидеальный тип» либеральной бюрократии в России в эпоху модернизации, включая современный ее этап, можно охарактеризовать следующим образом: статус в иерархии политико-административных отношений: государственная бюрократия или бюрократия местного самоуправления; политический характер деятельности; субъект политических, социальных и экономических реформ в России; ценностно-рациональный тип поведения, ориентированный на либеральные ценности; амбивалентность поведения: рациональное/иррациональное.

Кандидат философских наук А.И. Швырков (Брянск) выступил с докладом **«Российская бюрократия и государство: друзья, враги, поделщики?»**, в котором высказал ряд конкретных комментариев по поводу монографии В.П. Макаренко «Русская власть и бюрократическое государство».

По мнению А.И. Швыркова, нельзя говорить об СССР и западном капитализме в одних терминах. Советскую бюрократию вряд ли можно рассматривать в качестве чего-то вроде класса капиталистов. Вообще учение о классах во многом неадекватно при исследовании советского общества.

А.И. Швырков считает спорным, но при этом интересным и побуждающим к размышлениям момент о преемственности между СССР и Россией. В.П. Макаренко не считает, что между ними существует принципиальный разрыв. Хотя эта идея у многих вызвала бы нарекания, определенный потенциал в ней есть. В большинстве исследований действительно выпячивается момент катастрофы, разрыва непрерывности истории, однако, возможно, для полноты картины и баланса нужно рассмотреть и предложенную автором альтернативу. На ее основе возникает ряд конкретных вопросов: в какой мере современная российская бюрократия является преемницей, «продолжательницей дела» советской бюрократии (или номенклатуры?)? являет-

ся ли она *жертвой* крушения Советского Союза или его бенефициаром? едина ли она или распадается как раз по признаку жертва-бенефициар?

Некоторые сомнения вызывает утверждение В.П. Макаренко о том, что советская бюрократия соединяла власть и собственность. Может быть, стремление как минимум части этой бюрократии демонтировать СССР (если такое стремление действительно имело место) как раз и было следствием того, что бюрократии принадлежала власть, но не принадлежала собственность?

Важной и плодотворной представляется идея рассмотрения российской власти как конгломерата различных групп, принципиально не составляющих единства. По сути, В.П. Макаренко утверждает, что власть (или государство) в России отсутствует. Ситуация, вероятно, отличная от западной, в которой существование различных групп, «партий» (в широком смысле) является неотъемлемым элементом политической культуры, не скрывается, защищается законом и вообще формализовано. С этим во многом связана проблема отсутствия «нормальной» оппозиции в современной России, на которую совершенно справедливо указывает автор. Но остается вопрос: возможна ли в России такая оппозиция в принципе – в силу особенностей ее истории, политической культуры, традиций и пр.

Здесь мы выходим на другую чрезвычайно важную проблему, суть которой в том, возможна ли вообще в России реализация западной политической модели вообще. В.П. Макаренко неявно предполагает, что все-таки возможна, и рассматривает и советский, и постсоветский период в истории России именно в этой перспективе (то есть, строит рассуждения во многом в рамках транзитологической парадигмы). Если такое предположение насчет интенций автора верно, то было бы неплохо, во-первых, такую позицию однозначно сформулировать и, во-вторых, дать ее развернутое обоснование. Особенно в этом плане важно уточнить, идет ли речь о некой нормативной модели, предоставляемой, в частности, теорией демократии, или о «реальности» современного западного общества. Сравнивает ли В.П. Макаренко текущую ситуацию в России с такой же ситуацией на Западе или же сравнение происходит с нормативной моделью?

Возможен и иной вариант толкования позиции В.П. Макаренко, когда его отношение к тем или иным процессам является преимущественно критическим, то есть, и западная, и российская (советская) модели, а также вся транзитологическая парадигма им отвергаются как неадекватные. Чем является современная российская политическая система – чем-то устоявшимся или же она находится в некоем переходном состоянии? По-другому: в какой мере она до сих пор является Советским Союзом, а в какой – чем-то в корне от него отличным? Имеющиеся отличия в большей мере негативны или же они являются зародышами будущего особого состояния? На этот счет В.П. Макаренко конкретно не высказывается. Хотелось бы видеть его позицию по этому вопросу.

Действительно ли советская (российская) бюрократия и бюрократия западная – явления сущностно подобные. Если да, то какое значение для роли бюрократии в обществе имеет общественный строй? Возможно, в советском обществе бюрократия играла иную роль, чем в западном, или ее влияние было меньше (больше)? Этот вопрос нужно дополнительно прояснить. То есть, нужно прояснить, как тип общества влияет на функционирование бюрократии (смягчает негативные результаты ее деятельности или наоборот усугубляет). Если В.П. Макаренко-автор в целом негативно относится к советскому периоду, в этом случае было бы интересно увидеть полемику с теми исследователями, которые к этому периоду относятся с симпатией.

А.И. Швырков в заключение подчеркнул, что полностью разделяет позицию В.П. Макаренко по вопросу невозможности разделения политики и управления. Разделение на «политика» и «управленца» носит искусственный и надуманный характер. Одно из главных достоинств В.П. Макаренко – стремление «выпытать» иррациональную сторону функционирования бюрократии, государства вообще. Рациональный «крен» в политологии до сих пор слишком силен и серьезные работы, в которых подчеркивается и анализируется иррациональная природа политики, редки.

В докладе научного редактора журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» Т.А. Халилова (Краснодар) **«Политико-экономические источники власти в современной России: размышления над эффектом "клетки"»** было констатировано, что рассуждения о статических и динамических параметрах властных отношений в современной России вести непросто по нескольким основаниям. Во-первых, само понятие власти многозначно: эта категория политического языка в зависимости от контекста может означать и политический режим в целом, и политико-управленческий класс, и сектор человеческой деятельности, и т.д. Во-вторых, в силу внешних обстоятельств очевидно, что в ближайшем будущем произойдут (или уже происходят) внутренние трансформационные процессы в российской системе властных

отношений. В-третьих, выявление *выключенных настроек* властного пространства России требует от исследователей методологической апелляции к его источникам.

Учитывая наличие политического и экономического источников власти, с одной стороны, и существование разновидностей взаимодействия политического и экономического, с другой стороны, можно сконструировать типологизацию форм взаимодействия источников политического и экономического. Однако данные формы взаимодействия политической и экономической власти не существуют самостоятельно, автономно и закапсулировано. Они взаимодействуют друг с другом, создавая тем самым институциональные режимы более сложного уровня взаимодействия политической и экономической власти. Именно данные институциональные порядки описывают многосложность взаимодействия политической и экономической власти.

В современной России одновременно сосуществует несколько институциональных режимов взаимодействия политической и экономической власти, что как раз и обеспечивает возможность возникновения «эффекта клетки», то есть способности государства *«захватывать»* социального актора, диктовать ему стиль, форму и механизмы взаимодействия, определять ресурсность повестки изменения. В условиях структурной турбулентности российский крупный бизнес будет вести себя неоднородно. Политически активные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут стремиться вырваться из *«клетки»*, расшатать ее изнутри. Политически активные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, продолжат свое активное участие и ресурсную поддержку крупных государственных проектов. Политически пассивные бизнес-структуры, поддерживающие демократизацию современной России, будут практически не заметны в публичном пространстве. И, наконец, политически пассивные бизнес-структуры, не поддерживающие демократизацию современной России, будут продолжать практиковать коррупционный институциональный режим взаимодействия политического и экономического своими собственными действиями. Государство, чтобы как минимум сохранить status quo (модель им же сконструированной «клетки»), будет стремиться использовать в своей активности множественность технологий или даже наращивать репрессивность.

Доклад М.А. Петрова (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) был посвящен **оценкам концепции «власти-собственности» в современной российской историографии.** В настоящее время понятие «власть-собственность» получило широкое распространение в российских общественных науках и публицистике. Чаще всего данный термин связывается с работами синоведа Л.С. Васильева, хотя некоторые авторы склонны приписывать соавторство идеи медиевисту А.Я. Гуревичу. При этом интерпретация концепции напрямую зависит от представлений исследователей о ее авторстве. Те из них, кто в равной степени опирается на работы А.Я. Гуревича и Л.С. Васильева, склонны к широкому толкованию феномена «власти-собственности» как явления, типичного для большинства докапиталистических обществ и выражающегося (в соответствии с представлениями прежде всего А.Я. Гуревича) в неразделимости или, по меньшей мере, слабой дифференцируемости, управленческих и собственнических прав.

В свою очередь авторы, принимающие трактовку феномена и предложенную в связи с ним концепцию Л.С. Васильева, признают приоритет именно этого исследователя. Несмотря на то, что сам ученый никогда не обходился молчанием идеи А.Я. Гуревича и часто привлекал их для подтверждения собственных положений, он так же неизменно подчеркивал самостоятельный характер своей концепции. Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время мы имеем дело с двумя редакциями одного понятия, хотя этот факт и не всегда осознается в научной, и особенно – научно-популярной литературе.

Не вызывает сомнений, что в работах Л.С. Васильева феномен «власти-собственности» получил глубокую концептуальную разработку и даже вырос до теории всемирно-исторического масштаба. С точки зрения ученого, во всех обществах «восточного» пути развития именно власть имела, безусловно, приоритетное значение, только обладание властью, связанное с определенным местом в государственной иерархии, открывало доступ к собственности. Альтернативные пути получения собственности практически исключались, обладание сколь угодно значимым богатством всегда было возможно только с санкции власти.

Настаивая на универсальности феномена «власти-собственности» для всех традиционных восточных обществ, Л.С. Васильев распространил его на средневековую Европу, исключив из него только античные общества докапиталистической эпохи.

На первый взгляд, концепция Л.С. Васильева получила широкое признание, в настоящее время она представлена в работах общеисторического характера, выступает в качестве теоретической основы ряда востоковедных работ, излагается в учебниках. Однако обращает на себя внимание, что для многих авторов теория «власти-собственности» оказалась «удобной» по причинам, прежде всего, идеологического характера, поскольку выступает осовремененной

версией представлений о «восточном деспотизме». Другими авторами она была принята как простая и удобная схема. Однако, уже среди востоковедов, работающих с конкретно-историческим материалом, генерализующий подход Л.С. Васильева вызвал немалые нарекания. При том, что теория «власти-собственности» была принята многими синологами (возможно, из-за большего соответствия именно китайским реалиям), даже среди них высказывались резко отрицательные суждения.

Пожалуй, наименьшую поддержку идеи Л.С. Васильева получили у индологов. Последовательным оппонентом ученого по вопросам теории исторического процесса уже на протяжении многих лет выступает видный специалист по индийской истории Л.Б. Алаев. Среди представителей других отраслей востоковедения представления о «власти-собственности» как ключевом феномене принимаются либо с существенными оговорками, по сути создающими новые, самостоятельные версии концепции, либо получают достаточно скептическую оценку.

Таким образом, в настоящий момент концепцию «власти-собственности» нельзя считать общепризнанным теоретическим фундаментом изучения социально-экономических процессов в обществах не-западного пути развития. Многими исследователями, опирающимися на положения Л.С. Васильева, она в большей степени «принимается на веру» и используется не как поисковый инструмент, а как нормативная установка, под которую выстраиваются произвольно привлекаемые факты. Другие авторы, используя созвучную терминологию, наполняют ее иным содержанием, чаще всего понимая феномен как тесную взаимосвязь двух элементов, свойственную докапиталистическим обществам. В связи с этим М.А. Петров посоветовал В.П. Макаренко внести уточнение в его понимание феномена «власти-собственности».

В заключение В.П. Макаренко поблагодарил участников за интересные суждения и высказался по нескольким крупным проблемам исследования.

На «Открытом Университете» обсудили «особый путь» феминизма в России

ЗАМЖИЦКАЯ Мария,
MR7.ru

На «Открытом Университете» обсудили прошлое, настоящее и будущее феминизма в России. Спикеры – Александр Кондаков, заместитель главного редактора Журнала исследований социальной политики, Екатерина Бороздина, научный сотрудник программы «Гендерные исследования» Европейского университета в Санкт-Петербурге, и Полина Заславская, современная художница, размышляли, почему само слово «феминизм» сегодня часто вызывает неадекватную негативную реакцию и как в стране «особого феминизма» возрождается патриархальная мораль.

Кратко об истории

Первая волна феминизма приходится на XIX – начало XX в. Тогда произошло осознание того, что в обществе существует неравенство – прежде всего, на формальном уровне. Женщины не имеют тех же прав, что и мужчины: права на образование, права собственности, права на участие в политической жизни, права социальной активности. Первая волна феминизма – попытка преодоления этого формального неравенства, существующего на уровне законодательства.

Вторая волна феминизма связана с пониманием того, что неравенство не только формальное. Оно связано с тем, что опыт женщины не признается равным с опытом мужчин. Мы можем заметить, что, например, опыт воспитания детей, домашняя работа оцениваются ниже, чем какие-то мужские опыты – политика, экономика, публичная деятельность. Иными словами, женские опыты не воспринимаются как труд, как работа, они недооцениваются, словно это все происходит само собой. Вторая волна феминизма – борьба за признание значимости женских опытов.

Главной темой третьей волны феминизма становятся стереотипы и табу, связанные с сексом и сексуальностью.

Импорт идей

Феминизм – одна из немногих областей, где у нас действительно есть что-то свое, особое, и если мы говорим о феминизме первых советских лет, первом революционном феминизме, то у нас действительно есть свой «выросший» феминизм, к которому было привлечено внимание представителей западного движения. Но сегодня мы опять заимствуем идеи: современный феминизм – «импортированный», это западное движение, основанное на идеях второй и третьей волн.

90-е годы – тот момент, когда наша страна открывается и проявляет интерес к демократизации, к западным идеям и либерализм перестает быть ругательным словом. Это проявлялось в том числе и в интересе к феминистским идеям и гендерным исследованиям, которые позволяют осмыслить многие процессы, происходящие в обществе (женские движения, неравенства в сфере работы, в распределении домашних обязанностей).

В то же время и Запад интересовался нами: что же происходит в России, которая была закрыта и которая представляет собой очень интересный сплав различных идей? Тогда стали образовываться центры гендерных исследований, а значит – западные гранты и новые карьерные возможности. Феминизм ненадолго стал модным, а для кого-то – способом построения карьеры. Все это не способствовало пониманию самого явления. Сегодня самые разные люди говорят о феминизме, зачастую транслируя при этом какие-то очень патриархальные и традиционалистские идеи.

Искусство как активизм

Женское искусство активно начинает развиваться в 90-е гг. Первая выставка в 1989 г. – «Женщина в искусстве». После 2010 г. искусство становится транслятором феминистических проектов и идей, входит в сферу активизма. Возникают такие проекты, как «Феминистский карандаш» (выставка феминистских графики и стрит-арта). Там был поднят вопрос насилия над женщиной, физического и психологического. Женщинам было предложено в графической форме высказаться на эту тему. Проект был очень сильный, заставляющий думать. Сегодня мы видим множество попыток решать гендерные проблемы с помощью искусства. И, мне кажется, это показатель того, что в России есть феминизм.

Надо обсуждать

Феминизм не только возможен, но он уже есть, и что сейчас необходимо – это открыть пространство для дискуссий внутри феминизма, в рамках феминизма, за пределами феминизма. Главное – все данные дискуссии всячески поддерживать, потому что именно в них рождаются новые идеи. Любые конфронтации, которые происходят в феминизме, хороши для того,

чтобы продуцировать новые идеи и знания. Дискуссия, диалог – вот, что важно. Они способствуют анализу того, что происходит вокруг.

Откат назад

Люди разных полов, независимо от гендера, могут быть феминистами, продвигать феминистские идеи и бороться с гнетом патриархата, равно как женщины могут не быть феминистками. Например, есть Елена Мизулина, казалось бы, женщина, но те законы, которые она предлагает и поддерживает: цензура в интернете для защиты детей, включение православия в конституцию, ограничение права на аборт, налог на развод, запрет суррогатного материнства, изъятие детей из однополых семей – это явная пропаганда патриархата, гнета, запретов, которые делают положение женщин значительно хуже.

Феминизм как свобода быть собой

Феминизм вовсе не предлагает воевать с мужчинами и не пытается захватить мужские привилегии (к сожалению, так часто понимают феминизм). Феминизм – это особая перспектива, точка зрения, которая позволяет говорить о проблемах, которые обычно замалчиваются, и искать решения. Феминизм – признание особенностей, нюансов, различных точек зрения, деконструкция социальных иерархий. Нет мужчин «вообще» и женщин «вообще». Это отказ от нормативных категорий, определяющих, что все мужчины должны быть «такими», а все женщины – «другими». Феминизм – это попытка понять и переосмыслить мужское и женское.

Рубрику ведет **ХАЛИЛОВ Тимур Александрович**,
научный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»,

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, философии, психологии, методики и методологии преподавания гуманитарных и педагогических дисциплин.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf).

Или на надежном оптическом носителе (только CD-R) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу: **350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль».**

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и **тщательно вычитаны.**

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы, рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором работы, статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

Для авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации (или рецензию специалистов в изучаемой области науки). Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре, заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением .jpg или .pdf.

Авторы, имеющие ученую степень, должны приложить 2 рецензии к своей работе авторитетных специалистов в соответствующей отрасли науки, (как правило, имеющих ученую степень кандидата или доктора наук), подписанные и заверенные печатью по месту основной работы рецензентов. Рецензент несет ответственность за предоставляемую на рукопись рецензию.

Рецензия составляется в произвольной форме, обязательным является заключение «данная статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК», а также наличие подписи и печати.

В отдельных случаях, при наличии среди членов редколлегии специалистов нужного профиля, автор может письменно уведомить редакцию журнала о необходимости внешнего рецензирования статьи. Данная услуга дополнительна и является платной.

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Поступившая в редакцию рукопись направляется на рецензирование в редакционный совет. [статья проходит, помимо внешних рецензий, обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов)] и в 2-х недельный срок принимают решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, в об-

суждение достоинств и недостатков статьи редакция с автором не вступает. Мнение и выводы автора могут не совпадать с мнением редакции и членов редколлегии.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью при отсутствии рецензии, не соответствующую профилю журнала или оформленную с нарушением порядка и условий публикации. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Никакие материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

При подаче статьи на наш электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. предоставлять рецензии (скан) на статью (если нет возможности провести рецензирование статьи, редакция имеет возможность Вам в этом помочь) подписанные и заверенные по месту работы рецензента (оригинал направляется на адрес:

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301.;

2. уточнять, в какой рубрике размещать статью;

3. указывать почтовый адрес (с индексом) на который можно будет выслать журнал;

4. предоставлять копию проверки в текстовом или графическом файле *скриншот результата проверки на антиплагиат* (через программы : Антиплагиат, Advego Plagiatus, (с результатом не менее 80 % уникальности);

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Объем полного текста рукописи

Средний объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также таблицы, рисунки, примечания и ссылки, должен быть – **8- 20 страниц**, В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема.

Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.

Формат текста рукописи Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word или в функционально идентичном альтернативном ПО, в формате А 4 с полями 25 мм. Файл должен иметь расширение .doc..rtf или .docx (Microsoft Word).

Выравнивание по левому краю, первая строка – отступ 1 см,

междустрочный интервал – полуторный, шрифт (1,5) Times New Roman, размер 14

Последовательность изложения материала (каждый из пунктов начинается с новой строки):

1). индекс УДК;

- **Название работы** (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы;

- **Авторы статьи.** фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности)- необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки;

2). Русскоязычная аннотация

- **Аннотация** характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну.

- Объем текста аннотация (резюме) должен быть не менее 200-250 слов.

- **Ключевые слова**, (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

«Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляют интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации»

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (учитывать специфику английского языка, не быть калькой русскоязычной аннотации с дословным переводом);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология.»

3). Англоязычная аннотация

• **Article title.** Название на английском языке должно быть по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка,

• **Author names** ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом,

• **Affiliation.** Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://elibrary.ru>

• **Abstract и Key words:** Англоязычная версия аннотации статьи (резюме) должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология.»

4) Информация о спонсорстве. (на русском и английском языке) Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

5) Текст статьи (на русском, английском или обоих языках) Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 290-316, 344] [2, л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212] [7, л. 29-31, 31 об.]

При первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии.

Годы указываются только в цифровой форме: 1920-е гг.; XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только е.

Сокращения: др., пр., т.п., т.д. даются только в конце предложения. Слова так как, в том числе, потому что не сокращаются.

При цифрах используется знак процента или промилле: 30 %; 15‰.

В цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами: млрд; млн; тыс. После слов млрд и млн точка не ставится.

Названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: долл., фр., р., ф. ст., остальные денежные знаки пишутся полностью.

В цитатах используются кавычки-елочки («»). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания: « — || ».

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию;

Автоматические переносы не допускаются.

Автоматические сноски не допускаются.

После текста прописными буквами дается рубрика:

6) БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

(пристатейные списки литературы)

Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Шрифт сносок: Times New Roman размер 12.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25].

Подробное описание оформления **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК** см. на сайтах: <http://www.hist-edu.ru>: <http://www.akademus07.ru>

7) REFERENCES:

(пристатейные списки литературы на английском языке и [транслитерация названия статьи])

Название статьи в ссылках должна быть дублирована на английский язык и транслитерирована (написана латинскими буквами) в квадратных скобках[]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.ru/?account=bgn>.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «—», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются **точкой**.

Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Язык. Необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en] ; (in Russ.). (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Maslieva S. N. Integration and inclusion: paradigmal characteristics. [Integracija i inkluzija: paradigmal'naja harakteristika]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'l* = *Historical and Social Educational Ideas*. 2014. no. 2 (24). Pp. 159-165. (in Russ.).

- Kalahanova (Borlakova) Z. M. The revival of the culture of deported peoples of the North Caucasus in the ethnocultural space Russia. [Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnykh vod]. Stavropol, 2015 , p. 1 (in press).

Примеры описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang, Z., Zhu, D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining (2008) *Russian Journal of Electrochemistry*, 44 (8), pp. 926-930. Cited 2 times. doi: 10.1134/S1023193508080077 (in English)

При наличии DOI, какое бы библиографическое описание было неточным, ссылка на статью будет однозначно правильно установлена.

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011), Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (accessed 5 February 2011).

Подробное описание и примеры оформления в **REFERENCES** см. на сайтах: <http://www.hist-edu.ru>: <http://www.akademus07.ru>

8) Информация об авторе:

Авторы статьи. фамилии и инициалы авторов следует указывать ПОЛНОСТЬЮ, (без сокращений) через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации, (все именно в такой последовательности)- необходимо привести официальное ПОЛНОЕ название учреждения (без сокращений). если авторов несколько, фамилия каждого следующего автора начинается с новой строки.

Information about the author:

Author names. ФИО необходимо писать в соответствии с заграничным паспортом.

Affiliation. Необходимо указывать ОФИЦИАЛЬНОЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЕ НАЗВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ <http://eLibrary.ru>

9) Таблицы и иллюстрации

- Количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 8. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия.
- Заголовки граф должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения
- Заголовки к таблицам и рисункам должны быть **на русском и английском языках**
- Цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются.
- Иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением .TIFF и .JPG с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название.
- **Фотографии, отпечатки экранов мониторов** (скриншоты) и другие нерисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Разрешение изображения должно быть >300 dpi. Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте. В описании файла следует отдельно привести подрисуючную подпись, которая должна соответствовать названию фотографии, помещаемой в текст

Соответствие нормам этики. Для публикации результатов оригинальной работы необходимо указать, подписывали ли участники исследования информированное согласие. В случае проведения исследований с участием животных – соответствовал ли протокол исследования этическим принципам и нормам проведения биомедицинских исследований с участием животных. В обоих случаях необходимо указать, был ли протокол исследования одобрен этическим комитетом (с приведением названия соответствующей организации, её расположения, номера протокола и даты заседания комитета).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:

350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайты журнала: <http://www.hist-edu.ru> <http://www.akademus07.ru>
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.

Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел: /007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

You can subscribe to «*Historical and Social Educational Ideas*»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. «Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: <http://www.rosp.ru>

Уважаемые читатели!

Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2016 гг. номеров журнала на: <http://www.hist-edu.ru>
<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Историческая
и социально-образовательная мысль
2016. Том 8 № 1/2

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.02.2016
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 262 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»